

ISSN 2782-4888

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
№22**

Армавир - Карачаевск
2024

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

**Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева**

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**
Научный журнал

Издается с 2003 года
Выходит один раз в год

№ 22

**Армавир – Карачаевск
2024**

УДК 902/908. 992 (470.7)

ББК 63.5 (2Р37)

ISSN 2782-4888

**Материалы и исследования
по археологии Северного Кавказа**

Научный журнал
Издаётся с 2003 года
Выходит один раз в год

№ 22

Главный редактор:

Нарожный Е. И. – д. и. н., профессор, профессор кафедры всеобщей истории КЧГУ имени У. Д. Алиева (г. Армавир-Карачаевск).

Редколлегия:

Туаллагов А. А. – д. и. н., профессор, зав. отделом археологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева (г. Владикавказ);
Иванов А. А. – к. и. н., главный специалист отдела археологии НАО «Наследие Кубани» (г. Краснодар);
Кочкаров У. Ю. – к. и. н., заведующий научно-отраслевым архивом ИА РАН (г. Москва);
Кубанова М. Н. – к. и. н., доцент кафедры всеобщей истории, проректор по НИР КЧГУ имени У. Д. Алиева (г. Карачаевск);
Лычагин А. В. – к. и. н., главный специалист ООО «НИИ Севкавархеология» (г. Ставрополь);
Савенко С. Н. – к. и. н., заведующий сектором природы и археологии Пятигорского краеведческого музея (г. Пятигорск);
Соколов П. М. – к. и. н., заместитель начальника отдела научно-исследовательских работ ООО «Инженерно-технический центр специальных работ» (г. Санкт-Петербург).

Автор оригинала макета:

Нарожный В. Е. – к. и. н., независимый исследователь (г. Армавир).

Рецензенты:

Илюшин А. М. – д. и. н., проф. (г. Кемерово);
Мамаев Х. М. – к. и. н., проф. (г. Грозный);
Голубев Л. Э. – к. и. н. (г. Краснодар – г. Майкоп).

**Materials and Research on the Archaeology
of the North Caucasus**

Scientific journal
Published since 2003
Issued once a year

№22

Editor-in-chief:

Narozhny E. I. – Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Department of General History of the U. D. Aliyev Karachay-Cherkess State University (Armavir-Karachaevesk).

Editorial board:

Tuallagov A. A. – Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Archaeology of the V. I. Abaev North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies (Vladikavkaz);
Ivanov A. A. – Candidate of Sciences (History), Chief Specialist of the Department of Archaeology of the Scientific-Sectorial Archive «Heritage of Kuban» (Krasnodar);
Kochkarov U. Yu. – Candidate of Sciences (History), Head of the Scientific – Sectorial Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow);
Kubanova M. N. – Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of General History, Vice-Rector for Research of the U. D. Aliyev Karachay-Cherkess State University (Karachayevsk);
Lychagin A. V. – Candidate of Sciences (History), Chief Specialist of LLC «Research Institute —Sevkavarcheologiya» (Stavropol);
Savenko S. N. – Candidate of Sciences (History), Head of the Nature and Archaeology Sector of the Pyatigorsk Museum of Regional Studies (Pyatigorsk);
Sokolov P. M. – Candidate of Sciences (History), Deputy Head of the Department of Scientific Research of LLC — Engineering and Technical Center for Special Works (St. Petersburg).

The author of the original layout:

Narozhny V. E. – Candidate of Sciences (History), Independent Researcher (Armavir).

Reviewers:

Ilyushin A. M. – Doctor of Sciences (History), Professor (Kemerovo);
Mamaev H. M. – Candidate of Sciences (History), Professor (Grozny);
Golubev L. E. – Candidate of Sciences (History) (Krasnodar-Maykop).

Статьи публикуются в авторской редакции

Articles are published in the author's wording

Армавир – Карачаевск
2024

Armavir-Karachaevesk
2024

Научный журнал
Материалы и исследования
по археологии Северного Кавказа

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский
государственный университет имени У.Д. Алиева»
(ОГРН 1020900775026)

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-81764
от 27 августа 2021 г.

Издается с 2003 года. Выходит один раз в год

Адрес редакции:
369202, Карачаево-Черкесская Республика,
г. Карачаевск, ул. Ленина, д. 29
Тел. (887879)2-22-39
E-mail: kchgu-nauka@mail.ru

SCIENTIFIC JOURNAL

Materials and research on
archeology North Caucasus

FOUNDER:
U. D. Aliyev Karachay-Cherkess State University
(OGRN 1020900775026)

Certificate of registration of mass media PI No. FS77-81764 dated August 27, 2021

Published since 2003. Comes out 1 times a year

Editorial office address:
369202, Karachay-Cherkess Republic, Karachayevsk, Lenin str., 29,
Tel. (887879)2-22-39
E-mail: kchgu-nauka@mail.ru

© Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева

**Раздел 1. Древности Северного Кавказа
(от энеолита до раннего железного века)**

**Section 1. Ancient settlements and burial mounds of the North Caucasus
(from the Eneolithic to the Early Iron Ages)**

К ИСТОЛКОВАНИЮ РАСТИТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА¹

© Л. И. Авилова

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу символики растительных мотивов на археологических артефактах эпохи бронзы с территории Ближнего Востока и соседних регионов в конце V – III тыс. до н. э. Рассматриваются предметы, которые служили для обозначения высокого общественного статуса их владельцев, на которых присутствуют изображения розеток/цветов/растений – детали головных уборов, металлические сосуды и украшения, печати. Изображения растений связываются с идеями изобилия и плодородия. Предложена попытка уточнения роли растительных мотивов в процессах социального и культурного развития и взаимодействия обществ Ближнего Востока и соседних регионов в период бронзы. Объекты и их детали, на которых помещались подобные мотивы, служат археологически уловимыми признаками процесса формирования элиты.

Ключевые слова: растительные мотивы, бронзовый век, Ближний Восток, культурные контакты, общественный статус, формирование элиты.

ON THE INTERPRETATION OF PLANT MOTIVES
IN ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF THE BRONZE AGE

© L. I. Avilova

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the symbolism of plant motifs shown on archaeological artifacts dating back to the Bronze Age from the territory of the Near East and neighboring regions (late V – III millennium BC). The objects that served to indicate the high social status of their owners are considered: details of headdresses, metal vessels and jewelry, stamp and cylinder seals on which images of rosettes/plants/flowers are presented. The latter are associated with the ideas of abundance and fertility. An attempt is made to clarify their place in the processes of social and cultural development and interaction of societies in the Near East and neighboring regions in the Bronze Age. Objects adorned with floral motives are considered archaeologically perceptible signs of the elite formation process.

Keywords: plant motifs, Bronze Age, Near East, cultural contacts, social status, formation of elite.

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

Введение

Среди археологических материалов эпохи бронзы есть группы находок, отражающие одновременно уровень социально-экономического развития общества, его культурные связи и идеологию. Среди них – объекты и их детали, которые служили для обозначения общественного статуса их владельцев. Эти материалы проливают свет на идеологию и общественные отношения эпохи перехода от поздней первобытности с эгалитарными сельскими общинами к иерархическим структурам с централизованной властью – ранним государствам. Данная статья продолжает тему исследования головных уборов из археологических комплексов эпохи раннего металла, их места в процессах социального и культурного развития и взаимодействия обществ Ближнего Востока и соседних регионов в конце V–III тыс. до н. э.

Попробуем предложить некоторые соображения по поводу символики таких артефактов. Для этого обратимся к предметам, которые могут служить археологически уловимыми маркерами высокого социального статуса и связанных с ним властных и идеологических полномочий их владельцев. Общеизвестно, что такими маркерами чаще всего были определенные категории изделий – парадное оружие и металлическая посуда, вещи, которые часто рассматриваются как украшения, детали костюма, головные уборы (Tobler, 1950, p. 92, 116; Antonova, 1992; Schmandt-Besserat, 1993; Frangipane et al., 2001; Rothman, 2002; Reeves, 2003; Braun-Holzinger, 2007; Zimmerman, 2009; Di Nocera, 2010; Klaunzer, 2013; Lichter, 2018; Yalçın, Yalçın, 2018; Keskin, 2019; Hansen, 2020; Антонова, 1991; Авилова, 2010; 2020; 2021; 2022; 2023a). Ранее нами были опубликованы работы о морфологии и хронологической эволюции головных уборов, распространенных в эпоху раннего металла на Ближнем Востоке и отчасти на соседних территориях, их территориальной группировке, устойчивым конструктивным традициям, социальной и идеологической функции (Авилова, 2021; 2022; Авилова, Гей, Клещенко, 2022). В ходе этой работы наше внимание привлекли предметы, выполненные в форме растения/цветка/розетки или украшенные подобными мотивами. Настоящая статья посвящена исследованию этой группы находок и их символике².

Древнейшие изображения растительных мотивов находим на расписных высококачественных сосудах неолитической халафской культуры VI тыс. до н. э., распространенной на территории Юго-восточной Турции, Северной Сирии и Северного Ирака. Наиболее представительны памятники Телль Арпачия и Тепе Гавра в Северном Ираке, Телль Брак в Северной Сирии. Сложные центрические композиции в виде многолепестковой розетки или звезды часто встречаются на сосудах из халафских слоев Арпачии (Mallowan, Rose, 1935, pl. XIII, XV, XVII) (рис. 1, 5, 6), несколько реже – в слоях убейдского времени (Mallowan, Rose, 1935, fig. 37, 5). Роспись в виде многолепестковых розеток распространена и в халафских слоях Тепе Гавры (Tobler, 1950, p. 127–128, pl. CXI, 14–16) (рис. 1, 7, 9, 10).

Последний памятник особенно важен для нашей темы, т. к. из него происходят древнейшие на Ближнем Востоке находки металлических деталей головных уборов – серия золотых украшений, выполненных в форме розетки. Остановлюсь на нем подробнее. На территории поселения в слоях с XIA/B по VIII (3800–3600 cal. BC) существовал могильник (Speiser, 1935; Tobler, 1950). Он относится к эпохе позднего Убейда и частично синхронен раннему Уруку Южной Месопотамии (см.: Porada et al., 1992/I, p. 92–96; 1992/II, p. 96, fig. 3; Rothman, 2002, p. 56; 2004). Некоторые захоронения отличаются богатством и социальной значимостью инвентаря: тысячи каменных бусин, золотые украшения, каменные сосуды и др. (Forest, 1983; Brereton, 2011). Они выделяются и типом могильных сооружений в виде сырцовых камер с каменными и деревянными перекрытиями.

² Обзору растительных мотивов и их символике посвящена монография Х. Дж. Кантор (Kantor, 1999). Книга представляет собой издание диссертации на степень доктора философии, защищенной в 1945 г. в университете Чикаго. В ее основе – материалы Древнего Египта, материалы Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья относятся ко II тыс. до н. э.

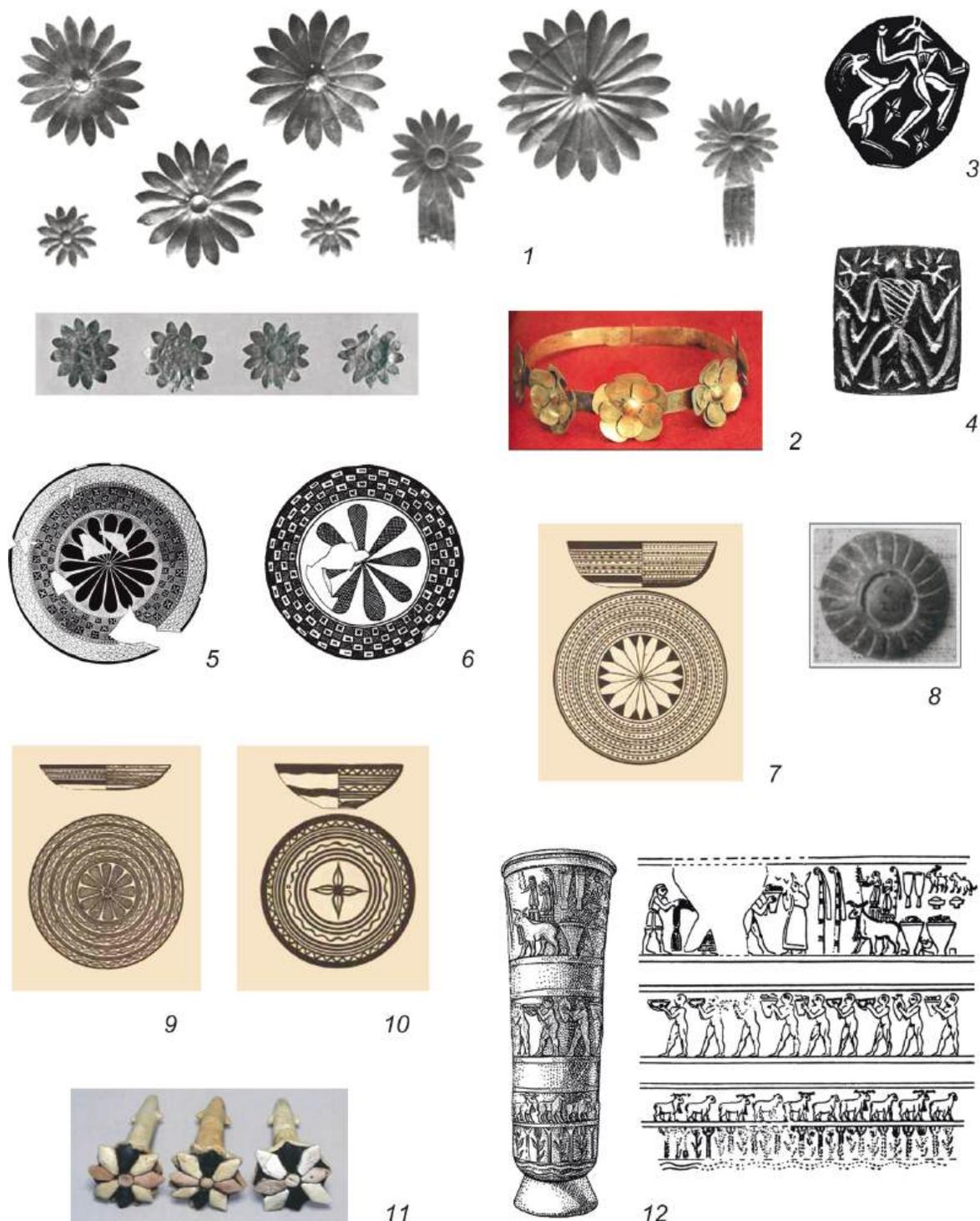

Рис. 1. Месопотамия. Растительные мотивы эпохи позднего Убейда –Урука.
 1 – Тепе Гавра, розетки из некрополя, золото (по: Tobler, 1950); 2 – Майкопский курган, диадема, золото, реконструкция (по: Кореневский, 2004); 3 – Тепе Гавра, печать, слой XIII (по: Tobler, 1950); 4 – Тепе Гиян, печать (по: Amiet, 1980); 5, 6 – сосуды из Телль Арпачии (по: Mallowan, Rose, 1935); 7, 9, 10 – сосуды из Тепе Гавры (по: Tobler, 1950); 8 – Телль Брак, пастовый амулет (по: Mallowan, 1947); 11 – Эль Обейд, декоративные конусы из храма Нинхурсаг (по: Roaf, 1990); 12 – Урук, каменная ваза (Roaf, 1990)

Среди инвентаря выдающихся захоронений имеются изделия из золотой фольги в форме цветов – многолепестковых розеток (погр. 31, 46, 109, 110, 114, 124, 142, 181) (Rothman, 2002, p. 278–281). В ряде случаев розетки были найдены *in situ* на черепах погребенных, что свидетельствует о том, что они являлись деталями головных уборов. Форма розеток устойчива, хотя среди них есть более и менее крупные экземпляры, с большим и меньшим числом «лепестков», с длинными и укороченными «лепестками», иногда с лазуритовыми вставками в центре, а также дополнительными деталями в виде узких лент (возможно, последние изображают листья, тем более, что на некоторых нанесена гравировка, обозначающая прожилки) (Tobler, 1950, p. 90, pl. XXVII, LVIII, CLXXV, fig. 74, 76, CVII, fig. 53–57, CVIII, fig. 58). (рис. 1, 1).

Розетки присутствуют в захоронениях детей (погр. 142, 181) и молодых людей (погр. 46, 110). Можно полагать, что серия богатых погребений детей и молодых индивидуумов с престижным инвентарем документирует явление передачи ценных и символически значимых вещей по наследству внутри неких выдающихся семей и указывает на процесс формирования элиты. Конечно, к этим данным следует относиться с осторожностью, вряд ли они адекватно отражают социальное устройство общины Гавры, т. к. подавляющее большинство погребений в могильнике принадлежат детям, тогда как некрополь, где хоронили взрослых, видимо, находился вне поселения, как полагает автор раскопок (Tobler, 1950, p. 121).

Представляется, что золотые розетки из Тепе Гавры восходят к широко распространенному в эпоху Халафа мотиву многолепесткового цветка в росписи на керамике. Затем, в позднеубейдское время этот популярный и символически значимый мотив начинают воспроизводить в другом материале – драгоценном металле. Золотые розетки помещаются на символически важном предмете, каковым является головной убор.

Изображения цветка/розетки/звезды встречаются не только на ювелирных украшениях позднеубейдской эпохи. Они помещались на каменных печатях-штампах, которые являлись атрибутами властных полномочий (Amiet, 1961, p. 16, fig. 25, 32, 40). Так, на печати из XIII слоя Тепе Гавры изображен антропоморфный персонаж – исполнитель обряда – в позе танца и две четырехлепестковые розетки (звезды?) (рис. 1, 3). Две розетки/звезды сопровождают и зооантропоморфного персонажа со змеей (Авилова, 2023б) на печати из Тепе Гяна, причем одна розетка шестилучевая, вторая – семилучевая (рис. 1, 4), заостренной формой лучей-лепестков они скорее напоминают звезды.

Растительные мотивы используются и в последующую урукскую эпоху. Золотые розетки этого времени известны на Северном Кавказе: в Большом Майкопском кургане (втор. четверть – середина IV тыс. до н. э.) при центральном погребенном найдены две золотые ленты (диадемы?) и отдельно от них – 10 золотых розеток (рис. 1, 2). В отличие от многолепестковых розеток Тепе Гавры майкопские экземпляры – пятилепестковые, двойные, лепестки у них широкие, закругленные на концах (Мунчаев, 1975, с. 213; Корневский, 2017, с. 114, рис. 107: 1–3). Они весьма близки деталям головных уборов из могильника Гавры не только по форме, но и функционально: те и другие представляют собой символически значимые украшения, изготовленные из драгоценного металла и помещенные в погребальный контекст в составе инвентаря элитарного захоронения. Отмечу также, что желобчатый орнамент в виде двух пятилепестковых розеток нанесен на крупной золотой бусине из центрального погребения Майкопского кургана, причем центр розетки совпадает с входным отверстием канала, а ее «лепестки» имеют округлую форму, такую же, как у розеток из золотой фольги (Мунчаев, 1975, с. 213, рис. 33, 2). Представляется, что пятилепестковая розетка была особо значимым образом в системе верований майкопских племен IV тыс. до н. э.

Растительные мотивы в виде цветов и листьев присутствуют на разных категориях артефактов позднеурукской эпохи. Это фриз из цветущих растений на берегу реки в нижнем регистре каменной вазы из Урука, на которой изображена сцена у храма и ритуальные процессии людей и животных (рис. 1, 12). Композиция имеет ярко выраженный религиозный характер. В позднеурукской храмовой архитектуре применялись декоративные конусы из глины и камня, верхняя часть которых имела форму восьмилепестковой розетки (Храм глаза в Телль Браке – Mallowan, 1947, pl. V, 1–3). Они использовались и позднее, в Раннединастическом (далее – РД) III периоде

(храм Нинхурсаг в Эль Обейде – рис. 1, 11). В Телль Браке в период позднего Урука – Джемдет Насра встречаются также пастовые розетки-амулеты (Mallowan, 1947, pl. XVII, 27) (рис. 1, 8).

Для того, чтобы приблизиться к пониманию этого символически насыщенного и долго живущего мотива искусства Двуречья, важны материалы глиптики. На цилиндрических печатях позднеурукского времени встречается персонаж, известный в литературе как «царь-жрец». Наиболее содержательны композиции, где он держит в руке растение, выступая в роли «кормильца стада» (Антонова, 1991). В городах-государствах Шумера царь исполнял не только властные, но и жреческие функции, участвовал в религиозных обрядах. Е. В. Антонова подчеркивает, что лидер урукского города-государства был не столько военным вождем, сколько организатором производства сельскохозяйственных продуктов, контролировал их сбор для поддержания культа и строительства храмов, отвечал за функционирование ирригационных систем, накопление ресурсов для обмена, обеспечивая таким образом существование и процветание общины (Антонова, 1998а, с. 142 сл.). Изображения персонажа с колосом или цветущим растением в руках точно передают характер общественной жизни шумерского города (рис. 2, 1, 2). В них подчеркивается идея значимости элиты и ее ритуальной деятельности для стабильности и благополучия городской общины (Antonova, 1992). Обладание престижными, символически значимыми вещами, внешний вид, одежда, головной убор с определенными типами украшений должны были демонстрировать и закреплять в сознании горожан высокое общественное положение и духовное лидерство шумерской элиты (Антонова, 1998б; Авилова, 2022).

В первой половине III тыс. до н. э. на Ближнем Востоке распространяются престижные металлические головные уборы с изображениями розеток/цветов. Захоронение в Абу Салабих в Южной Месопотамии связано с храмовым комплексом периода РД II (2800–2600 до н. э. – Rogada et al., 1992). У погребенной здесь женщины на черепе находилась серебряная диадема, а по обеим сторонам от нее – две серебряные розетки (Martin, Moon, Postgate, 1985, p. 12, fig. 9b: 30, 31). Еще одно погребение того же времени найдено на среднем Евфрате, в Мари, во дворе храма Иштар. Здесь на золотой диадеме-ленте изображены розетки в форме звезды, имеется также несколько округлых бляшек с изображением многолепестковых розеток (Jean-Marie, 1999, pl. 45) (рис. 2, 3). Контекст погребения в Мари наводит на мысль, что оба захоронения принадлежали служительницам культа женского божества Инанны/Иштар, чьим атрибутом служил восьмилепестковый цветок-розетка, часто имевший форму звезды (Black, Green, 1992, p. 156–157, 170). Изображения звезды (обычно восьмилучевой) часто использовались в искусстве Двуречья – на печатях и рельефах – в качестве детерминатива божества. Так, на стеле Нарамсина (XXIII в. до н. э.) боги-покровители царя Шамаш и Иштар представлены в виде двух восьмилучевых звезд (Benzel et al., 2010, p. 36, fig. 17) (рис. 3, 7). На одновременном рельефе царя лулубеев Анубанини изображена богиня Иштар в рогатой короне и ее символ – четырехлепестковая звезда/розетка, вписанная в круг (Postgate, Roaf, 1997, fig. 7).

Известно аккадское слово *ajaru* – розетка. Оно применяется при описании золотых украшений на статуях божества; упоминаются золотые розетки для ношения на лбу, головном уборе, розетки-нашивки на одеяния божеств. Термин используется и при описании каменных украшений зданий. Он может означать цветок растения и название второго месяца года, когда отмечался один из сезонных праздников (The Assyrian dictionary, 1964, p. 229–230). Приводимые сведения хорошо согласуются с описанным выше археологическим контекстом розеток из женских погребений в Абу Салабих и Мари, а также находением золотых розеток в захоронениях детей и молодых индивидуумов в некрополе Тепе Гавры.

Середина – вторая половина III тыс. до н. э. (РД III, 2600–2350 до н. э.) в Месопотамии отмечена расцветом городов и ранних государств. Это период усложнения структуры и яркого проявления дифференциации в месопотамском обществе. В городах сосредотачиваются власть и богатство, строятся храмы и дворцы, все это невозможно без существования общественного слоя, в руках которого сконцентрированы административные функции и перераспределение общественного богатства – т. е. элиты с наследственно закрепленным статусом (Bertemes, 2016). В это же время фиксируется максимальное применение драгоценных металлов, широко распространяются украшения и предметы с выраженной символической функцией (Авилова, 2008, с. 85–86). Для Месопотамии

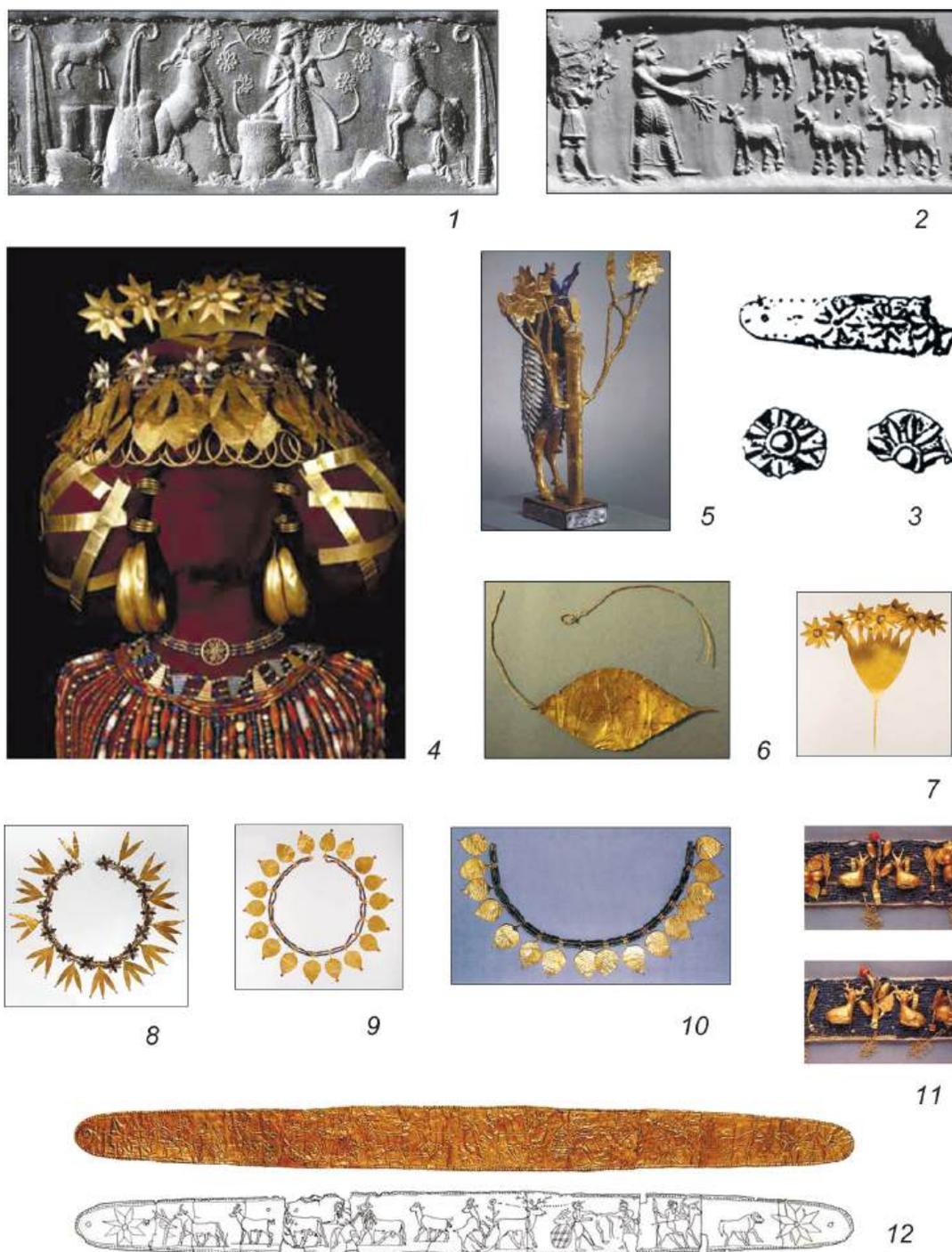

Рис. 2. Месопотамия. Растительные мотивы конца IV и III тыс. до н.э.

1, 2 – царь-жрец – кормилец стад на позднеурукских цилиндрических печатях (по: Amiet, 1961); 3 – Мари, диадема и бляхи из погребения (по: Jean-Marie, 1999); 4 – Царский некрополь Ура, головной убор царицы Пуаби, реконструкция (по: Benzel, 2016); 5 – Царский некрополь Ура, статуэтка козла из погр. 1237 (по: Roaf, 1990); 6 – Царский некрополь Ура, налобная бляха из погребения РД III, золото (по: Armbruster, 2016); 7–9 – Царский некрополь Ура, детали головного убора царицы Пуаби (по: Benzel, 2016); 10 – Царский некрополь Ура, ожерелье из погр. 1237 (по: Pittman, 1998); 11 – Царский некрополь Ура, детали диадемы царицы Пуаби, реконструкция (по: Jerald Jack Starr, <https://sumerianshakespeare.com/1340001.html>); 12 – Царский некрополь Ура, диадема из погр. 1053, золото (по: Pittman, 1998)

Рис. 3. Растительные мотивы III и II тыс. до н.э.

1–3 – Царский некрополь Ура, парадные сосуды, золото, серебро (по: Jerald Jack Starr, <https://sumerianshakespeare.com/1340001.html>); 4 – Царский некрополь Ура, инкрустированная доска для игры (по: Jerald Jack Starr, <https://sumerianshakespeare.com/1340001.html>); 5, 5a – могильник Останний, кург. 1, погр. 140 (по: Авилова, Гей, Клещенко, 2022); 6 – могильник Ериковский I, кург. 4, погр. 4, застёжки головного убора, дерево, серебряная фольга (по: Ильюков, Яценко, 2013); 7 – стела Нарамсина (по: Benzel et al., 2010); 8 – микенские ювелирные изделия, золото (Электронный ресурс: <https://ornament-i-stil.livejournal.com/552645.html>)

наиболее выразительны в этом плане материалы Царского некрополя в Уре, для Анатолии – царских могильников Аладжахюк и Хорозтепе, кладов Трои II–III (Авилова, 2022).

Богатый набор изображений в виде цветов и листьев представлен на головных уборах из Царского некрополя Ура времени РД III. Здесь найдено 60 диадем разных форм, как простых лент, так и сложных конструкций (Woolley, 1934, p. 241–246, pl. 128, 135, 144), часто встречаются золотые и серебряные налобные бляхи (Woolley, 1934, pl. 219). На некоторых нанесены гравированные изображения восьмилепестковой розетки/звезды, в частности, на бляхах из могил PG 777 и PG 1054 (Wygnańska, 2014, p. 107, fig. 10) (рис. 2, б). В конце III тыс. до н. э., в период правления 3-й династии Ура, подобные головные украшения использовались значительно реже (Woolley, Malloyan, 1976, p. 204, 206, 211).

Наиболее выразительный материал по данной теме происходит из хорошо сохранившейся гробницы царицы-жрицы Пуаби (PG 800) (Pittman, 1998, p. 88 ff.). На ее головном уборе на основе из золотых лент закреплено несколько ярусов кольцевидных подвесок, а также подвесок в форме листьев ивы и тополя (рис. 2, 4), т. е. деревьев, которые росли в Южной Месопотамии (Tengberg, Potts, Francfort, 2008; Wygnańska, 2014, p. 110). Над ними помещен венок из восьмилепестковых золотых цветов-розеток, инкрустированных лазуритом и перламутром, и сердоликовых бусин. Последние подвешены наподобие плодов. Увенчана эта сложнейшая композиция заколкой с широким щитком и семью восьмилепестковыми розетками (рис. 2, 7–9). Головные уборы такого же типа, хотя и несколько более скромные, с тремя цветами на центральной заколке, были обнаружены и на костях сопровождающих царицу «дам» в других погребениях, например, в царском захоронении PG 1237. Последний изготовлен из серебра.

Тема изобилия и плодородия является ведущей в иконографии деталей церемониального костюма. В погребении Пуаби был найден интереснейший комплект таких вещей. В него вошло более 1000 мелких лазуритовых бусин и набор золотых подвесок в виде фигурок быков, оленей, овец и антилоп, между ними были размещены золотые растения с плодами из сердолика и золота. Все изображенные животные – стадные травоядные и показаны парами, что подразумевает их плодовитость. Парными являются и подвески, выполненные в форме растений, – гранаты, яблоки, финики, пшеничные колосья (Pittman, 1998, p. 92–94; Tengberg, Potts, Francfort, 2008) (рис. 2, 11). Изображения растений с плодами-бусинами из сердолика точно соответствуют отрывку из Эпоса о Гильгамеше, когда в поисках бессмертия герой попадает в мифическую страну и видит чудесную рощу. «Поспешил он, рощу из камней увидев:/Сердолик плоды приносит,/Гроздьями увешан, на вид приятен/Лазурит растет листвою –/Плодоносит тоже, на вид забавен» (Эпос..., 2006, таблица IX, V, 47–51).

Описанный набор украшений из гробницы Пуаби очень близок развернутой гравированной композиции на золотой диадеме-ленте из могилы PG 153 (рис. 2, 12). На ней представлены сцены ритуального характера с участием людей и животных (быков, баранов, козлов, антилоп). Животные движутся двумя процессиями в противоположные стороны по направлению к крупным восьмилепестковым звездообразным розеткам, помещенным на концах ленты, некоторые из них щиплют побеги растений (Woolley, 1934, p. 299). Особенно показательно соединение в одном образе черт животного и растения: так, рога оленя (в центре композиции) представляют собой ветви с листьями. Диадема выделяется мастерством исполнения, она высоко ценилась и ремонтировалась в древности.

Сочетание образов животного и цветущего растения находим и в знаменитой статуэтке козла, щиплющего побеги куста, из погр. PG 1237 (рис. 2, 5). Козел изображен реалистично, тогда как куст, на котором помещены листья и крупные золотые розетки, невозможно отождествить с реальным растением; его роль чисто символическая. Тем большего внимания заслуживает трактовка этой скульптуры Г. Фрэнкфортом, который пишет, что сочетание травоядного животного и растения является распространенным символом божеств плодородия (Frankfort, 1996, p. 63). К подобному заключению приходит и Д. Хансен, указывая, что козел изображен в позе копуляции (Hansen, 1998, p. 62).

Из царских захоронений Ура происходит также серия сосудов из драгоценных металлов. У некоторых из них на донцах помещен гравированный орнамент в виде восьмилепесткового

цветка-розетки (Авилова, 2023а) (рис. 3, 1–3). Тот же мотив украшает доски для игры, обнаруженные в пяти погребениях Царского некрополя. Розетки на них выполнены в технике инкрустации лазуритом и перламутром (рис. 3, 4).

Традиция изображения цветов живет и позже, она широко распространена в ювелирном искусстве Средиземноморья, о чем свидетельствуют находки из микенских царских гробниц второй половины II тыс. до н. э. (рис. 3, 8).

Приведенные данные наглядно иллюстрируют существование детально разработанного культа плодородия, в котором значительную роль играли образы цветения и плодоношения, и отражает традиционный наряд его высокопоставленных служителей, как женских, так и мужских представителей шумерской элиты. Как видно из контекста находок, тема обновления жизни природы, изобилия плодов, растений и размножения животных была тесно связана с погребальным обрядом, практиковавшимся в отношении элитарных групп общества, верованиями в посмертное существование погребенных в подземном мире (Авилова, 2022, с. 292–293; 2023а, с. 36–41). Использование золота как не тускнеющего, не подверженного коррозии металла, наиболее полно соответствует задаче изготовления изделий, выражающих идеи возрождения жизни.

В середине – второй половине III тыс. до н. э. растительные мотивы в искусстве Двуречья встречаются значительно чаще, чем в предшествующую эпоху позднего Урука, их формы становятся более стандартизованными (восьмилепестковая розетка/звезда), они помещаются на различных категориях изделий, при этом все вещи с изображением розетки относятся к престижным, социально значимым. Рост числа находок указывает на более широкое использование и доступность драгоценных металлов. Ряд древних традиций эпохи позднего Урука продолжает жить в социальном контексте погребальных церемоний, реконструируемых на основе материалов царских захоронений в Уре (Baadsgaard, Zettler, 2014). Сложность погребального одеяния и украшений, служивших знаками принадлежности погребенного к царской семье, богатство инвентаря гробниц, наличие сопровождающей свиты и служителей также было частью демонстрации богатства правящих элит.

Использование растительных мотивов в декоре символически значимых предметов не ограничено территорией Ближнего Востока. Они изредка встречаются в материалах степных курганных культур Причерноморья и Предкавказья, где на раннем и среднем этапах бронзового века складывались и развивались подвижные скотоводческие сообщества. В среде степных скотоводов головные уборы и украшения имели гораздо более скромный вид, а для их изготовления применялся не только металл, но и органические и минеральные материалы, в том числе красители.

В культурах финала раннего и всего среднего периодов бронзового века (3000–2300 до н. э.) головные украшения или особые приемы оформления зоны черепа погребенных встречаются регулярно, хотя нелегко определить, имеем ли мы дело с украшениями (например, височными подвесками, крепившимися к прическе), или деталями головных уборов. На существование последних указывают находки необычных вариантов окраски черепов в подкурганных захоронениях (Авилова, Гей, Клещенко, 2022).

В Восточном Приазовье и бассейне средней и нижней Кубани в памятниках новотиторовской культуры ранней – начала средней бронзы известны находки черепов со следами краски. Особый интерес представляет погр. 140 кургана 1 могильника Останний. Основное захоронение с двумя повозками содержало костяк взрослого мужчины и сопровождалось тремя совершенными одновременно или близкими по времени детскими погребениями. В одном из них – погребении ребенка 5–6 лет присутствовали металлические находки: серебряное височное кольцо и бронзовые бусы. Вокруг черепа зафиксирована полоса яркой охры шириной 12–13 мм в виде линии/стебля с отходящими от него в обе стороны под углом округлыми листьями (Гей, 2000, с. 73–74, рис. 24) (рис. 3, 5, 5а).

По-видимому, подобный головной убор находился в погр. 4 кургана 4 катакомбной культуры могильника Ериковский I на Нижнем Дону. Захоронение отличалось богатым набором украшений костюма и разнообразным сопровождающим инвентарем. У висков погребенного молодого человека (18–20 лет, пол не определен) находились две миниатюрные деревянные

пуговицы-застежки грибовидной формы, обтянутые серебряной фольгой. Тисненая орнаментация на шляпке имела вид четырехлепестковой розетки с колечком в центре (рис. 3, б). Авторы публикации считают, что застежки соединяли концы налобной ленты (Ильюков, Яценко, 2013, с. 257). Они упоминают еще несколько похожих находок из раннекатакомбных захоронений Предкавказья и Подонья, в частности в могильнике Красная Заря, кург. 4, погр. 3 сохранилась серебряная фольга с орнаментом, в древности покрывавшая близкие по форме предметы. На выпуклой поверхности этих двух «блях» был нанесен тисненый орнамент в форме квадратной розетки с колечком в центре (Ильюков, Яценко, 2013, с. 257).

Как видим, элитарный характер степных погребений выражен далеко не так ярко, как в культурах Месопотамии и Северного Кавказа. Среди новотиторских комплексов представлены преимущественно либо неординарные захоронения с повозками, либо захоронения (женские и детские в том числе) в тех же курганах или могильниках, которые могут рассматриваться в качестве сопровождающих для погребений с повозками. В катакомбных материалах эта связь выражена слабее, но по крайней мере часть погребенных с головными уборами выделяется из общей массы разнообразием (богатством?) оформления костюма в целом, и обилием прочего инвентаря.

Заключение

Существуют археологические материалы, документирующие активные отношения племен Северного Причерноморья с Передней Азией. Связи степей Восточной Европы с Древним Востоком подтверждаются, в частности свидетельствами использования ближневосточных и даже более отдаленных египетских весовых систем на территориях, не входивших в зону прямого воздействия ближневосточных и средиземноморских цивилизаций. Упомяну находки из курганных погребений культур III тыс. до н. э. – новотиторской и ингульской катакомбной. Негативы на литейных формах и модели для отливки гирек из погребений литейщиков в Малой Терновке на р. Молочной в Приазовье (Кубышев, Черняков, 1985), в Калиновском могильнике в Поволжье (Шилов, 1966), в могильнике Лебеди I в Прикубанье (Авилова, Гей, 2016) документируют использование мастерами-литейщиками Северного Причерноморья ближневосточных весовых систем.

Многочисленные находки фаянсовых бусин ближневосточного происхождения в катакомбных погребениях свидетельствуют об их широком распространении в археологических памятниках Кавказа и всей степной зоны Восточной Европы в эпоху средней бронзы (Кубышев, Черняков, 1985, с. 51, рис. 9). Распространялись не только сами предметы, но и технологии металлообработки (Рындина, Конькова, 1982).

Подведем краткий итог проведенному исследованию. В обширном регионе от Ближнего Востока и Северного Кавказа до степной полосы Северного Причерноморья на археологических материалах конца V–III тыс. до н. э. прослеживаются процессы, связанные с формированием элиты. Их материальными признаками служат ценные и символически значимые предметы, а также определенные изобразительные мотивы.

Категории вещей, которые служили для обозначения высокого общественного статуса их владельцев, указывают, что развитие общества позднего энеолита – бронзового века шло в направлении усложнения структуры, когда половозрастная структура общества уступала место иерархической, о чем свидетельствуют находки ценных изделий, украшенных растительными мотивами, как во взрослых, так и в детских захоронениях.

Растительные мотивы на налобных повязках в погребениях степных курганных культур, несмотря на пока небольшое число зафиксированных случаев, представляют очевидную параллель парадным металлическим головным уборам более развитых обществ Переднего Востока. Внешний вид, костюм, головной убор лидеров должны были демонстрировать и закреплять в сознании общества IV–III тыс. до н. э. высокое положение тех, кто по своему статусу имел право и возможность ими пользоваться. Престижные вещи и устойчивые мотивы их декора отражают общие черты идеологии и сходные социальные процессы, происходив-

шие на широкой территории в обществах разного типа, находящихся на разных стадиях развития – от цивилизаций Ближнего Востока до подвижных скотоводческих племен Северного Причерноморья и Предкавказья. Разница в уровне социального и экономического развития вызывала такое явление, как подражания и имитации драгоценных роскошных предметов в доступных материалах.

Литература

- Авилова Л. И., 2008.** Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. – М.: Памятники исторической мысли. – 227 с.
- Авилова Л. И., 2010.** К изучению социокультурного развития земледельческих обществ Древнего Востока // Вестник Дагестанского научного центра – № 37. – С. 35–49.
- Авилова Л. И., 2020.** К изучению металлических сосудов Анатолии (III тыс. до н. э.): морфология и контекст находок // КСИА. – Вып. 260. – С. 21–42.
- Авилова Л. И., 2021.** Головные уборы как признаки высокого социального статуса (по материалам Ближнего Востока эпохи раннего металла) // КСИА – Вып. 264. – С. 201–213.
- Авилова Л. И., 2022.** ...Возложил на голову его венец из чистого золота // Stratum Plus – № 2. – С. 279–302
- Авилова Л. И., 2023а.** Металлические сосуды Месопотамского региона IV–III тыс. до н. э. (динамика производства и культурный контекст // КСИА. – Вып. 273. – С. 27–46.
- Авилова Л. И., 2023б.** Изображения существ смешанной природы на Ближнем Востоке в энеолите – бронзовом веке // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона. Сборник к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта / Отв. ред. Л. И. Авилова, Ю. В. Лунькова. – М.: ИА РАН. – С. 91–104.
- Авилова Л. И., Гей А. Н., 2016.** Об использовании весовых систем в эпоху бронзы // КСИА. – Вып. 245. – Ч. 1. – С. 83–94.
- Авилова Л. И., Гей А. Н., Клещенко А. А., 2022.** Головные уборы, венчики и диадемы: континуитет традиций в эпоху энеолита и бронзы // Археология Евразийских степей – № 2. – С. 64–76.
- Антонова Е. В., 1991.** Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // ВДИ – № 2. – С. 3–17.
- Антонова Е. В., 1998а.** Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Восточная литература. – 223 с.
- Антонова Е. В., 1998б.** Признаки высокого социального статуса в Месопотамии V–IV тыс. до н. э. // ВДИ – № 3. – С. 3–15.
- Гей А. Н., 2000.** Новотироровская культура. – М.: Старый сад. – 224 с.
- Ильюков Л. С., Яценко В. В., 2013.** Курганы раннего этапа средней бронзы из Нижнего Подонья // Археологические записки. Ростов-на Дону. – № 8. – С. 248–264.
- Корневский С. Н., 2004.** Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность: проблемы внутренней типологии. – М.: Наука. – 245 с.
- Корневский С. Н., 2017.** Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н. э.). – М.: ИА РАН. – 284 с.
- Кубышев А. И., Черняков И. Т., 1985.** К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) // СА – № 1. – С. 39–54.
- Мунчаев Р. М., 1975.** Кавказ на заре бронзового века. – М.: Наука. – 415 с.
- Рындина Н. В., Конькова Л. В., 1982.** О происхождении больших усатовских кинжалов // СА – № 2. – С. 30–42.
- Шилов В. П., 1966.** Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье // КСИА. – Вып. 106. – С. 88–91.
- Эпос..., 2006** – Эпос о Гильгамеше («О все выдавшем») / Пер. с аккадского И. М. Дьяконова. – СПб: Наука. – 214 с.

- Amiet P., 1961.** La glyptique mésopotamienne archaïque. – Paris: Editions du Centre national de la recherché scientifique Editions. – 210 p.
- Amiet P., 1980.** La glyptique mesopotamienne archaïque. 2nd ed. – Paris: Editions du Centre national de la recherché scientifique. – 522 p.
- Antonova E., 1992.** Images on Seals and the Ideology of the State Formation Process // Mesopotamia – XXVII. – P. 77–87.
- Armbruster B., 2016.** Technological Aspects of Selected Gold Objects from Ur – Preliminary Results and Perspectives // Metalla – 22.1. – P. 113–135.
- Baadsgaard A., Zettler R. L., 2014.** Royal Funerals and Ruling Elites at Early Dynastic Ur // Contextualising Grave Inventories in the Ancient Near East / P. Pfälzner, H. Niehr, E. Pernicka, S. Kange, T. Köster (eds.). – Wiesbaden: Harrasovitz Verlag. – P. 105–121.
- Benzel K., 2016.** Technologies of Jewelry at Ur: The Physics & Metaphysics of Skilled Crafting // Metalla – 22.1. – P. 107–112.
- Benzel K., Graff S. B., Rakic E., Watts E. W., 2010.** Art of the Ancient Near East. – New York: The Metropolitan Museum of Art. – 134 p.
- Bertemes F., 2016.** Thinking globally about early metallurgy – Resources, knowledge, and the acceleration of inequality // Arm und Reich – zur Ressourcenverteilung in prähistorischen Gesellschaften / Hrsg. H. Meller, H. P. Hahn, R. Jung, R. Risch. – Halle (Saale). – P. 181–196.
- Black J., Green A., 1992.** Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia: An Illustrated Dictionary. Bath: The British Museum Press. – 192 p.
- Braun-Holzinger E. A., 2007.** Das Herrscherbild in H. Mesopotamien und Elam. Spätes 4. bis frühes 2. Jt. v. Chr. – Münster: Ugarit-Verlag. – 218 p. (Alter Orient und Altes Testament, 342).
- Brereton G. D., 2011.** The Social Life of Human Remains: Burial rites and the accumulation of capital during the transition from Neolithic to urban societies in the Near East. – Thesis submitted for examination for the degree of Doctor of Philosophy (PhD). Vol. I. – University College. London. – 854 p.
- Di Nocera G. M., 2010.** Metals and metallurgy. Their place in the Arslantepe society between the end of the 4th and beginning of the 3rd millennium BC // Economic Centralisation in Formative States. The Archaeological Reconstruction of the Economic System in 4th Millennium Arslantepe / M. Frangipane (ed.). – Roma: Sapienza universita di Roma. – P. 255–274. (Studi di Preistoria Orientale, 3.)
- Forest J. D., 1983.** Les pratique funeraires en Mesopotamie. Du cinquieme millenaire au debut du troisieme. – Paris: Editions Recherche sur les civilisations. – 245 p.
- Frangipane M., Di Nocera G., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T., 2001.** New symbols of a new power in a “Royal” tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // Paléorient – 27/2. – P. 105–139.
- Frankfort H., 1996.** The art and architecture of the Ancient Orient. Fifth edition. – New Haven: Yale University Press. – 500 p.
- Hansen D. P., 1998.** Art of the Royal Tombs of Ur: A Brief Interpretation // Treasures from the Royal Tombs of Ur / R. L. Zettler, L. Horne (eds.). – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. – P. 43–75.
- Hansen S., 2020.** Varna – Repräsentationen der Macht. In: Repräsentationen der Macht. Beiträge des Festkolloquiums zu Ehren des 65. Geburtstag von Blagoje Govedarica / S. Hansen, Hrsg. – Wiesbaden: Harrasovitz Verlag. – P. 45–72.
- Jean-Mari M., 1999.** Tombes et nécropoles de Mari. Mission archéologique de Mari 5. – Beirut: Institut français d’archéologie du Proche-Orient. – P. 187–191.
- Kantor H. J., 1999.** Plant Ornament: Its Origin and Development in the Ancient Near East. Oriental Institute, Univ. of Chicago Press. – 850 p.
- Keskin L., 2019.** A reassessment of the impact of metal technologies in the development of complex/hierarchical societies in Anatolian Early Bronze Age // Ancient communities and their elites from the Bronze Age to Late Antiquity (Central Europe – Mediterranean – Black Sea). Part II. – Anodos. Studies of the Ancient World. Trnava. – P. 9-20.

- Klaunzer M., 2013.** Early Bronze Age elites and long distance relations // *Metalla* – 22.1. – P. 89–94.
- Lichter C., 2018.** Frühbronzezeitliche Eliten in Anatolien im Licht der Gräber // *Anatolian Metal VIII. Eliten – Handwerk – Prestigegüter* / Ü. Yalçin (ed.). – Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. – P. 77–90. (Der Anschnitt, 39.)
- Mallowan M.E.L., 1947.** Excavations at Brak and Chagar Bazar // *Iraq* – IX. – P. 1–259.
- Mallowan M.E.L., Rose J.C., 1935.** Excavations of Tell Arpachiyah, 1933 // *Iraq* – II. – P. 1–178.
- Martin H.P., Moon J., Postgate J.N., 1985.** Abu Salabikh excavations II. Graves 1 to 99. – London: British School of Archaeology in Iraq. – 224 p.
- Pittman H., 1998.** Jewelry // *Treasures from the Royal Tombs of Ur* / R.L. Zettler, L. Horne (eds.). – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. – P. 87–122.
- Porada E., Hansen D.P., Dunham S., Babcock S.H., 1992.** The chronology of Mesopotamia, ca. 7000–1600 B.C. // *Chronologies in Old World archaeology* / R.W. Ehrich (ed.). 3rd ed. – Chicago; London: Univ. Chicago Press. – Vol. I. – P. 74–124; Vol. II. – P. 90–124.
- Postgate J.N., Roaf M., 1997.** The Shaikhan relief // *Al-Rafidan* – 18. – P. 143–160.
- Reeves L.C., 2003.** Aegean and Anatolian Bronze Age Metal Vessels: a Social Perspective. Vol. I. Text. – A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy, University of London, Institute of Archaeology. – London. – 297 p.
- Roaf M., 1990.** Cultural atlas of Mesopotamia and the Ancient Near East. – Time Life UK. – 238 p.
- Rothman M.S., 2002.** Tepe Gawra: The Evolution of a small, prehistoric center in Northern Iraq. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. – 494 p. (University museum monograph 112).
- Rothman M.S., 2004.** Studying the Development of Complex Society: Mesopotamia in the Late Fifth and Fourth Millennia BC // *Journal of Archaeological Research* – 12 (1). – P. 75–119.
- Schmandt-Besserat D., 1993.** Images of Enship // *Between the rivers and over the mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri dedicate* / M. Frangipane, H. Hauptmann, M. Liverani, P. Matthiae, M. Mellink, (eds.). – Roma: Università di Roma «La Sapienza». – P. 201–219.
- Speiser E.A., 1935.** Excavations at Tepe Gawra. Vol. I. Levels I–VIII. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. – 220 p.
- Tengberg M., Potts T.D., Francfort H.-P., 2008.** The golden leaves of Ur // *Antiquity* – 82. – P. 925–936.
- The Assyrian Dictionary, 1964** – The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago / I.G. Gelb, B. Landsberger, A.L. Oppenheim, E. Reiner (eds.). – Chicago: Oriental Institute; Glückstadt: J.J. Augustin. – 392 p.
- Tobler A.J., 1950.** Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. – 444 p.
- Woolley C.L., 1934.** Ur Excavations. Vol. II: The Royal Cemetery. – London: The British museum. – 604 p.
- Woolley C.L., Mallowan M.E.L., 1976.** Ur Excavations. Vol. VII: The Old Babylonian period / Mitchell T.C. (ed.). – London-Philadelphia. – 168 p.
- Wygnańska Z., 2014.** Tracing the “diadem-wearers”: an inquiry into the meaning of simple-form head adornments from the Chalcolithic and Early Bronze Age in the Near East // *Polish Archaeology in the Mediterranean*. – 23/2, Special Studies: Beyond ornamentation. Jewelry as an Aspect of Material Culture in the Ancient Near East. – P. 85–144.
- Yalçin Ü., Yalçin G.H., 2018.** Könige, Priester oder Handwerker? Neues über die frühbronzezeitlichen Fürstengräber von Alacahöyük // *Anatolian metal VIII* / Ü. Yalçin (ed.). – Bochum: Deutsches Bergbau Museum. – P. 91–122. (Der Anschnitt, 39).
- Zimmerman Th., 2009.** Frühmetallzeitliche Eliten zwischen Ostagais und Taurusgebirge im 3. Jahrtausend v. Chr. – Versuch einer kritischen Bestandsaufnahme // *Aufstieg und Untergang* / M. Egg, D. Quast, Hrsg. Römisch-Germanisches Zentralmuseum. – Mainz. – P. 1–30. (Monographien des Römisch-Germanisches Zentralmuseums, 82).

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ДВУХ ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ ЛУГОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ В ИНГУШЕТИИ

© С. Б. Бурков

Государственное бюджетное учреждение «Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания» г. Владикавказ, Российская Федерация

Аннотация: статья посвящена представлению двух погребений эпохи финальной стадии эпохи ранней бронзы, изученных в культурном слое поселения «Луговое» в Ингушетии в 1952 г. На основе детального анализа и сопоставления материалов научного отчета, публикаций авторов их раскопок, а также обширного круга научной литературы, делается вывод о синкретичном характере этих памятников. Предлагаемое автором обоснование датировки времени их совершения опирается на широкий круг аналогий, соответствующий позднейшим майкопским, куро-аракским, а также памятникам иных культурных групп и традиций поздней стадии раннего бронзового века Северного Кавказа и Закавказья.

Ключевые слова: захоронения, эпоха бронзы, памятники, раскопки, погребальный инвентарь.

ON THE QUESTION OF THE CULTURAL CHRONOLOGICAL POSITION OF TWO BURIALS FROM “LUGOVOYE” SETTLEMENT IN INGUSHETIA

© S. B. Burkov

State Budgetary Institution “Institute of History and Archeology
of the Republic of North Ossetia-Alania” Vladikavkaz, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the presentation of two burials of the final stage of the Early Bronze Age, studied in the cultural layer of the settlement “Lugovoye” in Ingushetia in 1952. Based on a detailed analysis and comparison of the materials from the scientific report, publications of the authors of their excavations, as well as an extensive range of scientific literature, the conclusion is made about the syncretic nature of these monuments. The author’s justification for dating these monuments is based on a wide range of analogies corresponding to the later Maikop, Kuro-Arak, as well as to the monuments of other cultural groups and traditions of the late stage of the Early Bronze Age of the North Caucasus and Transcaucasia.

Keywords: burials, Bronze Age, monuments, excavations, burial inventory.

В 1952 г., в ходе исследования Лугового поселения, расположенного в предгорной зоне Ингушетии, были раскопаны два захоронения, совершенные в его культурном слое (Крупнов, 1952, № 929, с. 16, 17; № 930, лл. 3, 4, 19, 20). Они располагались среди других захоронений, относящихся к эпохе раннего железного века (Мунчаев, 1963). Их предварительная публикация состоялась в 1954 г. (Крупнов, 1954, с. 99, с. 101, рис. 40. 1). Основная информация по данным захоронениям присутствует в монографии Р.М. Мунчаева 1961 г. Они были отнесены к числу «древнейших погребений», известных к тому времени на территории Северо-Восточного Кавказа, имеющих отношение к т. н. «культуре куро-аракского энеолита» (Мунчаев 1961, с. 68, рис. 17, с. 135, 136, рис. 47, табл. XX). В дальнейшем они несколько раз привлекались исследователями. Так, А. Л. Нечитайло привела ссылку на эти материалы как на доказательство присутствия на изучаемой территории энеолитического населения (Нечитайло, 1978, с. 52).

С. А. Асланян указал на их синкретичный характер, сближающими по ряду признаков данные захоронения с погребальными традициями куро-аракской и майкопской культур (Асланян, 2008, с. 268). В последующем данные погребения дважды использовались Б. М. Хашегульговым в его статьях, посвященных появлению в эпоху бронзы на Северном Кавказе обряда вытянутого на спине положения костяков (Хашегульгов, 1986; Хашегульгов, 1988).

Для того чтобы доказательно определить возможную культурную принадлежность, а также установить время совершения этих захоронений, обратимся к статьям, в которых были представлены о них основные сведения, и сравним их с данными, присутствующими в полевом отчете.

Первая публикация руководителя экспедиции Е. И. Крупнова – состоялась в 1954 г. В ней дана только краткая характеристика этих захоронений, имеющих порядковые номера – №№ 27 и 28. Отмечено, что они содержали вытянутые на спине скелеты с ориентировкой на СВ. Костяки лежали на большой глубине, под более мощными (чем захоронения эпохи раннего железного века – С. Б.) кладками из булыжника и сохранили следы красной краски. Судя по остаткам распавшихся медных бляшек и колечек, найденным в ногах, ими украшала обувь умерших. О других находках информации нет. Погребальный обряд и очень архаичный медный плоский нож, найденный у одной из могил, заставляют отнести эти захоронения к началу медно-бронзового века. Места расположения этих погребений относительно других могил, а также находки скопления древней керамики в нижней части раскопа, не указаны, чертежи захоронений не опубликованы.

Вторая, более полная публикация этих захоронений была осуществлена Р. М. Мунчаевым в 1961 г. Нумерация погребений в ней указана иная (погребения №№ 22 и 23). Первое из них (в тексте статьи ему присвоен № 1 – С. Б.) было совершено на глубине 1,45 м от поверхности, перекрыто каменной кладкой в 4 ряда. Верхний ряд кладки начинался с глубины 0,15 м, нижний – находился на глубине 1,45 м, т. е. – мощность каменной кладки составила 1,3 м. Сверху она была засыпана землей. Над кладкой, среди камней, был найден медный наконечник копья-дротика. Под кладкой было выявлено пятно могильной ямы прямоугольной в плане формы, со скругленными углами. Размеры: длина по линии СВВ-ЮЮЗ – 1,85 м, ширина по линии СЗЗ-ЮВВ – 0,7 м. Мужской костяк возраста 27–30 лет лежал вытянуто на спине, ноги и руки – прямо, головой на СВВ. Пяточные кости и особенно – таз погребенного были посыпаны охрой. В ногах – следы совершенно распавшихся медных вещей, по-видимому – украшений (бус?). У бедренной кости правой ноги – кость коровы. Рядом с берцовыми костями правой ноги найден небольшой фрагмент стенки сосуда. В погребении встречены остатки деревянного тлена и угольки. В монографии приведены фото и чертеж погребения. На фото стрелка направления на С, а также номер погребения, не указаны. На чертеже направление на С указано, погребение отмечено под № 1, перечень находок отсутствует. Контур ямы погребения в месте обнаружения кости КРС не совпадает с контуром на фото (практически без изгиба и заметно вогнутое вовнутрь ямы). Погребение № 23 (или № 2 по тексту статьи и таблицы) находилось почти рядом с описанным выше. По описанию (чертежа нет) оно было совершено в грунтовой яме такой же формы, на глубине 0,3 м от поверхности. Могила сверху была перекрыта каменной кладкой в один ряд. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СВ, руки ноги – прямо, вдоль тела. Длина костяка 1,3 м, он принадлежал подростку в возрасте 12–15 лет. Инвентарь состоял из остатков распавшихся медных украшений, вероятно – бус, находившихся в ногах погребенного, и фрагмента стенки сосуда – у правой плечевой кости. На пяточных костях отмечены следы охры. Фото захоронения нет, на чертеже нумерация находок отсутствует.

Таковы опубликованные сведения. Теперь обратимся к полевому отчету. В нем указано, что погребение № 22 (квадраты Е, Ж-У, VI общего плана раскопа) примыкает к погребению № 21 настолько, что каменный завал над ней частично перекрывал и «смешивался с завалом над могилой № 22». Каменная кладка из крупных речных булыжников начинается прямо под растительным слоем. Она фиксировалась до глубины в 1,2 м. Камни лежали «как бы в 4 яруса», в плане образуя овал размерами почти 2,0×1,2 м. При этом сделана сноска на «план № 128», что, вероятно, следует понимать как «рисунок № 128» в альбоме иллюстраций, т. к. ниже

по тексту приведен следующий номер рисунка – № 129, и это – чертеж контура могильного пятна на уровне его выявления. Глубина выявления могильного пятна – 1,4 м, его восточная стенка (так в оригинале, вероятно, часть контура – С. Б.) имела несколько изогнутую посередине форму. Размеры пятна на уровне выявления: длина 1,85, ширина 0,7 м. Отмечено, что его смогли выявить после снятия каменного навала и тщательной зачистки поверхности. Костяк погребенного был найден на глубине 1,45 м от поверхности. Он лежал вытянуто на спине, руки о ноги – прямо, головой на СВВ. Длина костяка 1,5 м, возраст – не более 30 лет. На дне могилы были замечены остатки деревянного тлена (так в оригинале, вероятно – тлен от деревянной конструкции – С. Б.) и угольки, пятки ног и особенно кости таза в охре. В ногах отмечены остатки совершенно распавшихся медных полусферических бляшек. У правого колена найден фрагмент керамики охристого цвета, близкого образцам, встреченным в нижних слоях северного окончания раскопа. Справа от ног находилась крупная кость коровы. Других находок в погребении не было. Медный плоский черенковый наконечник дротика или копья был найден при разборе завала булыжников над этим погребением. Погребение № 23 (квадраты 3-IV и V) залегало на небольшой глубине и оно, очевидно, одновременно предыдущему. Под растительным слоем, на глубине 0,2 м было найдено 7 булыжников. На глубине 0,5 м был зачищен костяк подростка в возрасте 13–14 лет, лежавший вытянуто на спине, головой на СВ. В ногах отмечены нашивные бляшки, на ступнях ног следы охры, в районе черепа – фрагмент керамики. В иллюстративной части отчета, помимо чертежей погребенных, показанных вне контуров ям (для погребения № 23 форма ямы в тексте отчета не показана – С. Б.), присутствует рисунок каменной наброски верхнего уровня для погребения № 21, на общем плане общая наброска показана для погребений № 3 21 и 22, погребение № 23 показано отдельно. Кроме того, присутствует контур пятна погребения № 22, чертеж погребенного из захоронения № 22, фото медного ножа (так в подписи к иллюстрации – С. Б.), чертеж камней над погребением № 23, чертеж костяка из захоронения № 23, фото камней над погребением № 23. В подписи под чертежом погребения № 22 находки в районе стоп ног обозначены как «бусинка бронзовые» (так в оригинале – С. Б.), под чертежом погребения № 23 – «остатки бронзовых бусин». На общем плане раскопа изучаемые нами погребения показаны рядом с захоронениями №№ 19, 20 и 23. Скопление керамики из культурного слоя отмечены в районе погребений №№ 10, 11, 25–28, до погребений №№ 22 и 23 расстояние составляет 28 квадратов. Согласно указанного масштаба (одна сторона квадрата – 2 м) это – 56 м. находка бронзового ножа (наконечника дротика или копья) показана сбоку от общего каменного навала, и обозначена как «кинжал бронзовый» – № 12. Каменная выкладка над погребением № 22 на рисунке в отчете показана редкой, выкладки в 4 ряда нижней части нет, общая выкладка над двумя захоронениями на общем плане раскопа представлена с заметно большим количеством камней, и нумерация погребений на общем плане (№№ 21 и 22) не совпадает с номерами в обеих публикациях.

Таковы сведения, которые содержатся в двух публикациях этих захоронений и отчетных материалах. Как видим, часть данных имеет расхождения. Попробуем сопоставить их. Прежде всего, отметим, что эти, а также другие погребения эпохи раннего железного века располагались на территории поселения финальной эпохи ранней бронзы, в связи с чем мы считаем их совершенными в его культурном слое. Это важно, т. к. позволяет во-многом определиться с этнокультурным контекстом. Этому же мнению придерживался и Р. М. Мунчаев (Мунчаев, 1961, с. 143). Кроме того, следует учитывать и характеристики фрагментов сосудов, которые были даны при публикации материалов анализируемых здесь погребений. Судя по сведениям, приведенным в отчете, образец из погребения № 22 имеет отношение не к куро-аракской, а майкопской керамике. Её использование ограничивается погребениями т. н. «горизонта сосудов на ножках» – культурной группы с пост-майкопскими традициями. В частности, погребение № 2 кургана № 10 (раскопки 1961 г.) содержало сосуд на ножках и второй – майкопского типа (Мунчаев, Сариниди, 1964, с. 92, рис. 26, 5, с. 94, с. 95, рис. 28, 2). Этот факт Б. М. Хашегульговым был оставлен без внимания. При этом он отметил, что фрагменты керамики попали в эти погребения из перекопа культурного слоя, т. к. в других захоронениях эпохи раннего железного века они тоже есть. А на этом строилось доказательство их отношения к куро-арак-

ской культуре, которая к моменту публикации комплексов считалась энеолитической (Хашегульгов, 1986, с. 45; Хашагульгов, 1988, с. 65). Насколько это утверждение соответствует действительности? Приведенные им данные по ряду погребений (№№ 8, 12, 30, 44, 67) действительно содержат подобные фрагменты, как и другие захоронения этого периода: №№ 78, 83, 88, 97 (Мунчаев, 1963, с. 147, 148, 159, 165, 188, 196). Однако, на наш взгляд, исследователь не учел несколько важных моментов. Во-первых, в погребениях с вытянутыми костяками было найдено по 1 фрагменту, тогда как в погребениях раннего железного века – сразу по несколько экземпляров, а в ряде случаев – и с кремневыми сколами, изделиями из него, а также с костными остатками. Во-вторых, в изучаемых случаях они находились непосредственно на дне, а в приведенных в качестве примера захоронениях – только в засыпке (заполнении), но никогда – на дне. В-третьих не в каждом случае такие находки относились к эпохе ранней бронзы, среди них были и части сосудов из тризн, сопровождавших позднейшие погребения. В-четвертых, важно отметить, что в погребениях эпохи раннего железа, расположенных в непосредственной близости к захоронениям №№ 22 и 23 – №№ 19 и 20 таких находок не было сделано ни разу. В-пятых, костяк в погребении № 23 был зачищен на глубине от 0,3 м (Р.М. Мунчаев) до 0,5 м (текст отчета), при этом камни заклада проявились с глубины 0,2 м (Крупнов, 1952, № 930, рис. 9, с. 17, рис. 134). При публикации погребений было отмечено, что они были найдены в 25–30 м к югу от остатков жилого комплекса (Мунчаев, 1961, с. 135). Согласно данным отчета, это было заметно дальше (56 м). Е. И. Крупнов в 1957 г. отметил, что сильно размытый ещё в древности культурный слой стал фиксироваться лишь на отдельных участках речной террасы и с глубины 0,5–0,65 м (Крупнов, 1957, с. 157). Те же данные – у Р.М. Мунчаева: культурный слой эпохи ранней бронзы на Луговом поселении располагался неравномерно. Были встречены участки, которые совершенно или в крайне незначительном количестве содержали следы деятельности людей. Места скопления находок совпадали с участками, где были расположены остатки жилищ (Мунчаев, 1975, с. 344). Таким образом, ни планиграфически, ни по глубине залегания в месте нахождения этих погребений, культурного слоя рядом с ними обнаружено не было. Поэтому присутствие в погребениях с вытянутыми на спине костяками фрагментов керамики непосредственно на дне ям выглядит как специальное обрядовое действие – приношение умершему.

Теперь обратимся к культурно-хронологической характеристике этих захоронений. В монографии 1961 г. Р.М. Мунчаева они были отнесены к числу «древнейших погребений», известных к тому времени на территории Северо-Восточного Кавказа, имеющих отношение к т.н. «культуре куро-аракского энеолита» (Мунчаев, 1961, с. 68, рис. 17, рис. 47, с. 133, 135, 136, табл. XX). Однако уже в монографии 1975 г. эти погребения в числе таковых уже не рассматриваются. Нет их и в перечне памятников другой раннебронзовой культуры Северного Кавказа – майкопской. К эпохе энеолита было отнесено основное погребение в кургане № 6 у с. Бамут и остатки разрушенного в 1954 г. захоронения у г. Грозного (Мунчаев, 1975, с. 147, 148). А.Л. Нечитайло в монографии 1978 г., обратившись к теме вытянутых а спине костяков, отметила, что «на территории Северо-Восточного Кавказа энеолитические погребения в вытянутом положении открыты на Луговом поселении» (Нечитайло, 1978, с. 52). В дальнейшем, исследуя проблему появления вытянутого на спине обряда погребения в эпоху развитой бронзы, Б.М. Хашагульгов учел их в своей сводке как свидетельство миграции племен Пруто-Днестровской, Буго-Днепровской и Доно-Донецкой групп на Северный Кавказ в конце III тыс. до н. э. (по некалиброванным значениям). Относительно наличия в погребениях с Лугового поселения фрагментов керамики эпохи ранней бронзы, он указал на случайный характер их попадания из культурного слоя поселения. По его мнению, именно на этом факте было основано ошибочное утверждение А.Н. Нечитайло о том, что эти захоронения относятся к энеолиту (Хашегульгов, 1986, с. 45, 52, 53). Однако данный вывод был сделан ею со ссылкой на мнение Р.М. Мунчаева, который соотнесение их с энеолитической эпохой обосновывал не только с этими находками. Анализируя наконечник копья-дротика, найденного в каменной кладке над погребением № 22, в перечне аналогий этому «архаичному образцу» исследователь привел подобные же из с. Гуниа Цалкинского района, с поселения Гудабертка-Цихиагора

и подкурганых захоронений в с. Тквиави Горийского района Грузии, а также кургана у г. Степанакерта. Было отмечено, что все эти предметы были обработаны методом холоднойковки, имеют плоский клинок треугольной формы и отличаются лишь размерами. В результате он посчитал захоронения энеолитическими (Мунчаев, 1961, с. 28, 68, 135, 136).

Насколько высказанные мнения соответствуют действительности? Проанализируем имеющиеся в нашем распоряжении факты. Относительно соотнесения данных погребений с энеолитом отметим, что ко времени издания монографии Р. М. Мунчаева 1961 г. в археологии Кавказа существовала традиция материалы куро-аракской культуры связывать с эпохой энеолита. Основанием для этого служили факты малочисленности нахождения в этих памятниках металлических предметов, которые априори считались не бронзовыми, а медными (Куфтин, 1944, с. 40). Однако уже в 1965 г. было сделано важное уточнение: понятие «куро-аракский энеолит» является крайне условным и характеризует не самый начальный этап освоения металла (энеолит), а в значительной степени – уже эпоху ранней бронзы (Марковин, Мунчаев, 1965, с. 41, прим. 8). В монографии Р. М. Мунчаева 1975 г. этот вывод был приведен уже в расширенном виде. Теперь куро-аракские и майкопские материалы из Чечни и Ингушетии относили к финальной стадии ранней бронзы (Мунчаев, 1975, с. 80, 149; Гаджиев, 1991, с. 20–22). По мнению Ш. Ш. Дедабришвили куро-аракская культура на ранней стадии относилась к энеолиту, и лишь на развитой ступени – к эпохе ранней бронзы (Дедабришвили, 1979, с. 59). Относительно поселенческих материалов следует заметить, что они часто демонстрируют преемственность на протяжении довольно длительного времени. Так, например, в ряде случаев, некоторые формы керамики, возникнув в эпоху позднего энеолита, практически без изменений в технологии изготовления, продолжали существовать и в эпоху ранней бронзы, а изделия, выполненные в традициях ранней бронзы – встречается и позднее, что в ряде случаев приводит к ошибкам в определении этапности развития памятников. Л. Г. Кавтарадзе обратил внимание на то, что порой керамика раннего этапа куро-аракса встречается в памятниках позднего энеолита. Исследователь предположил, что это может быть связано с т. н. «повторным возрождением культуры». По его мнению, нет оснований для сомнений в существовании в раннем периоде куро-аракса основной массы материалов, причисляемых к раннему – поздне – энеолитическому этапу этой культуры. Среди находок из Лугового поселения были встречены образцы куро-аракской керамики как раннего, так и позднего периодов развития культуры (Кавтарадзе, 1983, с. 60, 61, 77, 80, 81). В отношении аргумента Б. М. Хашегульгова о случайности попадания в захоронения фрагментов раннебронзовой керамики из культурного слоя поселения наши комментарии были даны выше.

Теперь обратимся к некоторым деталям возведения погребального сооружения. Р. М. Мунчаев, публикуя погребения, обратил внимание на то, что такой прием, как каменный заклад, сближает их с обрядовой практикой, свойственной населению майкопской культуры. Например, по обряду погребения захоронение № 6 кургана № 5 могильника у с. Бамут, расположенного в непосредственной близости, почти аналогично погребениям с Лугового поселения: косяк – вытянуто на спине, несохранившимся черепом – на СВВ. Инвентарь: 4 медные бусины (у берцовых костей и правой ключицы). У стоп – охра. Кроме того, нахождение в каменной кладке над основным майкопским погребением кургана № 9 у с. Бамут предмета вооружения (каменного топорика) было отмечено как второе совпадение. Правда, исследователь все же говорил, что случайность это или нет – точного ответа пока нет. Относительно традиции захоронений на поселениях он указал на такие же случаи для Триполья, Передней и Малой Азии, а на Южном Кавказе – Кюль-тапа, Нацар-гора, с. Гуниа. На Северном Кавказе таких случаев им отмечено не было (Мунчаев, 1961, с. 139, 140, 143, 144).

Относительно каменной кладки над погребениями, Р. М. Мунчаев отметил, что данная погребальная практика свойственна погребениям майкопской культуры, в связи с чем её присутствие в случае с захоронениями на Луговом поселении явно не случайна и может иметь именно эти корни, как и нахождение предмета вооружения среди камней, что было зафиксировано над основным майкопским захоронением в кургане № 9 Бамутского могильника (Мунчаев, 1961, с. 143).

Для погребений куро-аракской культуры захоронения под каменной кладкой нехарактерны. Единственный известный нам случай – погребение № 16 кургана № 5 могильника «Бамутские сады» было совершено в яме с заплечиками, стенки которой были обложены речным булыжником, крупные камни был и в верхней части заполнения погребения. На дне костяк подростка размещался вытянуто на спине, головой на ЮВ. В инвентаре – сосуд с характерными признаками позднего куро-аракса (Бурков, 1991, № 15757, с. 81–84, № 15758, рис. 161, рис. 170, 31–34, рис. 171). Кроме того, в грунтовом Эгикальском могильнике № 2 в горной Ингушетии каменные гробницы с погребенными были перекрыты одной общей мощной, очень плотной насыпью из утрамбованной гальки. Однако сами погребения имели перекрытия из каменных плит (Хашегульгов, 1990). Для погребений майкопской культуры использование камня при совершении захоронений – обычная практика. Тут следует оговориться, что в абсолютном большинстве случаев встречена именно забутовка камнем – т. е. – камни выполняли функцию заполнения погребения, но не были выложены особым образом. Таких случаев мало, но все же они есть. В 1949 г. М. М. Кубланов при раскопках на Таманском полуострове «Фонтан» обнаружил каменную кладку толщиной 0,5–0,6 м и длиной от 2,25 до 3,6 м. Камни лежали в несколько рядов, но в беспорядке. Было найдено 4 сосуда и несколько истлевших костей погребенного. Захоронение относится к майкопской культуре (Кубланов, 1959, с. 217–220). В погребении № 3 кургана № 3 Бамутского могильника (раскопки 1965 г.) костяк был размещен вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на ЮВ. Безинвентарен. Обнаружено на глубине 1,3 м, под каменной кладкой (Мунчаев, 1968, с. 138). С. Н. Кореневский погребения с каменной наброской над могилой обозначает как «могилы с каменными обкладками». К таковым, например, может быть отнесено погребение № 41 в кургане № 11 могильника «Клады», у которого четко зафиксирована плотная выкладка камнем над погребением (Кореневский, 2004, с. 17, рис. 34, рис. 35, 1, 2, рис. 34, 3).

Погребения с каменными забутовками встречены в подкурганых погребениях в Ингушетии – в районе строительства г. Магас. Захороненные в выделенной им группе-1 (могильник «Экажево – I, курган № 5, погребение № 2; «Экажево-II», курган № 1 погребения № № 2, 7, 10, 12, 15) были размещены по обряду «вытянуто на спине», но без использования камня. С. Н. Кореневский предложил считать их особым подразделением в рамках северо-кавказской исторической общности. В них присутствует охра, в т. ч. – и в районах стоп ног. Он затруднился с точным определением их места в хронологии подобных же захоронений Северного Кавказа, но отметил, что присутствие в этих погребениях ложковидных подвесок «более уязвляет такие могилы не с самыми древними погребениями с вытянутыми на спине костяками этой группы, а скорее всего, со средним периодом» (Кореневский, 2006, с. 10). Однако подобные украшения встречены и в более ранних захоронениях. Так, в Сунженском могильнике в погребении № 4 кургана № 3 погребенный лежал в яме вытянуто-овальной в плане формы, ориентированной вдоль оси ЗСЗ-ВЮВ, вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Стопы ног посыпаны охрой. В области стоп – бронзовые подвески «ложковидной» формы, у левой ноги – сосуд куро-аракского типа. Соответствует IV хронологическому горизонту Дзуарикау (Ростунов, 2007, с. 72, рис. 26: VI).

Вероятно, к начальному периоду эпохи развитой бронзы, ближе к его финалу, относятся погребения в кургане № 5 группы II могильника «Бамутские сады» (раскопки автора, 1989 г.). В них под каменной кладкой, вытянуто-подпрямоугольной формы были найдены костяки, размещенные вытянуто на спине, головой чаще на В, безинвентарные, или с немногочисленным инвентарем: бусами, единичными фрагментами керамики и охрой в районе стоп ног (Бурков, 1990, с. 78, 79, 88). Забутовка встречена в погребении № 1 кургана № 9 Дзуарикауского могильника в РСО-Алания. Яма – неопределенной формы, с неровными краями, завалена крупным булыжником. Костяк – вытянуто на спине, на В.В инвентаре 6 сосудов, на берцовых костях альчики. Северокавказская (кубано-терская, по Н. А. Николаевой и В. А. Сафронову) культура (Николаева, Сафронов, 1980, с. 52 рис. 19–20).

Относительно практики совершения захоронений на территории поселений следует отметить, что они известны по обоим склонам Большого Кавказа, начиная с эпохи энеолита.

Р. М. Мунчаев в качестве примера привел несколько памятников: Кюль-тепе – I, Нацар-гора, у с. Гуниа, Бабадериш, Гинчи (Мунчаев, 1961, с. 144; Мунчаев, 1975, с. 106, 117). Эти же памятники, а также поселение Аликемек-тепеси в Мильской степи упоминают М. Г. Гаджиев, К. Х. Кушнарера и Т. Н. Чубинишвили (Гаджиев, 1991, с. 88, 98; Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 33, 38, 56; Мунчаев, 1975, с. 106, 117, 118). Известны они и в куро-аракских памятниках. Например, на поселении Амиранис-гора в Грузии были открыты и погребальные объекты в виде склепов, а также индивидуальные, парные и коллективные грунтовые захоронения. Погребения были обнаружены и под горизонтом С1 поселения Квацхелеби (Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 66, 75, 81). Присутствие в культурных слоях куро-аракских поселений погребений отмечал Р. М. Мунчаев (Мунчаев, 1975, с. 170).

Ранее считалось, что для поселений майкопской культуры этот обряд не характерен. Однако в последнее время отдельные погребения были открыты и на них. Так, на территории поселения «Галюгаевское-2» в разведочной траншее было зафиксировано погребение подростка скорчено на правом боку (Кореневский, 1988). При раскопках кургана № 1 могильника «Уашхиту – 1» в Адыгее под его насыпью были обнаружены 14 погребений, которые были совершены с уровня погребальной почвы, которой являлся культурный слой поселения. Подобный же случай был зафиксирован при раскопках курганов №№ 1 и 2 могильника «Общественное-2» (Кореневский, Днепровский, 2003, с. 90–92; Сорокина, Орловская, 1993). На поселении Катусвина Кривица было найдено погребение взрослого человека. Он лежал скорчено на левом боку, головой на ЮВ (Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2013). В слое поселения Чекон-2 были найдены 2 грунтовых погребения. Это было парное захоронение – взрослого и ребенка (Кореневский, Медникова, Бочковой, 2015, с. 35, рис. 1, с. 36, рис. 2). Ещё один случай нахождения погребения рядом с краем майкопского поселения приходится на памятник Чекон-I. Он приведен в публикации, посвященной изданию материалов грунтового могильника майкопской культуры «Натухаевский – IV» (Гей, Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2018, с. 273).

Таким образом, в обряде анализируемых нами погребений присутствует ряд элементов, свойственных традициям как куро-аракса, так и майкопа. Кроме того, следует обратить внимание на то, что среди материалов Лугового поселения имеются как куро-аракские, так и майкопские черты. Это было отмечено Р. М. Мунчаевым в его монографиях 1961 и 1975 гг. (Мунчаев, 1961, с. 105–110; Мунчаев, 1975, с. 337, 344, 349, 351, 358–364). С. Н. Кореневский считает, что в его культурном слое отчетливо прослеживаются доминирующие фрагменты посуды куро-аракса. Среди них есть аналогии в керамике поселению Дидубе (ранний период куро-аракса), есть керамика, находящая аналогии в посуде Долинского поселения и Бамутских курганов. В небольшом количестве есть круглодонная майкопская посуда (Кореневский, 2004, с. 13). Л. Г. Кавтарадзе считает, что данный памятник относится к позднему этапу майкопа. В то же время, на Луговом поселении есть керамика, характерная и для раннего этапа куро-аракской культуры (Кавтарадзе, 1983, с. 60, 61, 68).

Информации о находках из изучаемых нами погребений немного, и она во-многом противоречива. Так, бронзовые полусферические нашивные бляшки (6 экз.) были найдены в Белгатоевском кургане, в двойном погребении (ребенок – скорчено на левом боку, на В, и взрослый – костяк разрушен), отнесенном В. А. Петренко к середине II тыс. до н. э. (Петренко, 1969, с. 31, с. 35, рис. 2, 12–15). Однако полусферические бляшки, но изготовленные из благородных металлов, встречены и в памятниках майкопско-новосвободненской общности – могильник «Клады», курган № 31 погребение № 5 (Кореневский, 2004, с. 216, рис. 90, 16, 17).

Относительно «бронзовых колечек» или «бронзовых бусин», в связи с крайне лапидарной и противоречивой информацией об их присутствии в погребениях, сказать практически нечего. Что касается «медного плоского ножа» (Е. И. Крупнов), «наконечника копья-дротика» (Р. М. Мунчаев) или кинжала бронзового» (полевой отчет), то здесь все более определено.

В монографии 1961 г. Р. М. Мунчаев дал этой находке развернутую характеристику. Предмет изготовлен методом холоднойковки, он плоский, окончание приостроено. Длина клинка 7, рукоятки – 4, общая длина 11, ширина в плечиках 2,5, черенка 2, толщина 0,2 см. По его мнению, данный образец относится к архаичным формам. В качестве аналогий Р. М. Мунчаев привел

ряд находок: с. Гуниа Цалкинского района Грузии, поселение Гудабертка-Цихиагора в Горийском районе, подкурганые погребения в с. Тквиави Горийского района, курган у г. Степанакерта. Все эти предметы обработаны методом холоднойковки. По мнению кавказоведа, приведенные экземпляры имеют плоский клинок треугольной формы и такой же черенок и отличаются лишь размерами (Мунчаев, 1961, с. 68, рис. 17). Дополнительно к этому списку следует добавить ещё несколько находок, которые, на наш взгляд, более подходят в качестве аналогий. Так, бронзовый клинок с утонченным асимметричным черенком, лезвийная часть – удлинена, приострена, окончание немного подрезано, одно плечико несколько ниже второго, опущено, происходит из поселения Амиранис-гора, I строительный горизонт. Подобный же клинок, но более вытянутых пропорций, также с нечетко выделенным черенком, известен из поселения Квацхелеби, слой С. Предмет похожих пропорций известен из Геой-тепе. У него нечетко выделенные плечики, уплощенный черенок, пропорции длины лезвийной части и рукояти – примерно одинаковы, лезвийная часть – неправильно-подтреугольная. По наблюдениям К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили ранние клинки изготавливались путем холоднойковки. Они обычно небольшие, имеют подтреугольную или листовидную форму и черенок, позднее размеры клинков увеличиваются (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 63, рис. 21, 28, с. 74, рис. 26, 35, с. 118, рис. 42, 16, с. 126). Кроме того, клинок с практически идентичным контуром рукояти и лезвийной части, но несколько иных пропорций происходит из верхнего слоя Великентского поселения, отнесен к позднему этапу ранней бронзы. Экземпляр с подобным же оформлением черенка и подтреугольной лезвийной частью происходит из поселения Галгалатли-I. Лезвийная часть у него асимметрична. С учетом того, что лезвийная часть сильно сточена, её первоначальная форма могла приближаться к вытянуто – подтреугольной. Изготовлен из мышьяковистой бронзы. Клинок подобных же пропорций происходит из Чиркейского поселения (Гаджиев, 1991, с. 136, рис. 27, 48, с. 138, рис. 28, 105, с. 143, рис. 31, 5, с. 192, рис. 61, 8, с. 192, рис. 61, 9). Асимметричный уплощенный клинок с лезвийной частью неправильно-подтреугольной формы, с широким плоским черенком, найденный в кургане № 4 у с. Шулавери, относящийся к беденской культурной традиции, вероятно, является дальнейшим развитием этой формы. Похожий предмет из Дидиахалисопели имеет отверстие в рукояти – показатель более позднего времени (Эпоха, 1994, с. 77, с. 78, табл. 19, 2, с. 86, табл. 25, 24).

Подобные же формы присутствуют и в МНО, С. Н. Корневский обозначил данный тип как «бесчеренковые кинжалы». Например, кинжал из Софиевки (позднее Триполье) обладает опущенными вниз плечиками, лезвийная часть – удлинено-подтреугольной формы, черенок прокован, длинный. Экземпляр из Гордницы имеет слегка выделенный широкий и короткий черенок, лезвие подтреугольной формы, со слегка намеченными плечиками (Корневский, 2017, с. 194, рис. 32, I-1, с. 195, рис. 23–2, 1, с. 237, рис. 70–2).

Теперь относительно времени совершения представляемых захоронений. Данный вопрос напрямую связан с проблемой появления на Северном Кавказе обряда вытянутого труположения, а эта тема, вплоть до последнего времени, является одной из центральных при решении вопроса происхождения (формирования) северокавказской культуры (СКК), культурно-исторической общности, или области (СККИО). Для того, чтобы подробно разобрать все аспекты этих двух тесно взаимосвязанных вопросов, потребуется отдельная статья. Поэтому здесь ограничимся лишь несколькими комментариями, имеющими непосредственное отношение к исследуемым погребениям. В статье Б. М. Хашегульгова 1986 г. оба погребения были привлечены в перечне прочих, для обоснования тезиса о появлении обряда вытянутого на спине труположения в ходе миграции племен Пруто-Днестровской, Буго-Днепровской и Доно-Донецкой групп на Северный Кавказ (конец IV–III тыс. до н. э.). При этом Заволжская группа вытянутых костяков, как «промежуточная группа» возможных предков части северокавказских племен эпохи средней бронзы, была датирована им концом III – началом II тыс. до н. э. Среди прочих в его работе привлекаются вытянутые на спине погребения из Бамутского курганного могильника. Их стратиграфическая позиция была определена следующим образом: «они перекрывают посткуро-аракские погребения и в свою очередь перекрываются погребениями катакомбного времени. Это позволяет Б. М. Хашегульгову датировать вытянутые

костяки Бамутского могильника первой половиной II тыс. до н. э., но не раньше XX в. до н. э.». В Мекенских курганах вытянутые на спине погребения перекрывают древнейшие и перекрываются катакомбными. Стратиграфия единого хронологического горизонта: нижняя граница – время существования ямников, верхняя – начало катакомбной культуры, в целом – это последняя четверть III – первая половина II тыс. до н. э. В качестве вывода автором был сформулирован следующий тезис: в эпоху ранней бронзы обряд вытянутого на спине труположения на Северном Кавказе отсутствовал полностью. Его широкое распространение – археологический факт миграции древних племен (Хашегульгов, 1986, с. 47, 48). Отметим, что ко времени публикации данной статьи граница между ранней и развитой (средней) бронзой проходила в пределах конца III – рубежа III/II тыс. до н. э. Предложенные Б. М. Хашегульговым довольно «размытые» границы оставляют начальный этап появления (формирования) данной обрядовой нормы без необходимых координат. Согласно выводам А. Л. Нечитайло, сформулированным в 1975 г., ранние северокавказские памятники с вытянутыми на спине костяками появляются в на рубеже III/II тысячелетий (Нечитайло, 1975, с. 58, 103, 104). По С. Н. Кореневскому распространение в Предкавказье носителей идеи вытянутого на спине обряда захоронения приходится на конец раннего бронзового века (Кореневский, 1988-а, с. 14). Ко времени публикации анализируемой здесь статьи Б. М. Хашегульгова эти события приходилось на последние века III тыс. до н. э. (по некалиброванным значениям). Что касается катакомбных древностей, то ранние погребения, причем с вытянутыми на спине костяками, для Прикубанья были датированы временем не ранее XVI в. до н. э. Их появление здесь А. Н. Нечитайло связывалось с проникновением носителей этой культуры с территории Восточного Маныча (Нечитайло, 1978, с. 116, 134). Вероятно, именно это и нашло отражение в периодизации, предложенной Б. М. Хашегульговым. Однако к тому времени были известны и иные катакомбные памятники, в которых присутствовал обряд вытянутого на спине положения костяков. Так, время существования ингульской катакомбной культуры, для которой на раннем этапе присутствуют вытянутые на спине костяки, а также установлены масштабные контакты с племенами Северного Кавказа приходятся (в датах на 1985 г.) на XIX–XVI вв. до н. э. Время этапа, когда происходило формирование базовых категорий культуры – XX–XIX вв. до н. э. (Археология. 1985, с. 416, 417). К 2002 г. ранний этап формирования культуры «сместился» во вторую половину – третью четверть III тыс. до н. э. (Шапошникова, Фоменко, 2002, с. 137). Начальный этап культуры был синхронизирован с ранним этапом ранне-донецкой катакомбной культуры. С учетом данных радиоуглеродного датирования, периодизация культуры (по С. Н. Братченко) следующая: раннекатакомбный период – XXVII–XXV вв. до н. э., средний – XXV–XXIII вв. до н. э., поздний – XXIII–XX вв. до н. э. (Братченко, 2001, с. 143, 144). С «переводом» этих дат в шкалу без учета радиоуглеродных значений (в среднем – на 600 лет), мы получаем всё те же цифры – XXI–XIX вв. до н. э. Отметим также, что к 1983 г. парные, вытянутые на спине костяки, ориентированные на запад, в прямоугольных ямах с бревенчатым перекрытием, с углем и мелом и раннедольменной керамикой, датированные концом III – началом II тыс. до н. э. были известны из Прикубанья (Нехаев, 1983, с. 42). По В. А. Фисенко раннекатакомбная группа погребений Северо-Западного Прикаспия существовала в период XXII–XX вв. до н. э. Согласно его исследованиям, в формировании начальных культурных элементов этих племен активное участие принимали группы населения куро-аракского культурного круга (Фисенко, 1967, с. 20). В ходе раскопок в междуречье рек Терека и Сунжи в 1989–1990 гг. нами были исследованы захоронения с сочетанием в погребальном обряде и инвентаре элементов катакомбной, поздненовотиторской культур, посткуро-аракских, позднесачхерских погребений, позднего этапа «горизонта с сосудами на ножках», а также вероятных беденских керамических импортов. Обобщенная дата – XXII–XIX вв. до н. э. (Бурков, 1990-а; Бурков, 1991, Бурков, 1991-а, с. 20–24, рис. 28–39).

Статья Б. М. Хашегульгова 1988 г. полностью посвящена двум погребениям с территории Лугового поселения. В ней автор привел те же доводы для доказательства случайности попадания фрагментов керамики из культурного слоя поселения, а также предложил два культурно-хронологических горизонта с погребенными вытянуто на спине, изученными в окрестностях

с.Бамут, расположенного рядом с с. Луговое. Первая группа состоит из захоронений, в которых с костяками, размещенными вытянуто на спине с ориентацией в СЗ сектор, присутствует инвентарь т.н. «горизонта с сосудами на ножках». В двух из них исследователь разглядел «каменные обкладки», размещенные над погребенными, хотя в тексте статьи Р.М. Мунчаева в одном случае – «каменная кладка», во втором – «каменный панцирь». Всего в двух погребениях – 3 костяка. В двух других случаях были зафиксированы предметы, размещенные поверх отдельных костей, сложенных группами, положение в них умерших не восстанавливается. Ещё одно захоронение этого типа – из грунтового захоронения к востоку от с. Бамут, на правом берегу р. Фортанга. В нем при вытянутом на спине костяке, ориентированном на СЗ, были найдены 2 характерных сероглиняных сосуда, в т.ч. – один – на ножках (Мунчаев, 1986, с. 28–33). По мнению Б.М. Хашегульгова, Р.М. Мунчаев счел эти погребения близкими к памятникам алазано-беденской культуры. На наш взгляд, это не совсем так. Эту параллель кавказовед провел между соответствующими формами сосудов и некерамического инвентаря (бронзовых топора и клинка), но не между способами размещения умерших в могилах. Известно, что для этой культуры характерны иные погребальные практики: большие погребальные камеры, обильный инвентарь, скорченное (чаще – на правом, реже – на левом боку, с ориентацией на запад, с отклонениями на север и юг) положение, часто – с использованием огненных церемониалов, применение погребальных ложа и носилок, колесниц, совершенно иной керамики (Дедабришвили, 1979, с. 17–23; Гобеджишвили, 1980, с. 135–137). Относительно сосудов на ножках отметим, что для куро-аракских памятников Закавказья известен только один такой экземпляр – из III строительного горизонта помещения № XXII поселения Амиранис-гора (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 63, рис. 21, III, 3). В сводке В.Л. Ростунова для беденской культуры приведен только 1 подобный экземпляр, остальные (помимо находок из Чечни и РСО-Алания) – с территории Ближнего и Переднего Востока (Ростунов, 2007, с. 133, рис. 24). Далее автор обращается к ещё одной группе погребений, происходящие из Бамутского курганного могильника и составляющие, по его мнению, следующий за «алазано-беденской» стратиграфический горизонт, в которых вытянутые на спине безинвентарные костяки ориентированы в восточный сектор, с использованием охры. Они были причислены Б.М. Хашегульговым к северокавказской культуре. Наличие украшений в ногах погребенных на Луговом поселении мелких бронзовых украшений является её характерной чертой. В результате он приходит к выводу, что оба захоронения следует сблизить с «северокавказскими» погребениями предгорно-плоскостной зоны и датировать их первой половиной II тыс. до н. э., а их появление в ущелье р. Ассы – с активизацией катакомбных племен, которые оттеснили «северокавказцев» в горную зону Северного Кавказа.

Данный вывод нуждается в отдельном комментарии. Следует помнить, что материалы из данных погребений в основном либо отсутствуют по причине безинвентарности костяков, либо – просто не изданы до сих пор. Н. А. Николаева территорию Чечни, как и весь Северо-Восточный Кавказ, не включила в границы распространения северокавказской (кубано-терской – в трактовке В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой – С. Б.) культуры, хотя территориально Чеченская наклонная равнина, как и Кабардинская, Северо-Осетинская, входит в общее географическое районирование, обозначаемое как «Северный Кавказ». Территория Кубано-Терского междуречья, где, по версии Н. А. Николаевой, располагается ядро выделяемой ею кубано-терской культуры, включает в себя и Терско-Сунженскую возвышенность. Интересно то, что соответствующие подкурганные памятники Ингушетии упоминаются ею (правда, фактически без использования в культурно-хронологических построениях – С. Б.) как входящие в выделяемые ею территориальные группы (Николаева, 2011, с. 24–26, 30, 195). Вполне возможно, что упомянутые Б. М. Хашагульговым погребения географически могут входить в ареал упомянутой выше археологической культуры, но пока никто из исследователей не взялся за обобщение и интерпретацию этих материалов. Р.М. Мунчаев практически все погребения, помимо майкопских и с находками сероглиняной керамики и сосудами на ножках, включал в состав «северокавказской» археологической культуры, но обоснований для этого не предложил.

Кроме того, хронологически эти погребения, на наш взгляд, разнятся, на что при их публикации обратил внимание Р. М. Мунчаев. Так, относительно погребения № 16 из кургана № 3 (раскопки 1963 г.) им было отмечено, что оно относится к первой половине II тыс. до н. э. (Мунчаев, Сарианиди, 1966, с. 78). К этому же горизонту относятся раскопанные в 1958 г. основное для кургана № 5 погребение № 6 и основное же – в кургане № 14 (Мунчаев, 1961, с. 139, 140). Судя по курганной стратиграфии, это могут быть и погребения № 3, 15 и 16 из кургана № 6 (раскопки 1965 г.). А вот впускное погребение № 3 кургана № 3 и впускное же – погребение № 7 кургана № 6 того же года, скорее всего, имеют отношение уже к следующему хронологическому горизонту, вероятно – в границах от середины II тыс. до н. э. (Мунчаев, 1968, с. 145–147). Вероятно, к ним следует добавить впускные погребения из кургана № 5 группы II могильника «Бамутские сады» При этом погребения с каменной забутовкой ямы (№№ 3, 5, 15), без неё (№№ 1, 9, 12, 16, 19, 25, 28, 37) и в обширных ямах прямоугольной в плане формы, с обкладкой из деревянных плах (№№ 29, 32) могут относиться к различным культурным, возможно – и хронологическим, подгруппам.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Вытянутые на спине погребения из культурного слоя Лугового поселения, на наш взгляд, не имеют прямого отношения непосредственно к т. н. «северокавказской» культуре, или культурно-исторической общности (области). Такая деталь погребального обряда, как каменная выкладка над погребениями, помещение в неё предмета вооружения имеет явные параллели с обрядами, свойственными позднемайкопскому населению данного микрорегиона. Совершение захоронения в границах площади поселения, в данном случае, скорее закавказская (в географическом понимании этого термина) традиция, хотя и её майкопский «след» полностью исключить нельзя. В поздний куро-аракский «шлейф» вполне «вписывается» и находка характерного для этого времени и территории предмета вооружения – бронзового клинка. В то же время, присутствие мелких бронзовых украшений в ногах умерших может указывать на присутствие новых погребальных традиций, которые начали формироваться в финальной стадии раннего бронзового века в ходе «вызревания» в предгорной зоне Терско-Сунженского междуречья элементов новой культурной среды. В этом отношении, на наш взгляд, очень показательны особенности совершения вытянутых на спине курганных и грунтовых захоронений с керамикой позднего куро-аракса, выявленных как в Чечне, так и в РСО-Алания и отнесенных В. Л. Ростуновым к IV хронологическому горизонту Дзуарикау (Ростунов, 2007, с. 72, с. 161, рис. 26, VI; Бурков, 1991, № 15757, с. 81–84, № 15758, рис. 161, рис. 170, 31–34, рис. 171; Багаев, 1986, с. 68, с. 69, рис. 2, 1, с. 70, рис. 3. 1). К этому же периоду относятся и погребения т. н. «горизонта с сосудами на ножках». Выделенная Т. И.-О Ахундовым т. н. «культура подкурганых склепов» Северо-Западного Азербайджана, где присутствует и обряд вытянутого на спине положения, формировалась на базе контактов куро-аракских, майкопских и неких третьих племен. Керамические формы находят аналогии в поздних памятниках куро-аракса, а также майкопа. Ещё некоторая часть посуды имеет аналогии в материалах Северо-Восточного Кавказа (Ахундов, 1999, с. 23, 25, 49, 79, 80; Ахундов, 2001, с. 44, 45, 58, 63, 73, 75, 88; Джафаров, 2019, с. 241, 242). Оба погребения из культурного слоя Лугового поселения вполне «вписываются» в подобные процессы, когда в финале раннего бронзового века начинают складываться условия для формирования нового этнокультурного образования начальной стадии эпохи развитой бронзы.

Литература

- Археология, 1985.** Археология Украинской ССР. В 3 томах. – Том 1: Первобытная археология / Отв. ред. В. В. Отрощенко – Киев: Наукова думка, – 567 с.
- Асланян С. А., 2008.** К изучению погребальных памятников куро-аракской культуры // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. VIII: Крупновские чтения 1971–2006 гг. / Под ред. А. Б. Белинского. – М.: Памятники исторической мысли. – С. 268.

- Ахундов Т. И.-О., 1999.** Древнейшие курганы Южного Кавказа. Культура подкурганных склепов. – Баку: Элм. – 115 с.
- Ахундов Т. И.-О., 2001.** Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. – Баку. – 336 с.
- Багаев М. Х., 1986.** Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. – М. – С. 66–74.
- Братченко С. Н., 2001.** Донецкая катакомбная культура раннего этапа. – Том 1. – Луганск. – 216 с.
- Бурков С. Б., 1990.** Отчет о раскопках курганов в зоне II-й очереди Ассиновской мелиоративной системы (АМООС) на орошаемых землях совхоза «Бамутский» Ачхой-Мартановского района ЧИАССР в 1989 году. – Грозный // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14105.
- Бурков С. Б., 1990-а.** Новые катакомбные комплексы из Чечено-Ингушетии // Тезисы докладов всесоюзного семинара «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности». Тезисы докладов Всесоюзного семинара. – Запорожье. – С. 8–10.
- Бурков С. Б., 1991.** Отчет о раскопках курганов в зоне реконструкции (консервации) 2-й очереди Ассиновской оросительной системы на орошаемых землях колхоза им. XX партсъезда Сунженского района и совхоза «Орджоникидзевский» Ачхой-Мартановского района ЧИР в 1990 г. – Грозный // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 15757, 15758.
- Бурков С. Б., 1991-а.** Закавказские импорты из подкурганных погребений среднего течения Ассы как культурно-хронологический показатель // Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных археологических работ 1989–1990 годов. Аннотация сообщений (январь 1991 г.). – Грозный. – С. 4–5.
- Гобеджишвили Г. Ф., 1980.** Бедени-культура подкурганных погребений. – Тбилиси. – 145 с.
- Гаджиев М. Г., 1991.** Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. Эпоха энеолита и ранней бронзы. – М. – 264 с.
- Гей А. Н., Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В., 2018.** Могильник Натухаевский-IV – новый памятник майкопской культуры под Новороссийском // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века. – М. – С. 253–293.
- Дедабришвили Ш. Ш., 1979.** Курганы Алазанской долины. – Тбилиси. – 74 с.
- Джафаров Г. Ф., 2019.** Погребальные памятники Карабаха эпохи ранней бронзы: история исследования // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. – М. – С. 240–246.
- Кавтарадзе Г. Л., 1983.** К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. – Тбилиси. – 154 с.
- Корневский С. Н., 1988.** Отчет о работе Предгорной экспедиции в 1988 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 14135–14138.
- Корневский С. Н., 1988-а.** Археологические признаки социальной дифференциации в погребальном обряде эпохи энеолита, ранней бронзы Центрального Предкавказья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. – Орджоникидзе. – С. 6–15.
- Корневский С. Н., 2004.** Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М. – 243 с.
- Корневский С. Н., 2006.** К проблеме исследования памятников бронзового века // Воронин К. В. Малашев В. Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия: материалы охранных археологических исследований. ИА РАН. – Том 6. – М. – С. 7–13.
- Корневский С. Н., 2017.** Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н. э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. – М. – 284 с.
- Корневский С. Н., Днепровский К. А., 2003.** Погребения эпохи раннего бронзового века кургана 1 могильника Уашхиту 1 в Адыгее // КСИА. – Вып. 214. – М. – С. 83–94.
- Корневский С. Н., Медникова М. Б., Бочковой В. В., 2015.** Новые данные о разнообразии погребальных обрядов майкопско-новосвободненской общности // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 43. – № 2. – С. 34–42.

- Крупнов Е. И., 1952.** Научный отчет Прикаспийской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и Грозненского областного музея краеведения 1952 года // Архив ИА РАН. Ф.1. Р-1. № 929.
- Крупнов Е. И., 1954.** Прикаспийская археологическая экспедиция // КСИИМК. – Вып. 55. – М. – С. 95–105.
- Крупнов Е. И., 1957.** Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (По материалам экспедиции 1952 и 1955 гг.) // СА. – № 2. – С. 154–173.
- Кубланов М. М., 1959.** К истории азиатского Боспора (Новые археологические материалы с полуострова «Фонтан») // СА. – XXI–XXX. – С. 203–226.
- Куфтин Б. А., 1944.** Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит // Вестник Государственного музея Грузии. 1944. – Том XIII-V. – Тбилиси. – 172 с.
- Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970.** Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н. э.). – Л. – 191 с.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965.** Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований // КСИА. – Вып. 100. – М. – С. 40–49.
- Мунчаев Р. М., 1961.** Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. Материалы и исследования по археологии СССР. – Вып. 100. – М. – 167 с.
- Мунчаев Р. М., 1963.** Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии. – М. – С. 139–211.
- Мунчаев Р. М., 1968.** Раскопки Бамутских курганов в 1965 году // Известия ЧИНИИ. – Археолого-этнографический сборник. – Том II. – Грозный. – С. 131–151.
- Мунчаев Р. М., 1975.** Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. – М. – 416 с.
- Мунчаев Р. М., 1986.** Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. – М. – С. 27–39.
- Мунчаев Р. М., Сарианиди В. И., 1964.** Бамутские курганы эпохи бронзы // КСИА. – Вып. 98. – М. – С. 90–99.
- Мунчаев Р. М., Сарианиди В. И., 1966.** Исследование Бамутского могильника в 1963 г. // КСИА. – Вып. 106. – М. – С. 74–80.
- Нечитайло А. Л., 1978.** Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. – Киев. – 151 с.
- Нехаев А. А., 1983.** Памятники эпохи бронзы степного правобережья реки Кубани // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов. – С. 40–44.
- Николаева Н. А., 2011.** Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). – М. – 536 с.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1980.** Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. – Орджоникидзе. – С. 18–80.
- Петренко В. А., 1969.** Новые памятники эпохи бронзы Чечено-Ингушетии – Археолого-этнографический сборник. – Том III. – Грозный. – С. 27–36.
- Ростунов В. Л., 2007.** Эпоха энеолита и бронзы на территории Северной Осетии – Археология Северной Осетии. Сборник научных трудов. В 2 ч. Часть 1. – Владикавказ. – С. 11–177.
- Сорокина И. А., Орловская Л. Б., 1993.** Погребения майкопского времени Общественного 2 могильника в степном Закубанье – Вестник Шелкового пути. – Вып. 1. – Археологические источники. – М. – С. 233–261.
- Фисенко В. А., 1967.** Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия. Автореферат диссертации... канд. историч. наук. – Л. – 20 с.
- Хашегульгов Б. М., 1986.** К вопросу о происхождении обряда вытянутого труположения на Северном Кавказе в эпоху бронзы – Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. – Орджоникидзе. – С. 45–55.
- Хашагульгов Б. М., 1988.** К вопросу о культурной принадлежности погребений эпохи бронзы на Луговом могильнике (ЧИАССР) – Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. – Орджоникидзе. – С. 65–67.

- Хашегульгов Б. М., 1990.** К эволюции погребальных сооружений эпохи бронзы в горной Ингушетии // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции. – Грозный. – С. 8–9.
- Шапошникова О. Г., Фоменко В. М., 2002.** Ингульская катакомбная культура (ареал и вопросы периодизации) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.). Тезисы докладов научной конференции. – Тирасполь. – С. 135–138.
- Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В., 2013.** Исследование поселения майкопской культуры у ст. Натухайской // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Третья Абхазская международная археологическая конференция. г. Сухум, 28 ноября – 1 декабря 2011 года. – Сухум. – С. 89–98.
- Эпоха, 1994.** Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – 384 с.

ГРОБНИЦЫ И ДОЛЬМЕНЫ МОГИЛЬНИКА КЛАДЫ У СТ. НОВОСВОБОДНОЙ

© А. В. Дмитриев

свободный исследователь, г. Новороссийск,
Российская Федерация

Аннотация. Считается, что самые древние мегалитические погребальные сооружения Северного Кавказа обнаружены в могильнике Клады. В. И. Марковин считал эти сооружения дольменами, а исследовавший их А. Д. Резепкин одну часть сооружений называл гробницами, а другую дольменами. Анализируя конструкции мегалитических погребальных сооружений могильника Клады, автор приходит к выводу, что все погребальные сооружения могильника являются «постдольменными», так как собраны из деталей ранее разрушенных «палеодольменов» – башнеобразных конструкций в которые были заключены камеры, называемые дольменами.

Время сооружения дольменов относят к эпохе бронзы, а самые древние «постдольменные» погребения в датируются 37–34 в. до н. э. Из этого можно сделать вывод, что палеодольмены, детали которых были использованы в могильнике Клады, сооружались до миграции носителей культуры памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц. А это уже кавказский энеолит, – конец IV тыс. до н. э. – V тыс. до н. э.

Следовательно, дольменная культура, которой приписывают строительство дольменов, не существовала.

Ключевые слова: дольмены, палеодольмены, гробницы, постдольменные сооружения, дольменная культура.

TOMBS AND DOLMENS OF THE BURIAL GROUND OF THE TREASURE AT NOVOSVOBODNAYA ST.

© A. V. Dmitriev

freelance researcher, Novorossiysk, Russian Federation

Annotation. It is believed that the most ancient megalithic burial structures of the North Caucasus were found in the burial ground of the Treasure. V. I. Markovin considered these structures dolmens, and A. D. Rezepkin, who studied them, called one part of the structures tombs, and the other dolmens. The time of construction of dolmens is attributed to the Bronze Age, and the most ancient “post-dolmen” burials date back to 37–34 centuries BC. From this it can be concluded that the paleodolmens, the details of which were used in the burial ground of the Treasure, were built before the migration of cultural bearers of the monuments of the Maikop Kurgan circle and the Novosvobodnensky tombs. And this is the Caucasian Eneolithic, – the end of the IV thousand BC–V thousand BC. Consequently, the dolmen culture, which is attributed to the construction of dolmens, did not exist.

Keywords: dolmens, paleodolmens, tombs, post-dolmen structures, dolmen culture.

Среди многообразия погребальных сооружений уникального могильника Клады выделяются захоронения в каменных мегалитических сооружениях, типы которых исследователи разделяют на гробницы и дольмены. Считается, что эти памятники являются древнейшими мегалитическими конструкциями погребальной архитектуры Северного Кавказа.

Исследователь кавказских дольменов В. И. Марковин к дольменам относил все погребальные комплексы из крупных плит. Это каменные ящики, гробницы с двускатными кровлями, многогранные гробницы, «типичные» кавказские дольмены-домики и различные сооружения

на исследованной им территории. Все погребальные сооружения из плит В. И. Марковин считал дольменами (Марковин, 1997. С. 231).

А. Д. Резепкин, исследовавший большую часть захоронений могильника Клады, полагал, что гробницы были обнаружены в кургане 27 (раскопки Веселовского 1898 г.). В его раскопках они найдены в кургане 28, кургане 30 (погребение 1), кургане 31 погребение 1 (Резепкин, 2012. С. 29, 36). В кургане 11, погребение 54, в кургане 39, погребение 2; в кургане 40 погребения 1 и 10 обнаруженные конструкции являются дольменами (Резепкин, 2012. С. 29, 47–49).

В. А. Трифонов в данном споре поддержал В. И. Марковина, считая, что «между новосвободненскими гробницами и дольменами больше сходств, как полагает В. И. Марковин, чем различий, как считает А. Д. Резепкин» (Трифонов, 2001. С. 29). Пока никто из исследователей не усомнился, что 4 последних сооружения являются дольменами.

Разные исследователи полагали, что все каменные сооружения в могильнике Клады строились специально для захоронений, выполняя функцию гробниц. Однако, как происходило такое строительство гробниц можно частично реконструировать, изучая детали их конструкций. При этом особое внимание заслуживает вопрос, были ли эти детали изготовлены специально для данных памятников, или строители использовали части уже кем-то ранее построенных каменных монументов. От выводов обсуждения такого вопроса может зависеть версия происхождения самих дольменов.

Ещё один интересный сюжет темы о дольменах, – были ли они подкурганскими сооружениями или нет. Так В. И. Марковин считал, что дольмены всегда стояли открытыми. Хотя при описании дольменов В. И. Марковин часто упоминал наличие насыпи, но за все годы исследований он не раскопал ни одного объекта (камера и окружающая его насыпь) полностью.

В. А. Трифонов в отличие от Е. Д. Фелицына и В. И. Марковина, считал, что дольмен (т. е. погребальная камера), какого бы типа он не был, является только частью погребально культового памятника, **состоящего из насыпи, полностью или частично покрывающей камеру и двора перед её фасадом** (Трифонов, 2001. С. 31).

По мысли В. А. Трифонова, насыпь над дольменом была не просто кучей сыпучего материала, а сложным архитектурным сооружением. Например, он пишет «насыпь» дольмена № 2 на р. Жане, имевшая к началу раскопок высоту около 2,5 м и достигавшая уровня плиты крыши, характеризуется так: «Различного размера валуны (наиболее крупные из них достигали 1 м в поперечнике) были тщательно уложены...» (Трифонов, 2009. С. 120). Подобные конструкции называть насыпями неправильно, так как насыпь – это «сооружение из насыпного и уплотнённого грунта», а здесь мы имеем не насыпанный грунт, а специально уложенные в виде закруглённой стены валуны и обломки песчаника (рис. 1, 1, 2), то есть элемент строительной конструкции, которую я называл «башней» (Дмитриев, 2020. С. 41). Сохранившийся левый угол фасада башни дольмена 2 на р. Жане из прекрасно обработанных закруглённых блоков никак не может быть элементом «насыпи» (рис. 1, 3).

В. А. Трифонов при реконструкции дольменов доводит «насыпь», окружённую по контуру каменной стеной, до «основания плиты крыши дольмена» (Трифонов, 2009. С. 120). В Назаровой щели, у с. Тешебс, у дольменного комплекса 1 на р. Озерейке и у дольмена Псынако башни и их остатки были выше кровельной плиты дольмена (рис. 1, 4–14) (Дмитриев, 2020. С. 41–44).

При раскопках дольменов большими площадями всегда обнаруживаются остатки каменных конструкций («башен»), закрывающих камеру по параболе сзади и с боков, а спереди образующих параболический фасад с порталной нишей (Дмитриев, 2022. С. 11).

Дольменные постройки представляли собой сложную конструкцию. Камеру из плит или блоков с отверстием в передней плите перекрывала плита, лежавшая с наклоном к задней стенке камеры. Обычно вся конструкция устанавливалась на каменные плиты, служившие фундаментом для стен и полом камеры. Снаружи камера обкладывалась стеной – крепидой параболической в плане формы из плоских плит, блоков или валунов, которая выше камеры на фасаде закруглялась по параболе и по дуге понижалась к задней стене. Пространство между крепидой и камерой заполнялось камнями. Получалась башенка с параболическим фасадом, контуры

Рис. 1. Основания палеодольменов. Дольменный комплекс 1 на р. Озерейке. 1 – в процессе раскопок; 2 – план; 3 – Дольменный комплекс 2 – дольмен 2 – нижние ряды кладки. Вид сзади; 4 – Развал палеодольмена. Раскопки И. И. Аханова в Геленджике; 5 – план палеодольмена Псынако (по В. И. Марковину). 6 – план палеодольмена у п. Гузерипль (по материалам В. И. Марковина. Реконструкция А. В. Дмитриева); 7, 8 – палеодольмены у п. Тешевс (раскопки Д. Э. Василенко); 9 – палеодольмен на г. Нексис. Раскопки Д. Э. Василенко; 10–14 – палеодольмен в Кринице (раскопки В. Ю. Кононова)

которого могли быть более или менее пологими, ступенчатыми или угловатыми в зависимости от архитектурного замысла или имевшегося материала (Дмитриев, 2020. С. 46–47). В геометрии форму такого сооружения можно сравнить с усечённой полусферой для большей части дольменов и с усечённым шаровым сегментом для дольменов типа 2 на р. Жане (рис. 1, 2, 9, 13, 14).

«Помещением» в такой «башне» являлась камера дольмена. Пока такое сооружение можно назвать «палеодольменом». Малые размеры отверстий большинства дольменов исключали возможность «проникновения» и «протаскивания трупов» (рис. 2). (Дмитриев, 2022. С. 21–23). Захоронение путём подъёма верхней плиты полностью исключало завершение башни. Учитывая данные обстоятельства, нельзя объективно доказать, что «палеодольмены» строились специально, как погребальные сооружения. Более вероятное предположение, что это культовые сооружения для ухода в них душ умерших или обиталища богов, божеств и т. д. (Дмитриев, 2022. С. 23)

Определение В. А. Трифонова – «дольмен», – это обобщающий термин, который охватывает различные типы мегалитических погребальных камер с плитой –иллюминатором. Погребальная камера, прихожая (двор) и каирн являются неотъемлемыми частями всего сооружения» (Trifonov 2022, С. 850). Такое заключение уже ставит под сомнение, являются ли каменные сооружения могильника Клады дольменами. У них нет каирнов и дворов перед ними.

С другой стороны, В. А. Трифонов убедительно доказал, что ни один из дольменов в могильнике Клады не был двухкамерной гробницей. То, что считалось второй камерой, «на самом деле была входом или прихожей, обеспечивая доступ к погребальной камере со двора» (Trifonov, 2022. С. 847). Но, с другой стороны, о каком «дворе» идёт речь, когда все камеры были впускными и располагались в «глухих траншеях», позже засыпанных камнями и грунтом? Не было у них окружающего их «каирна». С этой точки зрения каменные гробницы могильника Клады считать дольменами нельзя. Но дело не только в названии.

Для объективного решения вопроса о времени строительства и использования мегалитов Северного Кавказа следует сравнить, как «палеодольмены» выглядели после окончания их строительства и какие изменения произошли с ними при использовании в могильнике Клады.

Анализ многогранной гробницы (дольмена) детально проведён В. А. Трифоновым (Трифонов, 2021. С. 433–436), но в споре о сущности других каменных сооружений могильника Клады он не пока ничего не проясняет.

Курган 11 погребение 54 (Резепкин, 2012. С. 24).

Погребение в камере из обработанных плит, которую автор раскопок называет дольменом, было обнаружено в 63 м от центрального репера кургана на глубине 10,36 м на восточном краю кургана (рис. 3, 1–4). Длина камеры 2,25–2,35 м, ширина 2,3–2,05 м. Приставные спереди плиты имели ширину 1,05 и 1,1 м.

Имеются серьёзные конструктивные отклонения, которые не допустили бы строители «палеодольменов».

1. Стены установлены не на фундаментные плиты, а прямо на грунт и даже несколько вкопаны в него.

2. По типу это камера с приставными плитами, образующими порталную нишу (тип 2) (Марковин, 1978. С. 65). Для опирания перекрытия портала на кровельной плите вырезан «козырёк», на который ничто не опирается.

3. Плиты, образующие боковые стены порталной ниши, по высоте гораздо выше камеры вместе с перекрытием. Крыша портала не может опираться на козырёк из-за большой высоты приставных плит и соединение с кровлей камеры невозможно. В камерах такого типа козырёк всегда расположен над плитой с отверстием, а при таком выносе, как показан на рисунке (Резепкин, 2012. С. 162. Рис. 33, 2), козырёк высотой всего 10–12 см выдержать плиту перекрытия не сможет (рис. 3, 5).

Обычно плиты порталной ниши для устойчивости с боков удерживаются кладкой фасадной стены «палеодольмена», но в данном случае следы этой конструкции отсутствуют. То, что массивные плиты порталной ниши простояли тысячелетия без всякой поддержки с боков,

Рис. 2. Отверстия и пробки малого размера из Геленджика. 1–4 – пробки из Геленджикского музея (Марковин); 5 – Геленджик, 5-Сафари парк (диаметр 33 см); 6 – с. Возрождение (разм 33×27 см); 7–9 – СТО Бытовик (размер 32×34 см, диаметры 34 см); 10 – р. Ачибс (диам.?): г. Новороссийск р.Озерейка; 12 – комплекс 1 (диаметр 22 см); 13 – Комплекс 2 дольмен 1 (диаметр 30 см); 14 – Дольменная группа между ст. Нижнебаканской и Шапсугской (диам. 22 см). Фото И. Кузина

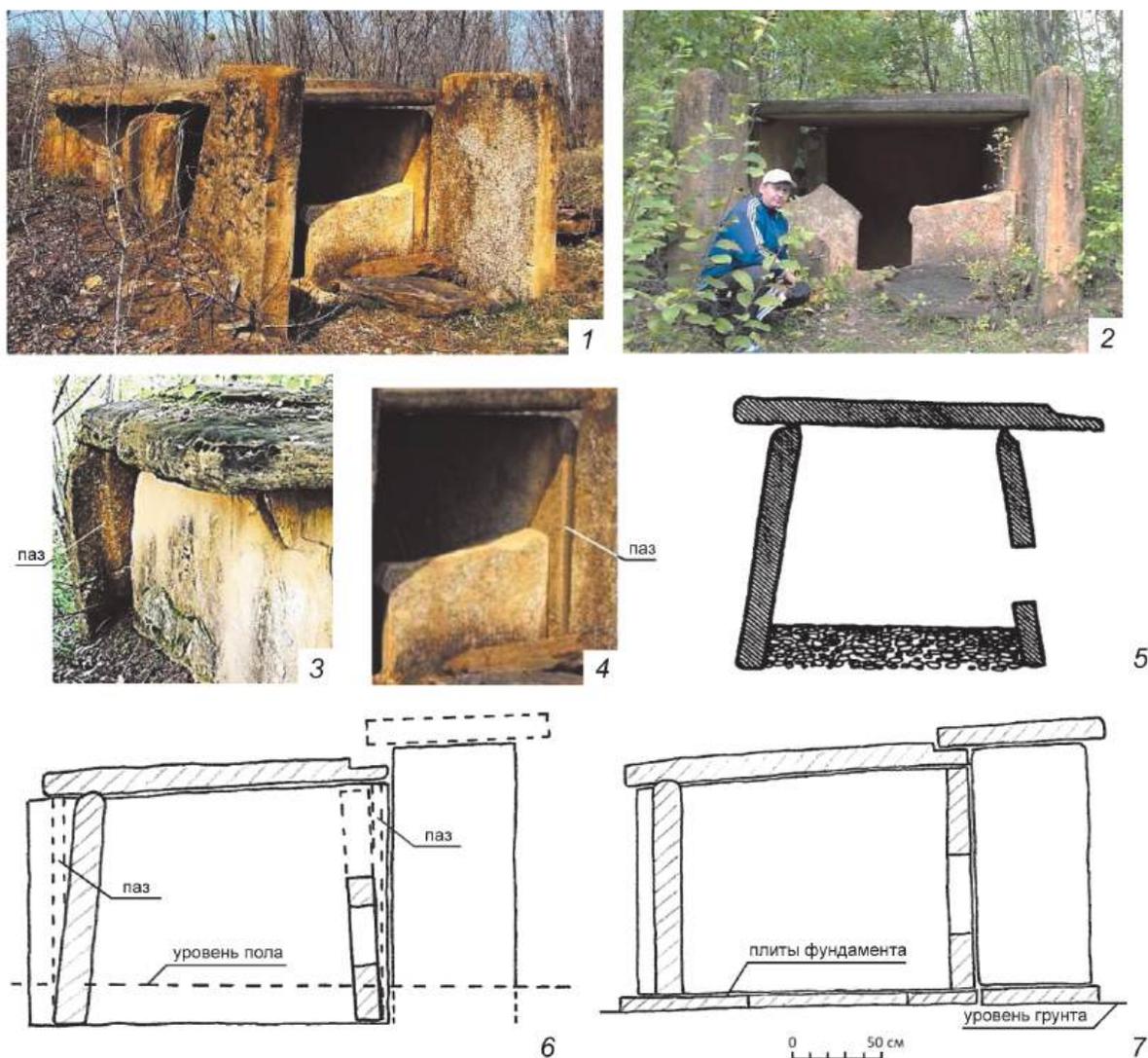

Рис. 3. Курган 11, погребение 54. 1 – общий вид; 2 – вид спереди (фото В. Селедцова); 3 – вид сзади; 4 – паз для передней плиты; 5 – разрез (по Резепкин, 2012, рис. 33, 2); 6 – разрез камеры; 7 – разрез камеры исходного «палеодольмена» (реконструкция А. Дмитриева)

означает, что они были вкопаны на большую глубину, что совершенно не характерно для данного типа «палеодольменов». Обычно эти плиты стоят на особых «пяточных» плитах с пазами не глубже пола камеры.

Высота плит порталной ниши гораздо больше, чем должна быть для камеры такого типа. Здесь использованы плиты от другого разрушенного дольмена (рис. 3, 6, 7).

4. Подсыпка камеры толстым слоем гравия и отсутствие каменного пола нехарактерны для «палеодольменов».

5. Конструкция башни «палеодольмена» вокруг камеры отсутствует.

6. Всё пространство перед камерой до самой крыши было заложено булыжником. Это был пандус для наводки плиты перекрытия. Обычно у «палеодольмена» плита перекрытия поднималась сзади по цокольной части башни, выложенной до уровня перекрытия, как у дольмена Псынако (Дмитриев, 2020. С. 36). Здесь этому мешала уже существовавшая насыпь кургана. Эти серьёзные конструктивные отклонения данного сооружения от традиционной методики строительства говорят о том, что это не камера «палеодольмена», а «постдольменная» постройка из плит разрушенных более древних сооружений.

Курган 39 погребение 2 (Резепкин, 2012. С. 47).

Как отметил А. Д. Резепкин, это погребение впущено в уже существовавшую насыпь кургана на глубину 6,38 м от главного репера. Ширина камеры 1,58–1,9 м, длина по центру 1,75 м, высота впереди 1,55 м, у задней стены 1,32 м (не считая слоя подсыпки пола). Вертикальные плиты камеры стояли на пяточных камнях. Пол заложен плитами и засыпан слоем гальки толщиной до 23 см.

По классификации В. И. Марковина это вариант 3 –дольмены с порталными выступами (Марковин, 1978. С. 85). В. И. Марковин считал, что верхняя грань выступа служила для опирания плиты портала (портальной ниши). Он не обратил внимания на то, что у камер такого варианта короткие выступы боковых стен обычно гораздо выше верха плиты перекрытия камеры или козырька (рис. 4, 1–6). Вторую плиту не устанавливали, а короткие выступы боковых плит служили пилястрами, украшавшими фасад «палеодольмена» (рис. 4, 7).

Перекрытием камеры служила плита трапециевидной формы длиной 2,92 м, шириной 2,1–2,55 м, наибольшая толщина 52 см. Редкой особенностью данной кровельной плиты было то, что в её передних углах были сделаны вырезы для прохода передней части плиты между вертикальными выступами боковых стен (рис. 4, 3, 5). Торец кровельной плиты был хорошо обработан. Между пилястрами имелся «козырёк» или продольная «врезка» шириной 28 и глубиной 13 см (рис. 4, 3–6). Врезка не служила опорой для дополнительной плиты (в таком типе камер её не устанавливали), а подчёркивала ровность торца и являлась опорой для кладки фронтона «палеодольмена» (рис. 4, 7).

Плита длиной 2,85 м, шириной 1,45 м и толщиной 37 см с необработанным внешним торцом от другого ранее разрушенного дольмена опиралась не на «козырёк», а лежала поверх плиты кровли (рис. 4, 4). Цель установки этой плиты непонятна, на фасаде она создавала широкую щель.

В качестве приставных плит, образующих пристройку (которую А. Д. Резепкин назвал «двориком»), были вторично использованы боковые плиты **ранее разрушенного** дольмена. На рисунке видна приставная плита с двумя пазами, а поперечных плит, которые должны были входить в пазы, нет (рис. 4, 6). Пристройка до верха камеры была засыпана галькой и обломками плит, в том числе от разрушенных ранее дольменов. Передняя плита с отверстием от камеры **разрушенного дольмена** лежала горизонтально в насыпи на уровне верха отверстия камеры (Резепкин, 2012. С. 47. Рис. 92, 5; 93, 6, 7).

А. Д. Резепкин первым определил «постдольменность» данной камеры, отметив, что оно было «с двориком, забутованным галькой и обломками плит, в том числе **от разрушенного ранее дольмена**» (Резепкин, 2012. С. 47. Рис. 92, 5).

Использование большого количества деталей и обломков ранее разрушенных дольменов, их неумелое применение, пристройка, которой не должно быть у данного типа «палеодольменов» подтверждает «постдольменность» этой камеры.

Курган 40, погребение 1 (Резепкин, 2012. С. 48; С. 227. Рис. 98).

Насыпь кургана диаметром 88 м. Восточная часть кургана прорезана широкой врезкой для сооружения дольмена. Её длина 25 м, 18 из которых занимает каменный заклад, начинающийся у края насыпи. Камера полуразрушена дважды: первый раз в древности, второй – во время проводившихся там геологических работ. Передняя плита сохранилась частично. Ширина понизу 3,62 м, толщина 0,35 мм, сохранившаяся высота 2,0 м. В плите сохранилась часть отверстия 50 см в ширину и 46 см в высоту. Плита стояла на пяточной плите, выступавшей вперёд на 0,52 м в виде порожка.

Боковые плиты камеры имели длину 3,63 и 3,75 м. По краям проделаны пазы для соединения с торцовыми плитами. Спереди пазы находились на 12–13 см от ровно обрезанных торцов, это говорит, что в данном случае мы имеем тип дольмена с приставными порталными плитами (по В. И. Марковину). Об этом, казалось бы, и говорится в описании сооружения «К каждой из боковых плит было приставлено по порталной плите» (Резепкин, 2012. С. 48. С. 227. Рис. 98). Однако, далее сказано, что порталные плиты высотой 3,32 и 3,37 м и шириной 1,57 и 1,53 м отстоят от торцов боковых стен на 0,3–0,32 м, что не соответствует обычной

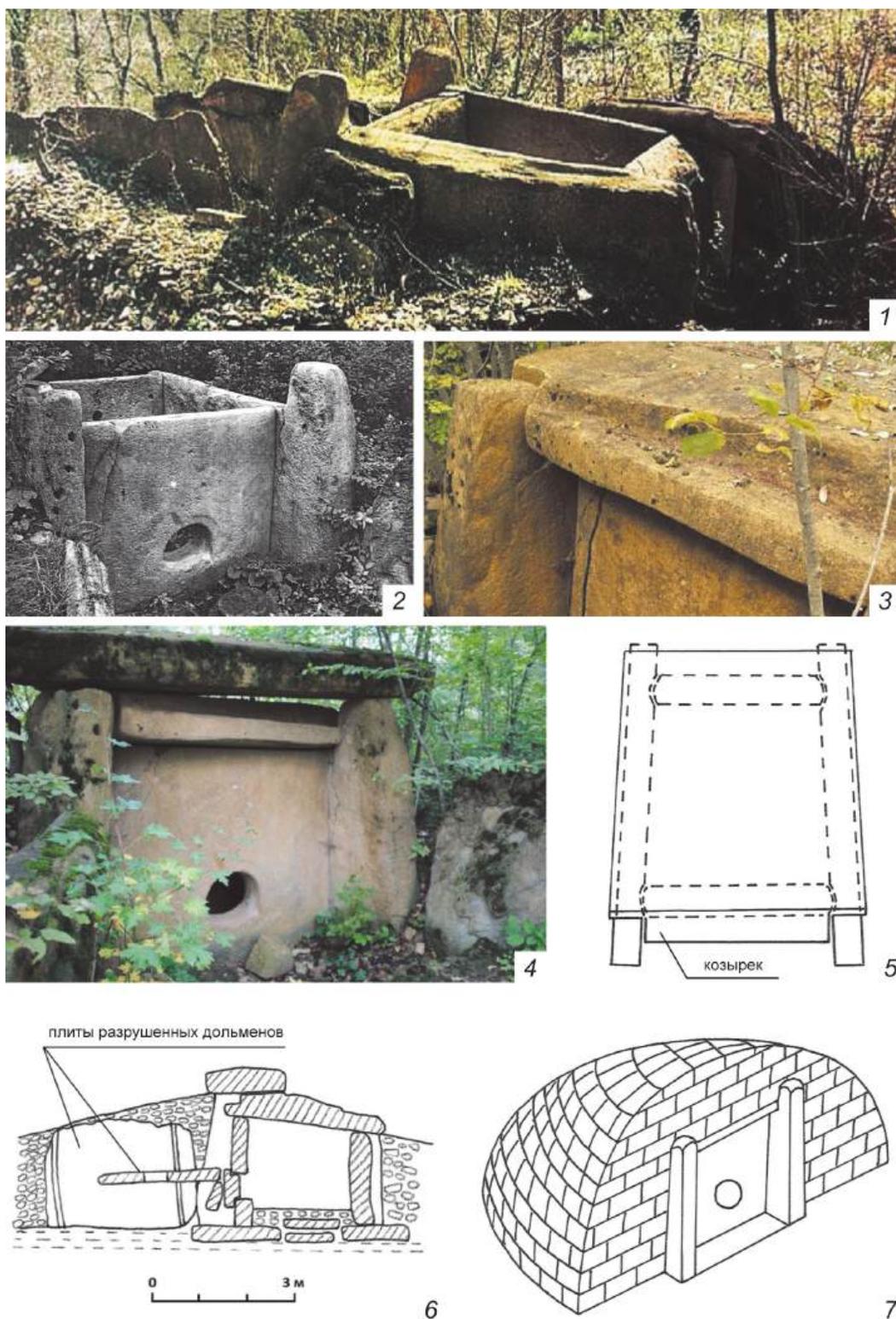

Рис. 4. Курган 39. 1 – вид камеры без крышки; 2 – порталные выступы; 3 – фрагмент кровельной плиты с вырезом для пилонов и «полкой» для стены фасада «палеодольмена»; 4 – вид с дополнительной кровельной плитой; 5 – план кровельной плиты; 6 – подольный разрез (по Резепкин 2012 рис. 92, 5 и 93. 6); 7 – реконструкция «палеодольмена» (по А. Дмитриеву)

конструкции с приставными плитами, – они должны стоять строго впритык (рис. 5, 1, 2). Обломки кровельной плиты найдены на уровне верха камеры снаружи у правого заднего угла. Пол камеры был вымощен обломками плит и засыпан галькой. Одна из крупных плит пола, судя по сохранившемуся на ней пазу, принадлежала **другому ранее разрушенному** дольмену (Резепкин, 2012. С. 48. Рис. 98, 1). Другие крупные плиты пола имели прямоугольные углы.

Несмотря на плохое состояние объекта и недостатки фиксации (не указаны высоты плит камеры, а прилагаемый масштаб несколько отличается от зафиксированных размеров), можно сделать следующие выводы.

Как и в предыдущих случаях, у данной камеры нет даже следов основания стены «палеодольмена», а во врезке кургана устроен каменный пандус длиной 18 м для передвижения и установки кровельной плиты.

Для устройства пола использованы фрагменты плит ранее разрушенных дольменов. Портальные плиты не приставлены к стенам камеры, а отстоят от неё на 30 см, создавая ничем не оправданный зазор в портале (рис. 5, 2). Это позволяет отнести данное сооружение к «постдольменным» памятникам.

Курган 40, погребение 2 (Резепкин, 2012. С. 448, 48; С. 228. Рис. 99).

Погребение было расположено в 23 м к северо-западу от центра кургана на глубине 7,62 м на древней дневной поверхности. Отдельной насыпи над погребением обнаружено не было. Камера небольшого размера. Её ширина 0,98–1,03 м, длина 1,1 м, высота 0,8 м. В передней плите округлое отверстие по вертикали 35 см, по горизонтали 37 см было закрыто грибообразной пробкой. Размер плиты, перекрывавшей камеру 1,65×1,3×0,17 м. Плиты пристройки 0,61 и 0,62 м толщиной 10 см возвышались над передней плитой на 0,13 и 0,16 м. Они были перекрыты отдельной плитой, опиравшейся сзади на козырёк плиты перекрытия камеры, а с боков на плиты пристройки.

Плиты камеры стояли на «подушке» из булыжника размером до 17 см. Внутри камеры на этом булыжнике лежал слой материковой глины толщиной 20 см, на ней слой мелкой гальки (пол камеры), доходивший до низа отверстия (рис. 5, 3). На полу камеры в беспорядке были раскиданы кости стоп двух подростков. Снаружи передняя плита была завалена крупным булыжником (Резепкин, 2012. С. 49).

Из особенностей данной камеры можно отметить, что передняя и задняя плиты по высоте были больше боковых плит. (Резепкин, 2012. С. 228. Рис 99, 2, 3). Причём, передняя и задняя плиты, имевшие у «палеодольмена» большую ширину (Резепкин, 2012. С. 99, табл. 8) установлены на более узкую боковую грань и закопаны глубже (рис. 5, 4, 5). Боковые плиты, имевшие меньшую высоту, устанавливались на «подушку» из крупной гальки так, чтобы верхние грани всех плит были в плоскости плиты перекрытия. У камеры исходного «палеодольмена» угловые высоты торцовых плит соответствуют высотам боковых (рис. 4, 6). Засыпка камеры булыжником не сзади, как у «палеодольменов», а спереди была сделана для возможности монтажа кровельной плиты. Нехарактерна для «палеодольменов» засыпка камеры изнутри по самое отверстие. Это говорит не о «начальном этапе» строительства дольменов, а о «постдольменном» использовании для данной гробницы деталей разобранных камер «палеодольменов».

Теперь перейдём к рассмотрению камер, которые А. Д. Резепкин считал гробницами, а В. И. Марковин и В. А. Трифонов дольменами. Их исследовано всего 6. 4 из них имели плоскую кровлю, а 2 – двухскатную. Разбор начнём с камер, имеющих плоскую кровлю.

Курган 27 (Резепкин, 2012. С. 29).

Первая камера была исследована в 1898 г. И. И. Веселовским в кургане 27 (№ 2 по нумерации И. И. Веселовского). В отчёте И. И. Веселовского гробница была описана, как двухкамерная, разделённая перегородкой с отверстием на 2 секции, перекрытые одной плитой. Проводивший на этом месте исследование А. Д. Резепкин уточнил все детали этого сооружения (Резепкин, 2012. С. 29. С. 178. Рис. 49).

Он отметил, что гробница была двухкамерной (камера и пристройка). Поперечные плиты камеры были врыты в «погребённую почву», к ним приставлены продольные, в которых сделаны пазы. Размер камеры – длина 1,65, ширина 1,56 м, высота от пола 1,47 м. Отверстие

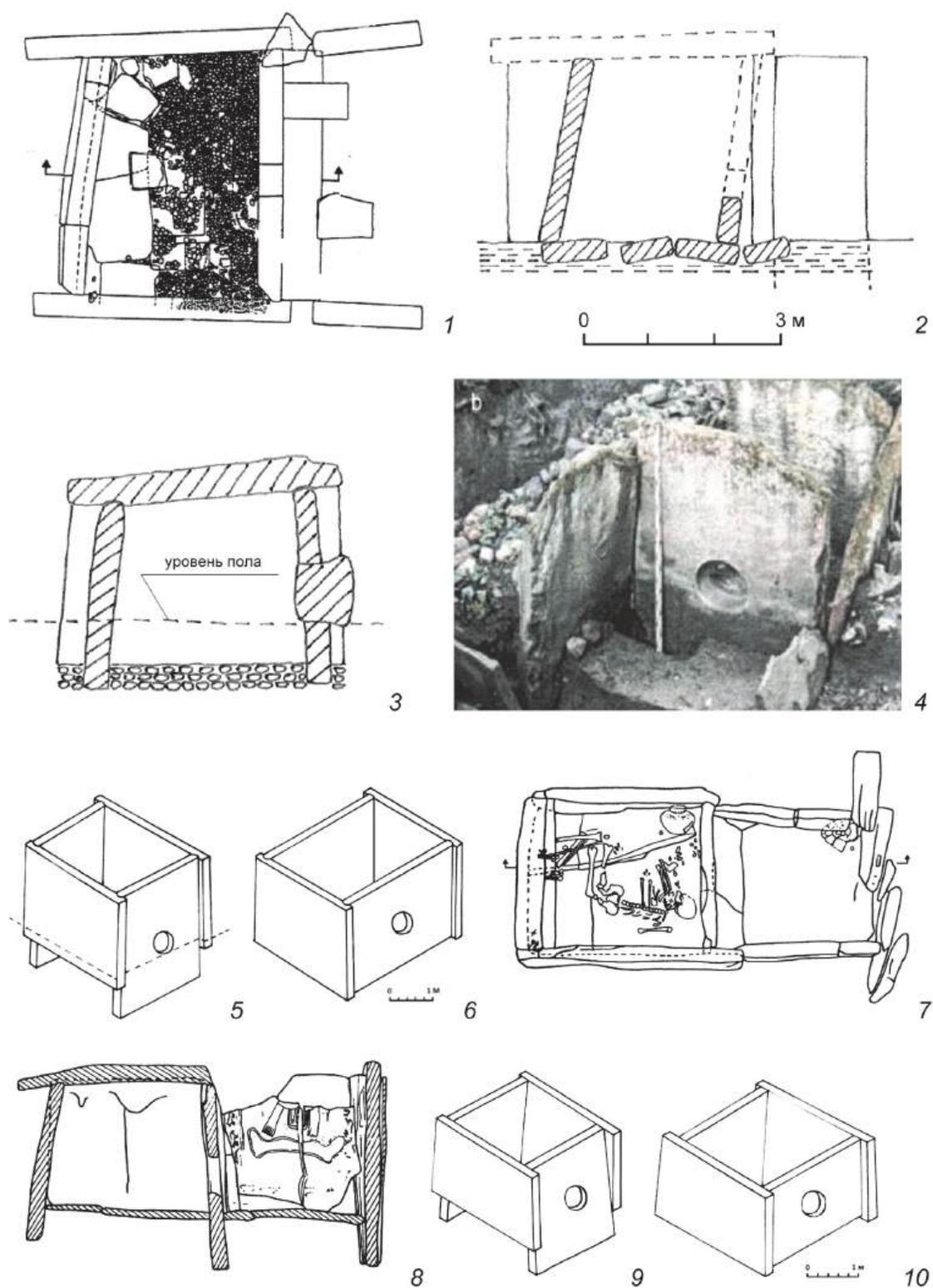

Рис. 5. Курган 40 погребение 1. 1, 2 – план и разрез камеры (по Резепкин, 2012, рис. 98, 1, 3). Курган 40 погребение 10. 3 – разрез; Курган 27. 4 – вид спереди (фото В. Трифонова); 5, 6 – сземы сборки камеры из плит «палеодольмена» и исходного «палеодольмена». Курган 28. 7, 8 – план и разрез камеры (по Резепкин, 2012, рис. 52, 1, 2); 9, 10 – схемы сборки камеры из плит «палеодольмена» и исходного «палеодольмена»

в передней поперечной плите было прямоугольным с размерами 42×41 см. От пристройки полностью сохранилась только одна плита длиной 1,30 м, приставленная к торцу плиты первой камеры. Вторая плита сохранилась на высоту 0,70 м. К концам плит пристройки под прямым углом приставлено по одной плите шириной 43 и 45 см.

Нужно учесть, что ширина камеры по размерам близка высоте продольных плит, а поперечные плиты вкопаны в землю приблизительно на 0,5 м и непропорционально высоки для обычных камер «палеодольменов». Это говорит о том, что при монтаже поперечные плиты разрушенных дольменов не были смонтированы горизонтально (тогда все плиты камеры были бы близки по высоте), а **установлены на боковые грани и вкопаны на глубину равную разности высоты и ширины этих плит** (рис. 5, 4–6).

Это классический «постдольменный» способ изготовления камер гробниц из плит разрушенных «палеодольменов» в могильник Клады.

Курган 28 (Резепкин, 2012. С. 29; С. 180. Рис. 51, 52).

Раскопанная в нём А. Д. Резепкиным гробница также состояла из камеры и пристройки. Камера с погребением имела размеры длина 1,58 м, ширина 1,35 м, высота 1,45, пол вымощен плитами толщиной от 13 до 16 см. Размеры пристройки: длина 1,4 м, ширина 1,35 м, высота 1,45 м. Пол также из плит. Передняя плита камеры имела круглое отверстие, закрывавшееся плоской пробкой. Передняя поперечная стенка пристройки состояла из глубоко вкопанных, заходящих друг за друга узких (шириной 0,8–1 м) и длинных плит. Толщина стен 14–16 см.

Конструкция сооружения не описана. По плану гробницы (Резепкин, 2012. С. 180. Рис. 52) видно, что правая продольная плита камеры короче и имела спереди паз и очень маленький выступ (как у «портальных» дольменов по В. И. Марковину). У левой плиты спереди тоже имелся паз, но выступ больше (как у дольменов с порталным выступом). Задняя плита камеры входит в паз кровли, но она даже с учётом уклона кровли гораздо короче передней плиты. Она вкопана около 30 см, в то время, когда передняя вкопана почти вдвое глубже. На разрезе (Резепкин, 2012. С. 181. Рис. 52, 2) видно, что отверстие в передней плите находится в центре.

Продольные плиты пристройки разных размеров. Они смещены внутрь и не являются продолжениями боковых плит первой камеры, как у дольменов с приставными порталными плитами. О характере засыпки вокруг стен камер в описании не говорится, только отмечено, что поверх кровельной плиты лежал слой глины толщиной до 20 см.

Неестественность данной камеры в том, что продольные плиты спереди выступают по-разному (рис. 5, 7). Если их поменять местами, получим камеру с приставными порталными плитами. По данным В. И. Марковина (Марковин, 1978. С. 108. Т. 6, 7) ширина поперечных плит всегда больше высоты. В данном случае – наоборот (рис. 5, 8, 9). Если бы поперечные плиты были смонтированы горизонтально, получилась камера трапецевидной формы с одинаковой высотой стен, как у «палеодольмна». Это говорит, что при устройстве данной гробницы (как и в кургане 27) были вторично использованы плиты камеры разрушенного «палеодольмена» (рис. 5, 10). Поперечные по вертикали повернуты на 90 градусов и вкопаны на разницу их ширины и высоты продольных плит, а к ним с боков приставлены продольные плиты (расположенные произвольно).

Данная камера также является «постдольменной».

Курган 31 погребение 5 (Резепкин, 2012. С. 36. С. 198. Рис. 69).

Было врезано в существующую насыпь. Погребение представляло из себя погребальную камеру с пристройкой, перекрытую двумя покровными плитами. Длина камеры (по верху) 115 см, ширина камеры по задней плите 118 см, по передней плите 126 см. Размеры понизу: длина 137–137 см, ширина по задней стене 122 см, по передней – 127 см. Пол состоял из двух ровных плотно пригнанных друг к другу плит. В центре передней плиты имеется круглое отверстие 42–43 см.

Длина пристройки 106 см, ширина 127 см. Её пол частично был устлан плитой, частично вымощен галькой. Передняя стенка состояла из плиты размером 85×66 см и камней, которые заполняли пространство между ней и боковыми плитами.

Перекрытие пристройки опиралось на боковые плиты и столб сечением 28×13 см вкопанный в пол на 30 см и возвышающийся над ним на 81 см. Полы из плит лежали на древней дневной поверхности. Плиты стен глубоко вкопаны в землю, кроме передней плиты второй камеры (рис. 6, 1–5).

В описании погребения не указаны высота камеры, размеры и заглубление плит. Приведённые схемы (Резепкин, 2012. С. 198. Рис. 69) слишком упрощённые и не дают точного представления о глубине заглубления (а соответственно и размеров) вертикальных плит.

Боковые плиты камеры имеют выступы, не позволяющие отнести её к типу «портальных» дольменов. Считать приставными порталными плитами продольные стенки второй камеры тоже нельзя. Высота камеры (по масштабу всего около 80 см. Отверстие наполовину погружено в землю (рис. 6, 2).

Захоронение производилось сверху, так как произвести захоронение через сегментовидную щель высотой менее 20 см невозможно. Делать такое отверстие не имело смысла. Здесь мы имеем конструкцию камеры, составленную из плит разных «палеодольменов». Передняя, задняя и левая боковая одной высоты (от одной камеры) и более высокая правая (из двух плит) – от другой камеры. Приставленные к камере сравнительно широкие плохо обработанные боковые плиты служили стенами пристройки. Перекрытия камеры и пристройки были в одной плоскости, а у дольменов с приставными «порталами» должно быть одно над другим.

При строительстве данной гробницы применялись детали от разных **ранее разрушенных** «палеодольменов», на основании чего её следует отнести к «постдольменным» сооружениям.

Со всех сторон гробница была окружена каменной наброской, верхней своей частью доходившей до верхнего края покровных плит. Понижаясь к югу, она сливалась со вторым кромехом кургана, образуя пандус для затаскивания кровельных плит. Плиты кровли были покрыты толстым слоем глины.

Радиоуглеродный анализ датирует материалы из гробницы 37–34 в. до н. э. (Корневский, Резепкин, 2008. С. 122. Т. 2)

Курган 31 погребение 1 (Резепкин, 2012. С. 44).

Каменный ящик без перекрытия с максимальными размерами 127×111 и высотой 54 см при толщине стен 7–14 см к «мегалитам» отнести нельзя и он рассматриваться в этой работе не будет.

В могильнике было обнаружено 2 сооружения с двухскатной кровлей, которые А. Д. Резепкин считал гробницами, а Н. В. Веселовский, В. И. Марковин и В. А. Трифонов дольменами.

Курган 1 (26 по плану Иессена) (рис. 6, 6).

Первое сооружение было исследовано Н. В. Веселовским в 1898 г., который сделал его зарисовки и считал двухкамерным сооружением с двухскатной кровлей. По его версии две плиты одновременно перекрывали обе камеры.

Последующие исследования В. А. Трифонова (Trifonov, 2022. С. 847) показали, что гробницы строились как однокамерные. Приставленные к ним две вертикальные плиты образовывали пристройку (прихожую или внутренний двор, как их называл В. А. Трифонов). Передние плиты пристроек, изображённые Н. В. Веселовским не существовали. Каменные столбы поддерживали невысокую плиту, ограждающую пристройку спереди и являлись опорой кровельных плит.

Курган 30 погребение 1 (рис. 6, 7) (Резепкин, 2012. С. 32. Рис. 60).

А. Д. Резепкин описывает его как двухкамерную гробницу, стоящую на дневной поверхности и с трёх сторон, кроме юго-восточной, на две трети своей высоты заваленную рваным камнем. Она была перекрыта двускатной крышей. С обеих сторон сбоку кровельные плиты подпирались узкими длинными плитами по две с каждой стороны. Более длинные плиты перекрывали камеру. На них опирались более короткие плиты перекрытия пристройки. Обе они расколоты и провалились.

Камера имела длину 2,27 и 2,03 м и ширину у поперечной плиты с отверстием 1,98 м. у задней плиты 1,95 м. Передняя и задняя плиты вкопаны в землю. Боковые плиты прислонены к ним и снаружи засыпаны камнями. Пол вымощен плитами. В передней плите квадратное отверстие со сторонами 39 см.

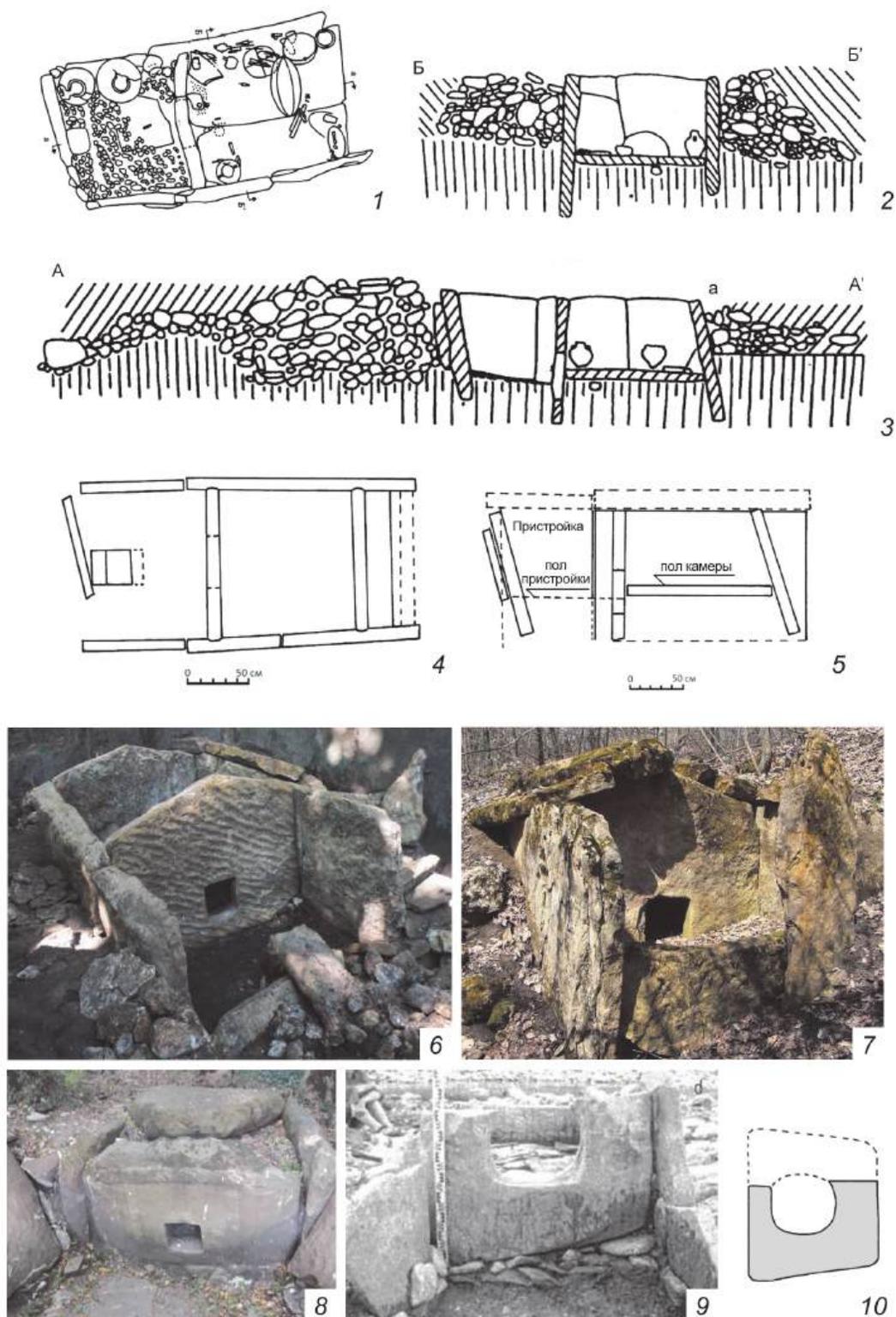

Рис. 6. Курган 31 погребение 5. 1–3 – план, поперечный и продольный разрезы (по Резепкин, 2012, рис. 69, 2, 5, 6); 4, 5 – план и продольный разрезы пофактическим размерам; Камеры с двускатными кровлями; 6 – курган 27; 7 – курган 30; 8 – р. Куаго у г. Геленджика. Гробница (дольмен) Шепси; 9 – вид спереди (фото В. Трифонова); 10 – реконструкция передней плиты разрушенного «палеодольмена»

Левая (от плиты с отверстием) плита на 25 см выступает в пристройку. Выступ правой плиты не указан, но на фотографии видно, что её торец не выступает за грань передней плиты. Это может говорить о «постдольменном» использовании плит разрушенных «палеодольменов». Передняя плита пятиугольной формы с квадратным отверстием со сторонами 39 см имела ширину 1,92 м и высоту по краям 1,3 м, в центре 1,67 м (размеры указаны без заглабления). Глубина заглабления нигде не указана). Отверстие было закрыто плоской пробкой. С внутренней стороны боковых плит проделаны пазы шириной 14–15 см и глубиной 3 см, в которые входили вертикальные торцы поперечных плит.

Пристройку образуют две плиты, приставленные к торцам боковых плит камеры. Длина левой плиты 0,88 м, правой 1,13 м. Ширина пристройки у плиты с отверстием 1,03 м и у входа 1,98 м. Приставные по длине камер плиты, образующие порталную нишу «палеодольмена», всегда одинаковой длины и выше боковых стен на толщину перекрытия камеры чтобы на них и на плиты камеры опирались плиты перекрытия порталной ниши. В данном случае стены пристройки были разными по длине, а по высоте не выступали над стенами самой камеры, как у ниш порталной камеры. Её плиты перекрытия опирались на кровлю камеры и у входа на концы приставных плит и на плиту-столб. Пристройка не была герметичной. Она имела косую щель под кровлей и почти открытую входную часть. Это говорит, что в данном случае использованы плиты разных конструкций.

Камера была засыпана камнями с трёх сторон на две трети высоты. Она не была заполнена грунтом. В ней находились захоронения и разнообразный погребальный инвентарь. В пристройке были обнаружены только мелкие фрагменты сосуда.

Сама же пристройка изнутри до самого верха была засыпана камнями и крупным булыжником, что можно было сделать только до монтажа кровли

Плиты перекрытия пристройки опирались не по всей длине, как плиты первой камеры, а только концами, из-за чего, не выдержав нагрузки, позже раскололись, придавив под ними каменную засыпку.

Строить серьёзные выводы о первоначальной форме и конструкции сооружений с двухскатной кровлей сложно. Пока их исследовано только два и оба в могильнике Клады. Что это надземные конструкции, говорит находка подобного сооружения в Широкопшадской щели (ручей Куаго) у г. Геленджика (Дмитриев, 2020. Рис. 15, 8). Сооружение почти по основанию крыши занесено глиняными наносами. Снаружи к боковым плитам пристроены два массивных блока такой же высоты. На фасадной плите имеется выпуклое изображение портала, подобное трём дольменам из Геленджика (рис. 6, 8). Вокруг видны руины ещё десятка строений, занесённые грунтом.

Возможно, исследование этой группы прольёт свет на происхождение двускатных мегалитических сооружений.

Анализ конструкций

Несмотря на различные конструкции и размеры все погребальные каменные сооружения могильника Клады имеют много общего. Все они являются впускными погребениями в уже существовавшие курганы. Следовательно, мегалитические сооружения не были первичными в могильнике Клады

Применение при строительстве мегалитических сооружений могильника Клады деталей **разрушенных камер «палеодольменов»**, их некачественная сборка без фундаментных плит (за редким исключением), применение плит от разных исходных типов камер, установка стен пристроек с неиспользуемыми пазами, мощение полов обломками дольменных плит с пазами, дольменные плиты в засыпке говорят не о первых неумелых попытках мегалитостроения, а о массовом «постдольменном» применении для строительства гробниц деталей разрушенных «палеодольменов», имевшихся в избытке.

«Постдольменность» на раннем этапе сооружения каменных гробниц подтверждают и исследования «дольмена» Шепси. В. А. Трифонов приводит фотографию передней стенки гробницы, сделанной из обломка обычной трапецевидной плиты разрушенного дольмена, установленной

Рис. 7. Могильник Шушук. 1 – крышка камеры на поверхности; 2 – погребения под снятой крышкой; 3, 4 – камеры, погружённые в замлю; 5 – отверстие малого размера (3, 5, 6 – фото В. Селедцова)

не как обычно на нижнюю грань, а на боковую. Строители не стали для выравнивания плиты закапывать острый угол, а подпёрли её булыжником (рис. 6, 9, 10). Это В.А. Трифонов считает первым применением фундамента в строительстве мегалитов (Trifonov, 2022. С. 848. Рис. 10д).

Исследователи приходят к выводу, что в начале IV тыс. до н. э. происходит миграция носителей культуры памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц (Кореневский, Резепкин, 2008. С. 114). Но среди памятников раннего диапазона 40–37 вв. до н. э. гробницы из плит «палеодольменов» в могильнике Клады не отмечены.

Их первое появление выявлено среди памятников среднего диапазона 37–34 вв. до н. э. в погребении 1 в кургане 30, гробнице 5 кургана 31 датируются 37–34 вв. до н. э.

К памятникам последнего диапазона относятся гробница кургана 1 (раскопки 1898 г. датируется 34–31 в. до н. э. (Кореневский, Резепкин, 2008. С. 115, 116, 121–123). Гробница Шепси датируется В.А. Трифоновым последней четвертью IV тыс. до н. э. (Трифонов, Крайнева и др., 2013. С. 38)

Получается, что за сравнительно небольшой отрезок времени в 250–300 лет от начала миграции, носители новой культуры успели где-то построить очень сложные и трудоёмкие в исполнении типы дольменов, разобрать их, перенести детали и собрать заново в могильнике Клады с заметными искажениями? Это невозможно.

Ещё до начала миграции нового населения тысячи дольменных сооружений («палеодольменов») уже стояли в руинах (Дмитриев, 2020. С. 51, 62). Об этом говорят многочисленные изображения руин, зафиксированные В.И. Марковиным на р. Кизинке (рис. 7, 1–8). Для создания каменных гробниц не нужно было разрабатывать карьеры, добывать и обрабатывать плиты. Всё это в большом количестве лежало поблизости. Транспортировка занимает меньше затрат, чем изготовление плит. Особых навыков и качества сборка не требовала. Всё равно всё потом засыпалось землёй.

В разных районах и разное время «постдольменные» сооружения использовались по-разному. В Шушукском «дольменном» могильнике в отличие от Кладов не делали пристроек. Камера без фундамента закапывалась в карстовую воронку, яму, или откос (рис. 8. 1. 1, 2). Произвести захоронения через отверстия в передних плитах не позволяли малые отверстия (рис. 8. 1. 3). Захоронения производились путём подъёма крышки, которая глубоко не погружалась (рис. 8. 1. 4, 5). В дольмене 1 погребения располагались выше низа отверстия (Резепкин, 2019. С. 126–129).

Для погребальных камер применялись не все детали от одного «палеодольмена», а произвольно подобранные плиты разных разрушенных камер. В упомянутом дольмене 1 в небольшое арочное отверстие была вставлена круглая (в сечении) пробка от другого дольмена (Резепкин, 2019. С. 129. Рис. 3, 1–3). В дольмене 3 правая от отверстия плита имеет паз, наклонённый не внутрь камеры, а наружу (рис. 8, 6). Наклон передней плиты наружу ещё ни разу отмечен не был. Это левая боковая плита камеры какого-то разрушенного «палеодольмена» произвольно установленная справа.

Вышеизложенное доказывает «постдольменность» могильника Шушук и называть его «дольменным» неправильно. В «дольменном» комплексе Шушук из плит делались рамы и другие простейшие гробницы (Эрлих и др., 2022. С. 7). Южнее и на Черноморском Побережье для устройства погребений сбрасывали крышки (геленджикские дольмены) или делали проломы в стенах. С начала IV тыс. до 4 в. до н. э. новые «палеодольмены» уже не строили.

Выводы

А.С. Уваров (как и большинство русских исследователей) заблуждался, считая дольмены погребальными сооружениями, но называл дольмены, погружённые в курганы, просто курганом с каменной гробницей, а не дольменом. (Фелицын, 1904. С. 14). В этом он был абсолютно прав. Поскольку «палеодольмены» не предназначались для захоронений, все камеры с обнаруженными в них погребениями различных эпох следует называть не «дольменами», а гробницами.

Наличие в могильнике Клады «постдольменных» погребальных конструкций с массовым использованием деталей разрушенных дольменов доказывает, что это не специально построенные сооружения, а гробницы, сложенные из доступных материалов. Строить на этой случайной подборке деталей обоснованные хронологические построения (какой тип ранний, какой – поздний) беспочвенно. Единственно, что можно считать определённым, что «палеодольмены» строились раньше миграции носителей культуры памятников круга Майкопского кургана в 40–37 в. до н. э. А это уже кавказский энеолит, который ещё слабо изучен. Следует заново переосмыслить ранний материал, собранный поблизости от дольменов, проанализировать возможность связи дольменов и известных «домайкопских» поселений.

Становится очевидным, что искать истоки происхождения и неправдоподобной трансформации относительно поздних каменных европейских гробниц в более древние «палеодольмены» Кавказа (Резепкин, 1988. С. 163; 2012. С. 98) также нелогично, как и искать их подобие в колодевидных гробницах Красной Поляны (Трифонов, 2001. С. 29).

Вторым важным выводом является то, что дольменная культура, полностью основанная на «постдольменном» использовании для захоронений различными народами Кавказа разрушенных камер «палеодольменов», которой приписывают создание дольменов и строят на ней всю древнюю историю Северного Кавказа, не существовала.

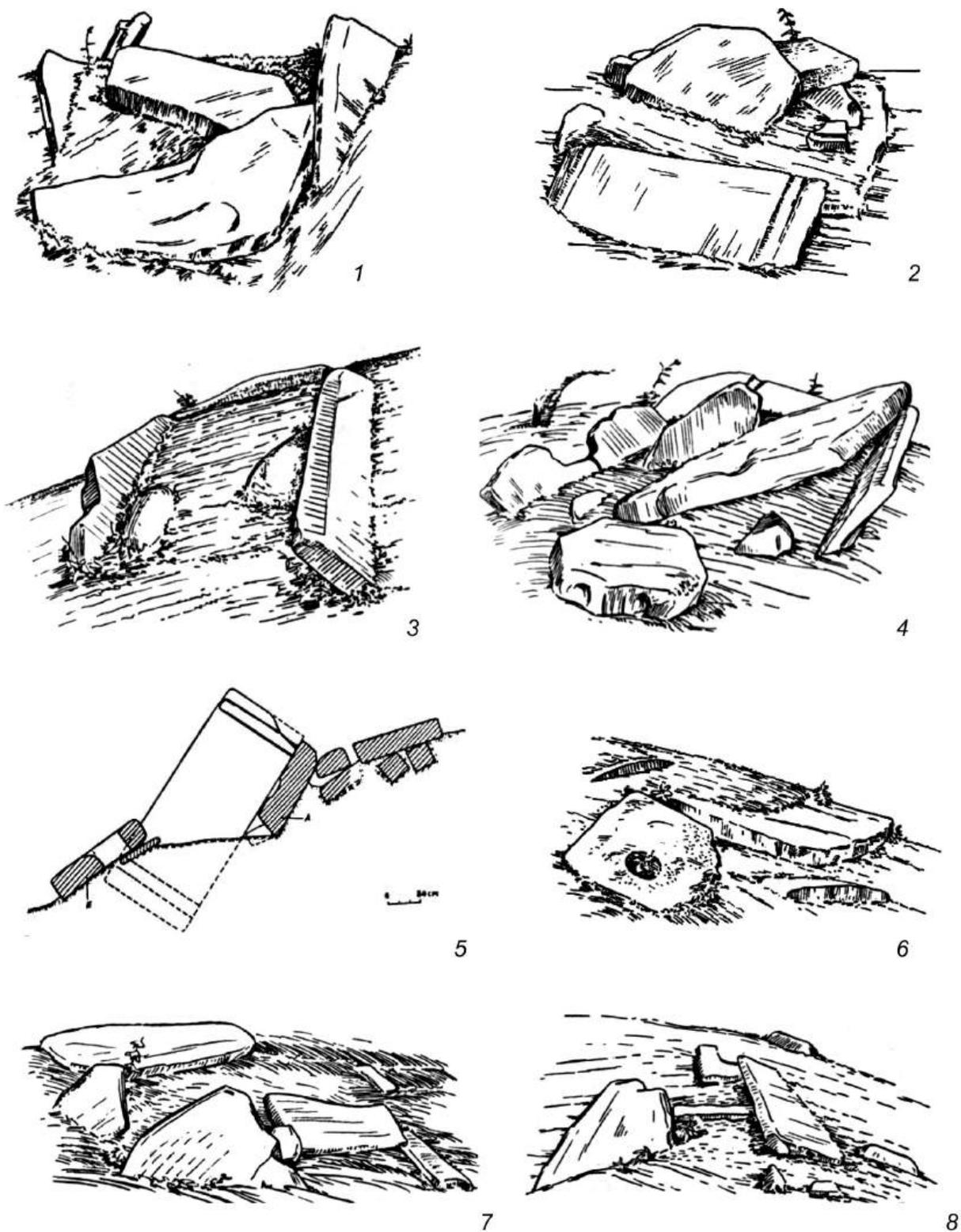

Рис. 8. Разрушения камер дольменов не антропогенного происхождения на р. Кизинка (Марковин, 1997). 1 – дольмен 63; 2 – дольмен 126; 3 – дольмен 182; 4 – дольмен 221; 5 – дольмен 226; 6 – дольмен 316; 7 – дольмен 492; 8 – дольмен 495

Литература

- Дмитриев Д. В., 2020.** Архитектура дольменов Западного Кавказа. (Размышления на тему) // МИАСК. Вып. 18 / Под ред. Е. И. Нарожного – Армавир-Краснодар: НАО «Наследие Кубани», 2020. С. 41, 46–47.
- Дмитриев Д. В., 2022.** Дольмены. Заблуждения исследователей и выход из тупика. (Логический анализ выводов) // МИАСК. Вып. 20. Изд. КЧГУ. Армавир-Карачаевск, 2022. С. 25.
- Корневский С. Н., Резепкин А. Д., 2008.** Радиоуглеродная хронология памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXII. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск. – С. 109–127.
- Марковин В. И., 1978.** Дольмены Западного Кавказа. Отв. ред. К. Ф. Смирнов. М.: Изд-во «Наука», 1978. 328 с.
- Марковин В. И., 1997.** Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М. 1997. 402 с.
- Резепкин А. Д., 1988.** Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп. – С. 156–163.
- Резепкин А. Д., 2012.** Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады») // Тр. ИИМК РАН. Т. 37. СПб.
- Резепкин А. Д., 2019.** Дольмены могильника Шушук. Спектральный анализ металла, хронология // Вестник Московского областного университета. Серия: история и политические науки. № 5, М.
- Трифонов В. А., 2001.** Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения? // Дольмены – свидетели древних.
- Трифонов В. А., Крайнева А. Н. и др., 2012.** Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западе Кавказа // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова (Санкт-Петербург, 22–26 октября 2012 г.) – Кн.2 – СПб: Изд. Периферия. – С. 100–107.
- Трифонов В. А., 2021.** Шатровый дольмен у станицы Царская, 1869 г., Северо-Западный Кавказ: конструкция и археологический контекст. Археологические вести. – № 32 – СПб. – С. 433–446.
- Фелицын Е. Д., 2004.** Западно-кавказские дольмены // МАК, собранные экспедициями МАО / Под ред. и с предисл. гр. Уваровой. – Т. IX: Материалы, собранные Е. Д. Фелицыным и В. М. Сысоевым. – М.: Типография А. И. Мамонтова и К°. – 175 с.
- Эрлих В. Э. и др., 2022.** Археологический комплекс Шушук – эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней – поздней бронзы // РА. № 1. М. – С. 7–23.
- Viktor Trifonov, 2022.** Chapter 38 The Bronze Age megaliths in the Caucasus: development trajectory of the architecture and the funeral practice. In: Megaliths of the World, 2022 L. Laporte, J-M. Large, L. Nespoulous, C. Scarre, T. Steimer-Herbet (Eds.). Vol.1. Archaeopress. Oxford: 837–852.

РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОЛЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ЮРИДИЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ)

© **А. В. Дмитриев**

свободный исследователь, г. Новороссийск,
Российская Федерация

Аннотация. Хотя изучение дольменов Кавказа началось ещё в XIX в., исследователи так и не пришли к определённому выводу – кто, когда и для чего построил эти удивительные сооружения?

Ещё до начала раскопок считалось, что это погребальные сооружения. Поэтому исследовалось только содержимое камер и попутно систематизировалась их конструкция. На окружение камер практически внимания не обращалось.

После открытия и частичного восстановления дольменов на р. Озерейке у Новороссийска, автор статьи сделал вывод, что изначальным видом дольмена является палеодольмен. Это башнеобразное сооружение параболической в плане формы с параболическим фасадом, в центре которого находится передняя плита камеры. Стены, окружающие камеру с боков и сзади повышаясь подобно черепице переходят в покрытие каменной засыпки между камерой и стенами и возвышается над покровной плитой камеры.

Исследуя дольмены на р. Жане, В. А. Трифонов пришёл к другим выводам. Камеру дольмена с боков и сзади окружает насыпь и керн, доходящие до низа покровной плиты камеры. Перед дольменом должен находиться замкнутый двор. Насыпь от двора по обеим сторонам передней плиты дольмена отделяют две подпорные стены, по высоте равные стенам камеры. Это существенно отличается от выводов автора статьи.

При раскопках В. А. Трифонов по мере возможности «восстанавливает» дольмены, следуя не юридическим требованиям, а разработанной им «реконструктивной методике».

В статье анализируются археологические, юридические и технологические вопросы раскопок и восстановительных работ на сложных в изучении дольменных памятниках.

Ключевые слова: Дольмен, палеодольмен, дольменные памятники, реконструкция, реставрация.

RESTORATION AND RECONSTRUCTION OF DOLMEN MONUMENTS (ARCHAEOLOGICAL, LEGAL AND TECHNOLOGICAL PROBLEMS)

© **A. V. Dmitriev**

freelance researcher, Novorossiysk, Russian Federation

Annotation. Although the study of the dolmens of the Caucasus began in the 19 th century, researchers have not come to a definite conclusion – who, when and for what purpose built these amazing structures?

Even before the excavations began, it was considered that these were burial structures. Therefore, only the contents of the chambers were investigated and their design was systematized along the way. Almost no attention was paid to the surroundings of the cameras.

After the discovery and partial restoration of dolmens on the river Ozereyka by Novorossiysk the author of the article came to the conclusion that the original type of dolmen is a paleodolmen. It is a tower-like structure of parabolic shape with a parabolic facade, in the center of which is the front plate of the chamber. The walls surrounding the chamber from the sides and from behind, rising like tiles, turn into a covering of stone filling between the chamber and the walls and rises above the cover plate of the chamber.

Exploring the dolmens on the river Zhane, V. A. Trifonov came to other conclusions. The dolmen chamber is surrounded from the sides and back by an embankment and a core reaching to the bottom of the chamber's cover plate. There should be a closed courtyard in front of the dolmen. The embankment is separated from the courtyard on both sides of the front plate of the dolmen by two retaining walls, equal in height to the walls of the chamber. This differs significantly from the conclusions of the author of the article.

During excavations, V.A. Trifonov, as far as possible, «restores» dolmens following not legal requirements, but the «reconstructive methodology» developed by him.

The article analyzes the archaeological, legal and technological issues of excavations and restoration work on dolmen monuments that are difficult to study.

Keywords: Dolmen, paleodolmen, dolmen monuments, reconstruction, restoration.

Прежде всего необходимо выяснить, что такое дольмен. Большая Российская энциклопедия определяет, что дольмен, это «погребальное сооружение, сложенное из крупных каменных плит и блоков, ... перекрытое плитами, вид мегалитов» (Скаков, 2007. С. 225).

После раскопок А. П. Кононенко на р. Озерейке в 1986, 1987 г. и А. В. Дмитриева в 2000 полуразрушенного комплекса из трёх камер дольменов окружённых стенами (рис. 1, 1–3), стало ясно, что дольмен, – это только камера, – часть башнеобразной конструкции, окружавшей камеру (Дмитриев, 2020. С. 41). Такое сооружение с параболическим фасадом и близким параболе планом автор считает не погребальным, а культовым сооружением и предложил назвать «палеодольменом» (Дмитриев, 2022. С. 43, 44).

При раскопках И. И. Ахановым дольменов в Геленджике неоднократно встречались остатки руин палеодольменов (рис. 1, 4), но тогда на это просто не обращали внимания, считая это остатками курганов.

Палеодольменом, прикрытым более поздней курганной насыпью, является и дольмен Псынако (рис. 1, 5), исследовавшийся М. К. Тешевым и В. И. Марковиным (Марковин, 1997. С. 312–334; 2011. С. 48). Контуры башнеобразного сооружения сохранились у дольмена 1 Гузерипль (рис. 1, 6) (Марковин, 1997. С. 244).

Наиболее хорошо сохранившиеся палеодольмены были выявлены Б. В. Мелешко в Назаровой щели у с. Архипо Осиповка и Д. Э. Василенко у п. Тешебс (рис. 1, 7, 8).

Отмечая большое количество насыпей вокруг дольменов, В. И. Марковин раскапывал только камеры и небольшое пространство перед фасадом. Уже после его раскопок в 2011 Д. Э. Василенко на г. Нексис выявил руины крупного палеодольмена (рис. 1, 9). Сравнительно полно сохранившийся палеодольмен был исследован В. Ю. Кононовым в Кринице (рис. 1, 10, 11); Кононов, 2020, С. 236). К сожалению, это редкое и сравнительно хорошо сохранившееся сооружение было разобрано при раскопках без достаточно полной фиксации и анализа конструкций.

В. А. Трифонов даёт дольмену другое определение: «Дольмен (погребальная камера), каково бы типа он не был, является только частью погребально-культового памятника, состоящего, как правило, из насыпи, **полностью или частично** покрывающей камеру, и двора перед её фасадом» (Трифонов, 2001. С. 31).

К этому определению следует сделать ряд замечаний. Насыпь – это не форма конструкции, а её содержание. В палеодольмене основная конструкция – это камера с отверстием в передней плите, включённой в стену параболической формы, и окружающая камеру параболическая в плане стена из камня или каменных блоков. Пространство между стенами было засыпано камнями различных размеров и формы. Закругляясь по параболе, боковые стены переходили в покрытие из каменных плит, подобное черепичной кровле.

Ничто не подтверждает и присутствие двора перед камерой. Такой вывод был сделан ещё Л. И. Лавровым: «Исследователи кавказских дольменов, как правило, не обращали внимания на обязательное наличие ровной площадки перед фасадом. Указание на площадки содержится только у А. Ф. Лещенко. В то же время площадку можно отметить во всех мне известных случаях. Если дольмен стоит на ровной поверхности, то **роль указанной площадки играло сплошь и рядом ничем не обозначенное пространство, прилегающее к фасаду**» (Лавров,

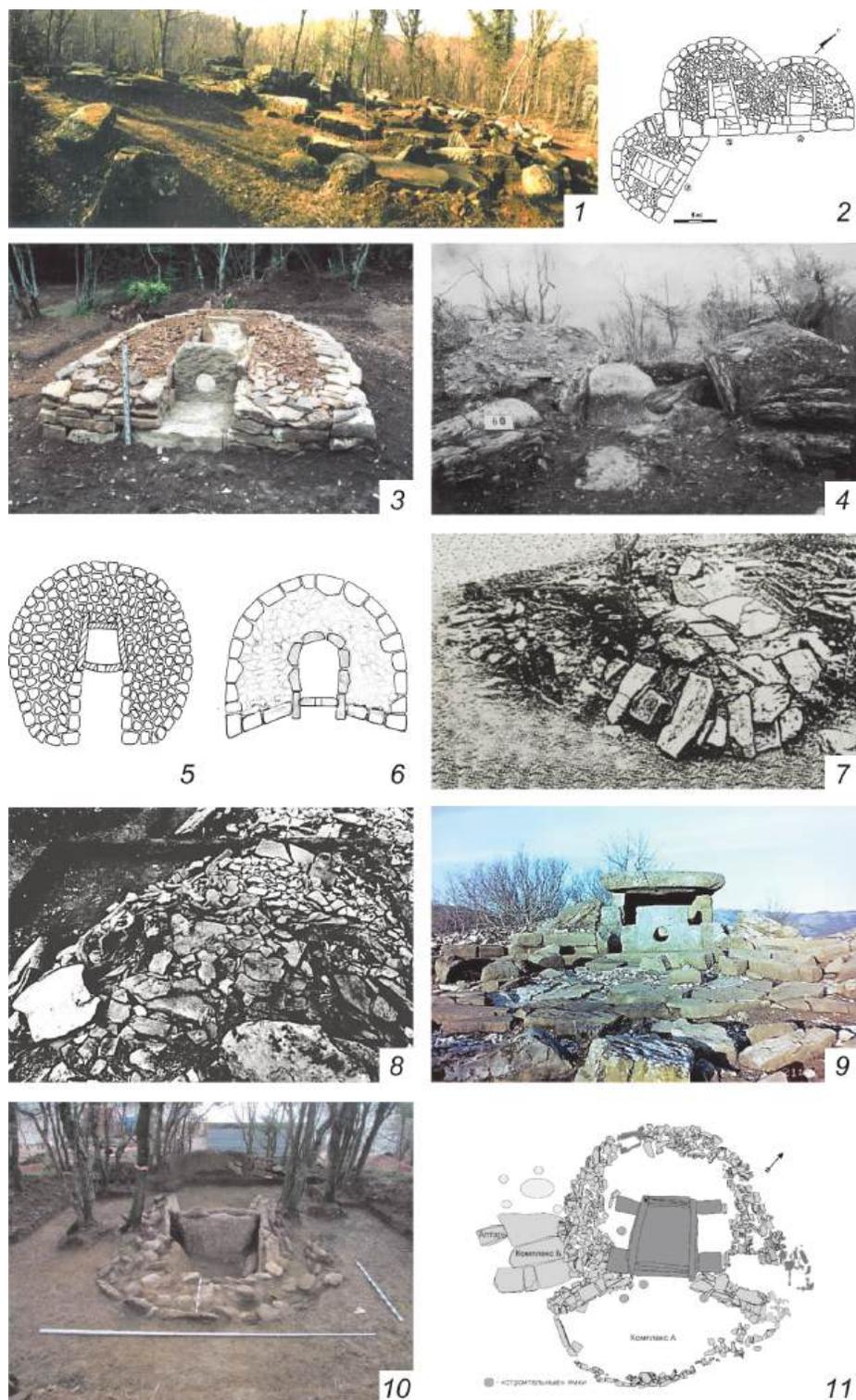

Рис. 1. Основания палеодольменов. Дольменный комплекс 1 на р. Озерейке. 1 – в процессе раскопок; 2 – план; 3 – Дольменный комплекс 2 – дольмен 2 – нижние ряды кладки; 4 – Развал палеодольмена. Раскопки И. И. Аханова в Геленджике; 5 – план палеодольмена Псынако (по В. И. Марковину); 6 – план палеодольмена у п. Гузерипль (по материалам В. И. Марковина. Реконструкция А.В. Дмитриева); 7, 8 – палеодольмены у п. Тешебс (раскопки Д. Э. Василенко); 9 – Палеодольмен на г. Нексис. Раскопки Д. Э. Василенко; 10, 11 – Палеодольмен в Кринице (раскопки В. Ю. Кононова)

1960. С 103). Как исключение, он приводит только дольмен Джубги, где площадка огорожена забором из больших тёсаных каменных блоков.

Только при раскопках дольмена на г. Нексис и дольменов 2 и 3 на р. Жане перед фасадами были расчищены площадки, вымощенные каменными плитами, но «дворами» назвать их нельзя, так как следов ограждения, обязательного для двора, обнаружено не было.

Понятия «реставрация» и «реконструкция»

Можно встретить много определений этих понятий.

«**Реставрация** – укрепление и **восстановление** поврежденных **памятников** истории, культуры и искусства».

В простейших случаях реставрация может быть сведена к одному лишь раскрытию. Осуществление реставрационных дополнений требует знания строительных технологий прошлого и умения их воспроизведения с той или иной мерой приближения.

Реконструкция отличается от реставрации тем, что **реставрация** сохраняет первоначальный вид объекта, в то время как **реконструкция** восстанавливает (воссоздаёт) его до первоначальной формы.

Пока для палеодольменов более доступна графическая реконструкция или воссоздание их первоначального вида в виде макетов. Это не только даёт представление о первоначальном облике таких памятников, но подтверждённая археологическими изысканиями, может служить основой при проведении восстановительных работ.

Правовые основы для проведения восстановления палеодольменов

Основой для производства любых археологических работ является Федеральный Закон Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации ФЗ-73 (редакция, действующая с 1 сентября 2023 года) (далее в тексте «Закон»).

В Постановлении Совмина СССР от 16.09.1982 N 865 (ред. от 29.12.1989, с изм. от 25.06.2002) «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры» п. 4.34 говорится: «После археологических раскопок курганных насыпей, каменных могильников, жальников, могильных каменных оградок, дольменов, менгиров, культовых камней и тому подобных объектов следует по возможности восстановить эти сооружения или первоначальный ландшафт. По завершению исследования архитектурных остатков, в том числе каменных кладок, исследователь обязан принять меры к их **сохранению и консервации**».

Дольмены упоминаются в п. 6.28 Положения о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах (далее в тексте «Положение») «При исследовании раскопками каменных могильников, жальников, могильных каменных оградок, дольменов и тому подобных объектов следует по возможности после раскопок восстановить эти сооружения **в первоначальном виде**».

В этих документах не только упоминаются дольмены, но даже даётся рекомендация принять меры к их сохранению, консервации и восстановлению в первоначальном виде (т. е. виде до проведения раскопок). О реставрации или реконструкции там не говорится.

Порядок сохранения памятников, включённых в государственный реестр памятников истории и культуры, определяется ст. 45.1 ФЗ-73. 1. «Работы по сохранению объекта культурного наследия, включенного в реестр, или выявленного объекта культурного наследия проводятся на основании задания на проведение указанных работ, разрешения на проведение указанных работ, выданных органом охраны объектов культурного наследия, указанным в пункте 2 настоящей статьи, проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия, включенного в реестр, или выявленного объекта культурного наследия, согласованной соответствующим органом охраны объектов культурного наследия, указанным в пункте 2 настоящей статьи, а также при условии осуществления технического, авторского надзора и государственного контроля (надзора) в области охраны объектов культурного наследия за их проведением».

Ведущей задачей реставрации памятников зодчества является усиление оснований и фундаментов: **перекладка и докладка полуразрушенных фундаментов**, усиление кладки.

Идея восстановления палеодольменов, пожалуй, начинается с 1985 г., когда на р. Озерейке А. В. Дмитриев открыл необычный комплекс из 3-х дольменов, заключённых в башнеобразные конструкции параболической формы из крупных плит и объединённых в единый ансамбль. В 1986 и 1987 г. комплекс раскапывался отрядом Новороссийской экспедиции под руководством А. П. Кононенко. После раскопок владельцы дач, расположенных поблизости, разобрали и унесли значительную часть камня, разбив даже 2 плиты камеры центрального дольмена.

В 1992 г. по инициативе Отдела культуры Новороссийского горисполкома Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия Краснодарского края заказал Научно-исследовательской проектной мастерской/НИПМ/«Союзпроектреставрация» Министерства культуры и туризма РФ проект реставрации дольменного комплекса. Специалисты мастерской выезжали на место для обследования конструкций и принятия решений (рис. 1, 8). В результате был выполнен проект шифр 135р инв. № 1743. Учитывая значительное сползание конструкций комплекса по склону (рис. 1, 1), проектом предусматривался подъём нижних стеновых плит на 1,5 м и подведение под стены фундамента шириной 1,5 м, а также благоустройство территории объекта и превращение его в объект показа.

Работы выполнялись экспедицией Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края под руководством автора статьи при финансовой и технической поддержке Каспийского трубопроводного консорциума и приняты комиссией с высокой оценкой качества (рис. 1, 2). Опыт дальнейшей эксплуатации показал надёжность конструкций.

Восстановление дольменов на р. Жане у г. Геленджика

Когда ещё только шла подготовка к реставрации дольменов на р. Озерейке, В. А. Трифонов уже приступил к раскопкам трёх хорошо известных дольменов на р. Жане (Трифонов, 2009. С. 115–128, 2014. С. 114, 115). Археологические работы совмещались с применением, как он называет, «реконструктивной методики», при которой, по его мнению, детально фиксируются все перемещённые и обнаруженные в ходе раскопок конструктивные элементы дольменов, что позволяет вернуть их на прежние места (без всяких разрешений и проектов, предусмотренных Законом) (Трифонов, 2009а. С. 116).

Работы начались с раскопок дольмена 1. Этот дольмен неоднократно упоминался в литературе. На фотографиях показан круглый в плане дольмен, сложенный из блоков (рис. 2, 1, 2). Но видно, что часть стены с правой стороны отсутствует (рис. 2, 3, 4). К началу работ В. А. Трифонова дольмен находился в руинированном состоянии (рис. 2, 5). В. А. Трифонов отмечает, что плита пола, она же фундаментная для его стен, треснула. Её обломок, обращённый к склону, имел утраты и значительный наклон наружу.

По правилам реставрации, при таком состоянии фундамента восстанавливать конструкции дольмена было нельзя. Требовалось укрепить основание для предотвращения сползания конструкции по склону, выровнять и отремонтировать перекошенный фундамент с добавлением утраченных деталей.

Однако В. А. Трифонов считал, что в отличие от реставрации реконструктивная археология не предполагает полного устранения утрат и повреждений памятника и переборки фундаментов (Куликова, Трифонов, 2001. С. 97). В примечании В. А. Трифонов пишет: «Поскольку наличие в древности зазоров не угрожало сохранности памятника..., они были сохранены при восстановлении дольмена в 1997 году».

В этой фразе А. В. Трифонов прямо признаёт, что в 1997 г он занимался не раскопками, а восстановлением, т. е. сохранением памятников без определённого Законом разрешения и выполнения элементарных правил реставрации (рис. 2, 6, 7).

Это привело к тому, что в северной части блоки расходятся на 20, 10, 30 и 40 см, в стыках верхние ряды не опираются на нижние, а висят в воздухе. (рис. 2, 8). Это не только портит

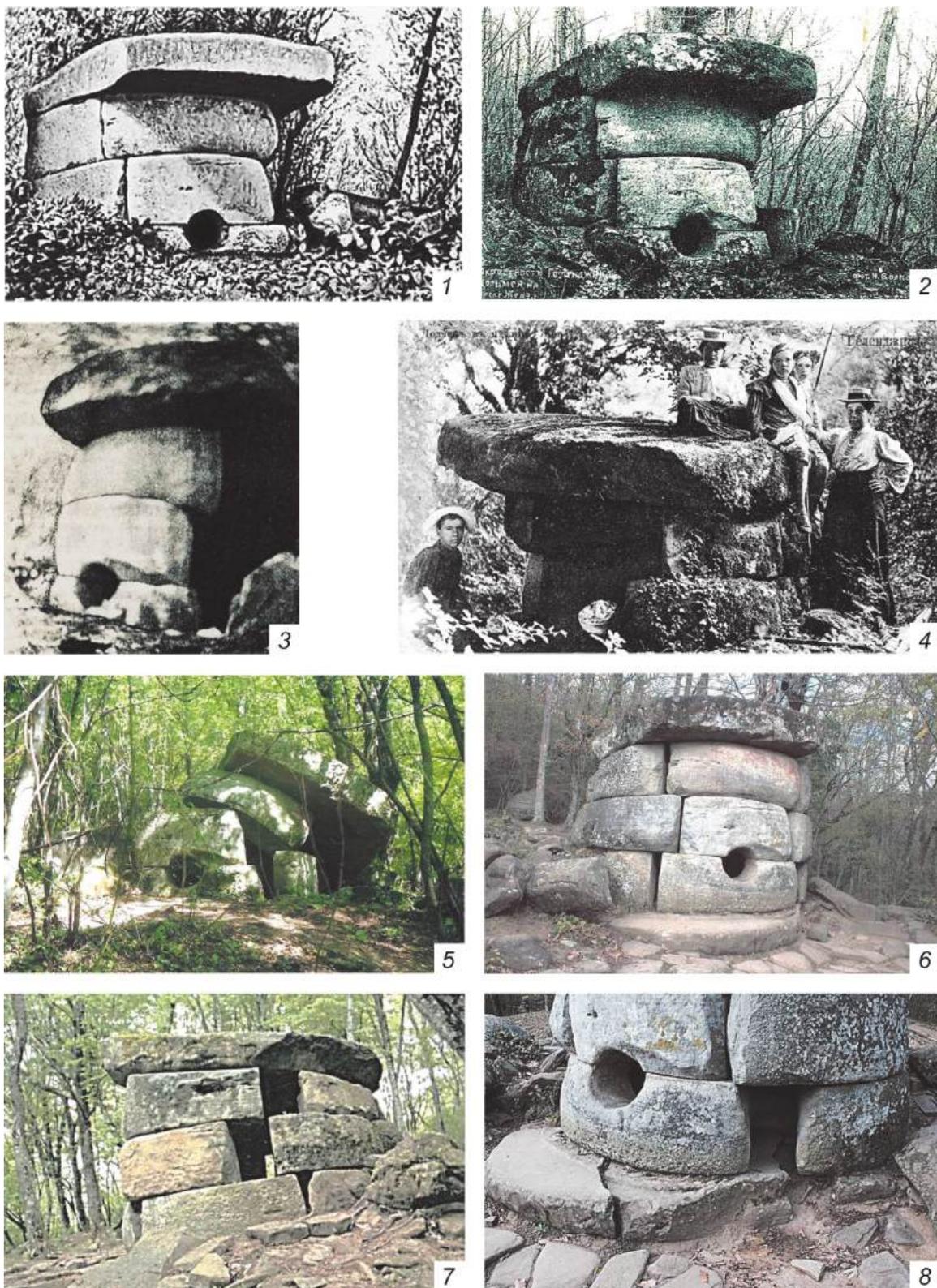

Рис. 2. Дольмен 1 группы 1 на р. Жане. 1 – фото начала XX; 2 – открытка 30-х годов XX в.; 3 – фото из статьи Васюкова (Васюков, 1902. С. 926); 4 – открытка издания Скловского нач. XX в.; 5 – состояние дольмена в 1994 г.; 6–8 – дольмен после реставрации В. А. Трифонова. Фото 2023 г.

внешний вид памятника, но в итоге грозит его обрушением. До начала сборки нужно было обязательно выровнять плиту пола, по расчётам специалистов подвести под неё фундамент и усилить основание.

Дольмен 2 на р. Жане

При описании раскопок и реставрации дольмена 2 В. А. Трифонов не представляет палеодольмен, как единую конструкцию. Для него отдельно важны камера, окружающая её насыпь и двор, окружённый двумя стенами. Фасадная стена палеодольмена у него, это «задняя стена двора» (Трифонов, 2009. С. 116–123). Поскольку даже следов передней стены двора обнаружено не было, В. А. Трифонов заново выложил эту стену из случайно подобранных камней и блоков (Трифонов, 2009. С. 122).

Расчистка фасадной стены началась с правой стороны (рис. 3, 1, 2). Она показала, что если 5 нижних блоков слева от камеры и 4 блока справа лежали на основании ровно, то крайние блоки с обеих сторон просели с наклоном наружу. Это привело к осадке крайних блоков и обрушению углов фасада.

Основание и нижний ряд блоков не были выровнены. После обнаружения четырёх нижних блоков, лежавших на основании, на них уложили самые различные по высоте и обработке камни. По размерам и характеру обработки часть блоков туда попали случайно, что при реставрации недопустимо (рис. 3, 3, 4). Всё это завершала кладка из необработанных камней

Нижний угловой блок с дуговидно срезанным углом имел не ровный, а ступенчатый нижний край (рис. 4, 1). Следовательно, он не был нижним, а устанавливался на ряд блоков с перепадами высот верхнего края. Но его установили на кучку бесформенных камней. Над ним была произвольно сложена пирамида из угловых скошенных блоков, которые фактически дуги не составляли. Связь с боковой стеной палеодольмена не была собрана.

При реставрации левой части фасадной стены перекошен угол. Для второго ряда стены использованы блоки одинаковой высоты, а выше уложены детали разных размеров и толщины. Сверху взгромодили крупные блоки, не соответствующие канонам классической кладки (рис. 4, 2).

В. А. Трифонов считал фасадную стену палеодольмена стеной, отделяющей двор от насыпи или внутренним ограждением двора (Трифонов, 2009. С. 121).

На фотографии первой реставрации палеодольмена площадку мощения перед ним ограничивает ряд плоских обработанных плит. Никаких блоков или крупных камней ни на площадке ни поблизости от неё не было (рис. 4, 3). В отчёте чётко сказано: «Наружная крепида двора, предохраняющая последний от сползания сооружена из поставленных наклонно в 1–2 ряда крупных необработанных песчаниковых плит, длина и ширина которых колеблется в пределах 1 м (Трифонов, 1999. С. 8, Трифонов, 2009а. С. 120. Рис. 6).

Однако, в следующем году В. А. Трифонов огораживает «двор» гипотетической стеной из блоков (рис. 4, 4). И в статью включает полностью отличающийся от приведённой выше фразы отчёта текст: «Расчистка каменной конструкции фасадной части двора позволила установить, что она представляет собой рухнувшую наружу сложенную насухо из массивных обработанных песчаниковых блоков стену протяжённостью 25 м и высотой (снаружи) около 1 м. (Трифонов, 2009а. С. 122) и далее даёт описание сложенной стены не по данным раскопок, а по гипотезе автора раскопок: «Наружная сторона всех трёх ярусов скруглена таким образом, что составляет единую плоскость полукруглого в плане, тщательно обработанного пикетежом фасада. Качество обработки наружной поверхности фасадной стены двора не уступает качеству обработки наружной поверхности дольмена и внутренних стен двора»?

Фактически стена была выложена произвольно с использованием самых различных деталей. Так из 69 блоков и крупных камней, уложенных в кладку стены, блоков с дуговидно обработанной боковой поверхностью было 26 или 38%, блоков с ровно обработанной поверхностью 18 или 26% и мелких необработанных камней 25 или 36%. Блоки с выпуклой поверхностью ранее окружали палеодольмен по параболе. Так что сравнение обработки

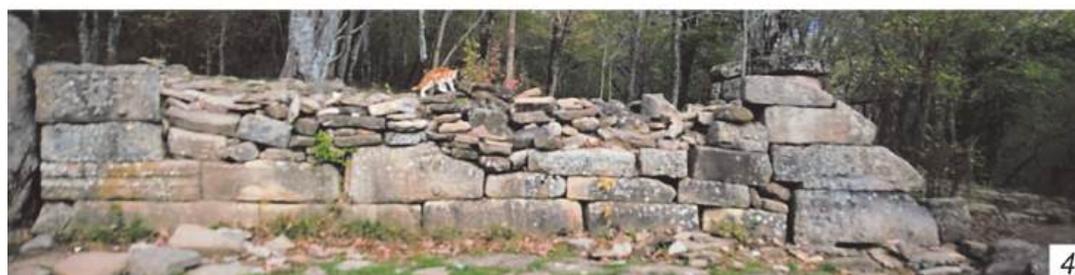
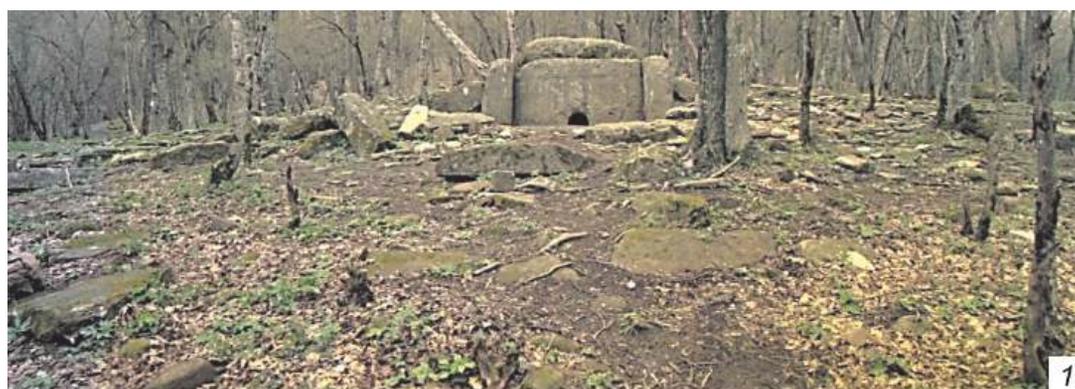

Рис. 3. Дольмен 2 группы 1 на р. Жане. 1 – вид до раскопок 1994 г.; 2 – начало раскопок; 3 – начало реставрационных работ; 4 – «реставрированная» правая сторона в 2023 г.

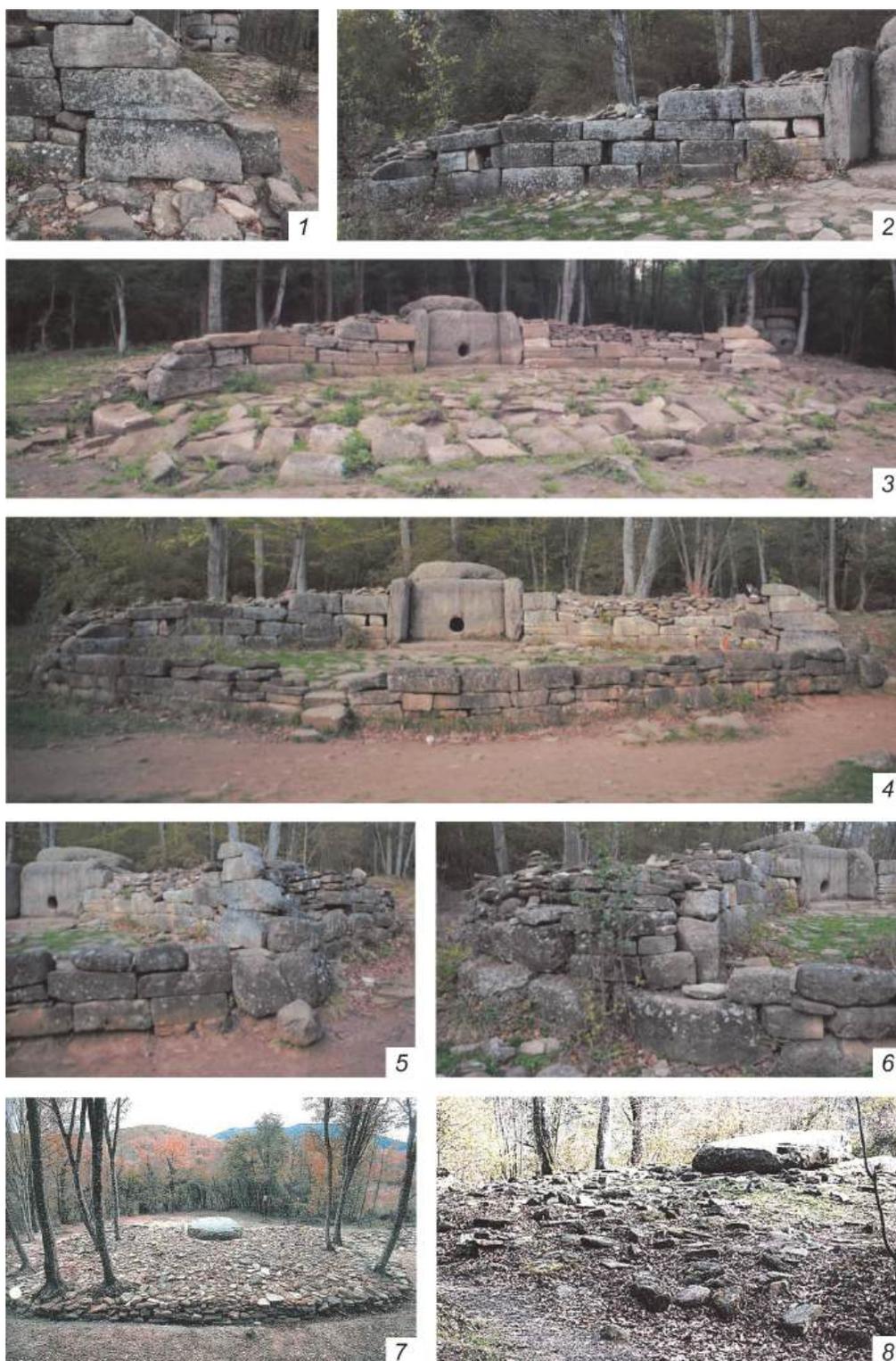

Рис. 4. Дольмен 2 группы 1 на р. Жане. 1 – угловые блоки правой стороны уложены штабелем на кучку бесформенных камней; 2 – левая сторона фасадной стены сложена из произвольно подобранных блоков; 3 – вид первой реставрации фасадной стены; 4 – тот же вид с пристроенной «платформой»; 5 – навал блоков в правом углу стыка фасадной и окружающей камеру стен; 6 – навал блоков в левом углу стыка стен; 7 – насыпь окружена произвольно выложенной «подпорной» стеной (Трифонов, 2009. С. 122. Рис. 8); 8 – Современный вид «подпорной» стены

поверхности некачественно собранной стены с качеством самого дольмена и фрагментов фасадной стены палеодольмена не соответствует действительности.

Стороны камней, обращённые к камере дольмена обработаны не были. Вид стены изнутри стена не соответствует архитектурному облику главного фасада палеодольмена.

Чтобы «зрителю, находящемуся за пределами двора, дольмен представлялся в виде монументального сооружения», огороженный участок был значительно подсыпан грунтом, создавая «платформу» (Трифонов, 2009а. С. 123). Такие же платформы показаны и в графической реконструкции дольменов 1 и 3, где даже следов таких платформ обнаружено не было (рис. 5, 7). В отдельных местах стена «платформы» положена на насыпной грунт и уже начинает разрушаться (рис. 4, 4).

Угловые стыки фасадной и окружающей дуговидной стен палеодольмна выложены крайне непродуманно. Это просто бесформенные навалы крупных блоков (рис. 4, 5, 6). В действительности, там должны быть чёткие вертикальные стыки примыкания и перевязки.

При реставрации «насыпь» была доведена до низа кровельной плиты, а произвольно расчищенный край насыпи был просто обложен камнями (рис. 4, 7, 8).

Дольмен 3 на р. Жане

Исследователи первой половины XX в. не упоминают третий дольмен. Вероятно, его не было видно под обрушившимися конструкциями стен. Но в 50–60-х годах, когда начались лесоразработки, бульдозерами была срезана верхняя часть насыпи и конструкций. Блоки были значительно смещены в сторону сада (рис. 5, 1). Ещё в конце 70-х годов ими была завалена глубокая канава, отделяющая сад от леса. Часть этих блоков не была использована при реставрации и их углы ещё видны из земли.

Здесь, как и в дольмене 2 при сборке лицевой стены палеодольмена произвольно использованы различные блоки (рис. 5, 2, 3). Непонятно, почему блоки, образующие порталную нишу справа от дольмена смонтированы перпендикулярно фасаду, а слева, – нижний параллельно, а верхний, – перпендикулярно. Левая и правая части фасадной стены выложены не по одной линии (правая сильно выступает) (рис. 5, 4).

Без всяких оснований выстроен непонятный выступ справа на фасаде. Перед фасадом палеодольмена выявлена площадка из гладких плит. Видны большие зазоры между плитами, образовавшиеся из-за сильного сползания по склону. Плиты не перекладывались, но промежутки между ними очищены от грунта, что приведёт к размыву площади и увеличению сползания плит. После раскопок и фиксации промежутки необходимо было засыпать грунтом (рис. 5, 5).

Стена, окружающая камеру сложена из произвольно приспособленных блоков различных размеров и обработки (рис. 5, 6). При раскопках, как и у дольмена 2, не было обнаружено следов «платформы» и стены, окружавшей двор.

Замечания общего порядка

Несмотря на значительный объём работ по исследованию насыпей, даже следов основания стен, окружавших камеры, выявлено не было. Подпорные стены, окружавшие камеры, были произвольно выложены из более крупных камней и собранных в разных местах блоков. Но на фотографиях отчёта (Трифонов, 2000. Рис. 19–23) эти стены показаны с подписями «Вид на (такую-то) часть насыпи дольмена 2 после разборки оплывшей части сухой кладки насыпи» (рис. 4, 7, 8).

Непонятно, что такое «сухая кладка» насыпи? Но по отчёту получается, будто бы эти «новоделы» (рис. 4, 5, 6) были обнаружены в результате разборки оплывшей части насыпи дольмена 2. В отчёте не указаны контуры траншей, которыми пытались выявить конфигурацию крепид насыпи, не приведено профилей бортов траншей и фасировок окружающих стен (рис. 4, 7).

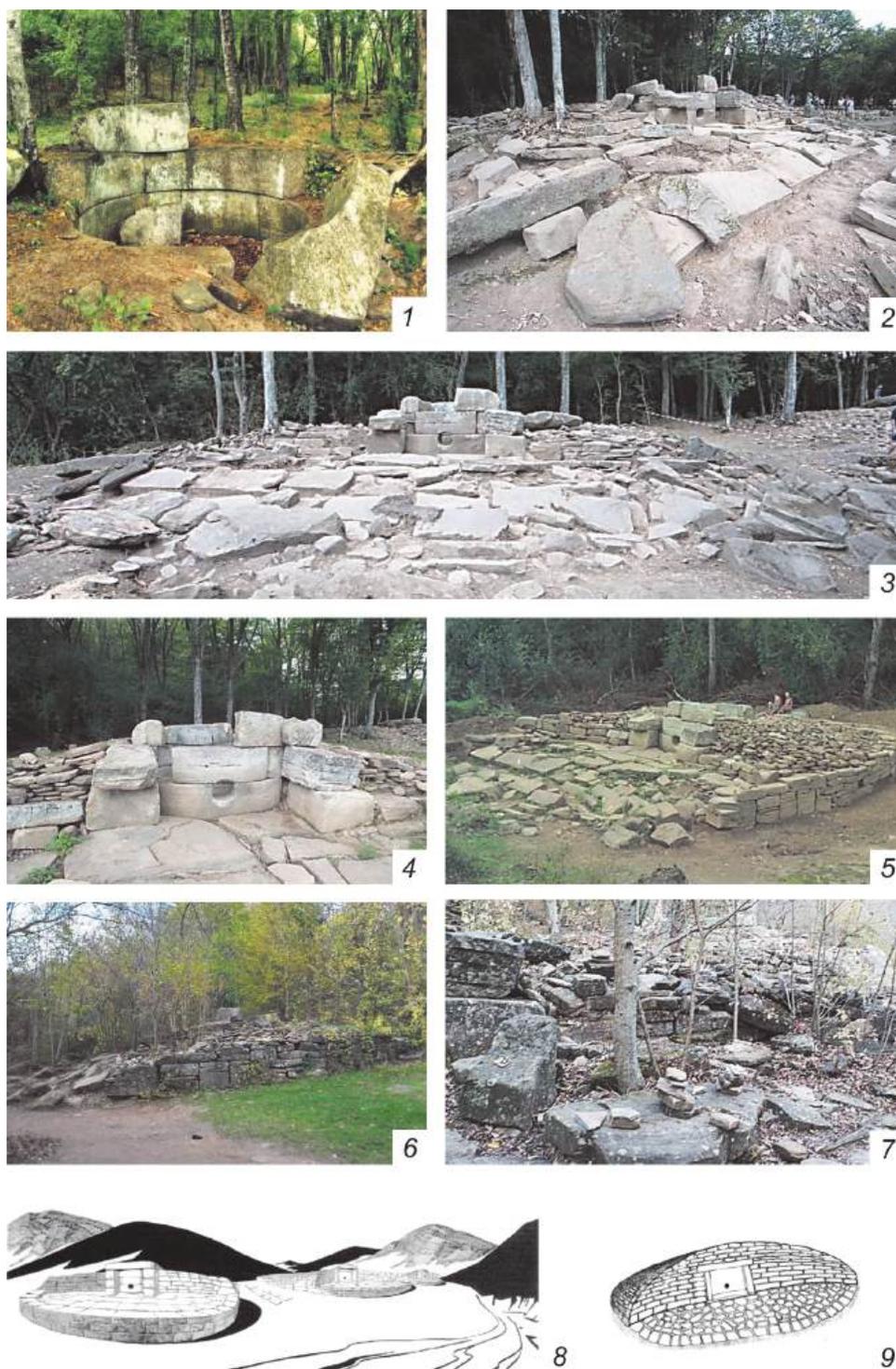

Рис. 5. Дольмен 3 группы 1. 1 – вид до раскопок 1994 г.; 2 – начало раскопок; 3 – начало реставрации; 4 – блоки порталной ниши справа установлены перпендикулярно, а слева нижний параллельно, а верхний, – перпендикулярно. 5 – Справа выстроено непонятное каре из собранных ото всюду блоков; 6 – из оставшихся «без дела» блоков фасада произвольно выложена непонятная стена; 7 – рассыпавшиеся «реставрированные» конструкции уже выглядят как заброшенные руины; 8 – Графическая реконструкция дольменов Жане с фантастическими платформами; 9 – графическая реконструкция палеодольмена 2 группы 1 по А.В. Дмитриеву

Контур насыпи не определён раскопками, а указан ориентировочно. При раскопках на р. Озерейке, на г. Нексис и в других ранее перечисленных местах чётко определялся ряд нижних крупных камней стены, окружавшей камеру. Ни в одном случае при раскопках на р. Жене не было сделано разрезов, необходимых для определения основания такой стены, а контуры насыпи проведены произвольно.

В целом, следует признать, что масштабные раскопки дольменов на р. Жене открыли для науки и экскурсантов редкие мегалитические памятники, но непрофессиональная реставрация сильно искажила их внешний вид и обесценила научную достоверность объектов. Некачественность произвольной сборки привела к тому, что конструкции во многих местах уже рушатся, создавая впечатление не монументального сооружения, а запущенных руин (рис. 5, 7).

Графическая реконструкция дольменов на р. Жене видится В. А. Трифоновым, как камера, окружённая невысокой насыпью и стеной, отделяющей насыпь от двора. Спереди к стене примыкает «платформа», ограждённая спереди мощной стеной из прекрасно обработанных блоков. (Рис. 5, 8). Всё это основано не на данных раскопок, а только на гипотезе. Автор статьи считает палеодольмены Жене, как и все другие, в виде камер, заключённых в башнеобразные конструкции (рис. 5, 9).

Дольмен в Джубге

Все исследователи описывают дольмен в п. Джубга с примыкающим к нему круглым двором, считая этот случай уникальным (рис. 6, 1, 2). Прежде чем анализировать реконструкции этого памятника, напомним, что я вижу палеодольмен, как башнеобразную конструкцию параболическую в плане и имевшую параболический фасад с передней плитой камеры с отверстием. Передняя стена могла быть ровной, как у дольменов Озерейки и Гузерипль (Рис. 1, 6, 7; 7, 3), или изгибаться, как на г. Нексис и дольмена 2 на р. Жене (Рис. 1, 1; 5, 9; 6, 4).

У аналогичного Джубге дольмена Отхара внешняя стена палеодольмена придавала башне в плане яйцевидную форму, а фасадная стена, закругляясь, образовывала «внутренний дворик» (Цвинария, 1990. С. 78). Он имел довольно широкий проход и порог, вымощенный плитами (рис. 6, 5).

В. А. Трифонов, привел дольмен Отхара, как аналогию Джубге, но сравнивать конструкции обоих дольменов не стал, хотя именно конструкция дольмена Отхара открывает «загадку» дольмена в Джубге (рис. 6, 2, 6).

Раскопки в Джубге продолжались с 2006 по 2008 г. Исследованию мешали ограждающие памятник строения, асфальтированные дорожки и площадки. Камеру сзади и с боков окружала насыпь. Обычно сохраняется основание подпорной стены из крупных камней, ограничивающей насыпь, но её искать не стали, а интуитивно определили контуры размером 25 м (Трифонов, 2014. С. 114; 2008. С. 35, 36. Рис. 14, 15).

На расстоянии около 5 м от порога и на 0,8 м глубже его был выявлен небольшой участок подпорной стены, поддерживающий площадку перед порогом (Трифонов, 2014. С. 110. Рис. 3, 2). Участок стены (длиной около 2 м), не имеющий отношения к конструкции палеодольмена, произвольно соединили с предполагаемым контуром насыпи вокруг камеры и сделали обобщающий вывод: «По периметру земляной насыпи и каменного керна была сооружена подпорная стена из уложенных в несколько рядов крупных плоских речных валунов, высотой около 0.7 м и шириной около 2 м» (Трифонов, 2014. С. 114, 115), хотя больше нигде следов этой стены выявлено не было.

На основании этих ничем не подтверждённых выводов была выполнена реконструкция дольмена Джубги в виде плоского кургана с круглым колодцем, обложенным обработанными блоками и примыкающей к нему камере дольмена (рис. 7, 2; Трифонов, 2009. С. 156. Рис. 3).

Если на контуры предполагаемой «насыпи» нанести (даже ориентировочно) контуры палеодольмена по типу Отхара, видно, что они нигде не совпадают (рис. 7, 8).

Автор предлагает свою реконструкцию палеодольменов типа Отхара и Джубги, как обычной башнеобразной конструкции с параболическим закруглённым фасадом, образующим почти круглый «дворик» с «порогом» при входе из хорошо обработанной плиты (рис. 7, 2).

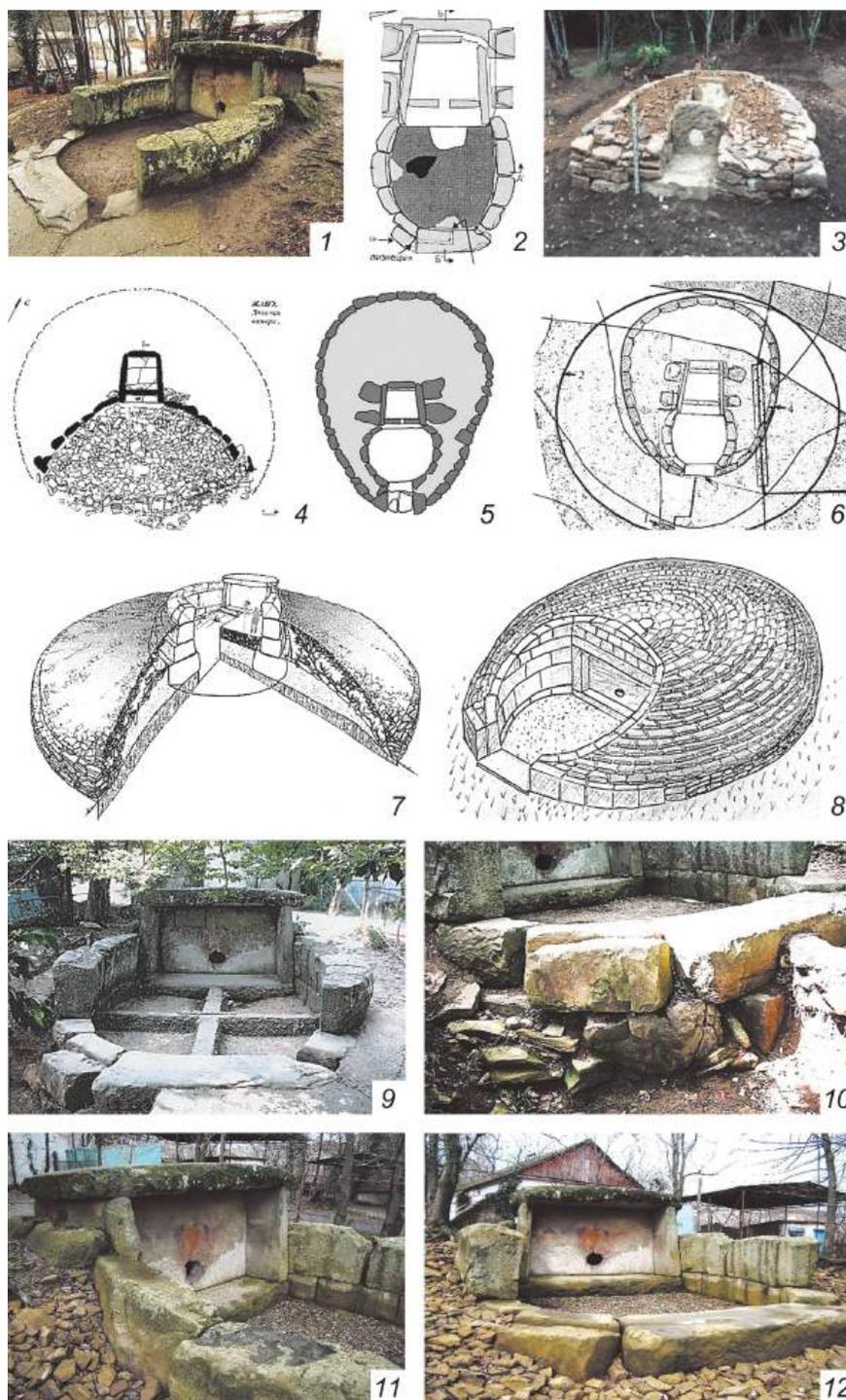

Рис. 6. Дольмен в п. Джубга. 1 – вид до раскопок 1997 г.; 2 – план (Трифонов, 2009 г.); 3 – палеодольмен на р. Озерейке с прямым фасадом; 4 – дуговидный план фасадной стены палеодольмена Жане 2 (Трифонов, 2000); 5 – план палеодольмена Отхара с закруглённым передним фасадом; 6 – сравнение планов реконструкций (1 – А. В. Дмитриев и 2 – В. А. Трифонова на плане Трифонова, 2009); 7 – графическая реконструкция дольмена (Трифонов, 2009); 8 – графическая реконструкция палеодольмена (Дмитриев); 9 – начало работ В. А. Трифонова на дольмене в Джубге (Трифонов, 2006); 10 – шурф оголивший фундаменты и засыпанный гравием; 11, 12 – оголённые фундаменты создают высокие ступени для посетителей и подвергаются деформациям из-за размыва водой

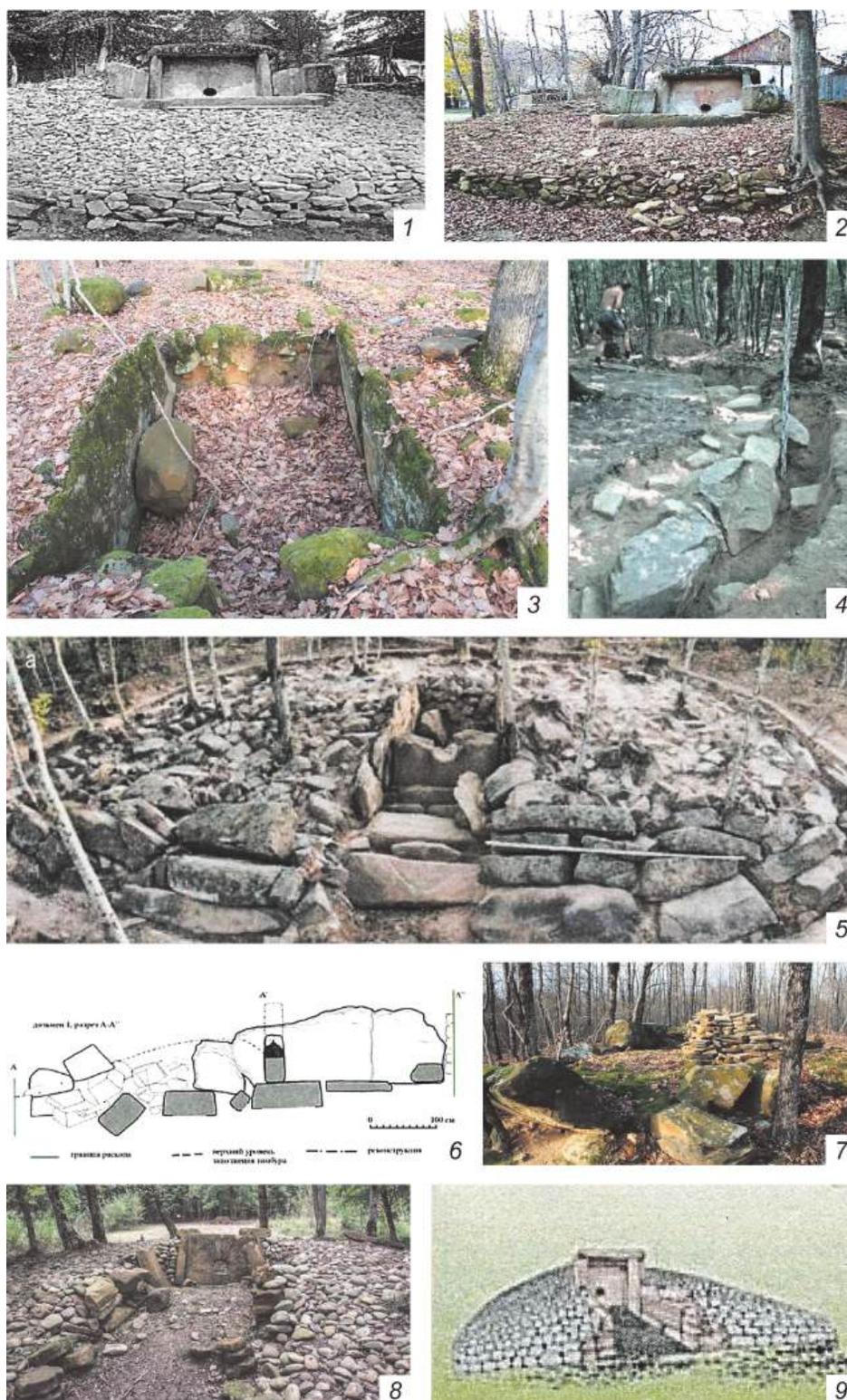

Рис. 7. 1 – Окончание работ в Джубге. Новодельная «платформа», засыпанная крупным булыжником неудобна и опасна для посетителей. (Трифонов, 2009);
 2 – руины осыпающейся «платформы» через 2 года после строительства;
 3 – Камера, ограбленная Растягаевым. 1998 г.; 4 – траншеи вокруг стены;
 5 – реконструкция фасадной стены; 6 – выявленные оползни и обрушения фасадной стены; 7 – хищение камня из конструкций дольменов 2007 г. Дольмен Хаджох 3 (Адыгея); 8, 9 – реконструкции В. А. Трифонова (V. Trifonov, 2022. P. 840. Fig. 2)

Замечания методического характера

В. А. Трифонов отмечает, что П. С. Уварова прокопала заполнение двора до нижнего уровня плиты пола, т. е. на 40 см ниже пола камеры (Трифонов, 2014. С. 113). При выполнении благоустройства в 60-е годы XX в. внутренность двора и окружающая территория были отсыпаны мелкой морской галькой, уплотнившейся со временем. Перед порогом была заасфальтирована площадка (рис. 6, 1). На рисунках В. И. Марковина слой засыпки достигает уровня порога и верха плиты пола камеры (В. И. Марковин, 1997. С. 296, 297. Рис. 156, 1; 157, 1).

При раскопках В. А. Трифонова этот слой залегал на 8 см ниже верхнего уровня плиты фундамента камеры и имел толщину 0,3–0,4 м (Трифонов, 2007. С. 31. Рис. 7; 2014. С. 113, 114). На разрезах этот слой не показан (Трифонов, 2014. С. 110. Рис. 3). После раскопок слой восстановлен не был (рис. 7, 9, 10). Если раньше туристы спокойно подходили к порогу и по ровной поверхности могли пройти к передней плите камеры, то сейчас приходится взбираться на порог высотой 60 см, прыгать в такую же яму. Насыпанное покрытие из рваного камня опасно для осмотра памятника.

В 2006 г слева от порога был заложен глубокий шурф для определения глубины заложения фундамента (рис. 6, 8). Он показал возможность сползания конструкций по склону. Угловой блок после раскопок оставили открытым, хотя до раскопок он был полностью погружён в грунт.

Теоретически В. А. Трифонов считал, что стены двора по высоте состояли из 3-х ярусов, из которых сохранилось только 2. Но нижний ряд (включая и блок порога), – это не стена, а фундамент стены, от которой сохранилась только по 2 блока с каждой стороны (рис. 6, 1). Назвав фундаментные блоки «первым ярусом стены», В. А. Трифонов оставил фундаменты полностью оголёнными (рис. 6, 9, 10). Это сделано в нарушение п. 28 «Положения» и приведёт к непредсказуемым деформациям конструкции памятника. Над местом обнаружения небольшого участка подпорной стены была выложена «подпорная стена» и отсыпана «платформа» (рис. 6, 11). В настоящее время стена уже рассыпалась и представляет опасность для экскурсантов (рис. 6, 12). Внешний вид памятника неоправданно изменён в худшую сторону. Висящие в воздухе фундаменты не улучшили эстетического восприятия памятника, но послужат причиной ненужных осадок и деформации конструкций.

После раскопок необходимо было выполнить п. 6.28 «Положения» и восстановить разрушенные детали памятника в первоначальном виде.

Дольменна р. Ачибс

В 2009 г. производились раскопки на памятнике Дольменная группа на р. Ачибс (11). Хотя памятник стоял на учёте и был нанесён на карту памятников района Геленджика, в отчёте В. А. Трифонов пишет: «Помощь в обнаружении памятника оказал житель Геленджика В. А. Растягаев, который по его собственному признанию «из любопытства» произвёл в 1998 г. на одном из дольменов группы любительские раскопки». И далее: «Учитывая, что участок местности долины р. Ачибс, где расположена дольменная группа, не имеет традиционного названия, за дольменной группой было закреплено название «Растягаев». Далее среди основных причин разрушений памятника названо кладоискательство, вандализм и разрушения с целью заготовки строительного камня (Трифонов, 2009. С. 5).

Следует уточнить, что грабительские «раскопки» курганной группы В. А. Растягаевым, классифицированные В. А. Трифоновым как «любительские», не ограничивались варварским разрушением дольмена 1, где он лично из хулиганства разбил заднюю стенку, варварски уничтожил заполнение камеры, но и «очищал» камеры других дольменов и курганов (рис. 7, 3).

Присваивать памятнику имя разрушившего его грабителя не только кощунственно, но и незаконно, так как памятник ранее уже был зарегистрирован под другим названием.

При археологических раскопках были выявлены остатки фасадной и окружающей стен палеодольмена из крупных камней и каменная засыпка между стенами и камерой. В отличие

от реконструкции дольмена 2 на р. Жане, где фасадную стену палеодольмена В. А. Трифонов считал «внутренней стеной двора» (см. выше), на р. Ачибс эту почти прямую стену он считает «фасадной частью подпорной стены» (рис. 7, 3).

Называя засыпку между стенами палеодольмена и его камерой «керном», В. А. Трифонов считает, что высота засыпки «не превышает высоты погребальной камеры». Учитывая многолетнее и массовое хищение строительного камня из руин палеодольменов и «расползание» насыпей, первоначальная высота засыпки была выше кровли камеры. Из насыпей дольменов, стоящих на учёте, постоянно выбирался отборный камень (рис. 7, 7), и вывозился по проложенной рядом дороге.

Из замечаний методического характера следует отметить, что контур основания дуговидной стены палеодольмена В. А. Трифонов выявлял путём прокопки узкой траншеи вокруг сооружения (рис. 7, 4). Но на планах (как и на всех раскопках Жане) он не показывает контуров этой траншеи, соответственно не даёт профиля борта и фасировки обнаруженной стены (Положение). Он пишет: «Первоначально фасадная часть подпорной стены была почти прямой в плане и вертикальной в разрез» (Трифонов, 2009б. С. 8), но реконструирует ограждение почти круглым (рис. 7, 5). Об обязательном дворе перед камерой в данном случае не упоминается.

На продольном разрезе (рис. 7, 6) хорошо виден крупный фундаментный блок на границе порталной ниши, а левее его развал из провалившихся блоков фасадной стены и за ними остатки сползшей стены. Это говорит о том, что первоначально фасадная стена была гораздо ближе к камере и, образуя порталную нишу, возвышалась над ней и перекрытием камеры.

Дольмен Хаджох 3

Неубедительна реконструкция дольмена Хаджох 3, выполненная В. А. Трифоновым в Адыгее.

При раскопках этого дольмена В. А. Трифонов и не пытался выяснить наличие окружающих камеру конструкций, а кое-как сложив камеру, проделал в насыпи траншею к передней плите и обставил её неизвестно откуда взявшимися камнями (рис. 7, 5).

Это довольно простое сооружение с высотой насыпи менее 1 м издано, как очень внушительный каменный курган с мощной крепидой и широким, но вдвое более коротким, чем в натуре, проходом к камере укрепленным каменными стенами (Рис. 7, 6; Viktor Trifonov, 2022. Ch. 38).

Из анализа исследований дольменных памятников и их реставрации нужно сделать серьёзные выводы:

В процессе раскопок прежде всего необходимо выяснить, что из себя представляет изучаемый объект.

– Это руины палеодольмена или остатки насыпи, окружающей постдольменную камеру из плит дольмена (Дмитриев, 2023. С. 16).

– Это склеп с отверстием, или это культовое сооружение? (Дмитриев, 2022. С. 26).

От определения этих понятий зависит методика раскопок дольменных памятников. Дольмен нельзя копать, как курган. Нужно выяснить контуры остатков стен, окружающих камеру. Возможно, помощь в этом могут оказать геофизики, выявив в россыпи камня крупные блоки основания стены. Желательно присутствие в экспедиции палеосейсмолога, который даст заключение о характере разрушений и подстилающих грунтах.

В экспедиции должен присутствовать **реставратор-архитектор**, определяющий конструкцию палеодольмена. При раскопках все выявленные детали должны маркироваться и наноситься на схему памятника с возможным указанием места их первоначального расположения. Детали, вроде даже происходящие из определённого места, не нужно спешить укладывать, пока не выяснится состояние фундаментов и оснований.

Опыт Дюрсо и Жане показал, что в простой каменной засыпке поверхности со временем обязательно появится растительность, разрушающая каменные конструкции. Из обнаруженных при раскопках беспорядочно лежащих плоских камней не нужно произвольно выкладывать

стенки. Такими плитами наращивались изгибы параболической стены, переходящие в «черепичное» покрытие башни. Без такого покрытия сохранить конструкцию палеодольмена невозможно. К сожалению, именно такие плиты первыми растаскиваются местным населением на строительство.

После этого выясняется состояние фундаментов и составляется проект реставрации, который проходит все требуемые Законом инстанции. Только тогда при наличии финансирования можно приступать к окончательным раскопкам и реставрации. На всех этапах исследования необходимо принимать меры, исключающие хищение камня.

Это не значит, что нужно полностью прекратить исследование дольменов. Наоборот. Необходимо более активное изучение дольменов (даже без раскопок). Желательно в Институте Археологии создать группу по изучению дольменов. Эпоха, когда изучалось только содержание камер прошла. Сейчас нужно изучать окружающую камеру конструкции. Возможны зачистки, фиксация видимых деталей. Если уже видны контуры палеодольмена, можно приступать к раскопкам с наружной стороны, сохраняя все выявленные детали. После полученных выводов уже действовать по предыдущим рекомендациям.

Начинать нужно с лучше сохранившихся конструкций (например, дольмен Гузриплъ 1, где полностью сохранился контур палеодольмена), а при получении первых навыков, – уже приступать к более сложным. Так что первые обследования следует направить на выявление таких конструкций.

Традиционно дольмены относят к эпохе бронзы, но есть определённые данные, что их строительство относится к энеолиту. Тогда параллельно нужно изучать и энеолитические памятники, которые отмечены в районах сосредоточения дольменов.

И главное, необходимо подготовить методические рекомендации по раскопкам дольменов. Печальный пример, когда раскопки привели к уничтожению палеодольмена в Кринице (Кононов, 2020. С. 236.) говорит, что такие исследования следует доверять не любому археологу, а уже подготовленному специалисту.

Литература

- Дмитриев, 2020.** Архитектура дольменов Западного Кавказа. (Размышления на тему) // МИАСК. Вып. 18. Под ред. Е.И. Нарожного – Армавир-Краснодар: НАО «Наследие Кубани», 2020. С. 41, 46–47.
- Дмитриев, 2022.** Дольмены. Заблуждения исследователей и выход из тупика. (Логический анализ выводов). МИАСК. Вып. 20. Изд. КЧГУ. Армавир-Карачаевск. 2022. С. 25.
- Кононов, 2020.** Предварительные итоги исследования мегалитической гробницы «Криница-1». XXXI Крупновские чтения. 2020. Махачкала. С. 236.
- Куликова, Трифонов, 2001.** Как сохранить дольмены – культурное наследие древних народов Западного Кавказа. Дольмены современники древних цивилизаций. Краснодар. 2002. С. 128.
- Лавров, 1960.** Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. XXXI. С. 104.
- Марковин, 1978.** Дольмены Западного Кавказа. Отв. ред. К. Ф. Смирнов. М.: Изд-во «Наука», 1978. 328 с.
- Марковин, 1997.** Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М. 1997. 402 с.
- Марковин, 2011.** Курган Псынако памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик. 2011. 48 с.
- Скаков, 2007.** Дольмен. Большая российская энциклопедия. Том 9. Москва, 2007. С. 225–226.
- Трифонов, 2001.** Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения? // Дольмены свидетели древних цивилизаций. Краснодар, 2001 С. 28, 31.
- Трифонов, 1999.** Отчет о раскопках дольменной группы Жанэ в Геленджикском районе Краснодарского края в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23527.
- Трифонов, 2000.** Отчет о раскопках дольменной группы Жанэ в Геленджикском районе Краснодарского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24291.

- Трифонов, 2008.** Отчет о работах Западно-Кавказской экспедиции ИИМК РАН в Туапсинском и Геленджикском районах Краснодарского края в 2008 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 44021.
- Трифонов, 2009.** Дольмен в Джубге. (предварительные результаты исследования) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 1 (54). 2009. С. 120.
- Трифонов, 2009а.** Дольмены в долине реки Жане. Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. Москва. 2009 г. С. 115.
- Трифонов, 2009б.** Отчет о работах Западно-Кавказской экспедиции ИИМК РАН в Туапсинском и Геленджикском районах Краснодарского края в 2009 году. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 35648.
- Трифонов, 2014.** Дольмен в Джубге на Черноморском Побережье Кавказа. Записки ИИМК. СПб, 2014. С. 114, 115.
- Цвинария, 1990.** Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси. Мецниереба. 1990. С. 78.
- Viktor Trifonov, 2022.** Chapter 38 The Bronze Age megaliths in the Caucasus: development trajectory of the architecture and the funeral practice. In: Megaliths of the World, 2022 L. Laporte, J.-M. Large, L. Nespoulous, C. Scarre, T. Steimer-Herbet (Eds.) Vol.1. Archaeopress. Oxford: 837–852.

КЕРАМИКА РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

© В. П. Мокрушин¹, Е. И. Нарожный²

¹ НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар, Российская Федерация;

² Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева,
г. Карачаевск, Российская Федерация

Аннотация. В пределах нынешнего Ставрополя, а также на прилегающих с юга равнинах Осетии и Кабардино-Балкарии имело место внедрение ранних скифов-кочевников в иноэтничную оседло-земледельческую среду, представленную кобанской общностью. Новый «исторический этап» сопровождался «переменами» в составе лепной посуды, характеризовавшейся обычно черной лощеной поверхностью. Она в целом «не имеет аналогий» среди инвентаря «предшествующего этапа», хотя генезис отдельных категорий глиняной утвари вероятно протекал еще в «киммерийское» время. Традиционна для Кавказа той эпохи посуда, орнаментированная с использованием «многоконечного» инструмента, снабженного острыми шипами (два-три, иногда четыре), которые оставляли узкие полосы из соответствующего числа параллельных линии. Такие узоры засвидетельствованы, в частности в Нартанских курганах. Они присутствуют и на мисках с круто загнутым внутрь «С-видным» верхним краем, судя по всему, бытовавших в VII в. до н. э., а к концу следующего столетия, наверное, уже почти полностью вышедших из употребления. Идентичные материалы представлены на расположенном неподалеку поселении Кишпек-2, основной период функционирования которого, скорее всего, приходится на 1-ую пол. VII в. до н. э. Найденные тут миски далеко не всегда декорированы. Нередко на них с помощью тонких резных линий наносили нарядные композиции из плотно заштрихованных геометрических фигур, преимущественно треугольников. Многоконечным инструментом с шипами выполнялись вертикальные «столбики», вложенные друг в друга углы и проч. Верхнюю кромку узора обычно завершал один, иногда два ряда тесно поставленных мелких вдавлений, овальных ямок, насечек и др.

Ключевые слова: кобанская общность, Нартанские курганы, лепная керамика с чернолощеной поверхностью, «С-видные» миски.

CERAMICS OF THE EARLY SCYTHIAN PERIOD OF THE CENTRAL CAUCASUS

© V. P. Mokrushin¹, E. I. Narozhny²

¹ NAO «Heritage of Kuban», Krasnodar, Russian Federation;

² Umar Aliev Karachai-Cherkess State University, Karachayevsk, Russian Federation

Annotation. Within the present-day Stavropol Territory, as well as on the plains of Ossetia and Kabardino-Balkaria to the south, early Scythian nomads integrated into the non-native settled agricultural environment represented by the Koban community. This new “historical stage” was marked by changes in the composition of hand-molded ceramics, typically characterized by a black burnished surface. These ceramics generally have no parallels among the inventory of the preceding stage, although the genesis of certain pottery categories likely dates back to the Cimmerian period.

Dishes decorated using a “multi-pointed” tool with sharp prongs (two or three, sometimes four), leaving narrow strips of parallel lines, were characteristic of the Caucasus during this era. Such patterns have been documented, for instance, in the Nartan mounds. They are also found on bowls with a steeply curved, “C-shaped” upper edge, which were apparently in use during the 7th century BC but had likely fallen out of use by the end of the next century.

Similar materials were found at the nearby settlement of Kishpek-2, whose primary period of activity most likely dates to the first half of the 7th century BC. The bowls discovered there are not all decorated. Some feature elegant compositions of densely shaded geometric shapes, primarily triangles, applied using fine carved lines. Multi-pointed tools were used to create vertical "columns," nested corners, and other motifs. The upper edge of the patterns was usually finished with one or two rows of closely spaced small indentations, oval pits, notches, and similar elements.

Keywords: Koban community, Nartan mounds, hand-molded ceramics with a black burnished surface, C-shaped bowls.

В пределах современного Ставрополя, а также на прилегающих с юга равнинах Осетии и Кабардино-Балкарии имело место внедрение ранних скифов-кочевников в иноэтничную оседло-земледельческую среду, представленную знаменитой кобанской общностью, которую ныне предлагается рассматривать, как «свиту взаимосвязанных культур». Новый «исторический этап» сопровождался «переменами» в технологии древнего гончарства. На внутренней поверхности некоторых глиняных изделий из Нартанского и Новозаведенного II могильников В. Е. Масловым констатированы «следы» работы гончарного круга, возможно, позаимствованного из Закавказья. По его мнению, тогда же складывается и своеобразный компонент лепной посуды, обычно с черной лощеной поверхностью. Маркируя конкретный «хронологический горизонт» она, демонстрирует внутреннее единство, «относительное однообразие орнаментальных сюжетов и ... приемов их нанесения».

По целому ряду своих особенностей характеризуемый комплекс «не имеет аналогий» среди инвентаря «предшествующего этапа». Тем не менее высказано мнение, что генезис отдельных, весьма «популярных» на тот момент категорий керамической утвари, судя по материалам «Змейского и Бамутского поселений центральнокобанской культуры», протекал очевидно еще в «киммерийское» время. В первую очередь речь идет о корчагах с «покатым плечом» (Маслов, 2015. С. 249, 251–252).

Их фрагменты многочисленны в равнинной зоне Кабардино-Балкарии, в частности на поселении Кишпек-2, изученном в 2009 г. с помощью раскопа 30×90 м. Основной период функционирования памятника, скорее всего, приходится на первую половину VII в. до н. э. (Мокрушин, Нарожный, 2018). В составе полученной коллекции довольно много обломков горловин от корчаг; одна, имевшая диаметр 17 см, соединялась со слабо раздутым туловом (Мокрушин, Нарожный, 2017. С. 186. Рис. 2). Другие были уже – 9–12 см; среди них встречались цилиндрические формы, но абсолютно преобладали «усечено-конические», слабо расширяющиеся книзу. Сохранившиеся венчики (иногда совсем незначительной величины) почти все – круто отогнуты наружу, в ряде случаев под углом близким 90°. Горловина и плечико обычно явственно отделены друг от друга и нередко оба орнаментированы.

В Центральном Предкавказье выделяют, так называемые, корчаги типа II. Их «наибольший диаметр» (D) превышал «общую высоту» (H) или равнялся ей. Соотношение указанных показателей колеблется в пределах 0,9–1,1; встречаются образцы, где «с помощью подрезки» сформировано «подчеркнутое ребро», отделявшее горло с низким, плечом от «массивного предплечья». На поселении Кишпек-2 (ямы №№ 108 и 264) по видимому обнаружены фрагменты подобных емкостей (Мокрушин, Нарожный, 2020. Рис. 4, 10–15; Мокрушин, Нарожный, 2021. Рис. 2, 11–17).

В ряде раннескифских курганов, а также в ареале центральнокобанской культуры (могильники – Пседахский, Змейский, Эльхотовский, Каменноостский и др.) засвидетельствованы и, так называемые, «грушевидные» корчаги с «высоким» горлом (тип I), отличавшиеся своими вытянутыми пропорциями (индекс D/H = 0,7–0,9). Их почти «стандартный» облик с «устойчивым набором морфологических черт» не менялся «на протяжении 150–200 лет». Придонная часть этих емкостей – приземистая, с «характерным прогибом»; устье всегда шире дна; максимальный диаметр приходился на нижнюю половину, реже – середину изделия (Маслов, 2015. С. 251–252. Рис. 4, 1, 2).

На поселении Кишпек-2 также неоднократно отмечались «грушевидные» корчаги, причем в ряде случаев с небольшими коническими сосцевидными выступами на тулове. Четыре подобных выступа на дошедшей до нас почти целиком маленькой корчажке размещались немного выше места ее максимального диаметра. Они имели обводку по периметру в виде пары неправильных прочерченных концентрических овалов, исполненных с помощью традиционного для раннескифской эпохи на Кавказе «многоконечного» (предположительно деревянного) инструмента с острыми шипами. В данном случае шипов – два, но нередко бывают три, иногда – четыре; на тулове от них оставались характерные узкие полосы из соответствующего количества параллельных линии. Подобный способ орнаментации, иногда именуемый «нарезным», отмечен в захоронениях всех важнейших некрополей раннескифского времени (Комарово, Моздок, Новозаведенное и др.).

На характеризуемом поселении обнаружена весьма внушительная по своим габаритам ($D = 51$ см) тарная емкость с отбитой горловиной и без декоративного оформления, служившая, скорее всего, для длительного хранения пищевых запасов. Ее корпус армирован вертикальными внешними наклепными валиками. Несмотря на пару шестигранных в сечении ушек по плечикам (одно утрачено), она вряд ли предназначалась специально для перемещения (Мокрушин, Нарожный, 2018а. Рис. 3, 1, 2). От второго почти такого же изделия сохранились лишь отдельные осколки.

Неоднократно засвидетельствованы достаточно крупные ($D = 31–33$ см), т. н. «парадные корчаги», использовавшиеся в религиозно-ритуальных церемониях (?). Широкую зону их корпуса покрывал богатый сложный узор, созданный с применением тех же «многоконечных» инструментов. Типичны композиции из разного рода фигур, включая острые углы основанием вверх, вложенные друг в друга. Орнамент нередко дополняли элементы, ориентированные вертикально: зигзаги, елочки, простые группы полос. Засвидетельствованы и иные приемы декорирования, например, широкие прямоугольные полотнища с густым заполнением в виде сетки с ячейками ромбической формы. Наверное в отдельных случаях такие сосуды подвешивались, для чего служило небольшое петельчатое ушко в месте стыка плечика и тулова, сохранившееся на одном из обломков стенки (Ук. соч., с. 195–196. Рис. 3, 3, 4. Мокрушин, Нарожный 2020. Рис. 2, 8–12. Мокрушин, Нарожный, 2021. С. 12. Рис. 3, 12–13).

«Многоконечные» орнаменты присутствовали и на мисках с круто загнутым внутрь «С-видным» верхним краем, «оканчивающимся скругленной или уплощенной губой». Диаметр устья (D_1) у них всегда меньше максимального: $D_1/D = 0,89–0,93$. При переходе от дна к тулову нередко наблюдался плавный, но четкий перегиб. Идентичные сосуды, в зависимости от их относительной высоты, В. И. Козенкова причисляла к вариантам Ж или З своей классификации. Они давно известны в Кабардино-Балкарии, в материалах центральнокобанской культуры, например, Терекском и Аргуданском городищах (Маслов, 2015. С. 253. Рис. 7, 4, 5).

Такие же находки в изобилии отмечены в процессе исследований 1978–79 гг. у с. Нартан. Тут изучено 24 кургана, сложенных «плотным серовато-коричневым суглинком». Под каждым размещалась только «одна» углубленная в материк и, как правило, «потревоженная» погребальная камера; в единичных случаях «отчетливо» прослеживались «очень узкие» лазы, оставленные «расхитителями гробниц». Сами камеры, «в плане» представлявшие собой «правильный квадрат», либо приближавшиеся к нему «своими пропорциями», вмещали человеческие костяки. Скелеты были разрозненны, либо лежали «скорчено», в одном случае (кург. 2) – на спине, с руками, «слегка согнутыми в локтях». Покойников обычно сопровождали захоронения коней «со сбруей».

Общим «признаком» для всех, найденных здесь же глиняных сосудов «является черный или темно-серый цвет, лощеная поверхность, примеси в глине, хороший обжиг». Доминировали разного рода «резные» узоры (зигзаги, ромбы, треугольники), часто с заполнением из «белой пасты». Декор крупных емкостей «сложнее и разнообразнее», чем мелких.

«Можно полагать», что над ямами с останками умерших людей и «жертвенных» животных обустривались «деревянные перекрытия», которые истлев «вызвали тем самым осе-

дание» вышележащей толщии грунта. В результате вершины насыпей получили «заметное уплощение» или даже приобрели «воронкообразную впадину». На разрезах такие впадины, выстланные «почти целиком» сильно гумусированным «черным грунтом», едва ли не «достигали уровня» не очень мощной (0,3–0,4 м) «древней погребенной почвы». Курган № 16, резко выделявшийся высотой (2,5 м), а также диаметром (42 м), вмещал «почти полностью ограбленное» богатое захоронение «родоплеменного вождя или старейшины», с двумя «железными мечами», намерное служившими «атрибутами власти» (Батчаев, 1985. С. 19, 21, 36, 45–46. Табл. 20, 30, 34, 42).

В Нартане, кроме одного случая, все миски с «С-видным» верхним краем – орнаментированы. Их находки отмечены в кург. №№ 3, 4 и 8: первый возведен в VI, а два следующих – в VI–V вв. до н. э. Всего же такой возраст имеют 7 насыпей, а еще одна принадлежит к V в. до н. э. Основная же часть «С-видных» мисок происходит из курганов VII или VII–VI вв. до н. э.: №№ 9, 14, 16, 19, 20 и 6, 11, 13, 15, 18, 21, соответственно (Махортых, 1991. С. 116. Приложение 1). Перечисленные выше погребения содержат «чрезвычайно разнообразные» по своим типам, хорошо известные по сводам Смирнова К. Ф. и Мелюковой А. И. бронзовые наконечники стрел «степных» типов. Те из них, которые зафиксированы в кург. №№ 1, 4, 5, 8, 24, следует относить «главным образом» к V–IV вв. до н. э. Оставшиеся в основном демонстрируют «очень близкие» соответствия с «колчанными наборами» кочевников раннескифской эпохи. Батчаев В. М. обсуждая возраст кург. № 4, указывает на происходящую отсюда схематичную, а «скорее даже условную» костяную львиную головку, «напоминающую» знаменитое и весьма натуралистичное изображение этого зверя из Келермеса; конечно настаивать на сходстве двух артефактов было бы очень сильной натяжкой.

Если судить по разработкам хронологии скифской конской упряжи, кург. №№ 2–5 – самые поздние. В конце VI в. до н. э. и следующем столетии конструкция узды подверглась усовершенствованию. Внешние «концы» удила, как правило откованных уже из железного прута, теперь всегда стали загигать «в петлю», куда вставлялись металлические двудырчатые псалии с «восьмеркообразными расширениями» посредине, в том числе – S-видно изогнутые. Ранее эти две детали соединялись «посредством ремней».

Таким образом, «костяные трехдырчатые» псалии из кург. № 18 (и намерное других захоронений) следует рассматривать, как более древние и по форме «можно датировать» VI в. до н. э. (Батчаев, 1985. С. 47, 49. Табл. 14, 5, 15; 16, 6, 11; 19, 6; 45, 34–35).

К 1-й пол. того же столетия по находкам снаряжения лошадей были причислены кург. № 14 и 15.

Синхронно с ними сооружен кург. № 20, откуда происходят «уникальные для Центрального Кавказа» железные удила с двукольчатыми концами, «вполне очевидно», генетически «связанные» с очень похожими бронзовыми образцами, относящимися к VIII–VII вв. до н. э. В составе данного комплекса – «литой бронзовый шлем..... кубанского типа», аналогии которому неоднократно фиксировались в регионе среди материалов VI в. до н. э. (6 экз.): с. Гвардейское (Чечено-Ингушетия), ст. Келермеская и Крымская.

Отмечается архаичность фигурки «свернувшегося в кольцо хищника на костяном наконечнике ножен» из кург. № 21. По «стилистическим особенностям» (кольцевидные концы лап, сердцевидные контуры уха, и т. д.) артефакт примыкает к кругу подобных художественных изделий из Зивие, Кармир-Блура, Тли, Дарьевки и т. д. (Ук. соч. С. 48–49. Табл. 48, 16, 24; 51, 20).

Выше сказанное по-видимому позволяет предполагать, что орнаментированные «С-видные» миски бытовали в VII в. до н. э., а к концу следующего столетия, намерное, уже почти полностью вышли из употребления. В нартанских курганах №№ 3 и 14 они обнаружены в виде трех отдельных обломков. В остальных захоронениях присутствовали либо совершенно целые, либо незначительно поврежденные предметы (16 шт.), к сожалению, охарактеризованные в публикации очень бегло и без указания линейных размеров. Среди них: 1 экз. – без лощения (кург. № 3), еще у трех (кург. №№ 11, 15, 19) оно слабое (Ук. соч. С. 22, 25, 27, 28, 31, 33, 34, 36, 37, 39–42, 46. Табл. 14, 26; 16, 1; 21, 3; 25, 1; 27, 15; 31, 3, 4; 35, 5, 10; 37, 11, 12; 39, 41; 41, 35, 36; 45, 33; 46, 4; 48, 45, 46; 51, 19).

Если ориентироваться на прилагавшиеся к статье мелкомасштабные рисунки, в составе выборки преобладали изделия средней величины ($D = 18,2\text{--}23,5$ см). В четырех насыпях (№№ 11, 13, 15, 16) отмечены миниатюрные мисочки – 5 шт.; $D = 8,6\text{--}13,2$ см; $H = 2,8\text{--}5,2$ см; диаметр дна (D_2) – $2,8\text{--}4,2$ см. Судя по всему, лишь у пяти глиняных емкостей (кург. №№ 4, 8, 9, 11, 18) – уплощенные днища, в остальных случаях они плоские (рис. 1А).

Подобного рода керамика, весьма многочисленна, в том числе, в материалах Кишпека, где наверное массово использовалась прежде всего в качестве бытовой утвари, в основном, вероятно, как столовая посуда для трапезы. Преимущественно – это достаточно мелкие осколки, в том числе плоские донца (рис. 2, 3, 17; 3, 3, 15; 4, 1, 19; 5, 5, 9, 14; 6, 7). Крупные обломки или даже совершенно целые экземпляры (всего 9 шт.), позволяющие сделать необходимые промеры, засвидетельствованы в кв. 88 (пласт 2), а также в процессе разборки объектов №№ 67, 69, 138, 169, 173, 220; в 2-х из них обнаружено сразу по две таких вещи (рис. 2, 15; 3, 7; 4, 7, 15; 5, 2, 19; 6, 14).

Для увеличения статистики нами учтена еще пара подобных предметов, происходящих из центральной части Ставропольской возвышенности: Южная гробница кургана 1 Краснознаменского могильника и захоронение 3 могильника Пелагиада (Петренко, 2006. С. 89. Табл. 68: кат. 106. Она же, 1984. С. 158–159. Рис. 4, 5). Последняя находка издана еще раз В. И. Козенковой, причем с нарушением пропорций и габаритов. То же самое наверное касается миниатюрной мисочки из ст. Горячеводской; ее параметры ($D = 7,1$; $H = 2,9$ см) при вторичной публикации оказались увеличены почти вчетверо (Козенкова, 1998. С. 98, 149. Табл. XXXV, 16, 17; приложение III. Виноградов, 1972. С. 62. Рис. 24, 10). Валентина Ивановна, очевидно, перерисовывала иллюстрации не очень точно, не заботясь о детальном совпадении копии и оригинала. Конечно, говоря о разных огрехах в работе такого авторитетного исследователя, не следует забывать, что ее книги создавались в эпоху, когда слова «цифровая фотография» и «ксерокс» для нас являлись пустым звуком, а раздобыть нужную литературу частенько оказывалось очень трудной задачей.

Анализируемые нами образцы глиняной утвари с поселения Кишпек-2 и Ставропольской возвышенности – в основном средней величины. Только 3 из них могут считаться крупными ($D = 25,1\text{--}26,6$); причем один происходит из Краснознаменского могильника.

Относительная высота изделий (D/H) изменялась от 0,285 до 0,421 с пиковым значением = 0,36–0,40; величина D_2/D составляла 0,283–0,378 (рис. 1Б, В).

В Нартанских курганах доминировали приземистые миски, имевшие узкое дно (иногда вчетверо меньше максимального диаметра). Поэтому значения отмеченных показателей там существенно ниже, преимущественно в пределах: $D/H = 0,289\text{--}0,344$ и $D_2/D = 0,235\text{--}0,318$ (рис. 1А, В, Г).

В тех же комплексах абсолютная высота рассматриваемых сосудов почти всегда слегка превышала диаметр дна (до 1,8 см). В Кишпеке выявленная закономерность не фиксируется, а разница двух указанных параметров могла достигать 2,3 см (рис. 1А, Б). Конечно, представленные выше линейные параметры нуждаются в проверке и не могут служить основанием для объективных выводов.

На поселении Кишпек-2 миски с С-видным профилем часто ни как не орнаментировались, либо украшались очень скромно – грубыми горизонтальными спаренными бороздками (рис. 2, 7–13). Засвидетельствованы вертикальные пересекающиеся расчески, между которыми обычно оставались узкие незаполненные полосы (рис. 3, 5; 4, 2–8, 10).

Особой популярностью пользовались аккуратные тонкие резные линии. Из них компоновались нарядные узоры из плотно заштрихованных изнутри геометрических фигур, форма которых не всегда угадывается из-за мизерной величины осколков (рис. 5, 1, 3, 4; 6, 1, 4, 12). Помимо ромбов (рис. 2, 16, 17), встречались вертикальные, сильно вытянутые, сужающиеся книзу полосы (рис. 2, 14, 15).

Однако явно преобладали треугольники, в основном – низкие, либо равносторонние, обращенные вершинами навстречу друг другу. В результате в центральной зоне композиции создавалась цепочка из ромбиков (рис. 5, 10–13, 17–19). Еще чаще возникала относительно

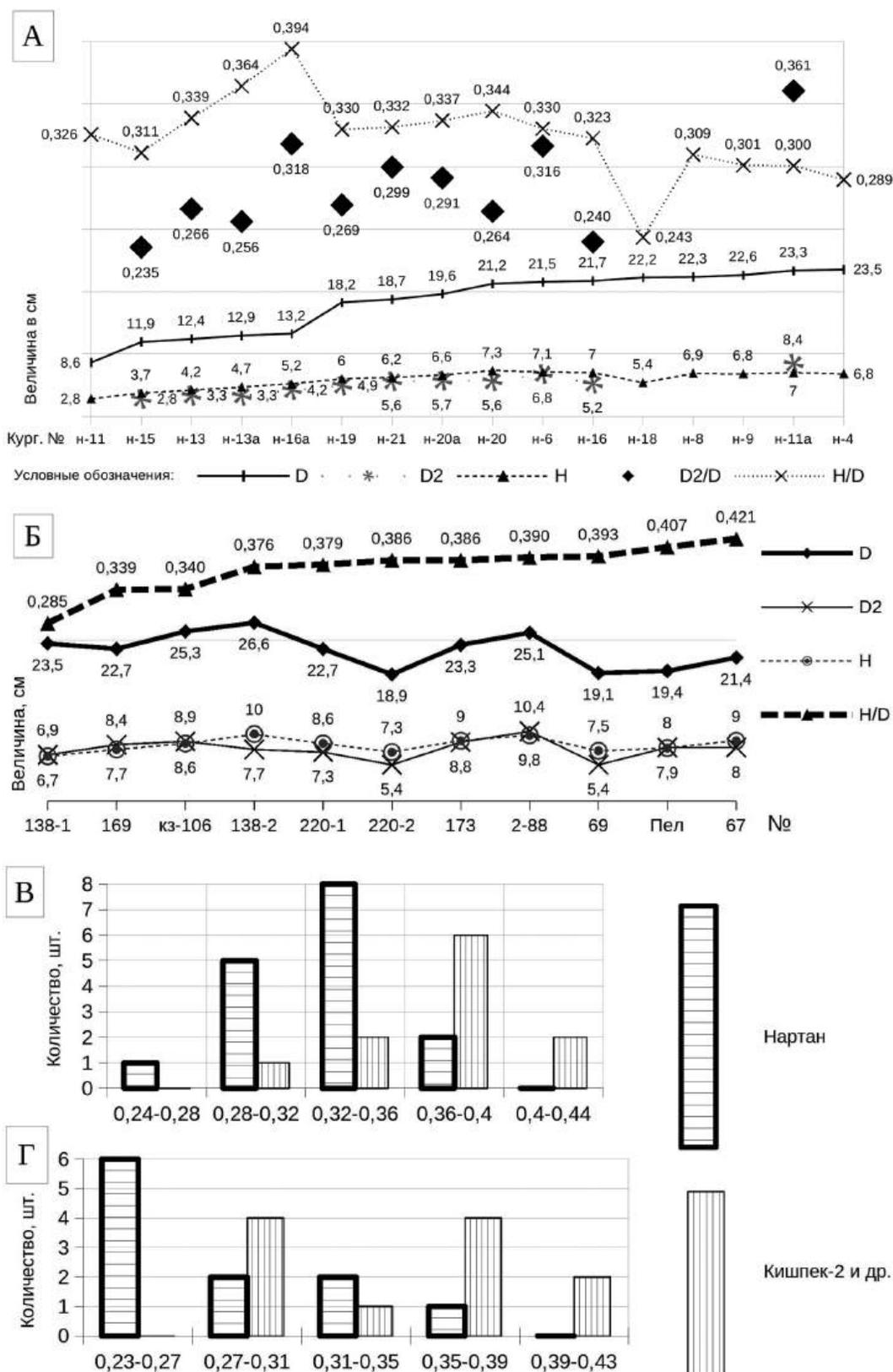

Рис. 1. А – параметры мисок из Нртанских курганов. Б – параметры мисок; кз-106 – Краснознаменский могильник, каталог 106; Пел – могила 3 у с. Пелагиада; остальное – Кишпек-2. В – распределение мисок по относительной высоте (H/D). Г – распределение мисок по показателю D2/D

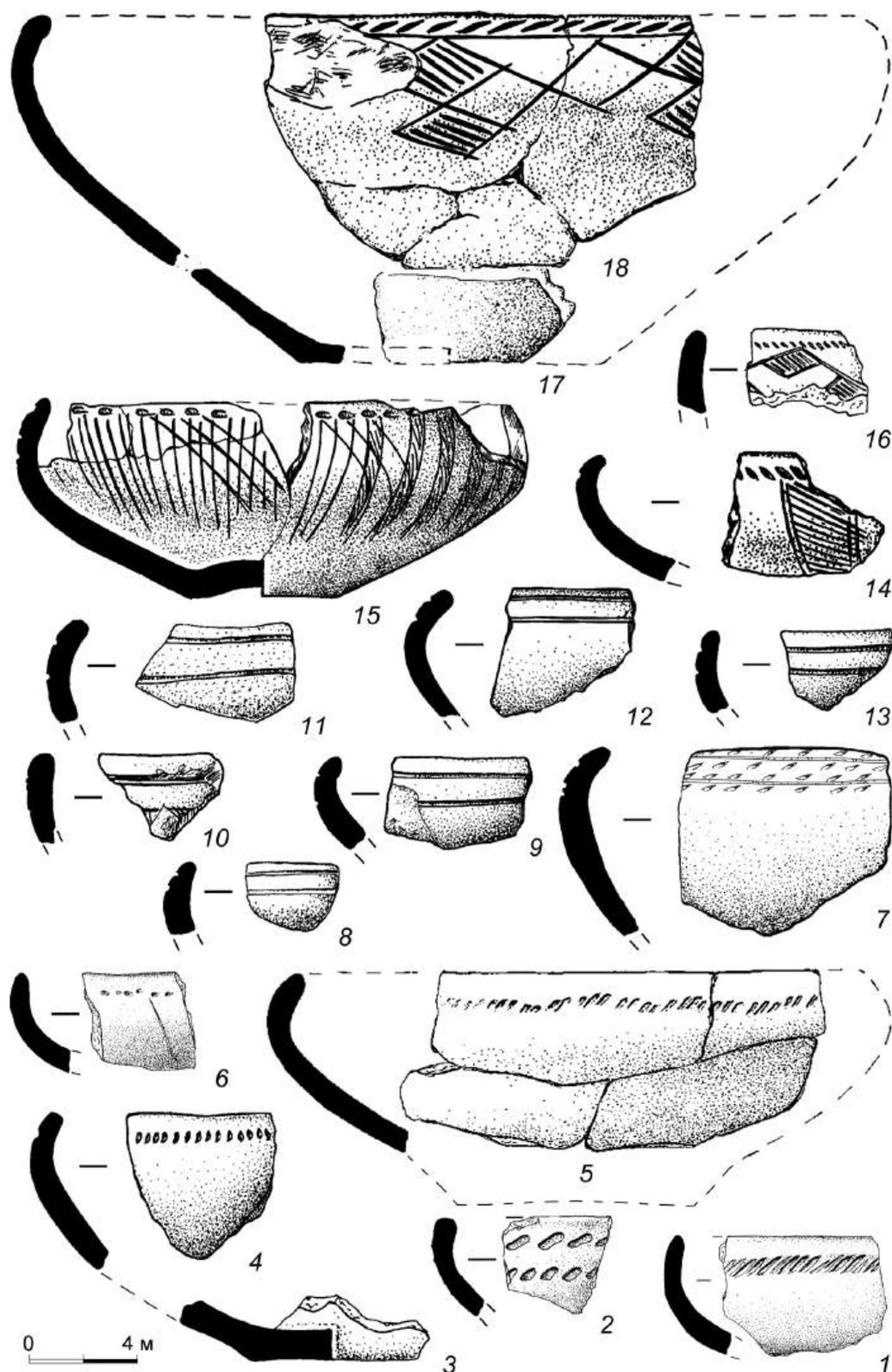

Рис. 2. Орнаментированные миски. Поселение «Кишпек-2». Находки из объектов: 1 – № 94; 2 – № 37; 3 – № 144; 5 – № 81; 7 – № 232; 8 – № 317; 10 – № 124; 12 – № 293; 14 – № 11; 15 – № 138; 16 – № 139; 17, 18 – № 88. Находки из пластов. Пласт 0: 6 – кв. 2. Пласт 1: 9 – кв. 74; 11 – кв. 49. Пласт 2: 4 – кв. 38; 13 – кв. 39

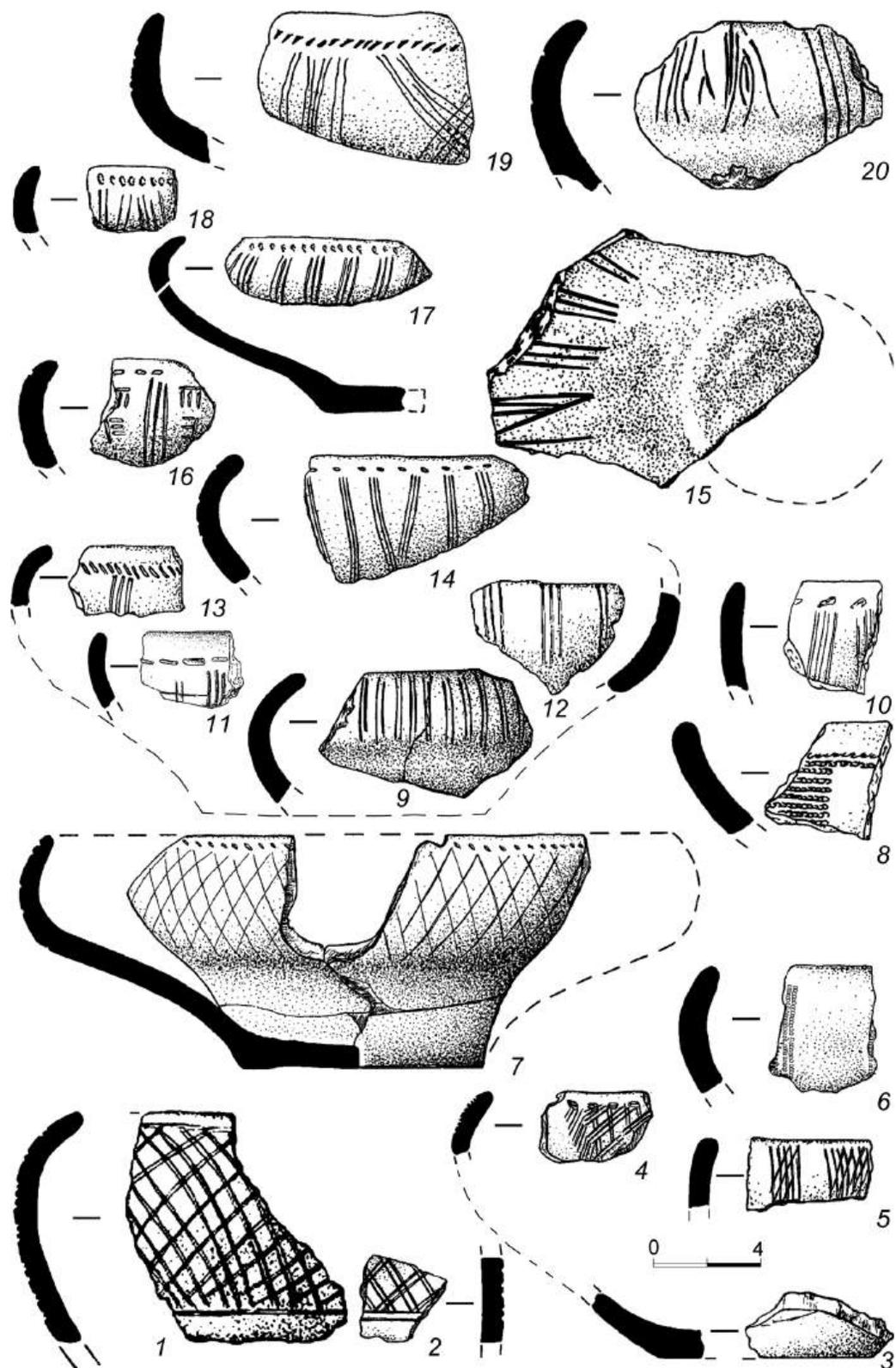

Рис. 3. Орнаментированные миски. Поселение «Кишпек-2». Находки из объектов: 1 – № 264; 6 – № 173А; 7 – № 69; 9 – № 234В; 11 – № 37; 12 – № 62; 14 – № 5; 15 – № 234А; 16 – № 187; 18 – № 326; 19 – № 75; 20 – № 96. Находки из пластов. Пласт 0: 5 – кв. 11. Пласт 1: 3 – кв. 19; 4 – кв. 7; 8 – кв. 58; 10 – кв. 39; 13 – кв. 70; 17 – кв. 69. Пласт 2: 2 – кв. 11

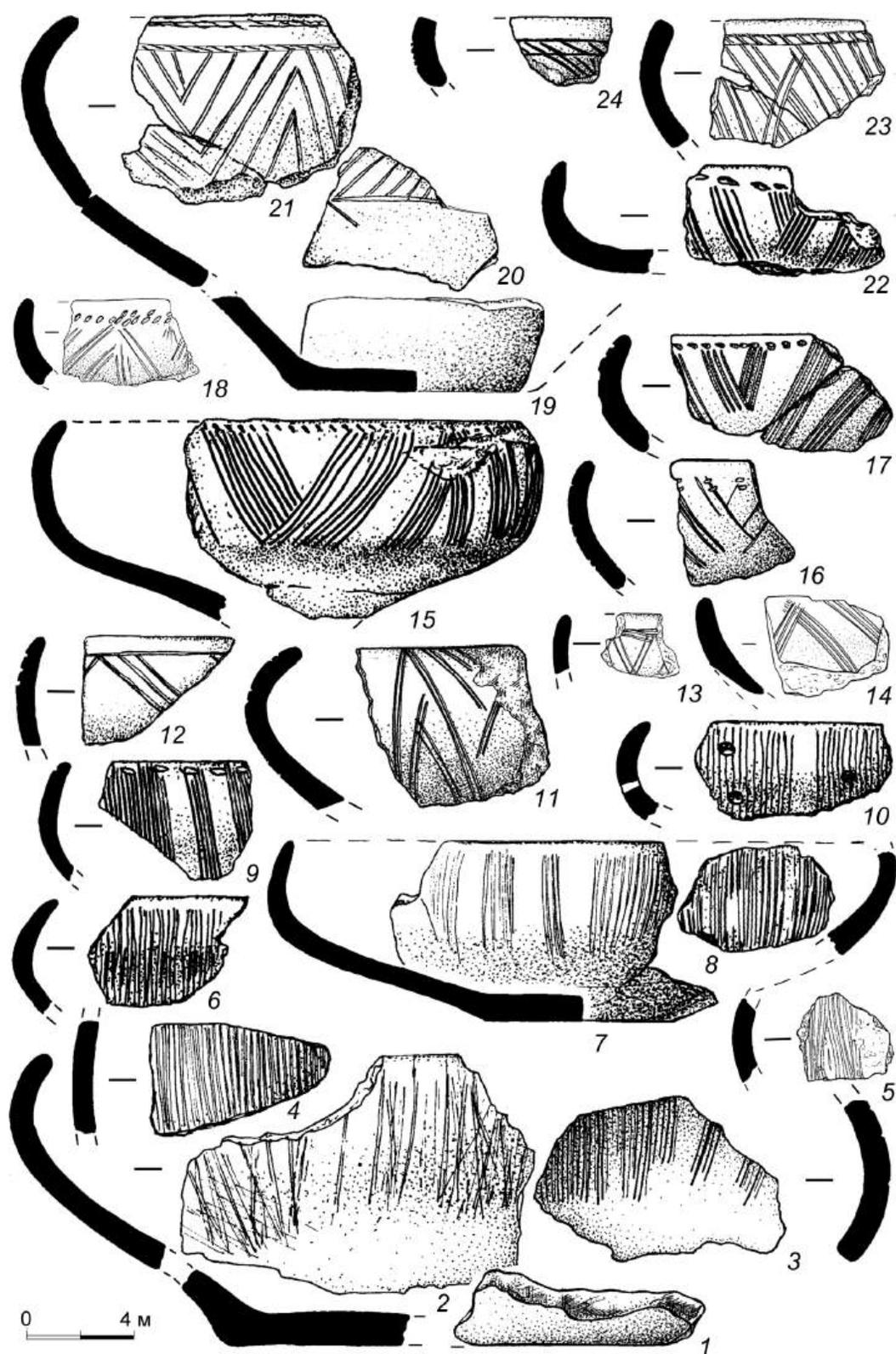

Рис. 4. Орнаментированные миски. Поселение «Кишпек-2». Находки из объектов: 1 – № 5; 4, 7 – № 173; 6 – № 153; 8 – № 237; 9 – № 223; 10, 15 – № 169; 11, 21 – № 55; 12 – № 108; 13 – № 37; 14 – № 32; 16 – № 109; 17 – № 124; 18 – № 94; 19, 20 – № 90; 22 – № 198; 23 – № 56. Находки из пластов. Пласт 0: 5 – кв. 2. Пласт 1: 2 – кв. 58. Пласт 2: 3 – кв. 38; 24 – кв. 24

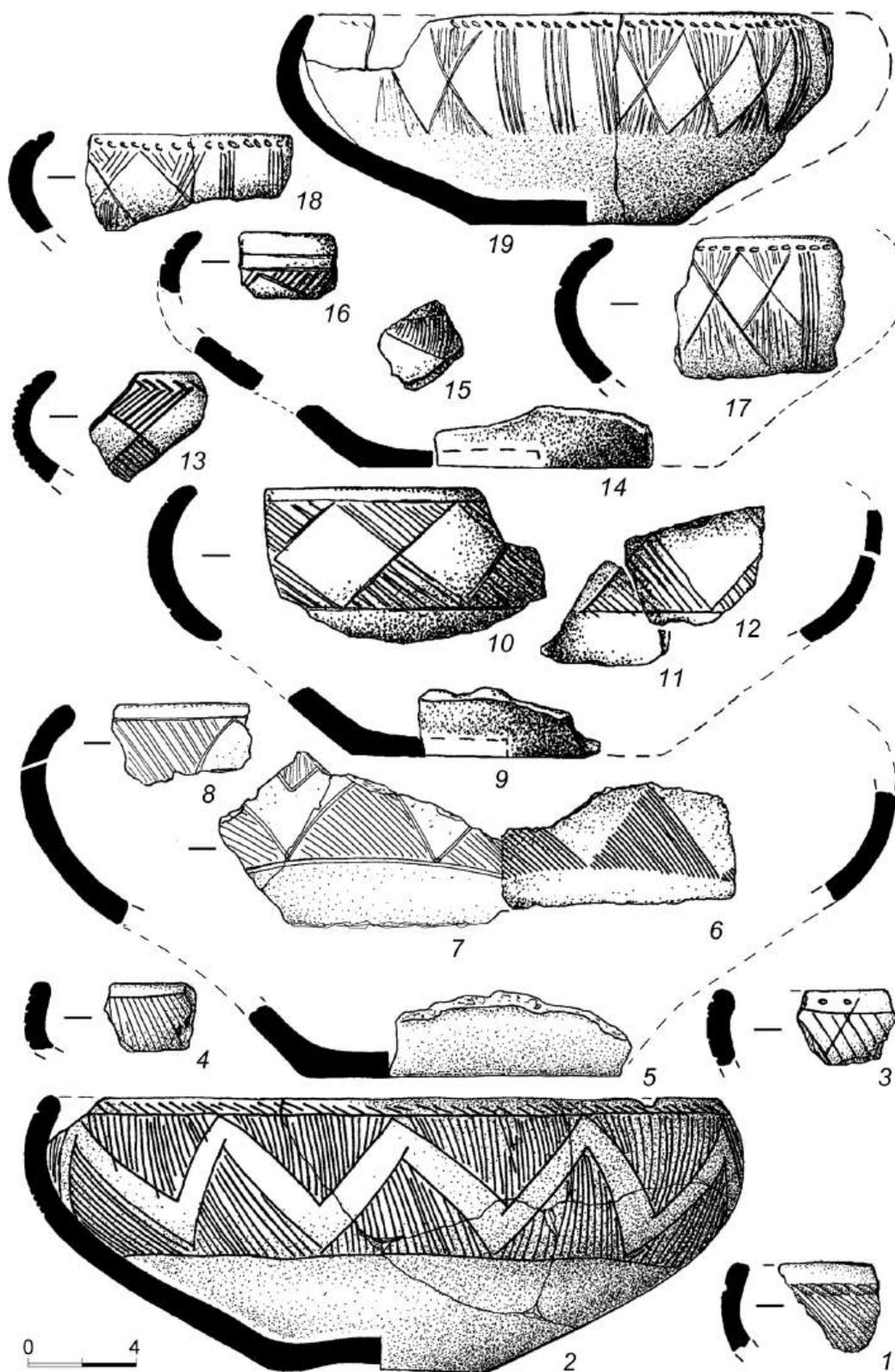

Рис. 5. Орнаментированные миски. Поселение «Кишпек-2». Находки из объектов: 2 – № 67; 3 – № 89; 5, 7, 8 – № 56; 6 – № 95; 9–12, 14–16 – № 136; 13 – № 313; 17–19 – № 138. Находки из пластов. Пласт 1: 4 – кв. 7. Пласт 2: 1 – кв. 10

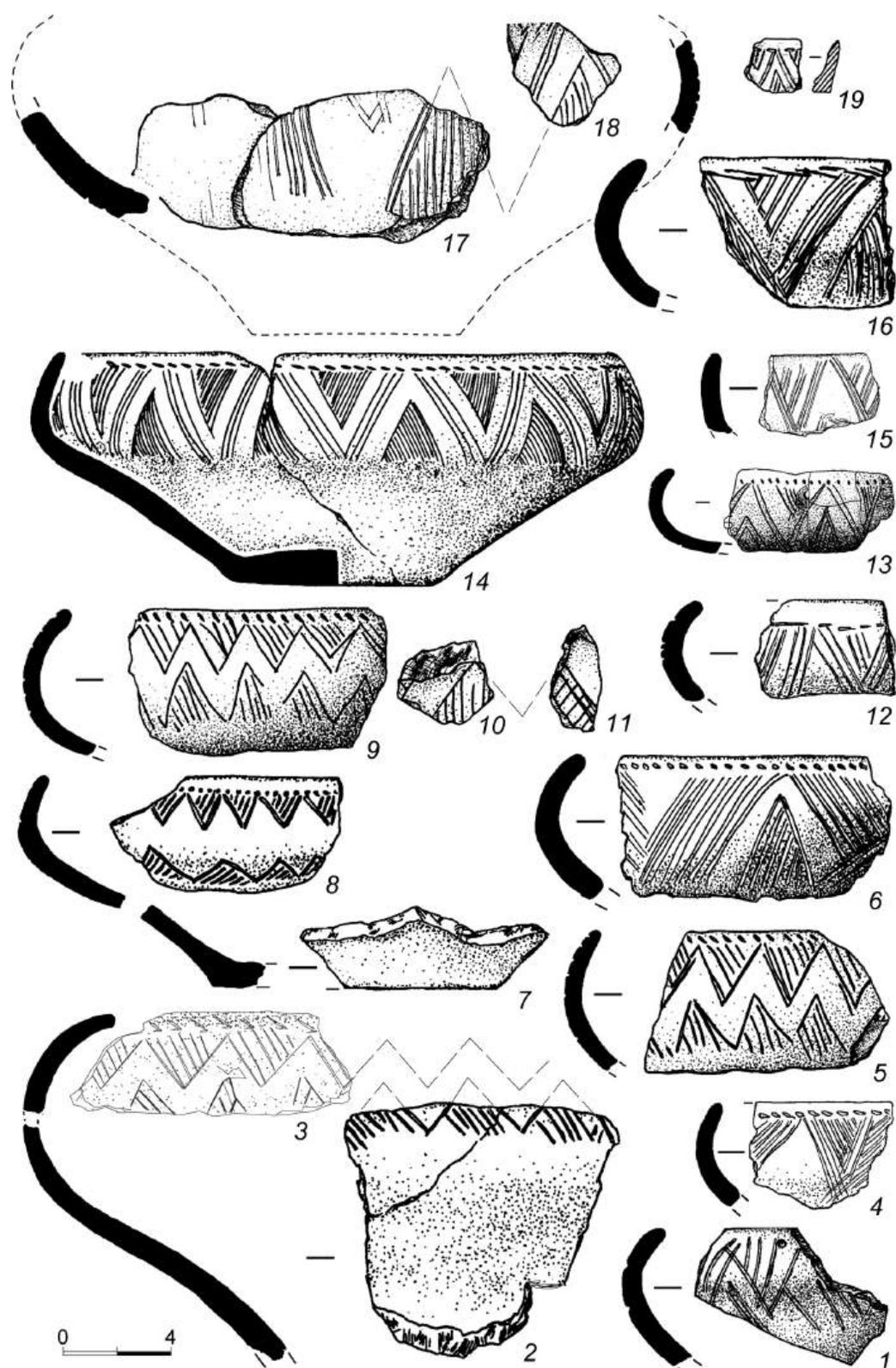

Рис. 6. Орнаментированные миски. Поселение «Кишпек-2». Находки из объектов: 1 – № 96; 2 – № 23; 3 – № 101; 4 – № 103; 5 – № 204; 6 – № 173; 7, 8 – № 11; 9–11 – № 24; 13 – № 15; 14 – № 220; 16 – № 234а; 17, 18 – № 69. Находки из пластов. Пласт 0: 15 – кв. 2. Пласт 2: 12 – кв. 36. Краснознаменский могильник: 19 (по Петренко В. Г., 2006, кат 144)

широкая пильчатая разделительная полоса (рис. 5, 2, 6–8, 15, 16; 6, 2, 3, 5, 6, 8–11), причем посередине ее могли наносить зигзаг, получаемый с применением «многоконечного» инструмента, снабженного острыми шипами, которых могло быть два (рис. 6, 13), три (рис. 6, 14, 17, 18) и даже больше (рис. 6, 16). Подобный способ декоративного оформления (рис. 6, 19) засвидетельствован в коллекции Краснознаменского могильника (Петренко, 2006. Табл. 73: кат. 144).

Таким же «многоконечным» инструментом иногда выполнялись треугольники (рис. 6, 15), но чаще – вертикальные «столбики» (рис. 3, 9–20), вложенные друг в друга углы (рис. 4, 11–24), а также зигзаги. Последние могли размещаться вертикально, но преимущественно располагались горизонтально и составлялись из отрезков, сходящихся под острыми углами.

Встречается косая сетка в рамке (рис. 3, 1, 2) и без нее (рис. 3, 4, 7), всегда с ячейками ромбической формы.

Верхнюю кромку узора нередко завершал 1, иногда 2 ряда тесно смыкавшихся между собой мелких вдавлений. Преимущественно применялись семечковидные оттиски (рис. 2, 4, 7, 14, 16; 3, 7, 13, 19; 4, 18, 22; 5, 13; 6, 4, 5, 9–11, 14, 19), почти всегда наклоненные верхним концом влево. Их могли заменять округлыми наколами (рис. 2, 6; 3, 4, 14, 16–18; 4, 15–17; 5, 3, 17–19; 6, 6, 8, 13), овальными ямками (рис. 2, 2, 5, 15; 3, 10, 11; 4, 9), скошенными вмятинами (рис. 5, 1).

Кроме того использовались узкие насечки (рис. 2, 1, 18; 5, 2; 6, 3, 12, 16), в отдельных случаях заключающиеся между двух прочерченных линий – «ленточный» узор (рис. 4, 21, 23, 24).

Обращает на себя внимание пара мелких фрагментов (рис. 3, 6, 8) от двух мисок со шнуровыми оттисками (?).

В целом, как видим, керамика поселения Кишпек-2 обнаруживает довольно близкие соответствия в материалах памятников раннескифского времени (Красное Знамя, Нарган), а также в комплексах с элементами «позднекиммерийской» традиции – например кургане 1, изученном в 1921 г. близ Каменномостского на Малке (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 19, 20. Мокрушин, 2021. С. 20–23).

Литература

- Батчаев В. М., 1985.** Древности предскифского и раннескифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик. – С. 7–115.
- Виноградов В. Б., 1972.** Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный: Чечено-Ингушское книжн. изд-во. – 389 с.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983.** Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка. – 380 с.
- Козенкова В. И., 1998.** Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // Свод археологических источников. Вып. В2–5. Т. 5. М. – 200 с.
- Маслов В. Е., 2015.** Керамика Центрального Предкавказья в раннескифское время // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва) / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. – М.: ИА РАН. – С. 248–257.
- Махортых С. В., 1991.** Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка. – 136 с.
- Мокрушин В. П., 2021.** Материалы к изучению археологии Кабардино-Балкарии VIII–VII вв. до н. э. // МИАСК. – Вып. 19 / Отв. ред. Е. И. Нарожный – Армавир–Караचाевск – С. 19–25.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И., 2017.** «Кишпек-2» – торгово-производственный пункт VIII–VII вв. до н. э. // Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье. АЧ – Вып. VII / Под ред. Р. Б. Схатума и В. В. Улитина – Краснодар: Изд-во «ИП Смородин». – С. 186–191.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И., 2018.** «Кишпек-2» – поселение предскифского времени (Центральное Предкавказье) // МИАСК. – Вып. 16 / Под ред. Е. И. Нарожного. – Армавир–Краснодар. – С. 65–74.

- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И., 2018а.** Торгово-производственный пункт предскифского времени в окрестностях Нальчика // Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. АЧ – Вып. VIII / Под ред. Р. Б. Схатума и В. В. Улитина. – Краснодар: «ИП Шлепнев М. В.». – С. 194–199.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И., 2020.** Хозяйственный комплекс в центральной части поселения «Кишпек-2» // МИАСК. – Вып. 18 / Под ред. Е. И. Нарожного. – Армавир–Краснодар. – С. 129–139.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И., 2021.** Новые археологические материалы из раскопок поселения Кишпек-2 (Кабардино-Балкария) // МИАСК. – Вып. 19 / Отв. ред. Е. И. Нарожный. – Армавир–Карачаевск. – С. 7–18.
- Петренко В. Г., 1984.** Погребальные комплексы и находки у с. Пелагиада // Советская археология № 2. – С. 155–164.
- Петренко В. Г., 2006.** Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Степные народы Евразии. – Т. III. – Берлин – Бордо – Москва: «Палеограф». – 179 с.

Раздел 2: Актуальные проблемы современной археологии средневекового населения региона

Section 2: Actual problems of modern archeology of the medieval population of the region

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С СААДАЧНЫМ ПОЯСОМ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЛИПКИ I¹

© И. А. Дружинина¹, А. В. Сурков²

¹ Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация;

² ООО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются материалы воинского комплекса, исследованного в кургане 1 могильника Липки I, расположенного к северо-востоку от станицы Неберджаевская Крымского района Краснодарского края.

Комплекс оказался ограбленным. Среди сохранившихся предметов погребального инвентаря выделяется набор наконечников стрел, детали колчана, а также накладки стрелкового пояса, в том числе колчаный крюк и ответная застежка. Погребение датируется первой половиной XIV в.

Ключевые слова: Золотая Орда, Северо-Восточное Причерноморье, воинское погребение, саадачный пояс.

MILITARY BURIAL WITH A SAADACH BELT FROM THE BURIAL GROUND LIPKI I

© I. A. Druzhinina¹, A. V. Surkov²

¹ Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation;

² «Archaeological Society of Kuban», Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article deals with the materials of the military complex investigated in barrow 1 of the burial mound Lipki I, located northeast of the Neberdjaevskaya village of the Crimean district of Krasnodar Krai. The complex turned out to be robbed. Among the surviving items of burial inventory are a set of arrowheads, parts of a quiver, as well as overlays of a shooting belt, including a quiver hook and a clasp. The burial is dated to the first half of the 14th century.

Keywords: Golden Horde, North-Eastern Black Sea region, military burial, saadaq belt.

В июле 2021 г. экспедиция ООО «Археологическое общество Кубани» (рук. – к. и. н. А. В. Сурков) провела спасательные раскопки кургана 1 в составе объекта археологического наследия «Курганная группа «Липки I», попадающего в зону работ на участках проектирования «Троицкого группового водопровода от ПК 120 до пос. Кабардинка» в Крымском районе и муниципальном округе г. Новороссийск Краснодарского края.

Курганная группа «Липки I» выявлена осенью 2020 г. разведочным археологическим отрядом ООО «Дельта-Л» (рук. А. Ю. Данильченко) к северо-востоку от станицы Неберджаевская Крымского района Краснодарского края (рис. 1), в 4 км от Т-образного перекрестка к северо-востоку от станицы, в 2,8 км от железнодорожного моста через реку Богаго. Курганный

¹ Работа выполнена в рамках ГЗ № НИОКТР 122011200266-3.

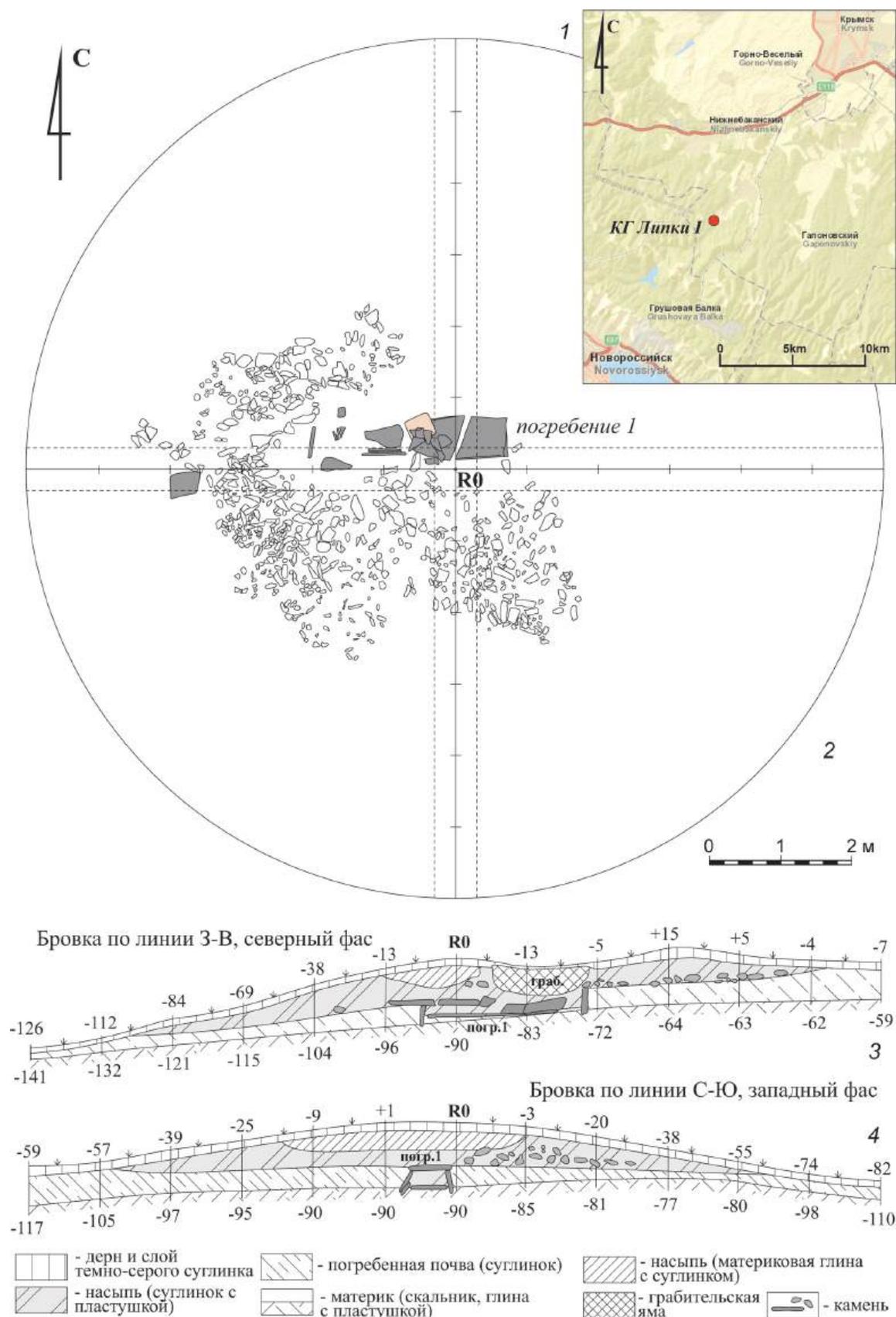

Рис. 1. Краснодарский край. Крымский район. Курганная группа «Липки I». Курган 1. 1 – Ситуационный план; 2 – общий план раскопа; 3, 4 – профили

могильник расположен на правом берегу р. Липки, большая часть курганов находилась на относительно ровной, не залесенной площадке коренного горного склона. Северная и западная части могильника занимают покрытый лесом участок склона.

В 2020 г. курганный могильник состоял из 35 небольших курганных насыпей диаметром 3–5 м при высоте 0,5–1,5 м. Через территорию могильника в направлении с ВСВ на ЗЮЗ проложена грунтовая автомобильная дорога, при устройстве которой скрепером были повреждены насыпи курганов № 3, 4, 6, 8, 9, 10. В центральной части почти всех насыпей зафиксированы грабительские ямы.

Результаты раскопок кургана 1.

Курган 1 располагался в восточной части памятника, на мысообразном понижении левого берега р. Липки.

Насыпь каменно-земляная. Диаметр 12 м. Высота по северной поле – 0,59 м, по южному склону – 0,82 м. В центральной части кургана в 0,60–1,60 м к западу от R0 фиксировалась грабительская яма размером 1×1 м, повредившая часть погребения.

Насыпь возведена над основным и единственным погребением, находившимся в центре подкурганной площадки.

Погребение совершено в каменном ящике, впущенном в могильную яму. Могильная яма прорезала погребенную почву, представленную серо-коричневым суглинком, и на незначительную глубину уходила в материк. Глубина ямы от древней дневной поверхности – 25 см. Границы ямы четко не читаются, устанавливаются по периметру каменного ящика. Материк представлен глиной с меловой каменной крошкой (-90 см от R0).

Стратиграфия в центре кургана следующая:

0 – 10–12 см – дерново-почвенный слой;

10–12 – 60–65 см – каменно-земляная насыпь, в нижней части восточного и южного профилей по характерному расположению камней среднего размера вокруг погребения читается выкид из могильной ямы;

60–65 – 90 см – древний почвенный горизонт (серо-коричневый суглинок);

с 90 см – материковой основание (в центре кургана полосой с запада на восток прослежен слой глины с мелкой каменной крошкой, а на основной площади – скальный выход).

Погребение 1 зафиксировано на глубине -63 см от R0 в северо-восточном секторе, затем расчищено в северо-западном секторе кургана. В центральной части кургана в 60–160 см к западу от R0 фиксировалась грабительская яма размером 1×1 м, повредившая часть погребения.

Могильная яма подпрямоугольной формы, с вертикальными отвесными стенками, глубиной 0,25 м, шириной 0,65 м, длиной 2,1 м. Вытянута по линии запад-восток с незначительным отклонением (рис. 1, 2).

Каменный ящик (рис. 2, 1) длиной 2 м, ширина около 50 см (поскольку боковые плиты по длинным сторонам завалены внутрь, точная ширина не фиксируется) составлен из плит «дикого сланца» различного размера. Плита перекрытия шириной 60 см, длиной около 135 см и толщиной около 5 см, края подтесаны. В западной части перекрытие представлено навалом плит меньшего размера, в том числе и плиткой из светлого песчаника квадратной формы (40×40 см толщиной 5 см), все края которой подтесаны.

Боковые стенки выходят за торцевые. Длина восточной торцевой стенки – 49 см, толщина – 8 см; длина западной торцевой – 34 см, толщина 5,5 см.

Дно ящика выстлано двумя плитами – восточная: 112×40×2,5 см и западная: 65×40×2,5 см.

Плита перекрытия была смещена к востоку от ящика на 65 см и раскололась, северная стенка ящика завалилась внутрь. Вероятно, это последствия тектонических сдвигов или селевых потоков, в ходе которых почвенный горизонт немного сместился вниз по склону. Что отражается также и в профилях бровки по линии запад-восток, западная часть которой понижается незначительно (на 7 см от центра к краю), тогда как перепад к восточному краю составляет 126 см.

После снятия плиты перекрытия в слое заполнения гробницы обнаружены многочисленные следы землеройной активности грызунов.

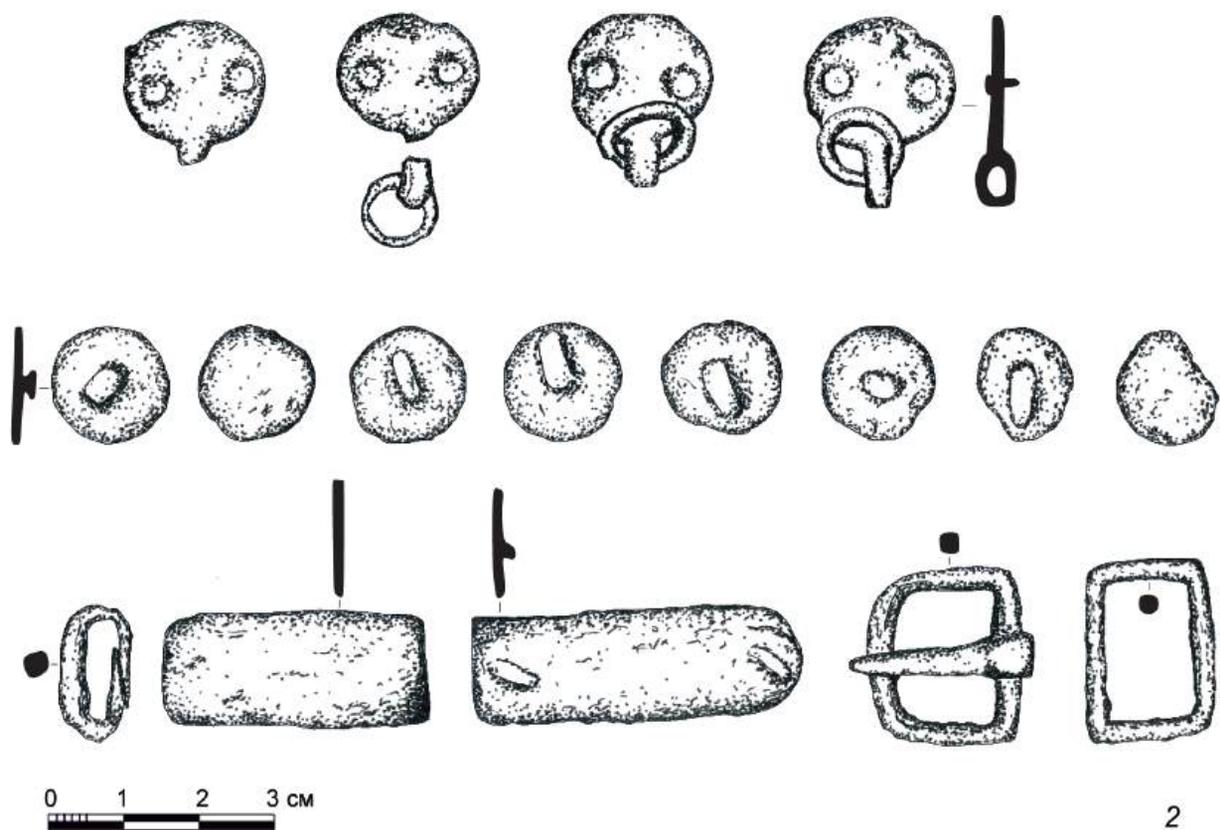
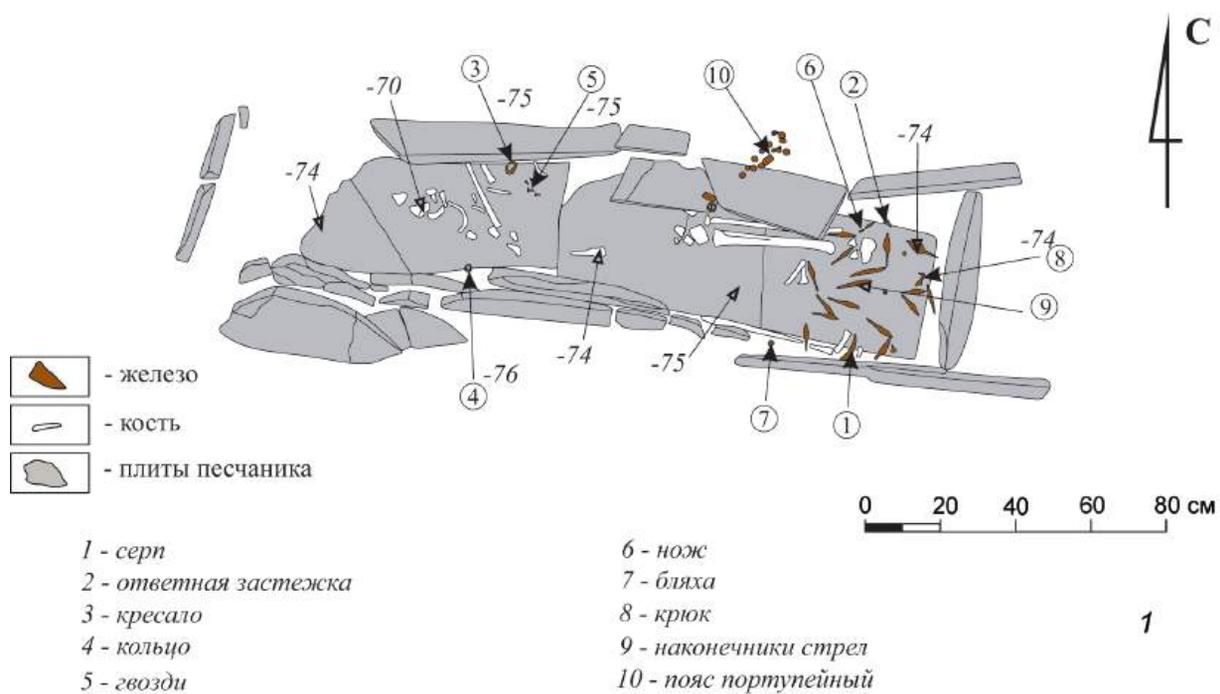

Рис. 2. Краснодарский край. Крымский район. Курганная группа «Липки I». Курган 1. Погребение 1. 1 – план; 2 – детали португейного набора

В центральной части ящика поверх завалившейся внутрь северной стенки на глубине -69 см от Ро зафиксированы детали железной гарнитуры портупейного набора из 17 предметов (рис. 2, 2), располагавшихся компактно и в порядке, соответствующем сохранному предмету, что свидетельствует о перемещении пояса в целом состоянии (видимо, вследствие сдвига плиты) в скором времени после совершения захоронения.

Поле снятия поясного набора и завалившейся северной стенки ящика погребение было расчищено полностью. От скелета сохранились только отдельные кости руг и ног; часть грудной клетки, таз и череп отсутствовали.

В ногах погребенного, в районе ступней и голеней находились 16 железных наконечников стрел (рис. 3, 9–24). Один из них лежал поверх правой малоберцовой кости погребенного и почти упирался черенком в южный борт каменного ящика, еще три наконечника были расположены у восточной стенки гробницы: один лежал на грунте вдоль стенки, черенок обращен к югу, второй – на каменной плите дна ящика, черенок обращен в юго-восточный угол гробницы, третий – также находился на каменной плите дна ящика у восточной стенки, черенок обращен к востоку. Таким образом, либо эти наконечники были смещены с места своего первоначально расположения грызунами уже после того, как истлели древки стрел, либо их древки были переломлены при погребении. Большая часть, а именно 10 наконечников лежали в два ряда (7 наконечников в первом, 3 наконечника во втором ряду, в том, что ближе к восточной стенке ящика), веерообразно, сохранив, в целом, общее направление – их острия были направлены на восток с отклонениями на юго- и северо-восток. Эти стрелы первоначально были уложены поверх голеней и ступней погребенного, при этом часть наконечников переместилась на каменную плиту дна погребального ящика еще до попадания во внутреннее пространство гробницы грунта. Еще два наконечника остриями были направлены на северо-запад и север и лежали ниже рассыпавшихся пучком стрел, но на погребенном.

В районе правой ступни и, по-видимому, под ней, прямо на каменной плите дна ящика, выявлен серп, спинкой направленный к южной стенке гробницы (рис. 3, 4).

В области ступней обнаружены железные детали колчана (рис. 3, 5–8, 25–34): крючок с ответной планкой, кольца, конусообразная бляха колчанной крышки, а также детали крепления.

В районе пояса, у правой руки находилось железное кольцо (рис. 3, 8), а выше левой тазовой кости – кресало и расколотый кремь (рис. 3, 1, 2). Чуть ниже, к востоку от кресала, на донной плите гробницы обнаружено скопление из пяти железных гвоздиков с остатками деревянного основания, остриями направленных на восток (рис. 3, 25). Скорее всего, гвозди являются частью крепления колчана.

В заполнении могилы в разных местах лежали обломки черешка и лезвийной части небольшого ножа (рис. 3, 3).

Инвентарь. Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, деталями колчана.

Наконечники стрел, железные, черешковые:

Подромбические, с максимальным расширением в нижней части, с выпуклыми сторонами и вогнутыми асимметричными плечиками, линзовидного или ромбовидного сечения, с упором: 7,1×1,6×0,5; 6,8×1,4×0,5; 7,2×1,4×0,5; 8×1,4×0,4; 9,3×1,5×0,5; 7,6×1,2×0,5; 7,9×1,4×0,6; 5,5×1,6×0,5 см (рис. 3, 9–12, 17–20). Их отличительной чертой является то, что одна сторона пера более покатая, другая – с четко выраженным перегибом при переходе в плечико. Тип 41 вариант 2 (наибольшее распространение – в XII в., бытуют до кон. XIV в.) (Медведев, 1966. С. 65. Таб. 20, 29). Тип Б42а (X–XII вв.), близок типу А24б (XI–XIII вв.), (Руденко, 2003. С. 82, 99, 220, 222. Таб. 42, 44). Ближайшие аналогии происходят из материалов XIII в. могильника Цемдолинский на пашне, п. 2 (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 2, 3), и материалов XIII – пер. пол. XIV в. могильника Сидоренкова щель (Дмитриев, Дружинина, 2018. С. 357. Рис. 3, 7, 14, 15). Известны на обширной территории Евразии, в частности в погребениях кочевников XII–XIV вв. могильника Усть-Талькин, юг Средней Сибири (Николаев В. С., 2004. С. 198. Рис. 17, 5).

Листовидный, максимальное расширение в нижней части пера, с линзовидным сечением, с упором, 6,2×1,3×0,5 см (рис. 3, 13). Тип А1 (листовидные), известны в памятниках Северного Кавказа XII–XIV вв. (Мамаев и др., 1983. С. 61, 64, 66, 67. Рис. 9, 1, 2).

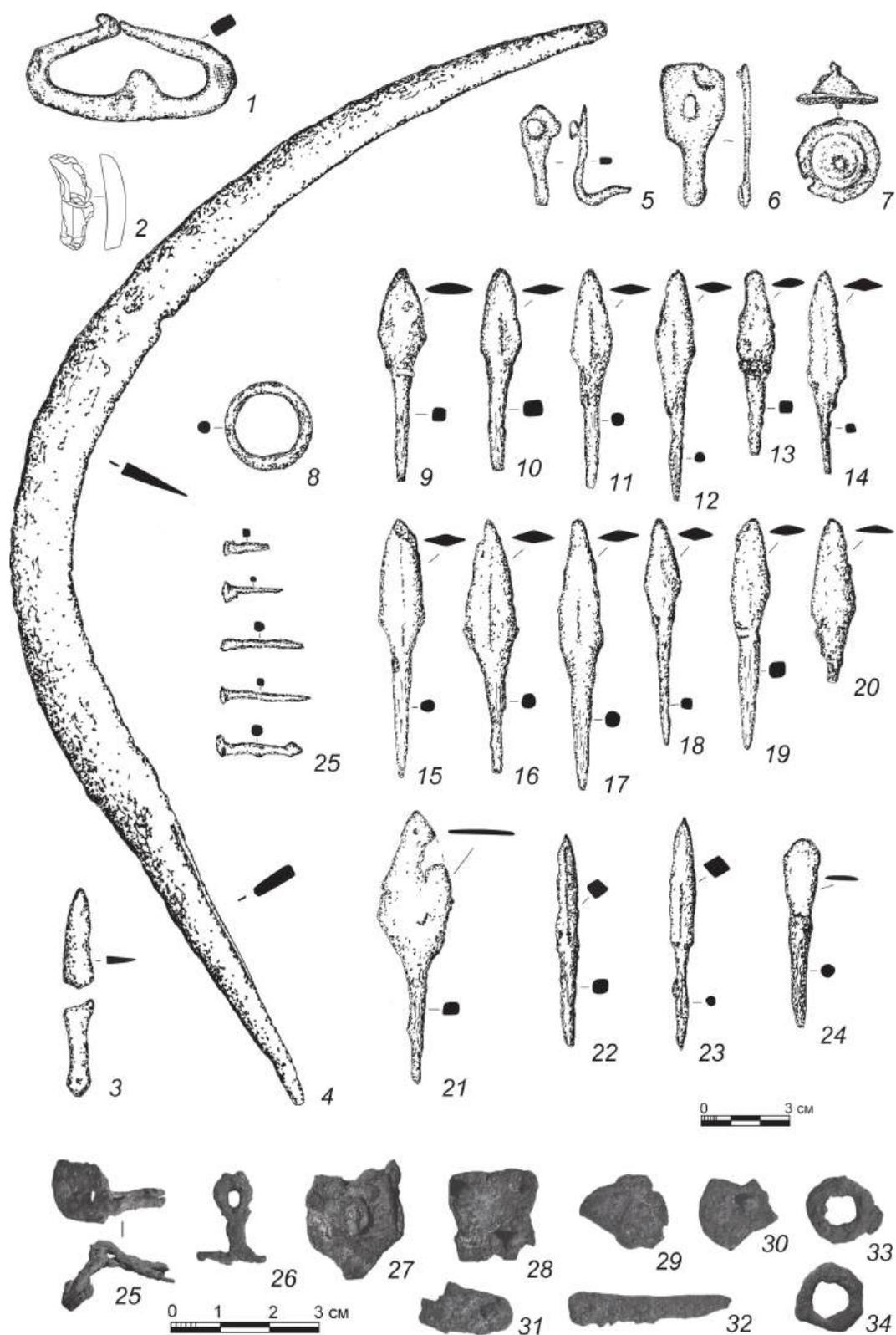

Рис. 3. Краснодарский край, Крымский район. Курганная группа «Липки I», курган 1. Погребение 1, инвентарь: 1 – кресало; 2 – кремьень; 3 – нож; 4 – серп; 5 – колчаный крюк; 6 – ответная застёжка; 7 – бляха с крышки колчана; 8 – кольцо; 9–24 – наконечники стрел; 25 – гвозди (1, 3–25 – железо; 2 – кремьень); 25, 26 – детали крепления колчана; 27–34 – детали стрелкового пояса

Килевидный, 6,9×1,3×0,5 (рис. 3, 14). Тип 38.3, широко распространен в курганах XIII–XIV вв. на Кубани, близ Пятигорска и Новороссийска (Медведев, 1966. С. 64. Таб. 23, 15), близок Типу А13 (плоским, ножевидным). Аналогичные наконечники выявлены в могильнике XII в. Абинский 4 (Пьянков, 1993. Рис. 10, 32, 33) и погр. 1 к. 3 XIII – пер. пол. XIV в. могильника Сидоренкова щель (Дмитриев, Дружинина, 2018. С. 357. Рис. 3, 19). Подобные наконечники распространились в горах в постордынское время (Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1983. С. 64, 65, 67. Рис. 10, 4).

Наконечник с пятиугольным пером, ромбовидным сечением, с порожком, 8,8×1,5×0,5 (рис. 3, 15). Аналогии в материалах XIV в. п. Лобанова щель 2/1 (Козюменко, Раев, 2002. С. 217, 231. Таб. 8, 10) и п. Сидоренкова щель 11/2 (Дмитриев, Дружинина, 2018. Рис. 3, 45).

Подромбический, 8,6×1,8×0,5 с выпуклыми сторонами и вогнутыми плечиками, линзовидного сечения, с упором (рис. 3, 16). Близок типу Б426, а также Типу А10 (плоским, вытянуто-ромбическим пером) (Руденко, 2003. Таб. VII, 956). Подобные наконечники широко распространены в горах в XIII–XV вв., но известны и в более раннее время (Мамаев и др., 1983. С. 64–67. Рис. 9, 23).

Наконечник плоский, с ромбовидным пером линзовидного сечения, без упора, 9,2×2,4×0,5 (рис. 3, 21). Близок типу 61 – остролистным, IX–XIV (Медведев А. Ф., 1966. 73, 163. Таб. 26, 14). Тип А13, XII–XIII вв. (Руденко К. А., 2003. С. 79, 219). Ближайшие аналогии происходят из материалов XIII–XIV вв. могильника Цемдолинский на пашне, п. 34 (Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 13, 8), из каменного ящика XIV в. Лобанова щель 2/1 (Козюменко, Раев, 2002. С. 217, 231. Таб. 8, 12), погребения Сидоренкова щель 5/1 (Дмитриев, Дружинина, 2018. С. 357. Рис. 3, 26), кочевнического погребения Арпачин II–1 (Чхаидзе, Дружинина, 2010. С. 201. Рис. 15, 3) и Урочище Гора, к. 8 (размеры наконечника из последнего комплекса: 12×3 см) (Дружинина, 2007. С. 173. Рис. 1, 12).

Граненые, узкие ромбического сечения, с упором, 7×0,7×0,5; 7,9×0,7×0,6 (рис. 3, 22, 23). Аналогии в материалах Северо-Восточного Причерноморья XII в.: к. 4 Цемдолинского могильника (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 54. Рис. 52, 7), XIV в.: п. Кабардинка 33/1 (Носкова, 2010. С. 196. рис. 13, 21), п. 16/1 Сидоренкова щель (Дмитриев, Дружинина, 2018. Рис. 3, 74). Подобный наконечник выявлен в кочевнических погребениях XII–XIII вв.: Раздольная-799/3 (Нехаев и др., 2009. С. 147, 155. Рис. 5, 6) и XIII–XIV вв.: лесной зоны Южного Урала (Гарустович, 2012. С. 170. Рис. 3, 7) и юга Средней Сибири (могильник Усть-Талькин) (Николаев В. С., 2004. С. 186. Рис. 5, 6).

Долотовидный, 6,3×1,2×0,5 (рис. 3, 24), близок типу Б5 – с призматической головкой, уплощенной верхней частью и длинной конической шейкой, X–XIII вв. (Руденко, 2003. С. 86. № 267) и треугольным срезям (тип 54, IX–XIV вв.) (Медведев, 1966. С. 70. Таб. 20, 41).

Колчанная бляха железная, конусообразная с закраиной в основании, d=2,8 см, h=1,5 см. Довольно редкая находка в погребениях золотоордынского времени на Кубани. Ближайшая аналогия происходит из кочевнического подкурганного погребения близ Пятигорска – Урочище Гора-8/1 второй половины XIII–XIV в. (Дружинина, 2007. Рис. 1, 11). Железная бляха из данного комплекса находилась на крышке колчана, украшенного костяными пластинами с богатой гравировкой (Гаврилина, 1986; Дружинина, 2007. С. 1, 1). Подобная полусферическая бляха (диаметром 1,9 см) с неширокой закраиной в основании и небольшой железной заклепкой с внутренней стороны найдена рядом с остатками колчана в разграбленном кочевническом погребении золотоордынского времени Сидоры – 14/1 и (Волгоградская область) (Мыськов, 2015. С. 355–356, 451. Рис. 83, 14). Примечательно, что орнамент на костяных накладках на колчан из погребения Сидоры – 14/1 практически идентичен гравировке колчаных пластин из комплекса Урочище Гора-8/1. Еще одна близкая аналогия происходит из кочевнического погребения золотоордынского времени из Таганрога – Северный II–1/1, в публикации бляха атрибутирована как пуговица, размеры: диаметр 3,1–3,4 см, высота с петлей 1,3 см, диаметр петли 0,7 см) (Ларенок, Ларенок, 2019. С. 263, 274. Рис. 2, 4).

На Северо-Западном Кавказе известны подобные находки, но других типов. Серебряная бляха с колечком украшала крышку берестяного колчана из элитарного воинского погребения

в медном гробу в кургане № 1 (раскопки 1897 г.) у станицы Белореченская, датированного серединой – третьей четвертью XIV в. (Горелик, Дружинина, 2011. С. 49. Рис. 7, 1). Три однотипные шестилучевые колчаные бляхи выявлены в подкурганых и грунтовой ингумациях XIV в. Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья: Кабардинка, к.15 (Носкова, 2010. С. 176), Азаренский-1/26 (Баранюк, Сазонов, 2009. Л. 171. Илл. 437, 4; 438; Белов, Раев, 2019. С. 36), Аушедз (разрушенное погребение) (Белов, Раев, 2019. С. 35, 36, 77. Таб. 21, 2). Колчанная бляха с выпуклым полусферическим выступом в центре 8-угольной призматической основы с двумя парами симметричных лучей обнаружена в элитарном монгольском погребении первой половины XIV в. Коллекторский – 1/1 в. из Восточного Приазовья (Чхаидзе, Дружинина, 2010. С. 119, 121. Рис. 5, 2), мужском кочевническом захоронении Бойкопонура – 1/2 первой половины XIV в. (Чхаидзе, Иванов, Шереметьев, 2019. С. 125, 137. Рис. 7, 1). Литая ажурная шестилепестковая бляха с петелькой с крышки колчана выявлена в погребении кочевника первой половины XIV в. у Березанского лимана (Добролюбовский, Гребенников, 1991. С. 224–240. Рис. 1, 2, 17). Бытование приведенных в качестве аналогий предметов укладывается в рамки XIV в.

Детали крепления колчана (рис. 3, 25, 26, 33, 34) имеют широкую датировку и находят многочисленные аналогии в материалах эпохи Золотой Орды.

Вместе с портупейным поясом выявлены колчаный крюк и ответная застежка – довольно редкие находки в памятниках Северо-Западного Кавказа. *Колчаный крюк*, железный, 3,5×1,3×0,35 см. Изготовлен из железного прута, один конец которого раскован в пятиугольную пластину, крепившуюся к концу ремня шпеньком, другой конец изогнут, имеет слабо-выраженный S-овидный изгиб и заострен. Ближайшими аналогиями являются колчаные крюки из погребений кочевников: Ильский 1 – 7/2 (Березин, Березин, Нарожный, 2011. С. 175, 187. Рис. 7, 5), Коллекторский 1/1 (Прикубанье) начала XIV в. (Чхаидзе, Дружинина, 2010. С. 110–125), с Царевского городища XIV в. (Яворская, 2001. С. 88. Рис. 1, 1–4); в комплексах Южного Урала: Тлявгуновский – 1/1 второй половины XIV в., (Иванов, 1984. С. 79, 80. Рис. 3, 9), Ново-Кумакский – 28/1 XIII–XIV вв. (Гарустович, Иванов, 2014. С. 300. Рис. 54, 14), в материалах из погребений кочевников XIII–XIV вв.: Молчановка гр. III, к. 2 (Гарустович, Ракушин, 2010. С. 153, 154. Рис. 7, 36); у пос. Урал (Оренбургская обл.) (Иванов, 1984. С. 92, 93. Рис. 12, 7), у с. Августовка (Самарская обл.) (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998), Шебуты-III, Уда и Галки (юг Средней Сибири) (Николаев В. С., 2004. С. 248, 297, 302. Рис. 67, 12; 116, 17; 121, 9).

Ответная колчанная застежка, железная, 5×2,2×0,25 см, в виде вытянутой трапециевидной пластины с подовальным отверстием в центре на одном конце, и узкой планкой, выходящей из центра меньшего основания трапеции – на другом. К ремню застежка крепилась шпеньком, сохранившимся на конце планки. Аналогии в кочевнических погребениях: Хабарный I, к. 10 (Оренбуржье, вторая половина XIII – первая половина XIV вв.), в этом же комплексе рядом с застежкой-петлей находился и колчаный крюк (Иванов, 2004. С. 75, 82. Рис. 6, 6); Северный II–1/1 (г. Таганрог, вторая половина XIII–XIV вв.) (Ларенок, Ларенок, 2019. С. 263, 274. Рис. 2, 3) (в публикации застежка названа «фигурная ременная железная накладка» – на трех сторонах ее пластины-петли – небольшие фигурные выступы, размеры застежки: 4,8×2,4×0,4 см).

Саадачный портупейный набор также представлен железными пряжкой, скобой, рамкой, двумя кольцами, а также накладками и ремненным наконечником.

Кольцо железное, с сомкнутыми концами, 1,7×0,9×0,5; *кольцо железное*, цельное 2,3×1,7×0,4 (рис. 3, 33, 34).

Скоба поясная, железная, прямоугольной в плане формы, с несомкнутыми концами (рис. 2, 2:13). Аналогии – в поясном наборе из погребения Псебепс-3 – 124 (Красильникова Л. И., 2017. Т. 11, л. 39, рис. 330, 4).

Ременная пряжка железная 2,2×2,3×0,5 (рис. 2, 2:16) полуовальная, тип АII (Федоров-Давыдов, 1966. С. 44. Рис. 7, 2), близка типам АIa2 и АIг (Мыськов, 2015. С. 221. Табл. XLIII, 1). Датировается широко.

Наконечник пояса, прямоугольный с округлым концом, 4,4×1,5×0,18 см (рис. 2, 2:15). Крепился к основе ремня при помощи штифтов. Аналогичный серебряный удлиненно-подпрямо-

угольный с заovalенной передней частью наконечник пояса обнаружен в женском погребении 10 Новопавлловского могильника XIV в. (Нарожный, Охонько, 2007. С. 67, 68, 131. Рис. 22, 13).

Длинная накладка, прямоугольная 3,5×1,5×0,25 см (рис. 2, 2:14). Подобная накладка обнаружена среди деталей колчанного набора и наконечников стрел в воинском погребении, сопровождаемом конским захоронением – курганная группа № 258, к. 98, погр. 2 (Верещагин, Голубев, 2020. С. 169, 179. Рис. 3, 9).

Ближкий наконечник, но с треугольным выступом, а также аналогичные длинные накладки выявлены в составе поясных наборов из погребений могильника XIV в. Псебепс-3 (Красильникова, 2017. Т. 13, Л. 167, рис. 1063,9; Т. 15. Л. 179. Рис. 1718, 3).

Двенадцать круглых, плоских накладок крепились к основе ремня при помощи штифтов, концы которых расковывались на тыльной стороне ремня. По деталям декора выделяются два типа: с двумя круглыми отверстиями и ушком для колечка, размером 2,5×1,9×0,2 см (рис. 2, 2:1–4); с одним отверстием по центру, диаметр 1,6 толщина 0,2 см (рис. 2, 2:5–12). Аналогии первому типу накладок: Лаишевское (Волго-Камье), тип А16, XII–XIII в. (Руденко, 2000. С. 242, 244, 248. Рис. 2, А16). Аналогии второму типу – железные накладки портупейных наборов из кочевнических погребений XIII–XIV вв. с территории Нижней Волги: первый набор с подобными накладками диаметром – 2,2 см, а также с фрагментом колчанного крюка: Бережновка гр. I, к. 40 (Гарустович, Ракушин, 2010. С. 146, 147. Рис. 4, 1–4), второй набор (диаметр накладок – 2,1 см): Скатовка, к. 4 (Гарустович, Ракушин, 2010. С. 155–156. Рис. 8, 9).

Ближайшими аналогиями также являются шесть железных округлых накладок со штырьком на оборотной стороне из к. 25 могильника Кабардинка (Носкова, 2005. С. 180, 195. Рис. 12, 26–31), а также целая серия однотипных поясных наборов из погребений 6, 48, 75, 124 могильника Псебепс-3 (Красильникова, 2017. Т. 11, л. 39, рис. 330, 1–3, 4 – скоба; т. 13, л. 167, рис. 1063, 1–3, 5, 7, 9; т. 15, л. 40, рис. 1495, 2, 5; т. 15, л. 180, рис. 1719). Вместе с деталями одного из данных поясных наборов в погребении 6 могильника Псебепс-3 была обнаружена монета хана Узбека, Сарай, тип 1314–1321 (Гончаров, Красильникова, Козмирчук, 2018. С. 432–435).

Серп железный, 39×2,2×0,5 см (рис. 3, 4), с хорошо выраженным изгибом лезвия и не отогнутым черешком. Лезвие клиновидное в сечении, с мелкими зубуринами на режущей части. Рукоять уплощенная.

В Северо-Восточном Причерноморье и Западном Закубанье серпы различных типов довольно часто встречаются в кремационных погребениях VIII–IX и XI–XII вв. (Армарчук, 2014. С. 31). Продолжающие направление рабочей части черешки зафиксированы у серпов из кремационных погребений могильника Дюрсо пп. 15 и 89 (IX в.) (Дмитриев, С. 259. Таб. 92. 3, 5). Серпы из ингумационных погребений XIV вв. могильника Кабардинка кк. 17, 18, 23, 36 (Носкова, 2010. С. 177. Рис. 8, 29, 36; 11, 25; 14, 27) отличаются от экземпляра из погребения Липки I-1 отогнутым черешком. Наиболее близкой аналогией является серп из воинского погребения, выявленного в курганной группе № 258, к. 103, п. 1 (Верещагин, Голубев, 2020. С. 169, 182. Рис. 6, 6).

Для погребений кочевников находки серпов не характерны, комплексы их содержавшие единичны: Поросье (Федоров-Давыдов, 1966. С. 86) и погребение девочки-подростка Маляевка – 16/1 на левобережье Ахтубы (Мыськов, 2015. С. 331, 421. Рис. 53, 3). В последнем случае черешок серпа резко отогнут. Также серп был выявлен в насыпи кургана Глазуновский 5, возведенной над погребением кочевницы (Кравец, 2005. С. 129–130, 51. Рис. 62, 2), возможно, является случайной находкой.

Кресало с коротким, плавно закругленным язычком, концы сомкнуты, один конец прямой, другой с завитком, 7,4×3,8×0,5 см (рис. 3, 1). Бытование в памятниках Северо-Западного Кавказа кресал данного типа относят к X–XV вв. (Армарчук, 2014. С. 35) и более узкому временному интервалу XII – первой половины XIV в. (Дружинина, 2018. С. 223–224. Рис. 45, 3). Эти кресала выявлены в Цемдолинских курганах: № 8 второй половины XII – начала XIII в., № 9 конца XI – первой половины XII в. (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 35), в материалах Большого Шапсугского могильника (Успенский, Пономарев, 2008. С. 116. Рис. 11, 14). Известны по находкам в подкурганых погребениях второй половины XIII–XIV в. Сидоренкова щель – 1/5,

11 и 12 (Дмитриев, Дружинина, 2018. Рис. 1А), Кабардинка 7/1, 40/1 (Носкова, 2010. С. 187, 199. Рис. 4, 11; 16, 6), Цемдолина – 2 (Армарчук, Малышев, 1997. С. 94. Рис. 2, 10).

Учитывая хронологию приведенных аналогий, погребение ЛипкиI-1 следует датировать первой половиной XIV в.

Поскольку погребение было разрушено грабителями, а часть инвентаря безвозвратно исчезла, любые выводы об этнокультурной атрибуции комплекса будут иметь высокую степень условности. Поэтому ограничимся лишь следующим замечанием. Обряд, в соответствии с которым совершено погребение – подкурганное, одиночное, ингумационное, в грунтовой яме, в каменном ящике, с западной ориентировкой – традиционен для местного оседлого населения Северо-Восточного Причерноморья с эпохи античности и считается маркирующим для погребальных памятников зихов XIII–XIV вв. района современного Новороссийска (Дружинина, 2019. С. 281–292). Несмотря на то, что аналогии выявленным в погребении Лики I-1 деталям ременной гарнитуры довольно хорошо известны в соседних синхронных памятниках Северо-Восточного Причерноморья, саадачные наборы с подобным комплектом поясных накладок известны только в кочевнических погребениях золотоордынского времени.

Литература

- Армарчук Е. А., Дмитриев А. В., 2014. Цемдолинский курганно-грунтовой могильник. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 132 с.
- Армарчук Е. А., Малышев А. А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Вып. 3. – Армавир. – М. С. 92–114.
- Белов М. А., 2011. Могильник Аушедз в системе средневековых древностей // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. II. – Великий Новгород – Старая Русса. – С. 123–125.
- Белов М. А., 2011а. Шестилучевая бляха из могильника «Аушедз». К вопросу интерпретации // Новые материалы и методы археологического исследования. Тезисы докладов научной конференции молодых ученых. Москва, 15–17 марта 2011 г. М. С. 63–64.
- Белов М. А., Раев Б. А., 2019. Могильник Аушедз как источник по истории племен Северо-Западного Кавказа в эпоху Средневековья. Отв. Ред. С. И. Лукьяшко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 82 с.
- Березин С. Я., Березин Я. Б., Нарожный Е. И., 2011. Средневековые кочевнические погребения из курганного могильника Ильский-1 на Ставрополье // МИАСК. Вып. 12. С. 169–188.
- Василиненко Д. Э., Пьянков А. В., 2013. Складные серпы из средневекового курганного могильника «Тешебс-1» (г. Геленджик, Краснодарский край) // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 30–31 мая 2012 г.). Краснодар: ООО НПЦ «АйТиМед». С. 19–26.
- Верещагин В. В., Голубев Л. Э., 2020. Всадники «шегаков» // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Изд-во Магарин О. Г. С. 166–191.
- Гаврилина Л. М., 1986. Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X–XIV веков.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., 2014. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н. э.). Уфа: Издательство БГПУ. 328 с.
- Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., 2010. Позднекочевнические комплексы Нижневолжского региона (из раскопок И. В. Синицына) // Уфимский археологический вестник. Вып. 10. Уфа: Гилем. С. 141–177.
- Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа.
- Гончаров Е. Ю., Красильникова Л. И., Козмирчук И. А., 2018. Монетные находки с поселения и могильника Псебепс-3 (Краснодарский край) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск. С. 432–435.

- Горелик М. В., Дружинина И. А., 2011.** Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (№ 2). М. С. 39–63.
- Добролюбский А. О., Гребенников Ю. С., 1991.** Группа памятников кочевой знати первой половины XIV в. в Северо-Западном Причерноморье // Древности Юго-Запада СССР. С. 224–240.
- Дружинина И. А., 2007.** Курганный могильник в урочище Гора близ Пятигорска (по материалам раскопок Д. Я. Самоквасова) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 8. Армавир. С. 158–176.
- Дружинина И. А., 2018.** Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Дисс. канд. истор. наук. М. 622 с.
- Дмитриев А. В., Дружинина И. А., 2018.** Курганный могильник Сидоренкова Щель // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск. С. 444–447.
- Дружинина И. А., Дмитриев А. В., 2018.** Предметы вооружения из курганного могильника Сидоренкова Щель // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 253. М. С. 348–367.
- Иванов В. А., 1984.** Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа. С. 75–97.
- Иванов В. А., 2004.** Хабарный I – могильник золотоордынского времени в Центральном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VI. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 74–83.
- Иванов В. А., Кригер В. А., 1988.** Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). Наука 89 с.
- Козюменко Е. В., Раев Б. А., 2002.** Курганный могильник Лобанова щель (по материалам раскопок 2002 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар. С. 214–236.
- Кравец В. В., 2005.** Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ. 206 с.
- Красильникова Л. И., 2017.** Отчет об охранных археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Псебепс-3» в Крымском районе Краснодарского края в 2016 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 54191–54211.
- Ларенок В. А., Ларенок П. А., 2019.** Погребение золотоордынского времени из Таганрога (интерпретация источника) // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова. Сборник статей. Волгоград: Сфера. С. 260–277.
- Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А., 1983.** Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный. – С. 44–80.
- Медведев А. Ф., 1966.** Ручное метательное оружие. Луки и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. E1-36.
- Мыськов Е. П., 2015.** Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград. 484 с.
- Нарожный Е. И., Охонько Н. А., 2007.** Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей / МИАСК. Вып. 7. Монография в журнале. Под ред. С. Н. Савенко. Армавир – Ставрополь. 173 с.
- Николаев В. С., 2004.** Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талкинская культура. Владивосток – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН. 304 с.
- Носкова Л. М., 2010.** Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // Материальная культура Востока. Вып. 5. М. С. 167–200.
- Пьянков А. В., 1993.** Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Studia Pontocastica. Вып. I. – Краснодар. С. 123–138, 214–224.

- Руденко К. А., 2000.** Булгарские железные пряжки и накладки (X–XIV вв.) // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. Труды ГИМ. Вып. 122. М. С. 240–253.
- Успенский П. С., Пономарев В. П., 2008.** Большой Шапсугский могильник (Западное Закубанье) // МИАСК. – Вып. 9. – Армавир. – С. 102–117.
- Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А., 2010.** Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // БАТЫР. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. С. 110–125.
- Чхаидзе В. Н., Иванов А. В., Шереметьев А. Г., 2019.** Погребения средневековых кочевников близ хут. Бойкопонура в Краснодарском крае // МИА Северного Кавказа. № 17. С. 119–140.
- Яворская Л. В., 2001.** Материалы к золотоордынской хронологии (по погребальным памятникам из окрестностей Царевского городища) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград. С. 76–92.

ГРУНТОВЫЙ БИРИТУАЛЬНЫЙ МОГИЛЬНИК ВАРНАВИНСКОЕ-2 В ЗАПАДНОМ ЗАКУБАНЬЕ¹

© П. С. Успенский¹, В. Ю. Кононов²

¹ Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация;

² ООО «Крымский региональный центр археологических исследований»,
г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов грунтового биритуального могильника Варнавинское-2, расположенного на территории Западного Закубанья, в современном Абинском районе Краснодарского края. В первой части статьи приводится подробное описание раскопанных погребальных комплексов и описание сопутствующего инвентаря. Вторая часть посвящена анализу данных погребального обряда и основных категорий сопровождающих погребения вещей. Исследованные погребальные комплексы датируются IX-X вв. Могильник Варнавинское-2 входит в круг средневековых некрополей Северо-Западного Кавказа, с биритуальным обрядом погребения.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, эпоха средневековья, кремация, ингумация, грунтовый могильник.

BIRITUAL BURIAL GROUND VARNAVINSKOE-2 IN THE WESTERN ZAKUBANYE REGION

© P. S. Uspenskiy¹, V. U. Kononov²

¹ Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation;

² LLC «Crimean Regional Center of Archaeological Research», Simferopol,
Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the publication of materials from the Varnavinskoye-2 soil burial ground located on the territory of the Western Trans-Kuban region, in the modern Abinsky district of the Krasnodar region. The first part of the article provides a detailed description of the buried burial complexes and a description of the accompanying inventory. The second part is devoted to the analysis of the data of the funeral rite and the main categories of grave goods. Research burial complexes of the 9th–10th centuries AD. Burial ground Varnavinskoye-2 is included in the circle of medieval necropolises of the North-Western Caucasus, with a bi-ritual burial rite.

Keywords: North-Western Caucasus, Middle Ages, cremation, inhumation, ground burial.

На территории Северо-Западного Кавказа грунтовые и подкурганые биритуальные некрополи, а также могильники с погребениями, совершенными по обряду трупосожжения являлись одним из основных типов погребальных памятников в период VII–XIII вв. История изучения этих памятников охватывает период более 100 лет, а на сегодняшний день известно более 50 памятников этого типа.

Данная статья посвящена введению в научный оборот материалов грунтового биритуального могильника Варнавинское-2. Географически, рассматриваемый памятник расположен в степной зоне Западного Закубанья, на территории современного Абинского района Краснодарского края (рис. 1). В конце XIX – начале XX в. на территории Западного Закубанья археологические исследования носили преимущественно эпизодический характер. Следует отметить разведочные работы и небольшие раскопки В.М. Сысоева, В.Г. Тизенгаузена,

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения НИОКТР № 122011200265-6

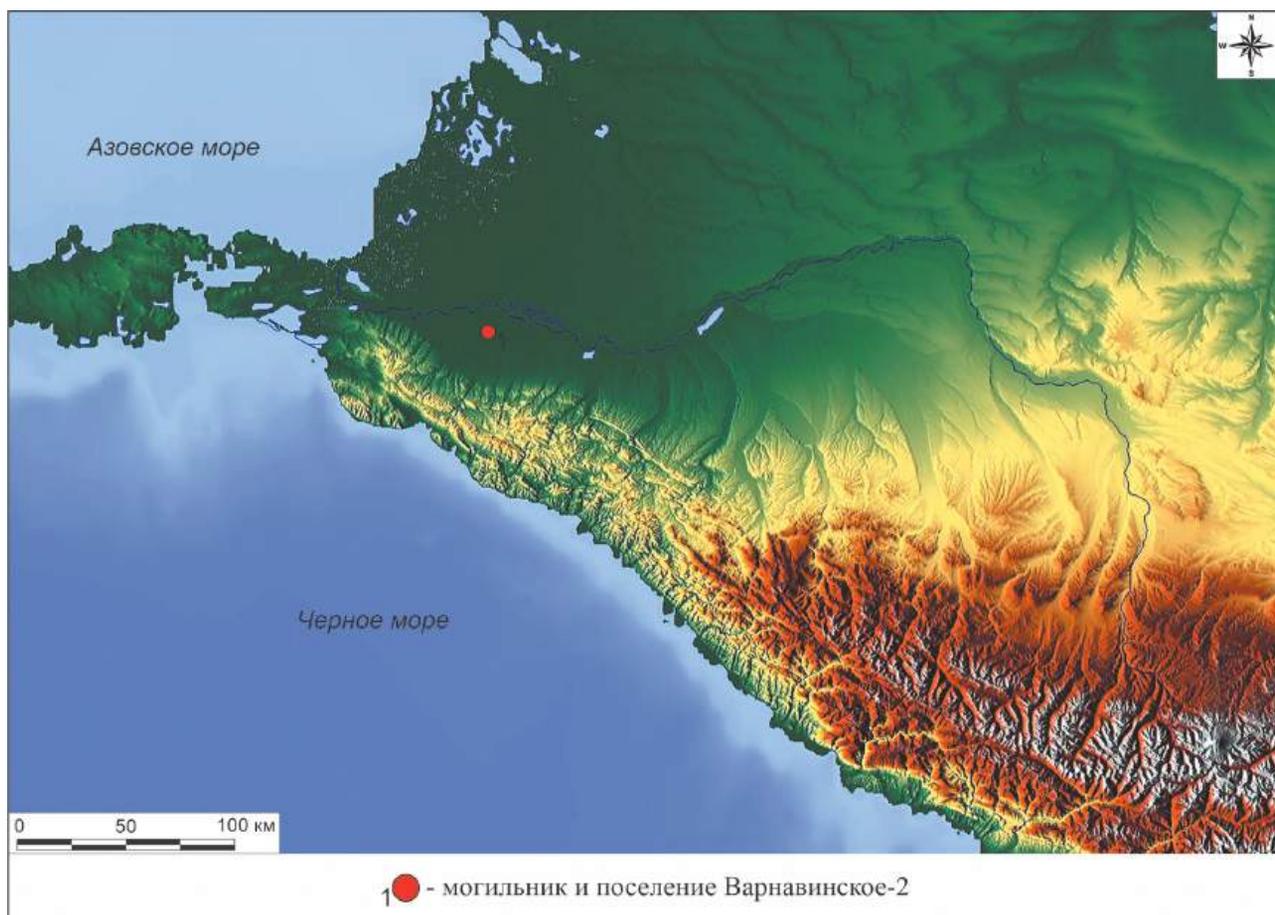

Рис. 1. Местоположение поселения и грунтового могильника Варнавинское-2

Н. И. Веселовского (ОАК за 1878 и 1879 гг., с. XIII; Алексеева, 1959, с. 65; Сысоев, 1904, с. 90). Позднее в 1940–1941 гг. крупномасштабные работы были предприняты Н. В. Анфимовым в зоне строительства Шапсугского водохранилища., когда был раскопан Убинский могильник, материалы которого полностью так и не введены в научный оборот.

Активные археологические исследования на территории степной зоны Западного Закубанья были развернуты в 80-е годы XX в. Под руководством А. В. Пьянкова проводились исследования могильника Черноклен, грунтового могильника Циплиевский кут, Е. А. Хачатуровой был раскопан кремационный могильник Абинский-4. В значительной степени расширить представления о древностях VIII–X вв. позволили раскопки В. А. Тарабанова на территории Молдавановского грунтового могильника (Пьянков, 1987; Пьянков, 1989; Пьянков, 1993; Тарабанов, 1990). В 1985 и 1986 гг. Мингрельским отрядом Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР были исследованы могильники Общественный II, III и Ахтырский лиман, где также были обнаружены средневековые погребальные комплексы (Сорокина, 2001, с. 67–73).

В результате активных археологических исследований двух первых десятилетий XXI в. были обнаружены и раскопаны ранее неизвестные грунтовые могильники в Западном Закубанье, к ним относятся грунтовые некрополи у хут. Карла Маркса (современный Крымский район), Староредутский (Славянский район), Афипс – 5 (Северский район) (Рукавишникова, Меньшиков, Воробьев, 2017; Глухов, 2022; Голубев, Долгополова, 2022).

Среди погребальных комплексов вышеназванных могильников были выявлены как синхронные погребения могильника Варнавинское-2, так датирующиеся и более поздним периодом.

Следует отметить, что материалы большинства из известных на сегодняшний день биритуальных могильников Северо-Западного Кавказа в научной литературе опубликованы лишь

частично в виде тезисов, отдельных «ярких» погребальных комплексов, или предметов погребального инвентаря.

Поселение² и могильник Варнавинское-2 находится в степной части современного Абинского района Краснодарского края, к югу от впадения Крюковского сбросного канала в Варнавинское водохранилище, в 2,5 км к северу от северной окраины с. Варнавинское. Центральная часть поселения была разрушена еще в советское время, при строительстве автомобильной дороги ведущей из г. Абинска в х. Садовый. В настоящее время памятник выделяется на местности двумя естественными возвышениями, расположенными по обе стороны от указанной автодороги. Количество подъемного материала, обнаруженного на поселении, оказалось значительным. Основная его концентрация локализуется к западу и востоку от изгиба автодороги г. Абинск – х. Садовый, в 500 м к югу от восточного угла чаши Варнавинского водохранилища.

На территории памятника было заложено 2 раскопа общей площадью 1004 кв. м. На момент раскопок в 2010 г. поверхность памятника была распахана, современная поверхность неровная имела понижения к востоку на 0,63 м, к юго-востоку 0,58 м и к югу 0,33 м от R0 (рис. 2: 2, 3).

До начала работ в площади раскопа были встречены фрагменты керамики и костей.

Стратиграфия на всей площади раскопа идентична. Под пахотным слоем мощностью 0,2–0,25 м был выявлен слой серо-коричневого суглинка, являющийся культурным слоем поселения, мощность данного слоя достигает 0,5–0,6 м, далее находился материк, представленный суглинком серо-желтого цвета (рис. 2: 4, 5).

В двух раскопах были исследованы погребения совершенные по обряду кремации и ингумации.

Описание погребальных комплексов

Погребение 1 (объект 1³) (рис. 2: 3, 3: 1). Совершено по обряду кремации, располагалось в 24,5 м к югу от R₀, на глубине 0,92 от R0.

Погребение было обнаружено в юго-западной части квадрата 5, в слое суглинка серо-коричневого цвета.

Была расчищена серо-глиняная урна № 1 (рис. 3: 7), установленная устьем вверх, на уровне материка, рядом с ней, с северо-запада, на уровне дна, лежали бронзовый пинцет № 2 (рис. 3: 2) и фрагмент подобного пинцета № 3 (рис. 3: 3). Погребальная урна была заполнена пережженными фрагментами человеческих костей, вперемешку с золой и древесным углем.

При разборе содержимого урны были найдены: серьга из желтого металла № 4 (рис. 3: 5), три фрагмента второй серьги из желтого металла № 5 (рис. 3: 6) и раковина каури № 6 (рис. 111/6, КМ № 6).

Описание погребального инвентаря:

1. Урна (корчага) сероглиняная кружальная с двумя ручками (рис. 3: 7). Тулово пифойдное, расширено в верхней части. Шейка невысокая, отогнута наружу, венчик округлен. Ручки петлевидные, овально-уплощенные в сечении, крепятся вертикально к месту наибольшего диаметра тулова. Дно плоское. Тесто плотное, с большой примесью крупнозернистого песка. Стенки украшены вертикальными лощеными полосами и горизонтальным желобком в месте наибольшего диаметра тулова. Высота сосуда – 32 см; высота шейки – 2,5 см; диаметр устья – 22 см; диаметр тулова – 30 см; диаметр дна – 17 см.

2. Пинцет бронзовый, пластинчатый, прямоугольной формы, в верхней части сделана фигурная проволочная петелька для подвешивания (рис. 3: 2). Высота – 4,5 см; ширина – 1,3 см; толщина – 0,2 см.

3. Фрагмент подобного бронзового пинцета (рис. 3: 3).

² Материалы поселения в данной статье не рассматриваются.

³ Во время раскопок кремационные погребения были обозначены как объекты, поэтому в нашей работе мы даем единый список погребений со сквозной нумерацией, а в скобках указано его наименование и порядковый номер содержащийся в научном отчете

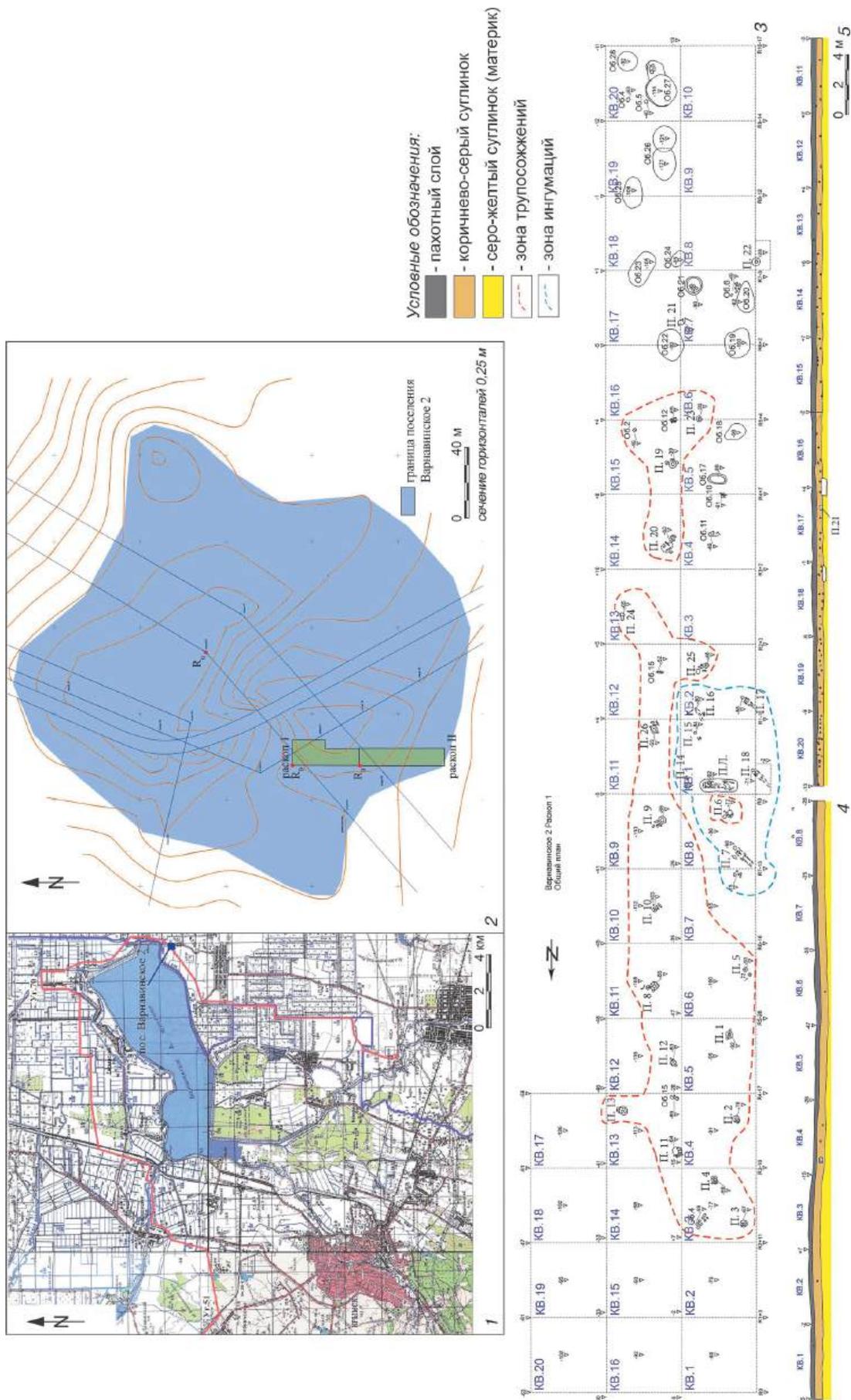
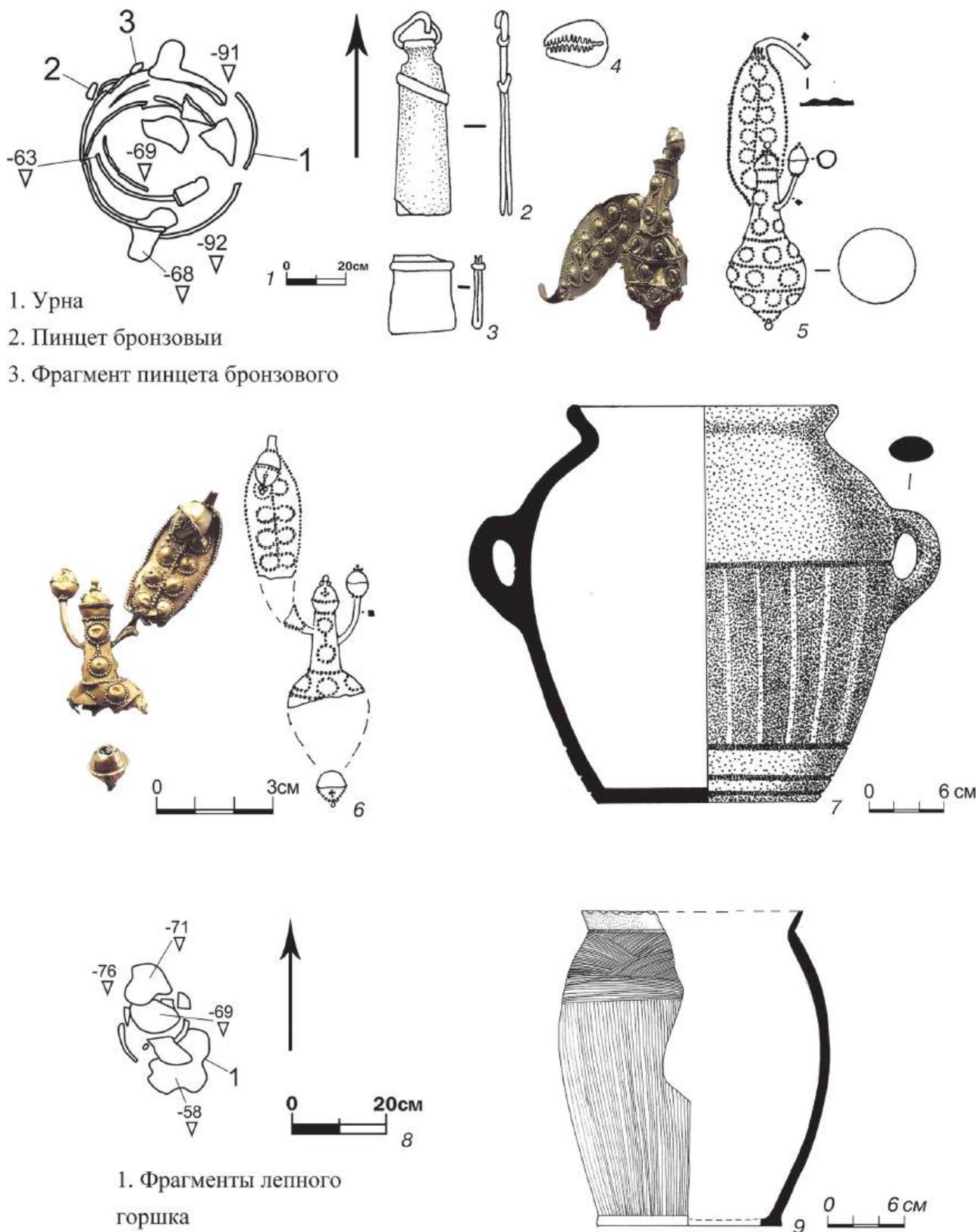

Рис. 2. 1 – локализация поселения и грунтового могильника Варнавинское-2; 2 – топографический план памятника с нанесенным раскопом; 3 – сводный план раскопа; 4, 5 – стратиграфия раскопа

1. Урна
2. Пинцет бронзовый
3. Фрагмент пинцета бронзового

1. Фрагменты лепного горшка

Рис. 3. Погребение 1. 1 – план погребения 1; 2, 3 – пинцеты бронзовые; 4 – раковина каури; 5, 6 – серьги желтого металла; 7 – корчага сероглинянная. Погребение 2. 8 – план погребения 2; 9 – горшок лепной

4. Серьга из желтого металла (рис. 3: 5). Дужка в верхней и нижней части проволочная четырехгранная в сечении, в средней части овально-вытянутая, плоская, украшена зернью и полусферами. На нижний конец дужки одет шарик. Привеска шаровидная виде кувшинчика украшена поясками зерни и припаянными полусферами. Высота – 7 см; высота подвески – 4,5 см.

5. Три фрагмента подобной серьги желтого металла (рис. 3: 6). Сохранившаяся высота дужки – 3,2 см; сохранившаяся высота подвески – 2,7 см.

6. Раковины каури фрагмент.

Погребение 2 (Объект № 2). (рис. 2: 3, 3: 8). Совершено по обряду трупосожжения, находилось в 18 м к югу от R0, на глубине 0,76 м от R0. Погребение было обнаружено в юго-западной части кв. 4, по фрагментам лепного горшка, в слое суглинка серо-коричневого цвета.

Погребальная урна, в качестве которой использовался лепной горшок, лежала на боку, устье сосуда было направлено на северо-запад (рис. 3: 9). Заполнение урны представлено фрагментами пережженных человеческих костей, перемешанными с золой и древесным углем.

Помимо погребальной урны инвентарь в погребении отсутствовал.

Описание погребального инвентаря:

1. Горшок лепной коричневоглиняный (погребальная урна) (рис. 3: 9). Тулово бочковидное, на внешней поверхности следы заглаживания травой. Шейка короткая, отогнута наружу, венчик округлен и украшен пальцевыми вдавлениями. Дно плоское. Обжиг неравномерный, поверхность коричневого цвета с темными пятнами. Тесто с примесью дресвы. размеры даны по графической реконструкции: высота – 24 см; высота шейки – 1,5 см; диаметр устья – 17 см; диаметр тулова – 21 см; диаметр дна – 14 см.

Погребение 3. (объект № 3) (рис. 2: 3, 4: 1). Погребение совершено по обряду кремации, было обнаружено в 11 м к югу от R0, на глубине 0,67 м, в северо-западной части квадрата 3, в слое серо-коричневого суглинка.

Погребальная урна была установлена устьем вверх, заполнение её представлено фрагментами пережженных костей, мешанных с золой и древесным углем. Также при разборе содержимого погребальной урны найдены две бусины № 2 (рис. 4: 2).

Описание погребального инвентаря:

1. Горшка лепного коричневоглиняного два фрагмента (рис. 4: 3). Тулово пифойдное, расширено в верхней части, стенки украшены горизонтальным рифлением, плечики в верхней части украшены волнисто-гребенчатым орнаментом. Шейка короткая, край устья отогнут и нависает наружу. Венчик округлен и украшен косыми насечками. Дно плоское. Обжиг неравномерный, верхняя часть черного цвета, нижняя – коричневого. Тесто с примесью ракушки. высота – 20,5 см; высота шейки – 2 см; диаметр устья – 14 см; диаметр тулова – 20 см; диаметр дна – 11,5 см.

2. Набор бус. Бусина из темного стекла, шаровидная с цилиндрическим отверстием в центре. Диаметр – 1 см; диаметр отверстия – 0,2 см; бусина шаровидная из белой пасты с цилиндрическим отверстием в центре. Диаметр – 1 см; диаметр отверстия – 0,2 см (рис. 4: 2)

Погребение 4 (объект № 5). (рис. 2: 3, 4: 4). Совершено по обряду трупосожжения. Располагалось в 14,0 м от R0, на глубине 0,59 м от R0, в южной части квадрата 3 в слое серо-коричневого суглинка.

Погребение представляло собой погребальную урну (лепной горшок), установленную устьем вверх, судя по всему, накрытую крышкой, в качестве которой использовалась придонная часть коричневоглиняного сосуда. Урна была заполнена пережженными фрагментами костей вперемешку с золой и древесным углем.

При разборе содержимого урны были обнаружены: пряслице каменное № 2 (рис. 4: 8) и бусина гагатова № 3 (рис. 4: 7).

Описание погребального инвентаря:

1. Горшок лепной коричневоглиняный (погребальная урна) (рис. 4: 5). Тулово бочковидной формы, расширено в средней части. Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Верхняя часть отбита в древности. Обжиг неравномерный, поверхность коричневого цвета с темными пятнами.

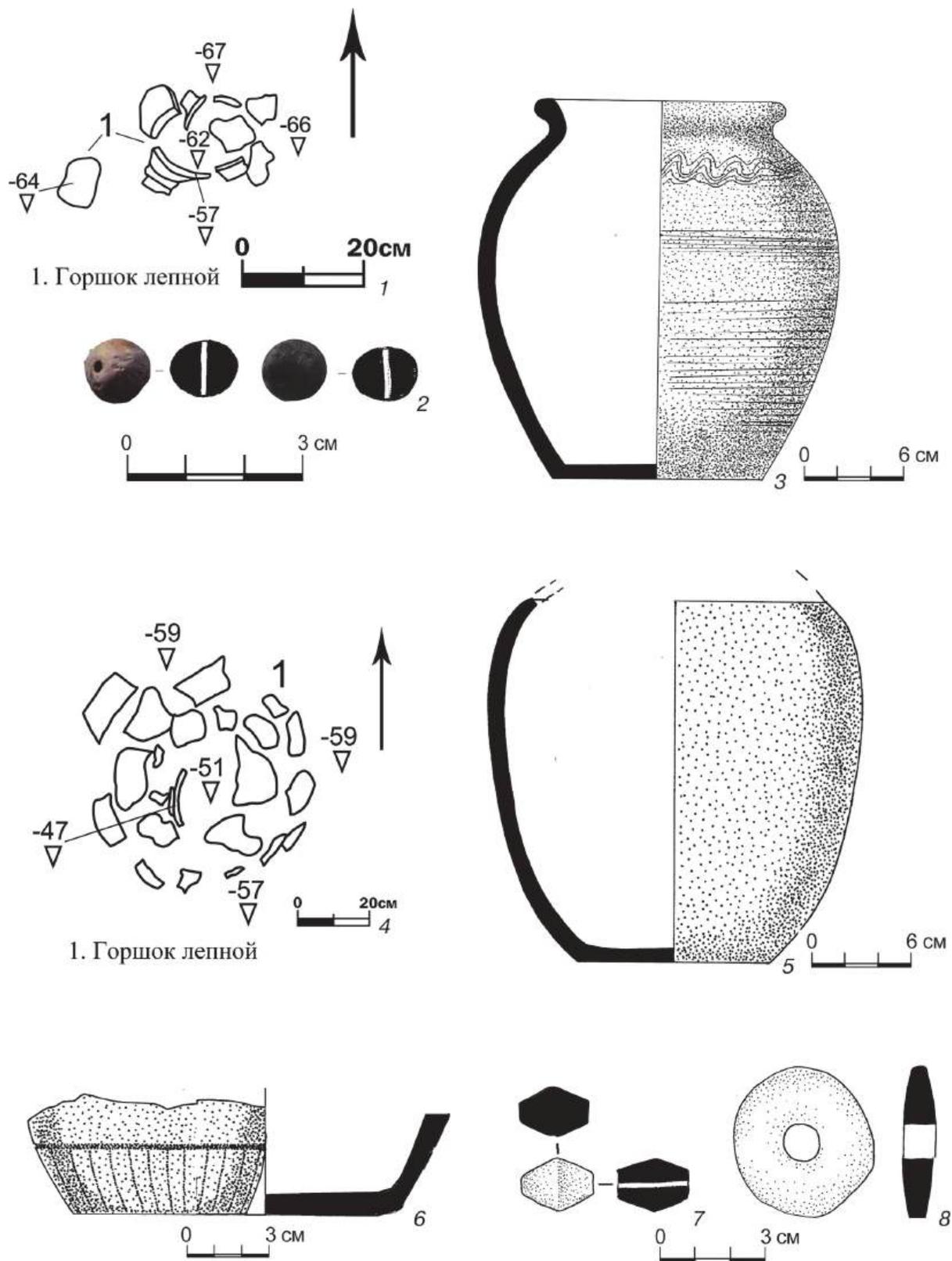

Рис. 4. Погребение 3. 1 – план погребения 3; 2 – набор бус; 3 – горшок лепной. Погребение 4. 4 – план погребения 4; 5 – горшок лепной; 6 – придонная часть сосуда кружального; 7 – бусина гагатовая; 8 – пряслице керамическое

Тесто с примесью дресвы, на внешней поверхности вертикальные следы от заглаживания пучком травы. Сохранившаяся высота – 24 см; диаметр тулова – 25,6 см; диаметр дна – 13 см

2. Пряслице каменное плоское, округлой формы, с круглым сверленным отверстием в центре, изготовлено из речной гальки (рис. 4: 8). Диаметр – 4,3 см; толщина – 1 см; диаметр отверстия – 0,9 см.

3. Бусина бипирамидальная гагатовая, с продольным округлым отверстием в центре (рис. 4: 7). Высота – 2 см; толщина – 1,5×1 см; диаметр отверстия – 0,2 см.

4. Сосуда коричневоглиняного кружального фрагмент придонной части (крышка урны) (рис. 4: 6). Дно плоское. Тесто плотное с небольшими вкраплениями известняка. Сохранившаяся высота – 7 см; диаметр дна – 12 см.

Погребение 5 (объект 6) (рис. 2: 3, 5: 1). Погребение совершено по обряду кремации, располагалось в 28,3 м к югу от R0, на глубине 0,89 м от R0, в южной части квадрата 6, в слое серо-коричневого суглинка.

Погребение является безурновой кремацией, были расчищены фрагменты кремированных костей вперемешку с частицами древесного угля, форма скопления фрагментов кремации близка к прямоугольной и ориентирована по длинной линии в направлении СЗ-ЮВ.

В 0,2 м к ЮЗ от скопления кремированных останков находились два кувшина.

При разборе погребения вместе с кремированными останками находились: кольцо бронзовое № 3 (рис. 5: 5) и бусина каменная № 4 (рис. 5: 25).

Также, при разборе заполнения кувшинчика № 1 были найдены: фрагментированная цепочка № 5 (рис. 5: 13, 18), бубенчики бронзовые 8 шт. № 6 (рис. 5: 7, 8, 11, 15, 17, 19–21), кольца бронзовые 2 шт. № 7 (рис. 5: 6, 22), ложечка № 8 (рис. 5: 16), копоушка плоская № 9 (рис. 5: 9), копоушка (амулет) в виде головы барана № 10 (рис. 5: 14), подвеска пластинчатая № 11 (рис. 5: 12), подвеска с лопаточкой (ногтечистка) № 12 (рис. 5: 12), два железных ножа № 14, 15 (рис. 5: 3, 4) и перстень бронзовый № 13 (рис. 5: 2).

Описание погребального инвентаря:

1. Кувшин коричневоглиняный кружальный (рис. 5: 23). Тулово приземистое, округлое, поперечно-сжатое, верхней и придонной части украшено горизонтальным каннелюром. Горло короткое, цилиндрическое, край устья, слегка отогнут наружу, венчик округлен. Ручка петле-видная овальная в сечении крепится верхним концом в нижней части горла, нижним – к средней части тулова, внешняя поверхность украшена двумя продольными валиками. Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Тесто плотное, без видимых примесей. Высота – 10,5 см; высота горла – 2 см; диаметр устья – 7,5 см; диаметр тулова – 13 см; диаметр дна – 8 см.

2. Кувшин серолощенный кружальный (рис. 5: 24). Тулово приземистое, грушевидное, расширено в нижней части, верхняя и нижняя части украшены горизонтальными каннелюрами и вертикальными лощеными полосами. Горло высокое, цилиндрическое, слегка расширяется к устью, венчик округлен. Ручка плавно изогнута в средней части, овальная в сечении крепится верхним концом под венчиком, нижним – к верхней части тулова. Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Тесто плотное, без видимых примесей. Высота – 17 см; высота горла – 8 см; диаметр устья – 8,5 см; диаметр тулова – 14 см; диаметр дна – 10 см.

3. Кольцо бронзовое цельнолитое, округлое в сечении (рис. 5: 5). Диаметр – 1,5 см, сечение – 0,3 см.

4. Бусина шаровидная из белого с коричневыми прожилками камня (сердолик?), в центре круглое отверстие, сверление одностороннее (рис. 5: 25). Диаметр – 0,5 см; диаметр отверстия – 0,1 см.

5. Цепочка бронзовая, состоящая из проволочных восьмерковидных звеньев, проволока в сечении круглая (рис. 5: 13, 18). На цепочке были подвешены амулеты, бубенчики, ложечка, подвеска пластинчатая и ногтечистка, на концах два колечка. Ширина звена – 0,5 см; длина звена – 1,5 см; сохранившаяся длина цепочки около 68 см; сечение проволоки – 0,1 см.

6. Набор бубенчиков бронзовых (8 шт.) (рис. 5: 7, 8, 11, 15, 17, 19–21) округлой формы, полых, с бронзовым шариком внутри. В нижней части разрез, в верхней – петелька для подвешивания. Высота – 2 см; диаметр – 1,2–1,5 см.

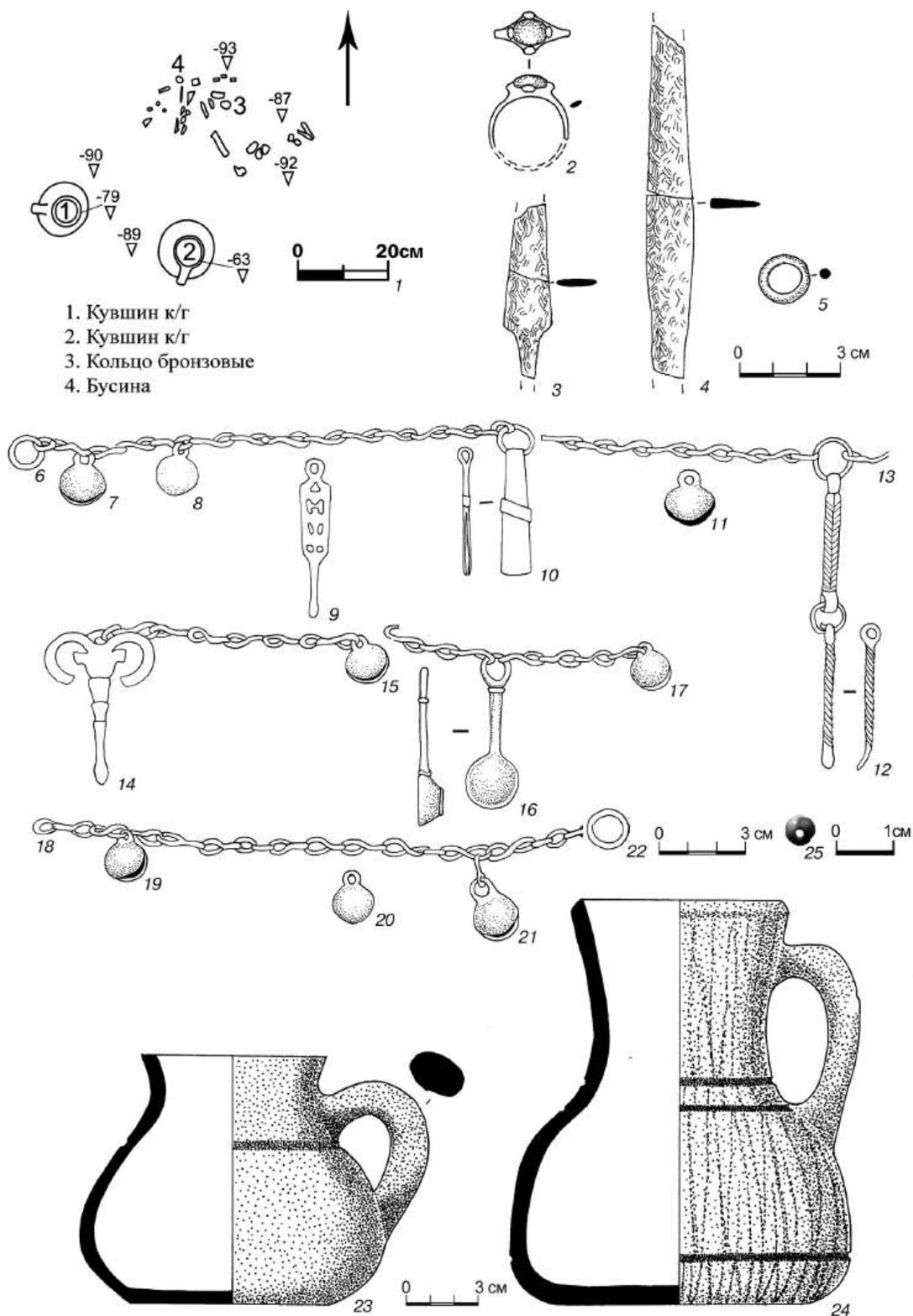

Рис. 5. Погребение 5. 1 – план погребения 5; 2 – перстень бронзовый; 3, 4 – ножи железные; 5, 6, 22 – кольца бронзовые; 7, 8, 11, 15, 17, 19–21 – бубенчики бронзовые; 9 – копоушка бронзовая; 10 – пинцет бронзовый; 12 – копоушка составная бронзовая; 13, 18 – цепочка бронзовая; 14 – копоушка бронзовая с зооморфным навершием; 16 – подвеска-ложечка бронзовая; 23 – кувшин коричневоглиняный кружальный; 24 – кувшин серолощенный кружальный; 25 – бусина каменная

7. Кольца бронзовые (2 шт.), на концах цепочки, цельные, круглые в сечении (рис. 5: 6, 22). Диаметр – 1,3 см; сечение – 0,2 см.

8. Подвеска-ложечка бронзовая, ручка из круглого стержня с петлей для подвешивания, ложечка в вилле усеченного конуса, дно плоское на кольцевом поддоне (рис. 5: 16). Одета на цепочку вместе с бубенчиком. Длина – 5,5 см; длина ручки – 3,5 см; диаметр ложки – 2 см.

9. Копоушка бронзовая литая, плоская, в нижней части округлый в сечении стержень с углублением, в верхней части петелька для подвешивания (рис. 5: 9). Плоская центральная часть орнаментирована. Длина – 5,5 см; ширина – 1 см; толщина – 0,2 см.

10. Копоушка – амулет бронзовая, литая, в виде головы барана (рис. 5: 14). Одета на цепочку вместе с бубенчиком. Длина – 5,5 см; ширина – 4 см; толщина – 0,4 см.

11. Пинцет бронзовый, пластинчатый, прямоугольной формы, в верхней части колечко для подвешивания (рис. 5: 10). Одет на цепочку. Длина – 4,5 см; ширина – 1 см; толщина – 0,2 см.

12. Подвеска – ногтечистка бронзовая, состоит из двух ложновитых стержней, соединенных проволочным колечком, нижний конец расплюсчен в виде лопаточки, верхний с петелькой и колечком для подвешивания (рис. 5: 12). Одета на цепочку. Длина – 11 см; сечение – 0,5 см.

13. Фрагмент бронзового перстня (рис. 5: 2). Шинка овально-уплощенная в сечении. Щиток овальный с четырьмя лапками – зажимами. В центре полусферическая вставка из полупрозрачного зеленого стекла. Размеры щитка – 1,2×1,5 см; сохранившаяся высота – 2,2 см.

14. Нож железный однолезвийный, треугольный в сечении (рис. 5: 4). Лезвие с прямой спинкой, плавно переходит в прямоугольный черешок, край которого утрачен в древности. Сохранившаяся длина – 10 см; длина лезвия – 7,8 см; ширина – 1,4 см; толщина – 0,3 см.

15. Нож железный однолезвийный, треугольный в сечении (рис. 5: 3). Лезвие с прямой спинкой. Черешок сужается к концу отделен от лезвия уступом. Сохранившаяся длина – 7,5 см; длина лезвия – 5,5 см; ширина – 1,2 см; толщина – 0,2 см.

Погребение 6 (объект 7) (рис. 2: 3, 6: 1). Совершено по обряду трупосожжения. Обнаружено в 38,7 м к югу от R0, на глубине 0,72 м от R0, в южной части квадрата 8, в слое серо-коричневого суглинка.

Погребальная урна (лепной горшок) была установлена устьем вверх и накрыта крышкой, в качестве которой использовалась придонная часть сероглиняного сосуда, к востоку от сосуда-урны находился сероглиняный кувшин. У погребальной урны было расчищено скопление предметов: фрагменты ножа железного № 4 (рис. 6: 7), наконечники стрел железные 3 шт. № 5 (рис. 6: 8–10), бляшка бронзовая поясная № 6 (рис. 6: 2), втулка железная № 7 (рис. 6: 6), ножи железные № 8 и 9 (спаяны окислами) (рис. 6: 5), пряжка железная № 10 (рис. 6: 4) и бронзовая подвеска № 11 (спаяны) (рис. 6: 3).

Заполнение погребальной урны состояло из фрагментов кремированных костей, перемешанных с золой и фрагментами древесного угля, также при разборе содержимого погребальной урны была обнаружена кружка-кувшинчик и придонная часть сероглиняного сосуда (кувшина?).

Описание погребального инвентаря:

1. Придонная часть сосуда сероглиняного кружального (рис. 6: 15). Стенки украшены сетчатым лощеным орнаментом, ограниченным сверху двумя горизонтальными желобками. Тесто плотное, без видимых примесей. Дно плоское. Черепок в изломе серый с красными прослойками. Сохранившаяся высота – 12 см; диаметр дна – 29,5 см.

2. Горшок лепной черногоглиняный (погребальная урна) (рис. 6: 13). Тулово пифойдное, расширено в верхней части, стенки украшены горизонтальным рифлением (линейно-гребенчатый орнамент). Шейка короткая, венчик массивный, ложновитой, нависает наружу. Дно плоское. Обжиг неравномерный, верхняя часть черного цвета, нижняя – коричневого. Тесто с примесью ракушки. Высота – 38 см; высота шейки – 2 см; диаметр устья – 27 см; диаметр тулова – 36 см; диаметр дна – 18 см.

3. Кувшин серолощенный кружальный (рис. 6: 14). Тулово приземистое, грушевидное, расширено в нижней части, украшено вертикальными лощеными полосами. Горло высокое, цилиндрическое, край устья отогнут наружу, горло отделено от плечиков двумя желобками,

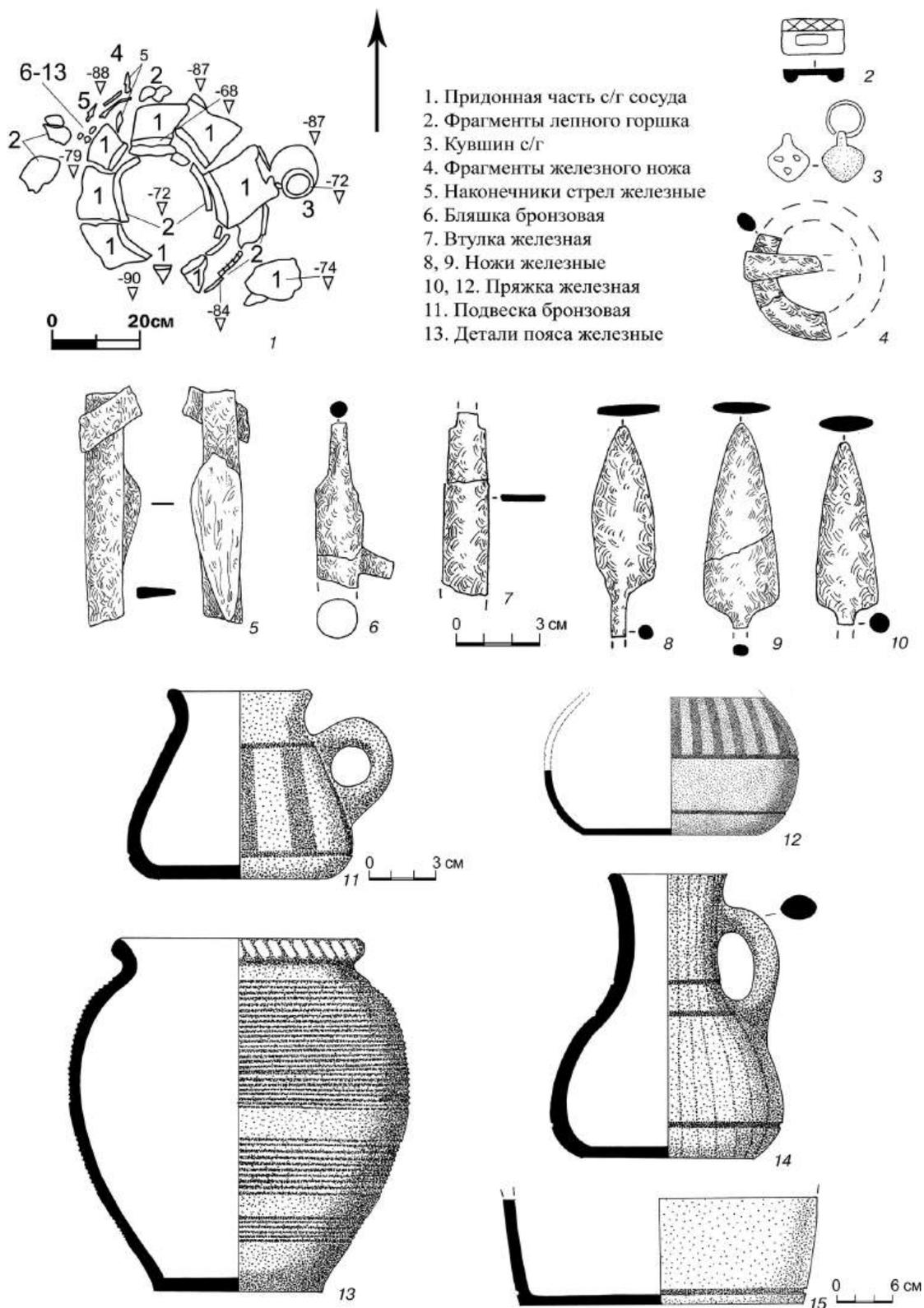

Рис. 6. Погребение 6. 1 – план погребения 6; 2, 3 – накладка поясная; 4 – пряжка железная; 5, 7 – ножей железных фрагменты; 6 – втулка железная; 8–10 – наконечники стрел железные; 11 – кружка-кувшин сероглиняная кружальная; 12 – нижняя часть сосуда кружального 13 – горшок лепной; 14 – кувшин серолощенный; 15 – придонная часть сероглиняного сосуда

венчик округлен. Ручка округло изогнута в средней части, овальная в сечении крепится верхним концом под венчиком, нижним – к верхней части тулова. Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Тесто плотное, без видимых примесей. Высота – 15 см; высота горла – 7 см; диаметр устья – 6,5 см; диаметр тулова – 12,5 см; диаметр дна – 9 см.

4. Нож железный однолезвийный во фрагментах (рис. 6: 7). Лезвие с прямой спинкой, треугольное в сечении. Черешок рукояти сужается к окончанию, переход к черешку выделен уступом. Край черешка и кончик лезвия утрачены в древности. Сохранившаяся длина – 6,5 см; ширина – 1,6 см; толщина – 0,3 см.

5. Набор наконечников стрел железных (3 шт.) (рис. 6: 8–10). Плоские, двухлопастные, широкие, массивные, черешковые. Перо треугольно-вытянутой, переход к черешку округлен. Черешок круглый в сечении. Длина пера около 6 см; ширина основания пера – 2,5 см; сечение черешка – 0,5 см.

6. Бляшка поясная бронзовая, прямоугольной формы, с прямоугольной прорезью в центральной части (рис. 6: 2). Внешняя поверхность украшена х-образными насечками, на внутренней стороне две бронзовые заклепки. Длина – 2,3 см; ширина – 1,3 см; толщина – 0,2 см.

7. Втулка железная, конической формы, заканчивается железным стержнем (рис. 6: 6). Внутри втулки остатки древесного тлена. Спаяна с черешком от стрелы. Длина – 8 см; диаметр втулки – 1,5 см; диаметр стержня – 0,5 см; длина стержня – 4,5 см.

8. Ножей железных однолезвийных фрагменты (2 шт.), спаянные в монолит (рис. 6: 5). Лезвие с прямой спинкой, треугольное в сечении. Ручки и кончики лезвий утрачены в древности. 1) сохранившаяся длина – 8,2 см; ширина – 1,5 см; 2) сохранившаяся длина – 5,5 см; ширина – 2 см.

9. Поясная накладка с кольцом (рис. 6: 3). Подвеска листовидная бронзовая с круглой петлей сверху, в петлю продето бронзовое кольцо. На оборотной стороне три заклепки для крепления к ремню. 1) диаметр пряжки не восстанавливается, сечение рамки – 0,5×0,7 см. 2) высота подвески – 1,8 см; ширина – 1,5 см; толщина – 0,2 см; диаметр колечка – 1,6 см; сечение – 0,2 см.

10. Пряжка округлорамчатая, свернутой из круглой в сечении трубки (рис. 6: 4). Рамки прямоугольной формы, спаяны из круглых в сечении трубочек (количество и размеры не определяются – спаяны с пряжкой в монолит). Заклепка бронзовая с круглой шляпкой (спаяна в монолит с железной пряжкой и рамками). Диаметр пряжки – 4,5 см; сечение – 1 см; сечение рамки – 0,7 см; диаметр шляпки заклепки – 1,2 см.

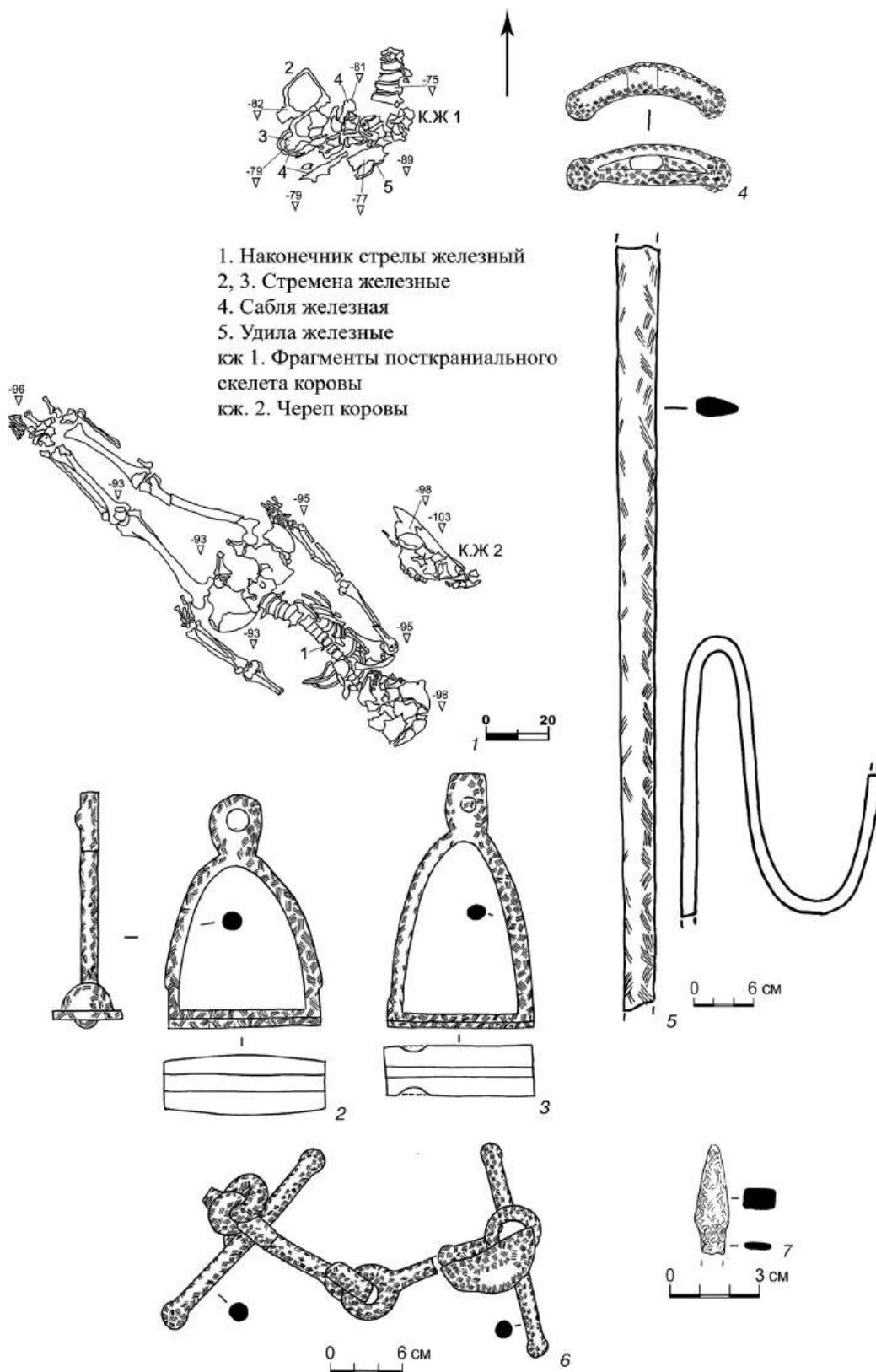
11. Кружка-кувшинчик сероглиняная кружальная (рис. 6: 11). Тулово приземистое, округлое, поперечно-сжатое, в придонной части украшено горизонтальными каннелюрами, в верхней и средней – вертикальными лощеными полосками. Горло короткое, цилиндрическое, украшено вертикальными лощеными полосками, край устья, слегка отогнут наружу, венчик округлен. В нижней части горла, в месте перехода к плечикам, так же два горизонтальных каннелюра. Ручка петлевидная овальная в сечении крепится верхним концом в нижней части горла, нижним – к средней части тулова, внешняя поверхность украшена поперечными лощеными полосками. Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Тесто плотное, без видимых примесей. Высота – 8,5 см; высота горла – 2 см; диаметр устья – 6,5 см; диаметр тулова – 10 см; диаметр дна – 8 см.

12. Сосуда сероглиняного кружального нижней части фрагмент (рис. 6: 12). Тулово округлое, поперечно сжатое, украшено вертикальными лощеными полосками, в нижней и средней частях горизонтальные желобки. Дно плоское. Тесто плотное, с большой примесью крупнозернистого песка. Сохранившаяся высота – 14,5 см; диаметр тулова – 27 см; диаметр дна – 18,5 см.

Погребение 7 (объект 8) (рис. 2: 3, 7: 1). Совершено по обряду ингумации и было обнаружено в 36,5 м к югу от R0, на глубине 0,98 м от R0, в СЗ части квадрата 8, на уровне материка.

От скелета сохранились череп и посткраниальный скелет. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на ЮВ. Череп покоился на боку, лицевой частью обращен к югу. Кости рук вытянуты вдоль туловища, ноги лежали вытянуто, стопы были сведены.

В области груди погребенного был найден железный наконечник стрелы, справа от погребенного, в 0,2 м к СВ, на уровне плеча, лежал череп коровы. В 1,2 м к СЗ от черепа коровы

1. Наконечник стрелы железный
 2, 3. Стремена железные
 4. Сабля железная
 5. Удила железные
 кж 1. Фрагменты посткраниального
 скелета коровы
 кж 2. Череп коровы

Рис. 7. Погребение 7. 1 – план погребения 7; 2, 3 – стремена железные; 4 – перекрестие сабли железное; 5 – сабля железная; 6 – удила железные; 7 – наконечник стрелы железный

находились фрагменты таза и позвонков коровы. Под фрагментами костей коровы были найдены: два железных стремени № 2 и 3 (рис. 7: 2, 3), сабля железная № 4 (рис. 7: 4, 5) и железные удила с псалиями № 5 (рис. 7: 6). Не исключено, что набор инвентаря, лежащий отдельным скоплением, может являться самостоятельным комплексом.

Описание погребального инвентаря:

1. Наконечник стрелы железный, четырехгранный, черешковый (рис. 7: 7). Часть черешка утрачена в древности. Длина пера – 3 см; ширина – 1 см.

2. Стремена железные арочные (2 шт.) (рис. 7: 2, 3). Петля (дужка) высокая, из круглого в сечении стержня, округло изогнута в верхней части с подпрямоугольным выступом и отверстием для путлица. Подножка прямоугольная, торцевые концы загнуты вверх, на основании, с внешней стороны, полукруглый продольный валик для жесткости.

3. Сабля железная, однолезвийная, степень изгиба не реконструируется. Клинок треугольный в сечении (рис. 7: 5). Перекрестие напускное, челноковидное (рис. 7: 4), из двух слабоизогнутых пластин, на концах округлые шишечки, в центре расширение. Сохранившаяся длина – 78 см; ширина – 3 см; толщина – 1 см; ширина перекрестия – 10 см; диаметр шишечек – 2 см; диаметр бляшки – 2 см.

4. Удила со стержневидными псалиями железные (рис. 7: 6). Грызла из двух звеньев, округлых в сечении, внутренние окончания круглые, элементы крепления круглые, во внутренние элементы крепления вставлены стержневидные псалии, во внешние – продеты кольца. Псалии стержневидные, округлые в сечении, с коническими шишечками на концах. В средней части прямоугольные пластины-ограничители. Длина грызла – 9 см, сечение – 1 см; высота псалия – 17 см, сечение – 1 см, пластина-ограничитель – 5×4×0,4 см; диаметр кольца – 4 см; сечение – 0,5 см.

Погребение 8 (объект № 9) (рис. 2: 3, 8: 1). Совершено по обряду кремации на стороне, было обнаружено в 27 м к югу от R0, на глубине 0,85 м от R0, в центральной части квадрата 11, в слое суглинка серо-коричневого цвета.

Погребальная урна (лепной горшок), была установлена на дно и сверху накрыта придонной частью сероглиняного сосуда. К северу от урны с кремированными останками находился сероглиняный кувшин. В 0,1 м к северу от этого кувшина лежали фрагменты железной сабли, еще один фрагмент сабли находился с юго-западной стороны погребальной урны.

Заполнение сосуда урны представлено фрагментами кремированных останков, перемешанных с золой и частицами древесного угля. При разборе заполнения урны были найдены: пронизь свинцовая № 5 (рис. 8: 9), навершие рукояти сабли железное № 6 (рис. 8: 2), стержень железный № 7 (рис. 8: 4), нож железный № 8 (рис. 8: 3).

Описание погребального инвентаря:

1. Горшок сероглиняный кружальный. (рис. 8: 8) Тулово округлое, поперечно-сжатое. Плечики украшены сетчатым орнаментом, заключенным между двух каннелюров. Шейка невысокая, сложно-профилированная, внешняя поверхность выпуклая, внутренняя образует полочку, край устья наклонен внутрь, венчик округлен. Дно плоское. Тесто плотное, с небольшой примесью известняка. Высота – 15,5 см; высота шейки – 2,5 см; диаметр устья – 10,5 см; диаметр тулова – 20 см; диаметр дна – 13 см.

2. Сосуда лепного фрагменты (6 шт.) (рис. 8: 6). Тулово пифойдное, расширено в верхней части, стенки украшены горизонтальным рифлением (линейно-гребенчатый орнамент). Шейка не выделена, венчик массивный, ложновитой. Дно плоское. Обжиг неравномерный, верхняя часть черного цвета, нижняя – коричневого. Тесто с примесью ракушки. Размеры по графической реконструкции: высота – 35 см; диаметр устья – 21 см; диаметр тулова – 33 см; диаметр дна – 14 см.

3. Кувшин сероглиняный кружальный (рис. 8: 7). Тулово приземистое, округлое, поперечно-сжатое, в придонной части украшено горизонтальными каннелюрами, в верхней и средней – вертикальными лощеными полосками. Горло короткое, цилиндрическое, край устья, слегка отогнут наружу, венчик округлен. В нижней части горла, в месте перехода к плечикам, так же два горизонтальных каннелюра. Ручка овальная в сечении крепилась верхним концом

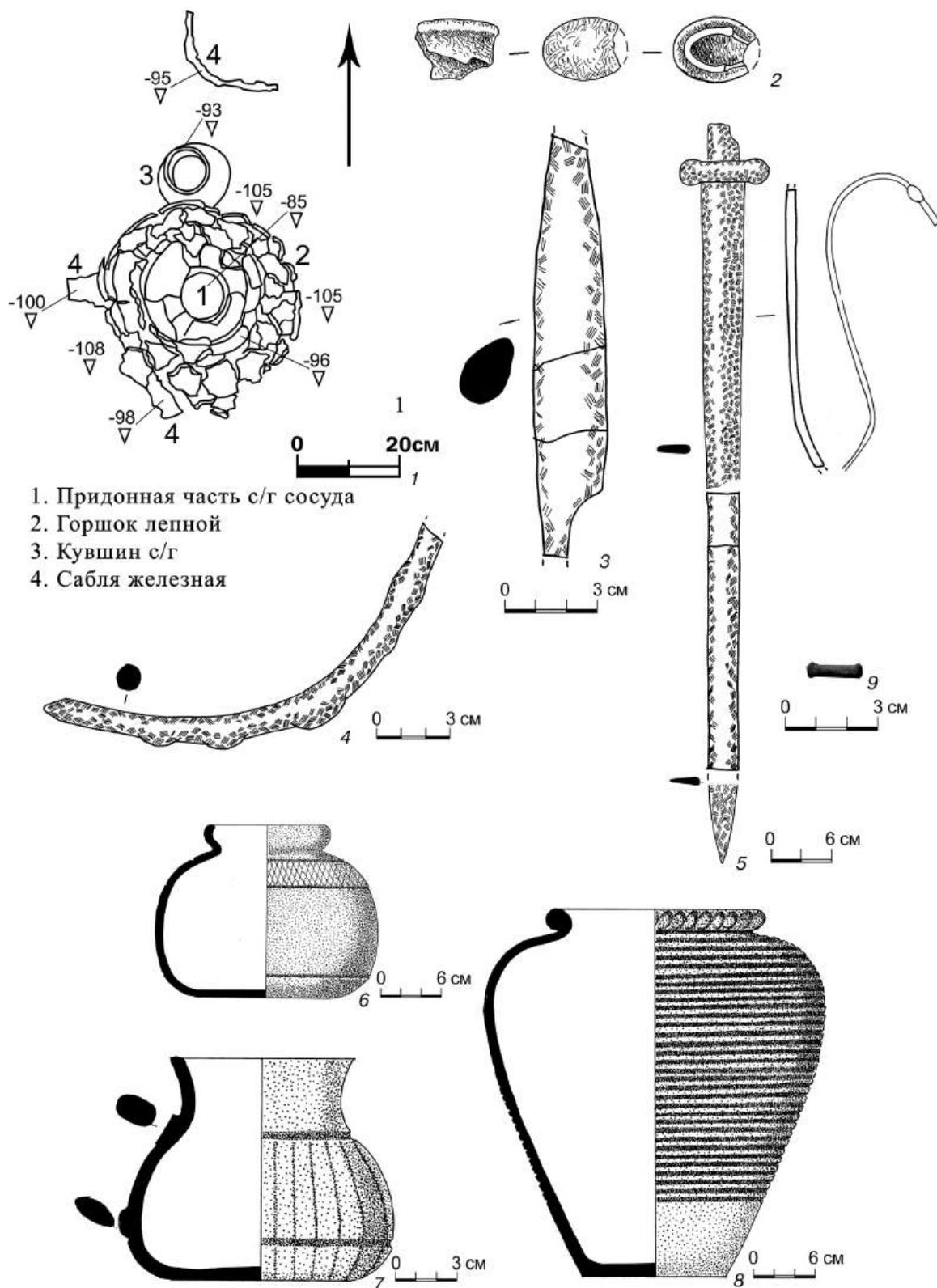

Рис. 8. Погребение 8. 1 – план погребения 8; 2 – навершие рукояти сабли; 3 – нож железный; 4 – стержень железный; 5 – сабля железная; 6 – сосуд сероглиняный кружальный; 7 – кувшин сероглиняный кружальный; 8 – сосуд лепной; 9 – пронизь свинцовая

в нижней части горла, нижним – к придонной части. Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Тесто плотное, без видимых примесей. Высота – 11 см; высота горла – 4 см; диаметр устья – 9 см; диаметр тулова – 13 см; диаметр дна – 8,5 см.

4. Сабля железная (рис. 8: 5). Изгиб клинка точно не реконструируется, клинок однолезвийный, треугольный в сечении, нижняя часть линзовидная в сечении. Перекрестие напускное, из двух слабоизогнутых пластин, на концах округлые шишечки. Черешок рукояти прямоугольный в сечении, с железной округлой заклепкой у основания. Сохранившаяся длина – 70 см; ширина – 3–4 см; толщина – 1 см; ширина перекрестия – 9 см; сохранившаяся длина черешка – 4 см; ширина – 2,5 см; шляпка заклепки – 1 см.

5. Пронизь свинцовая, в виде трубочки с закраинами, в центре сквозное продольное отверстие овальной формы (рис. 8: 9). Длина – 1,8 см; диаметр – 0,5 см; отверстие – 0,1×0,2 см.

6. Навершие рукояти сабли железное, основание овальной формы (рис. 8: 2). Стенки расширяются к верхней части, нижняя часть открытая. Размер основания – 2×2,5 см; сохранившаяся высота – 2 см.

7. Стержень железный, округлый в сечении, плавно изогнут, один конец обломан и утрачен в древности, другой – расплюсчен (рис. 8: 4). Длина – 17 см; сечение – 1 см.

8. Нож железный, однолезвийный, с прямой спинкой (рис. 8: 3). Клинок треугольный в сечении, сужается к концу, переход к черешку выделен прямоугольным уступом. Черешок сужается к окончанию. Сохранившаяся длина клинка – 11 см; ширина – 2 см; толщина – 0,5 см; сохранившаяся длина черешка – 2 см; сечение – 0,5 см.

Погребение 9 (объект № 10) (рис. 2: 3, 9: 1). Погребение совершено по обряду трупосожжения. Оно располагалось в 38 м к югу от R0, на глубине 0,89 м от R0, в ЮЗ части квадрата 9, в слое серо-коричневого суглинка.

Погребальная урна была установлена на дно и сверху накрыта придонной частью другого сосуда. С западной стороны урны, частично заходя под неё, лежала деформированная железная сабля, с северной стороны урны был обнаружен железный наконечник копья, с восточной стороны – железный нож.

Погребальная урна была заполнена фрагментами пережженных костей, перемешанных с золой и частицами древесного угля. Также при разборе содержимого урны были найдены удила железные № 6 (рис. 9: 3), серп железный № 7 (рис. 9: 4), наконечник ремня из белого металла № 8 (рис. 9: 2).

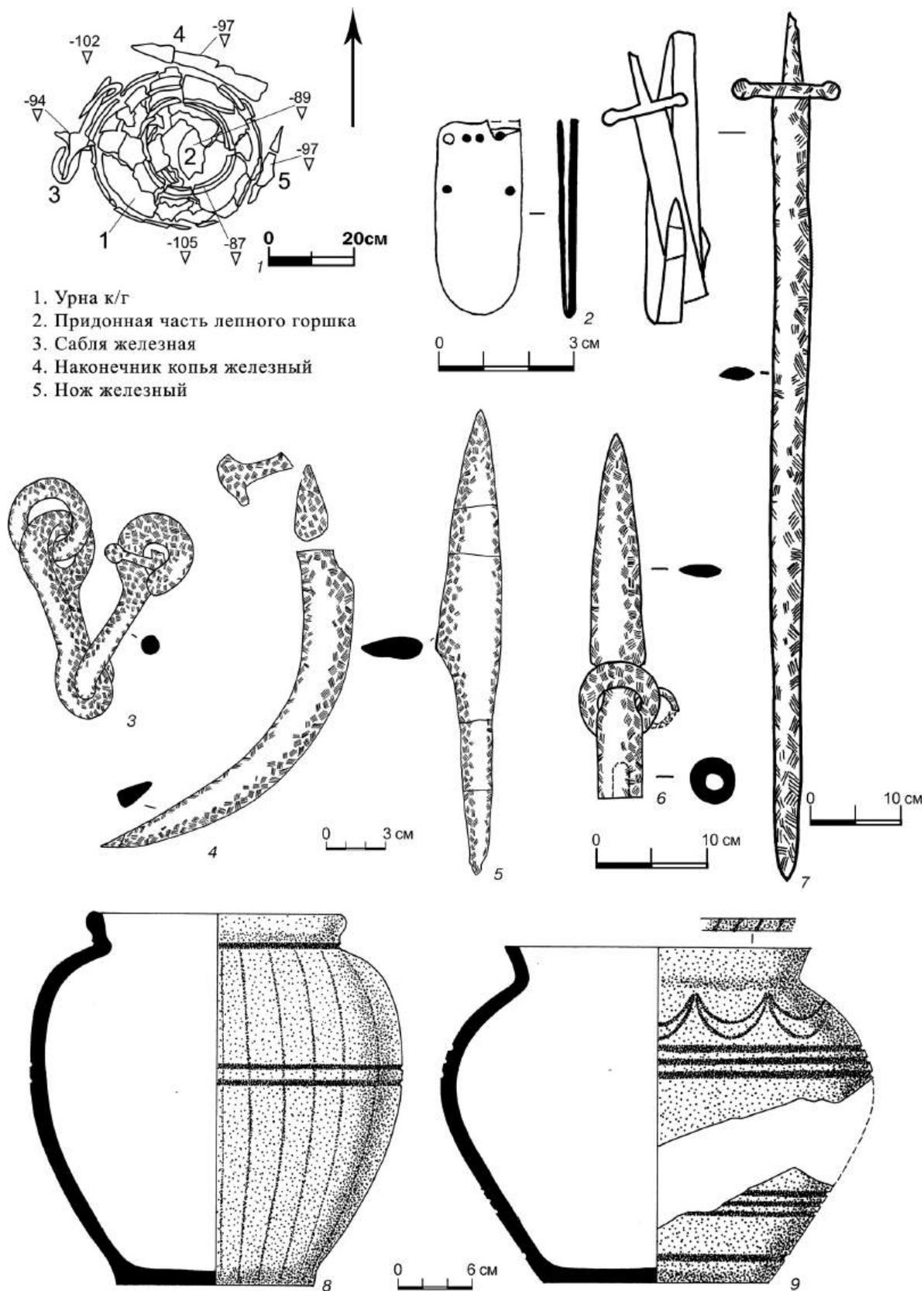
Описание погребального инвентаря:

1. Горшок красноглиняный кружальный (рис. 9: 8). Тулово пифойдное, расширено в верхней части. Стенки украшены вертикальными лощеными полосами и горизонтальными полосами, расположенными в средней части тулова. Шейка короткая, плавно отогнута наружу. Венчик округлен, с внутренней стороны выделен небольшой закраиной. Дно плоское. Тесто плотное, с небольшой примесью дресвы и известняка. Высота – 30 см; диаметр устья – 22 см; диаметр тулова – 31 см; диаметр дна – 16 см.

2. Горшка лепного черноглиняного фрагменты (2 шт.) (рис. 9: 9). Тулово пифойдное, расширено в верхней части, стенки украшены зональным рифлением, на плечиках волнисто-гребенчатый орнамент. Шейка невысокая, отогнута наружу, украшена в нижней части вдавлениями. Венчик округлен и украшен косыми насечками. Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Тесто с примесью ракушки. Обжиг неравномерный, верхняя часть черного цвета, нижняя – с коричневыми пятнами. Размеры по графической реконструкции: высота – 27 см; высота шейки – 3 см; диаметр устья – 25 см; диаметр тулова – 35 см; диаметр дна – 18 см.

3. Сабля железная (рис. 9: 7). Изгиб клинка точно не реконструируется, клинок однолезвийный, треугольный в сечении, нижняя часть линзовидная в сечении. Перекрестие напускное, челноковидное из двух слабоизогнутых пластин, на концах округлые шишечки. Черешок рукояти короткий штырьевидный, прямоугольного сечения. Длина клинка – 83 см; длина рукояти – 7 см; ширина клинка – 2,5 см; ширина перекрестия – 7,5 см.

4. Наконечник копья железный с кольцом и портупейной рамкой (рис. 9: 6). Наконечник копья втульчатый, перо его узкое, линзовидное в сечении, переход к втулке округлен. На втулке

- 1. Урна к/г
- 2. Придонная часть лепного горшка
- 3. Сабля железная
- 4. Наконечник копья железный
- 5. Нож железный

Рис. 9. Погребение 9. 1 – план погребения 9; 2 – наконечник пояса белого металла; 3 – удила железные; 4 – серп железный; 5 – нож железный; 6 – наконечник копья железный; 7 – сабля железная; 8 – горшок кружальный; 9 – горшок лепной

одето массивное железное кольцо округлого сечения. На кольце находится прямоугольная рамка из округлого в сечении стержня. 1) длина наконечника – 32 см; длина втулки – 12 см; ширина пера – 3–3,5 см; толщина – 1,3 см; диаметр втулки – 3,5 см; диаметр кольца – 6 см; сечение – 1 см; сохранившаяся высота рамки – 3 см, ширина – 3 см, сечение – 0,5 см.

5. Нож железный, однолезвийный, с прямой спинкой (рис. 9: 5). Клинок треугольный в сечении, сужается к острию, переход к черешку округлен. Черешок прямоугольный в сечении. Длина клинка – 13 см; ширина – 2,5 см; толщина спинки – 0,5 см; длина рукояти – 9,5 см; ширина – 1,5 см; толщина – 0,5 см.

6. Удила железные двусоставные, грызла округлых в сечении, внутренние окончания круглые, элементы крепления круглые, расширены (рис. 9: 3). В одном из окончаний грызел вставлено железное кольцо. Длина звена – 10,5 см; сечение – 1 см; диаметр кольца – 4 см; сечение – 0,5 см.

7. Серп железный (рис. 9: 4). Клинок изогнут, треугольный в сечении, заострен с внутренней стороны, переход к ручке плавный. Черешок рукояти прямоугольный в сечении, конец загнут. Длина – 20 см; длина клинка – 17 см; ширина – 1,5 см; толщина – 0,7 см.

8. Наконечник ремня пластинчатый прямоугольной формы, с закругленным окончанием, из белого металла (рис. 9: 2). Длина – 4,2 см; ширина – 2 см; толщина – 0,4 см.

Погребение 10 (объект 11) (рис. 2: 3, 10: 1). Совершено по обряду кремации, было обнаружено в 38 м к югу от R0, на глубине 1,03 м от R0, в центральной части квадрата 10, в слое серо-коричневого суглинка.

Погребение является безурновой кремацией, было расчищено небольшое скопление пережженных костей, перемешанных с золой и древесным углем, скопление вытянуто по линии СЗ-ЮВ. В 0,1 м к северу от скопления находился сероглиняный кувшин, установленный устьем вверх, в 0,18 м ЮЗ от скопления кремированных останков лежала деформированная железная сабля, железный нож № 3 (рис. 10: 3, 4) и наконечник железного копья № 4 (рис. 10: 2).

Описание погребального инвентаря:

1. Кувшин лепной коричневоглиняный, подправлен на медленном гончарном круге (рис. 10: 5). Тулово бочковидное, в средней части украшено сетчатым орнаментом из вертикальных и горизонтальных полос, прочерченных по сырой глине. Горло невысокое, цилиндрическое, устье со сливом, край устья плавно отогнут наружу, венчик округлен. В нижней части горла и в средней части тулова следы от крепления, овальной в сечении ручки. Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Обжиг неравномерный, поверхность коричневого цвета с темными пятнами. Тесто с большой примесью дресвы. Высота – 13,5 см; сечение ручки – 1,5×2,5 см; высота горла – 4 см; диаметр устья – 10,5 см; диаметр тулова – 12 см; диаметр дна – 10 см.

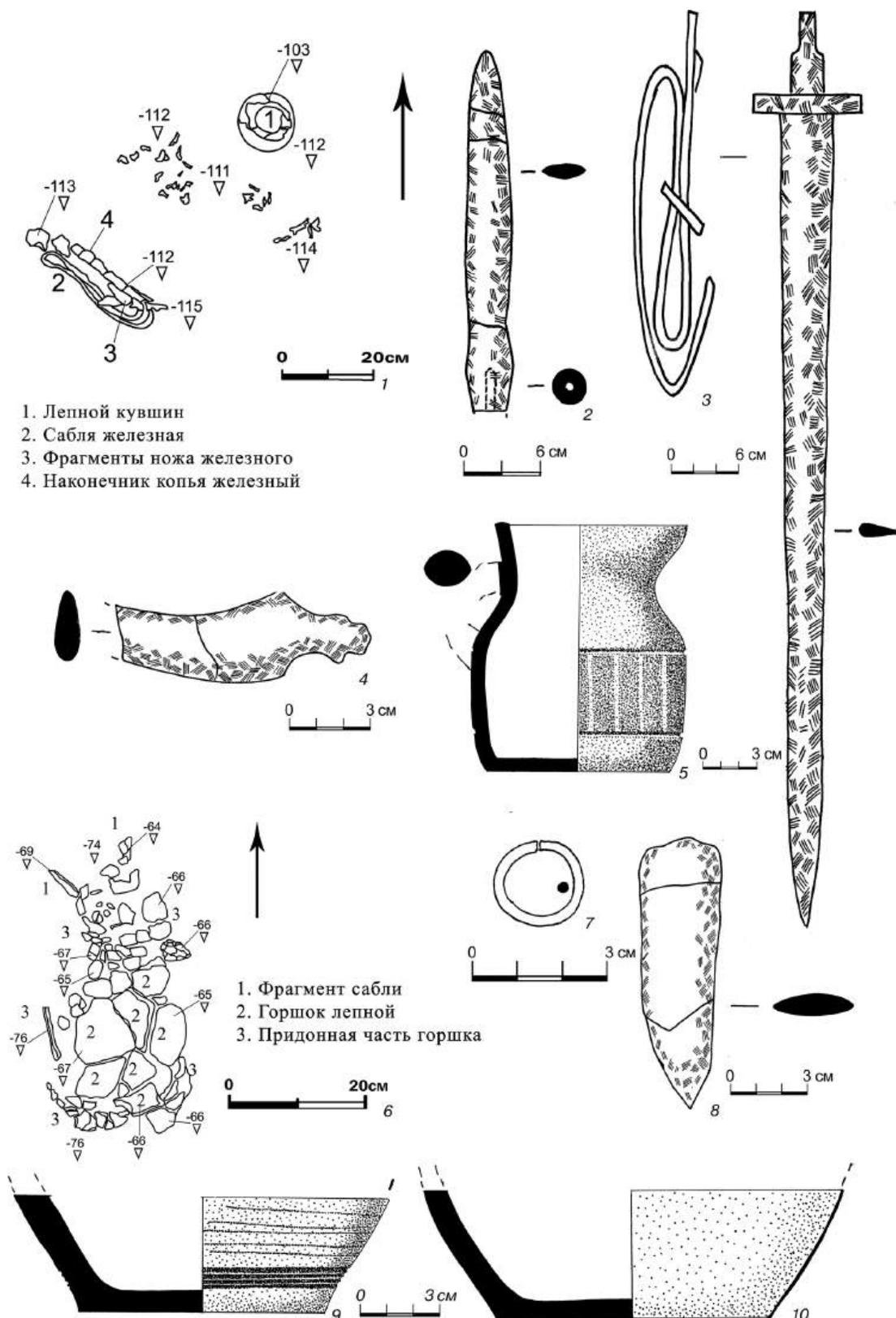
2. Сабля железная (рис. 10: 3). Изгиб клинка точно не реконструируется, клинок однолезвийный, треугольный в сечении, нижняя часть линзовидная в сечении, деформирован в древности. Перекрестие напускное, из двух слабоизогнутых пластин. Черешок рукояти короткий, прямоугольный в сечении. Длина клинка – 88 см; сохранившаяся длина рукояти – 5 см; ширина клинка – 3,5 см; ширина перекрестия – 12 см.

3. Нож железный, однолезвийный, с изогнутой спинкой (рис. 10: 4). Клинок треугольный в сечении, сужается к концу, переход к черешку плавный. Черешок в сечении прямоугольный. Длина клинка – 7,5 см; ширина клинка – 2 см; толщина – 0,5 см; сохранившаяся длина рукояти – 2,5 см.

4. Наконечник копья железный, втульчатый, перо листовидное, линзовидное в сечении, переход к втулке плавный (рис. 10: 2). Длина – 28 см; длина втулки – 8,5 см; ширина пера – 3 см; диаметр втулки – 2,5 см.

Погребение 11 (объект № 12) (рис. 2: 3, 10: 6). Совершено по обряду трупосожжения. Было обнаружено в 16 м к югу от R0, на глубине 0,67 м от R0, на границе квадратов 4 и 13, в слое серо-коричневого суглинка.

Погребальная урна, (сохранилась фрагментарно), была установлена на дно и сверху накрыта придонной частью другого сосуда. В северной части скопления фрагментов урны находились фрагменты нижней части клинка сабли.

1. Лепной кувшин
2. Сабля железная
3. Фрагменты ножа железного
4. Наконечник копья железный

1. Фрагмент сабли
2. Горшок лепной
3. Придонная часть горшка

Рис. 10. Погребение 10. 1 – план погребения 10; 2 – наконечник копья железный; 3 – сабля железная; 4 – нож железный; 5 – кувшин лепной. Погребение 11. 6 – план погребения 11; 7 – кольцо белого металла; 8 – фрагменты сабли; 9 – придонная часть горшка лепного; 10 – придонная часть сосуда кружального

Погребальная урна была заполнена кремированными останками, перемешанными с золой и частицами древесного угля, также при разборе заполнения урны было найдено кольцо из белого металла.

Описание погребального инвентаря:

1. Сабля железной три фрагмента нижней части клинка, линзовидного в сечении (рис. 10: 8). Сохранившаяся длина клинка – 10 см; ширина клинка – 3 см; толщина – 1 см.

2. Придонная часть лепного черноглиняного горшка (рис. 10: 9). Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Стенки тулова в придонной части украшены горизонтальным рифлением (линейно-гребенчатый орнамент). Обжиг неравномерный, поверхность черного цвета с коричневыми пятнами. Тесто с примесью мелкодробленой ракушки. Сохранившаяся высота – 6 см; диаметр дна – 12 см; толщина дна – 1 см.

3. Придонная часть кружального коричневоглиняного сосуда (рис. 10: 10). Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Тесто плотное, с примесью известняка и шамота. Черепок в изломе с серой прослойкой. Сохранившаяся высота – 6 см; диаметр дна – 12 см; толщина дна – 0,7 см.

4. Кольцо с сомкнутыми окончаниями, изготовленное из округлой в сечении проволоки белого металла (рис. 10: 7). Диаметр – 2 см; сечение – 0,3 см.

Погребение 12 (объект № 13) (рис. 2: 3, 11: 1). Погребение совершено по обряду кремации, обнаружено в 22 м к югу от R0, на глубине 0,83 м от R0 в западной части квадрата 12, в слое серо-коричневого суглинка.

Погребальная урна была установлена устьем вверх и накрыта придонной частью другого сосуда. Урна была заполнена кремированными останками, перемешанными с золой и частицами древесного угля. При разборе заполнения урны, были найдены: серьга из желтого металла № 3 (рис. 11: 2), фрагменты подобной серьги № 4 (рис. 11: 3), набор бус № 5 (рис. 11: 5–7), пряслице глиняное № 6 (рис. 11: 4).

Описание погребального инвентаря:

1. Урна (корчага) коричневоглиняная кружальная с двумя ручками (рис. 11: 9). Тулово пи-фойдное, расширено в верхней части. Стенки украшены двумя горизонтальными желобками, между которыми заключена волнистая линия, в месте наибольшего диаметра тулова. Шейка высокая, отогнута наружу, венчик округлен. Ручки петлевидные, овальные в сечении, крепятся вертикально к месту наибольшего диаметра тулова. Дно плоское. Тесто плотное, с большой примесью крупнозернистого песка. Черепок в изломе с серой прослойкой. Высота – 27 см; диаметр устья – 20 см; диаметр тулова – 29 см; диаметр дна – 14 см; высота шейки – 3 см.

2. Фрагмент придонной части лепного горшка (рис. 11: 8). Тулово баночной формы, расширено в верхней части, стенки покрыты зональным рифлением (гребенчатый орнамент). Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Тесто с примесью ракушки. Черепок в изломе с серой прослойкой. Сохранившаяся высота – 16 см; диаметр тулова – 25 см; диаметр дна – 14 см.

3. Составная серьга из желтого металла (рис. 11: 2). Дужка в верхней части проволочная, в нижней овально-вытянутая пластинчатая, украшена зернью и полусферами. Подвеска в виде кувшинчика, украшена поясками зерни. Высота – 6,5 см; высота подвески – 5 см.

4. Фрагменты подобной серьги (рис. 11: 3). Сохранившаяся высота – 4,2 см.

5. Набор бус (3 шт.) (рис. 11: 5–7): 1) Бусина трапециевидная, с закругленными гранями, из глухого синего стекла, с продольным отверстием в центре, высота – 0,7 см, ширина – 0,5 см, диаметр отверстия – 0,2 см 2) Бусина округлая, из светлого (белого) стекла, с отверстием в центре, высота – 0,4 см, диаметр – 0,6 см, диаметр отверстия – 0,2 см. 3) бусина стеклянная, округлой формы, с неровными краями, с овальным отверстием в центре, высота – 1 см, диаметр – 0,8 см, диаметр отверстия – 0,1×0,2 см

6. Пряслице плоское, округлой формы изготовлено из стенки коричневоглиняного сосуда, в центре круглое отверстие (рис. 11: 4). Диаметр – 3 см, толщина – 0,8 см, диаметр отверстия – 0,6 см.

Погребение 13 (объект № 14) (рис. 2: 3, 11: 10). Совершено по обряду кремации, было выявлено в 18,7 м к югу от R0, на глубине 0,91 м от R0, в ЮВ части квадрата 13, в слое серо-коричневого суглинка.

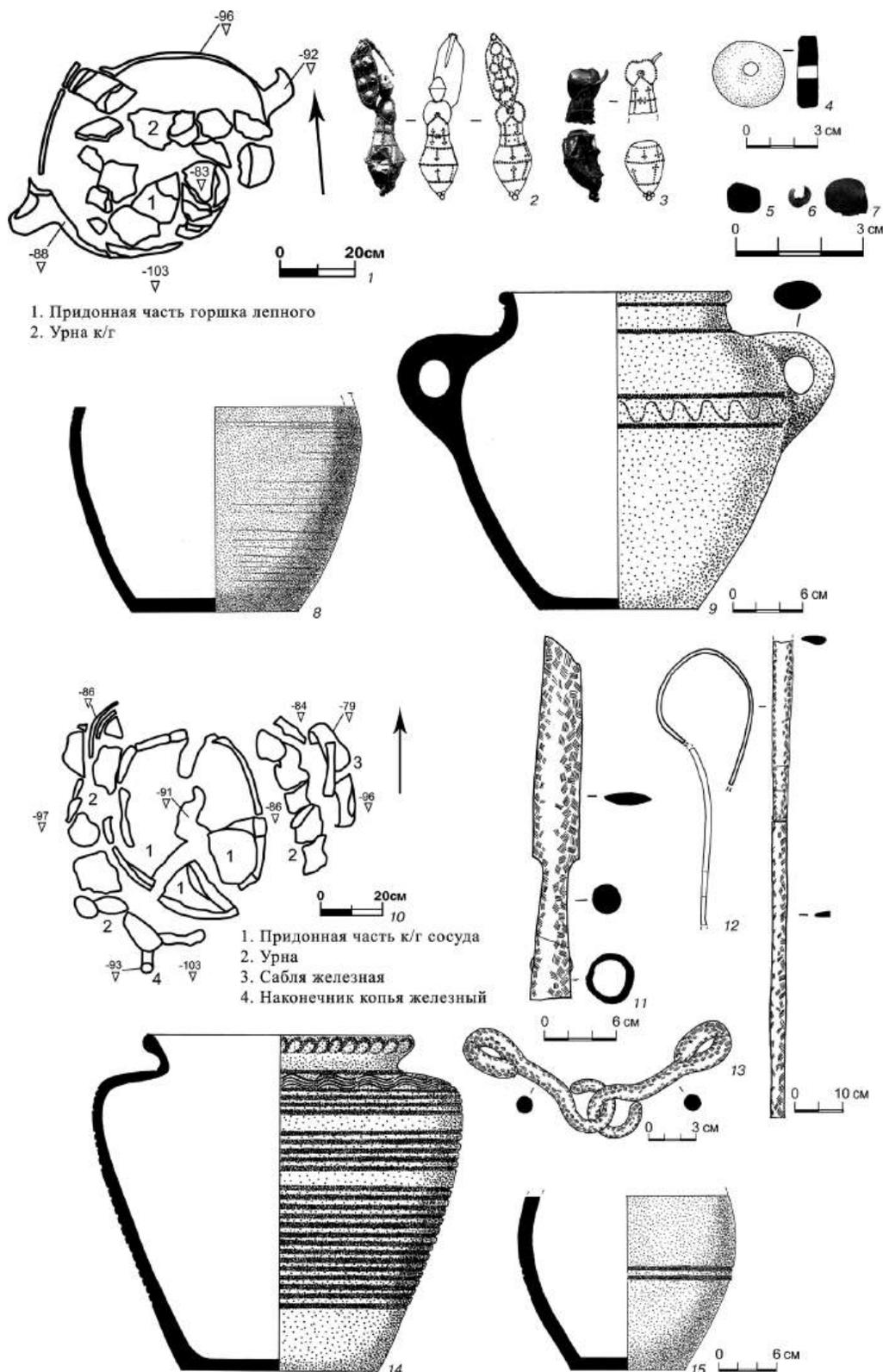

Рис. 11. Погребение 12. 1 – план погребения 12; 2, 3 – серьги желтого металла; 4 – пряслице керамическое; 5–7 – бусы стеклянные; 8 – фрагменты горшка лепного; 9 – корчага коричневоглиняная кружальная. Погребение 13. 10 – план погребения 13. 11 – наконечник копья железный; 12 – сабля железная; 13 – удила железные; 14 – горшок лепной; 15 – сосуд красноглиняный кружальный

Погребальная урна, установленная на дно, сверху была перекрыта придонной частью другого сосуда. К востоку от урны находилась деформированная сабля, в южной части, под урной лежал наконечник копья.

Погребальная урна была заполнена фрагментами кремированных костей, перемешанных с золой и частицами древесного угля. При разборе содержимого урны были найдены фрагменты железных удил № 5 (рис. 11: 13).

Приводимое далее описание погребений относится к раскопу 2, который был прирезан к югу от раскопа 1.

Описание погребального инвентаря:

Сосуда красноглиняного кружального придонная часть (рис. 11: 15). Тулово приземистое, поперечно-сжатое, средняя часть отделена от придонной части двумя горизонтальными желобками. Дно плоское. Тесто плотное, без видимых примесей. Сохранившаяся высота – 13,5 см; диаметр тулова – 17 см; диаметр дна – 9 см.

Горшка лепного фрагменты (рис. 11: 14). Тулово пифойдное, расширено в верхней части, стенки украшены горизонтальным рифлением (линейно-гребенчатый орнамент). Шейка короткая, венчик массивный, ложновитой. Дно плоское. Обжиг неравномерный, верхняя часть черного цвета, нижняя – коричневого. Тесто с примесью ракушки. Размеры по графической реконструкции: высота – 35 см, диаметр устья – 28 см, диаметр тулова – 38 см, диаметр дна – 20 см.

Сабля железная (рис. 11: 12). Кривизна клинка точно не реконструируется. Клинок односторонний, треугольный в сечении, нижняя часть линзовидная в сечении, деформирован и сломан в древности. Перекрестие утрачено в древности. Ручка короткая прямоугольная плоская, прямоугольная в сечении. Сохранившаяся длина клинка – 70 см, длина рукояти – 11 см, ширина клинка – 2,5 см.

Наконечник копья железный, втульчатый, с узким пером линзовидного сечения, переход к втулке плавный (рис. 11: 11). Деформирован в древности. Сохранившаяся длина – 27 см, длина втулки – 12 см, ширина пера – 4 см, диаметр втулки – 3 см.

Удила железные двусоставные, грызла округлые в сечении, внутренние окончания круглые, элементы крепления круглые и расширены (рис. 11: 13). Длина грызла – 10,5 см, сечение – 1 см.

Погребение 14 (погребение № 1 в нумерации раскопа 2) (рис. 2: 3, 12: 1). Совершено по обряду ингумации, было обнаружено в 0,95 м к югу от R0, на глубине 0,78 от R0, в СВ части квадрата 1, на уровне материка.

От скелета сохранились только фрагменты черепа без лицевой части. Череп покоился на левом боку.

Инвентарь в погребении не обнаружен.

Погребение 15 (погребение № 2) (рис. 2: 3, 12: 2). Совершено по обряду ингумации, находилось в 4 м к югу от R0, на глубине 0,84 м от R0, в ЮВ части квадрата 1, на уровне материка.

Могильную яму проследить не удалось. Скелет плохой сохранности, сохранились фрагменты черепа и бедренные кости. Судя по сохранившимся частям скелета, погребенный лежал вытянуто на спине, черепом ориентирован на ЮВ.

Инвентарь в погребении не обнаружен.

Погребение 16 (погребение № 3) (рис. 2: 3, 12: 3). Совершено по обряду ингумации, было выявлено в 5,6 м к югу от R0, на глубине 0,84 м от R0, в СВ части квадрата 1, на уровне материка.

Скелет плохой сохранности. Были расчищены фрагменты черепа, фрагменты ребер, фрагмент правого предплечья, фрагмент правого крыла таза и две берцовые кости. Судя по сохранившимся частям скелета, погребенный лежал вытянуто на спине, черепом ориентирован на ЮВ. Череп лежал на правом боку, лицевой частью обращен к СВ, ноги были вытянуты параллельно друг другу.

В области груди погребенного были найдены гагатовые бусы, две раковины каури и две бронзовые пронизи № 1 (рис. 12: 4–6).

Слева, у таза погребенного, находились расслоившиеся фрагменты к/г сосуда № 2.

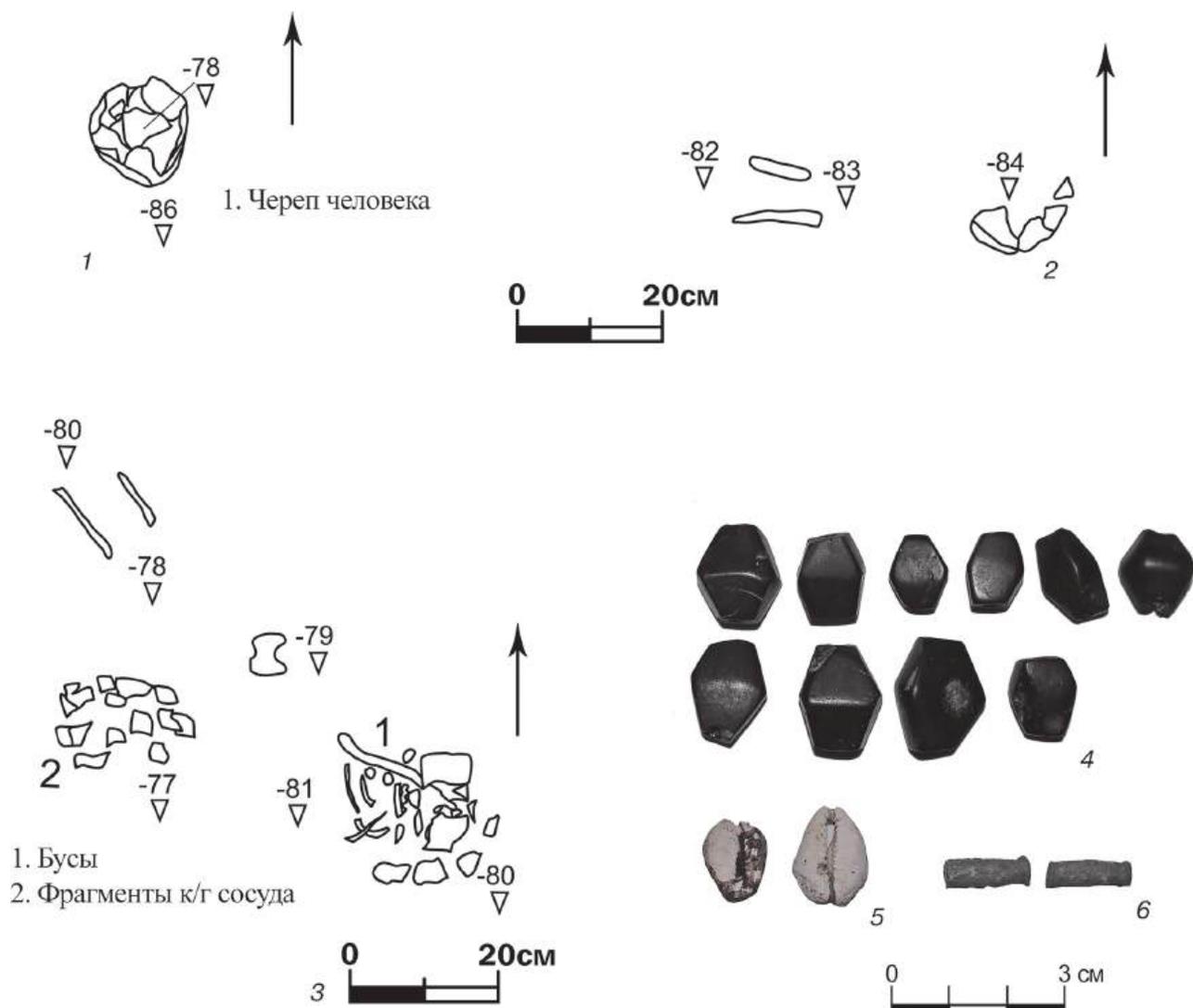

Рис. 12. 1 – план погребения 14; 2 – план погребения 15. Погребение 16. 3 – план погребения 16; 4 – бусы гешировые; 5 – раковины каури; 6 – пронизи бронзовые

Описание погребального инвентаря:

Набор бус и подвесок (14 шт.): 1) Бусы гешировые (10 шт.) (рис. 12: 4), бипирамидальные, с продольными отверстиями в центре, высота – 1,3–2 см, ширина – 1–1,5 см, толщина – 0,5–1 см. 2) Раковины каури (2 шт.) с поперечными отверстиями на оборотной стороне (рис. 12: 5), высота – 1,5 см, ширина – 1,2 см; 3) пронизи (2 шт.) бронзовые цилиндрической формы (рис. 12: 6), края выделены закраинами, с продольным отверстием для подвешивания, высота – 1,5 см, сечение – 0,5 см.

Погребение 17 (погребение № 4) (рис. 2: 3, 13: 1). Совершено по обряду ингумации, было обнаружено в 6,4 м к югу от R0, на глубине 0,88 м от R0, в СЗ части квадрата 2, на уровне материка.

Пятно могильной ямы не прослежено. Скелет средней сохранности, были расчищены фрагменты черепа, фрагменты ребер, плечевые кости, фрагмент правого крыла таза и кости ног. Судя по сохранившимся, частям скелета, погребенный лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на ЮВ, череп покоился на затылочных костях, слегка завалившись влево, лицевой частью на СЗ, плечевые кости лежали вытянуто вдоль туловища. Ноги были вытянуты и предположительно сведены в стопах и коленях.

Инвентарь в погребении не обнаружен.

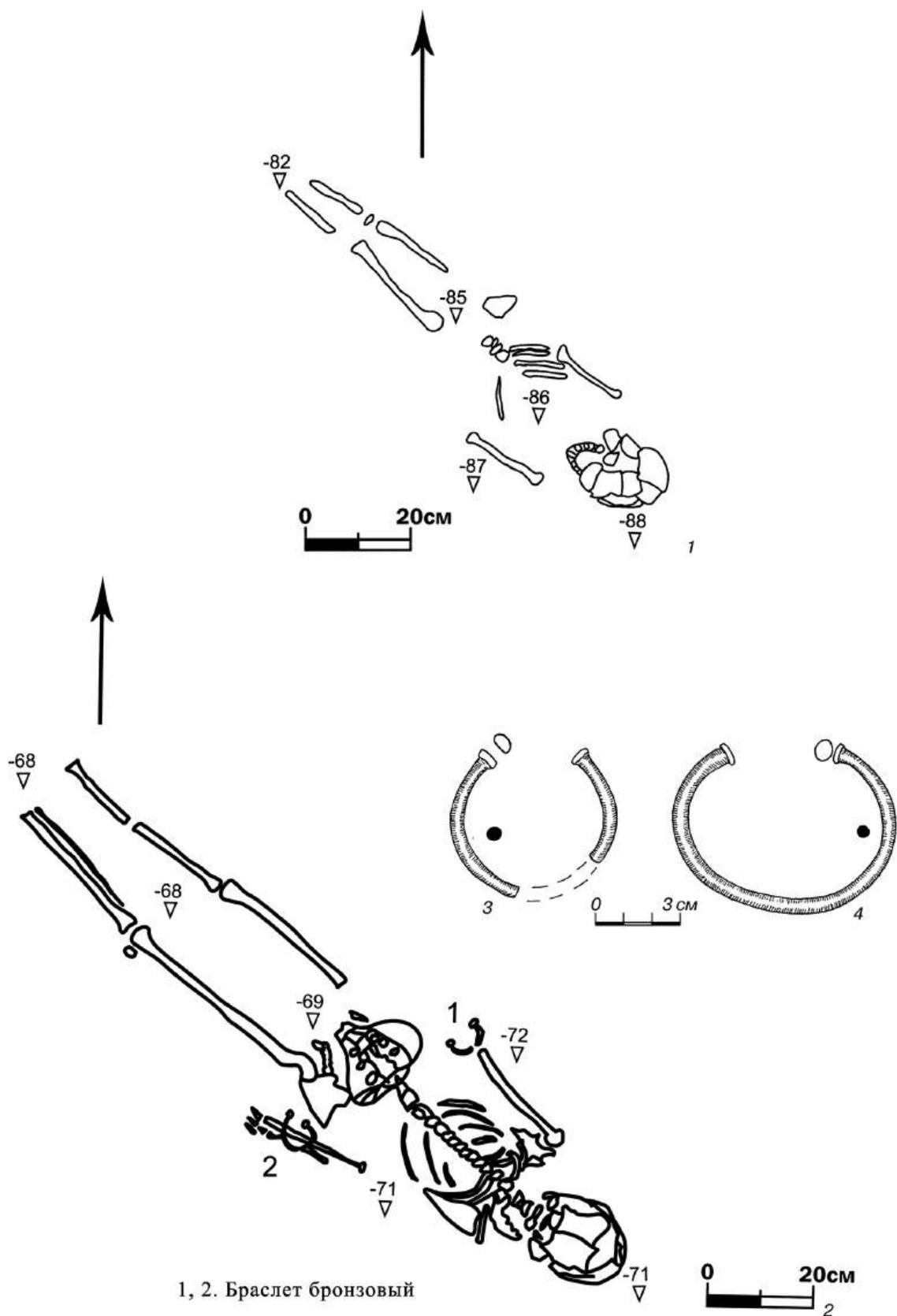

Рис. 13. 1 – план погребения 17. Погребение 18. 2 – план погребения 18; 3, 4 – браслеты белого металла

Погребение 18 (погребение № 5) (рис. 2: 3, 13: 2). Совершено по обряду ингумации. Погребение обнаружено в 1,55 м к югу от R0, на глубине 0,71 м от R0, в СЗ части квадрата 1, на уровне материка.

Могильная яма не прослежена. Скелет хорошей сохранности, были расчищены фрагменты черепа, и посткраниальный скелет: фрагменты ребер, кости предплечья левой руки и правая плечевая кость, фрагменты таза и кости ног. Судя по сохранившимся частям скелета, погребенный лежал вытянуто на спине, черепом ориентирован на ЮВ, череп покоился на затылочных костях, судя по сохранившимся костям рук, они были вытянуты вдоль туловища, ноги лежали вытянуто.

У нижнего эпифиза правой плечевой кости лежали два фрагмента браслета белого металла № 1 (рис. 13: 3).

На костях предплечья левой руки находился браслет белого металла № 2 (рис. 13: 4).

Описание погребального инвентаря:

1. Браслета бронзового два фрагмента (рис. 13: 3). Корпус из толстого, круглого в сечении прута. Концы расширены и оформлены в виде округлых шляпок. Сечение – 0,5 см.

2. Браслет бронзовый (рис. 13: 4). Корпус из толстого, круглого в сечении прута. Концы разомкнуты, расширены и оформлены в виде округлых шляпок. Диаметр – 8×7 см, сечение – 0,5 см

Погребение 19 (объект № 1) (рис. 2: 3, 14: 1). Совершено по обряду трупосожжения, было выявлено в 22,5 м к югу от R0, на глубине 0,39 м от R0, у западного борта квадрата 15, в слое серо-коричневого суглинка.

Погребальная урна была установлена на дно, изначально устье урны было накрыто крышкой. Вплотную к урне, с ЮЗ стороны находился сероглиняный кувшин, накрытый придонной частью красноглиняного кувшина. С востока, вплотную к сосуду-урне расчищена деформированная сабля, железный нож и железные удила. Под саблей были выявлены железные наконечники стрел № 10 (6 шт.). К югу от урны лежал железный наконечник копья № 4 (рис. 14: 3).

Погребальная урна была заполнена фрагментами пережженных костей, перемешанных с золой и фрагментами древесного угля. При разборе содержимого урны были найдены с/г крышка № 8 (рис. 14: 15), фрагменты железной пряжки № 9 (рис. 14: 12).

Описание погребального инвентаря:

1. Урна (корчага) сероглиняная кружальная с двумя ручками (рис. 14: 16). Тулово пифойдное, расширено в верхней части. Стенки украшены вертикальными лощеными полосами и тремя горизонтальными желобками, между которыми заключены волнистые линии, в месте наибольшего диаметра тулова. Шейка высокая с острым ребром на внешней поверхности и полочкой на внутренней, отогнута наружу, венчик округлен. Ручки петлевидные, овально-уплощенные в сечении, крепятся вертикально к месту наибольшего диаметра тулова. Дно плоское. Тесто плотное, с большой примесью крупнозернистого песка. Высота – 35 см, высота шейки – 5 см, диаметр устья – 20 см, диаметр тулова – 34 см, диаметр дна – 18 см

2. Кувшин серолощенный кружальный (рис. 14: 14). Тулово приземистое, округлое, поперечно-сжатое, в средней части украшено вытянутыми треугольниками, направленными вершиной вверх, в верхней и средней – горизонтальными канелюрами, в придонной – вертикальными лощеными полосами. Горло средней высоты цилиндрическое, край устья отогнут наружу, венчик округлен. Ручка петлевидная, овальная в сечении, крепится верхним концом к плечу под горлом, нижним к тулову в средней части. Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Тесто плотное, без видимых примесей. Высота – 12 см, высота горла – 4,5 см, диаметр устья – 7,6 см, диаметр тулова – 12,5 см, диаметр дна – 7 см.

3. Кувшинчика красноглиняного кружального придонной части фрагмент (рис. 14: 13). Тулово округлое, приземистое, украшено в придонной части тремя горизонтальными желобками. Дно слегка вогнуто, с внешней стороны не выделено. Тесто плотное с небольшими вкраплениями известняка, сохранившаяся высота – 7 см, диаметр тулова – 11 см, диаметр дна – 7 см.

4. Наконечник копья железный, втульчатый (рис. 14: 3). Перо узкое, линзовидное в сечении. Втулка коническая, расширяется к низу, край выделен валиком. Сохранившаяся

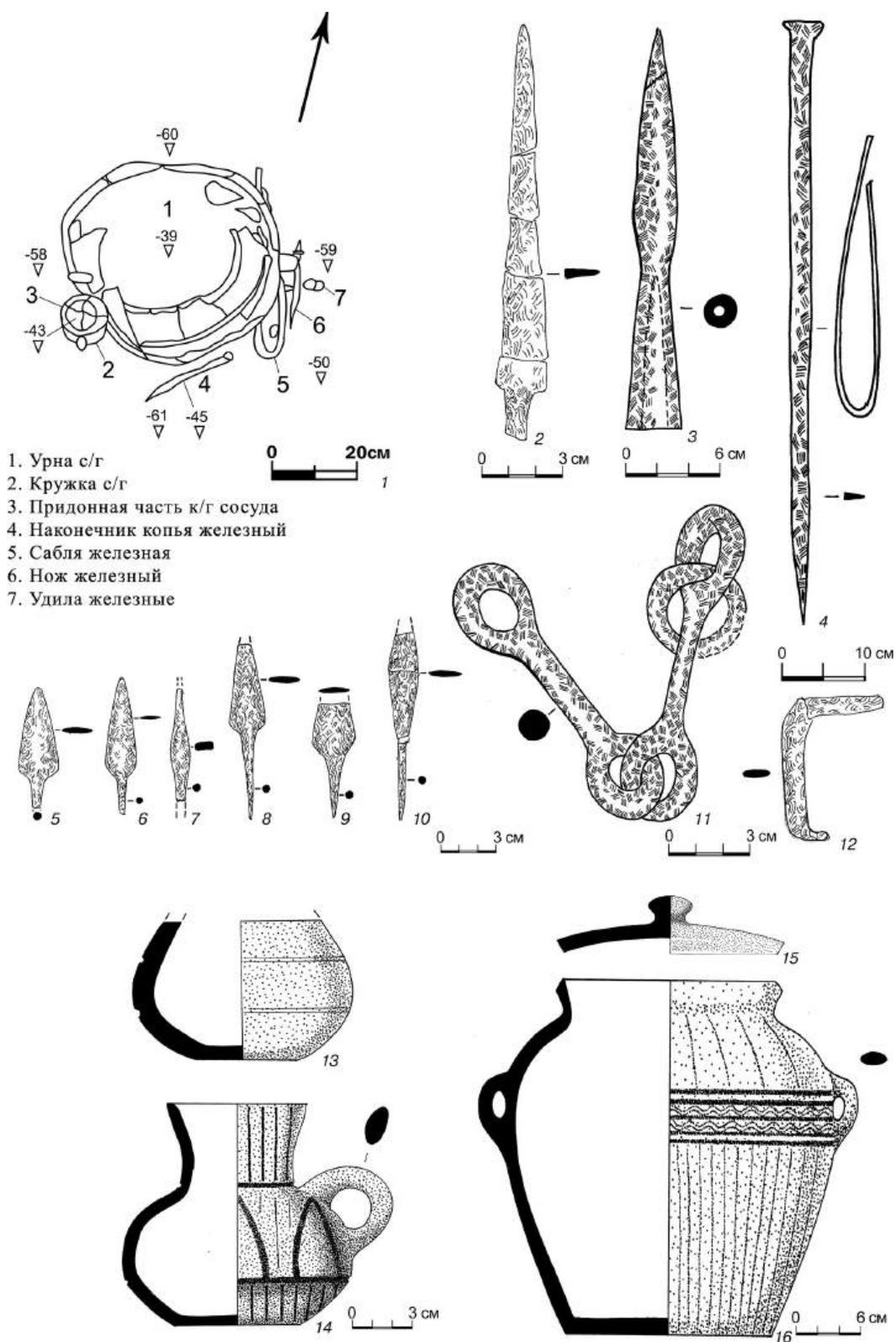

Рис. 14. Погребение 19. 1 – план погребения 19; 2 – нож железный; 3 – наконечник копья железный; 4 – сабля железная; 5–10 – наконечники стрел железные; 11 – удила железные; 12 – фрагменты пряжки железной; 13 – фрагмент кувшина кружального; 14 – кувшин серолощенный кружальный; 15 – крышка корчаги; 16 – корчага сероглиняная кружальная

длина – 22 см. ширина пера – 2 см, толщина – 1 см, диаметр втулки – 3,5 см, длина втулки – 10 см.

5. Сабля железная (рис. 14: 4). Кривизна клинка точно не реконструируется. Клинок однолезвийный, треугольный в сечении, нижняя часть линзовидная в сечении, деформирован в древности. Перекрестие и ручка утрачены. Сохранившаяся длина клинка – 73 см, ширина клинка – 3 см, толщина – 0,5 см.

6. Нож железный однолезвийный (рис. 14: 2). Клинок вытянутый, узкий, треугольный в сечении, с прямой спинкой. Черенок рукояти вытянуто-трапецевидный, отделен от клинка уступом. Длина клинка – 12,5 см, ширина максимальная – 2 см, толщина – 0,4 см, сохранившаяся длина рукояти – 1,6 см

7. Удила железные двусоставные, грызла округлых в сечении, внутренние окончания круглые, элементы крепления круглые, расширены (рис. 14: 11). В одном из элементов крепления вставлено фрагментированное железное кольцо. Длина звена – 10,5 см, сечение – 1 см, диаметр кольца – 4 см, сечение – 0,5 см.

8. Крышка сероглиняная кружальная, округлой формы с округлой ручкой в центре, венчик не выделен, кромки закруглены, основание вогнуто. тесто плотное, с большой примесью крупнозернистого песка (рис. 14: 15). Диаметр – 20 см, высота – 5 см, высота ручки – 2,5 см, толщина ручки – 4 см.

9. Пряжки железной два фрагмента (рис. 14: 12). Рамка прямоугольная, верхняя часть округлая в сечении, торцевая – прямоугольная. Высота рамки – 5,7 см, ширина около 4 см, сечение 0,7–0,9 см.

10. Набор наконечников стрел железных (6 шт.) (рис. 14: 5–10): 1) Плоские, двухлопастные, широкие, массивные, черешковые. Головка треугольно-вытянутая, переход к черешку округлен. Черешок длинный, круглый в сечении (4 шт.), длина – 10 см, длина головки – 5,5 см, ширина – 2,2 см, толщина – 0,3 см. длина черешка – 4,5 см, сечение – 0,5 см. 2) Плоский, двухлопастной, узкий, черешковый. Головка листовидно-вытянутая, переход к черешку округлен. Черешок длинный, круглый в сечении, длина – 7,5 см, длина головки – 5 см, ширина – 1,7 см, толщина – 0,3 см. длина черешка – 2,5 см, сечение – 0,4 см. 3) Четырехгранный, головка удлиненно-треугольная, черешок округлый, длина – 6 см, длина головки – 4 см, сечение – 0,8×1 см, длина черешка – 2 см, сечение – 0,5 см.

Погребение 20 (объект № 3) (рис. 2: 3, 15: 1). Совершено по обряду кремации. Погребение было обнаружено в 16,7 м к югу от R0, на глубине 0,35 м от R0, в западной части квадрата 14 на уровне материка.

В погребении были расчищены фрагменты сероглиняного сосуда-урны, лежащие в беспорядке в результате ограбления комплекса.

При разборе погребения, под фрагментами погребальной урны были найдены пережженные кости, мешанные с золой и древесным углем, а также фрагмент придонной части сероощенного кувшина № 9 (рис. 16: 8), фрагмент верхней части и дно с/г пифоса № 10 (рис. 16: 7).

К северу от урны, в 40 см, было расчищено скопление железных предметов, лежавших в заполнении грабительской ямы: железный стержень № 2 (рис. 15: 2), удила с псалиями № 3 (рис. 16: 1), предмет железный с двумя отрезками железной цепи № 4 (рис. 15% 4), деформированная сабля № 5 (рис. 16: 6), железные стремяна № 6 (рис. 16: 2, 3), лежавшие на краях грабительской ямы.

Грабительская яма неправильной вытянутой формы, прослеженная глубина 18 см, заполнение ямы состояло из гумусированного суглинка темно-серого цвета. В придонной части грабительской ямы были найдены фрагменты железной дужки № 8 (рис. 16: 4), наконечник стрелы железный № 11 (рис. 16: 5).

Описание погребального инвентаря:

1. Урны (пифоса) сероглиняного кружального фрагменты (рис. 15: 3). Тулово пифойдное, вытянутое, расширено в верхней части. Стенки украшены двумя горизонтальными желобками, с заключенной между ними волнистой линией, в месте наибольшего диаметра тулова. Шейка короткая, вертикальная, венчик массивный отогнут наружу и округлен. Дно плоское. Тесто

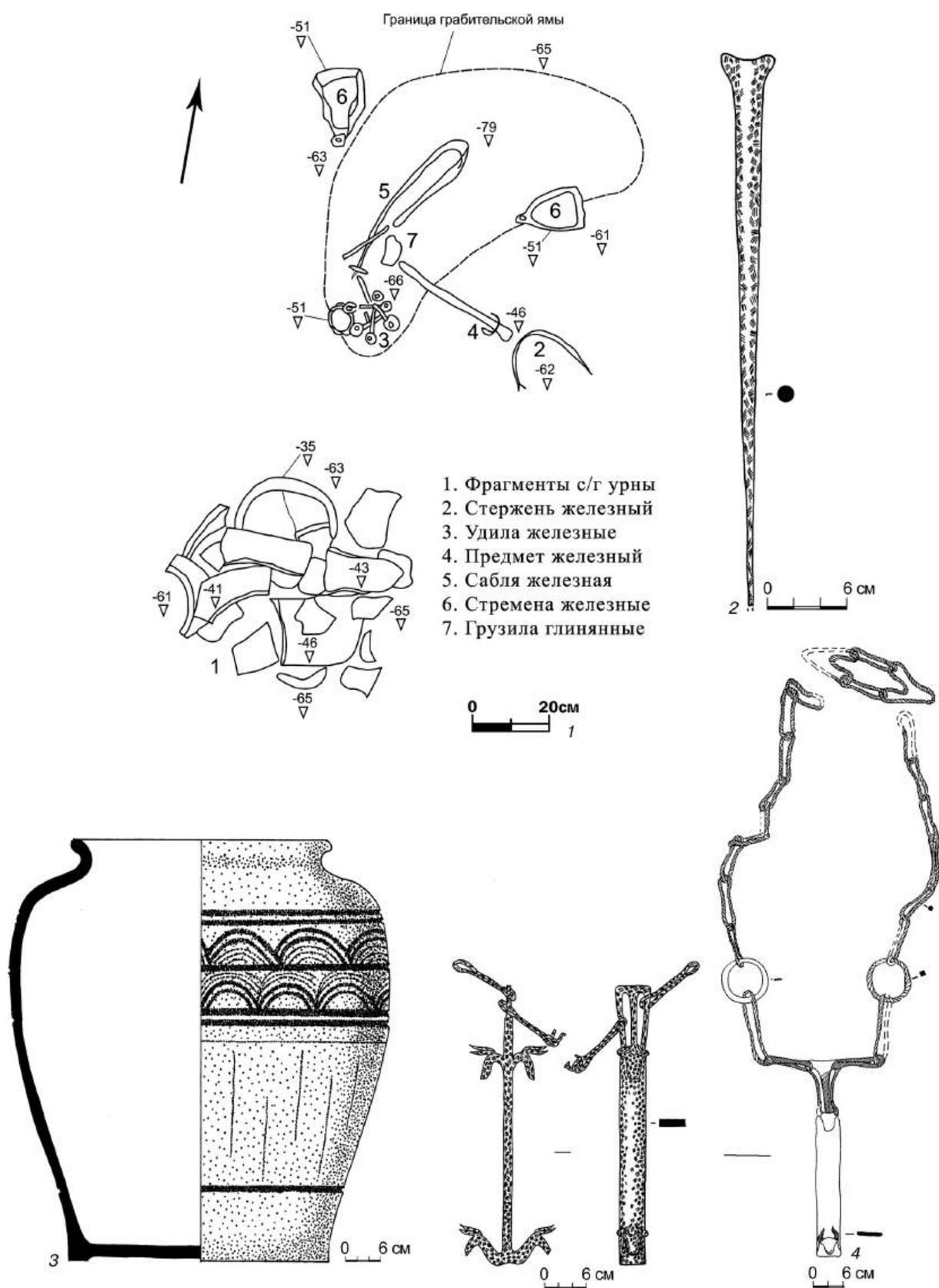

Рис. 15. Погребение 20. 1 – план погребения 20; 2 – стержень железный 3 – пифос сероглиняный кружальный; 4 – очажный крюк с цепью

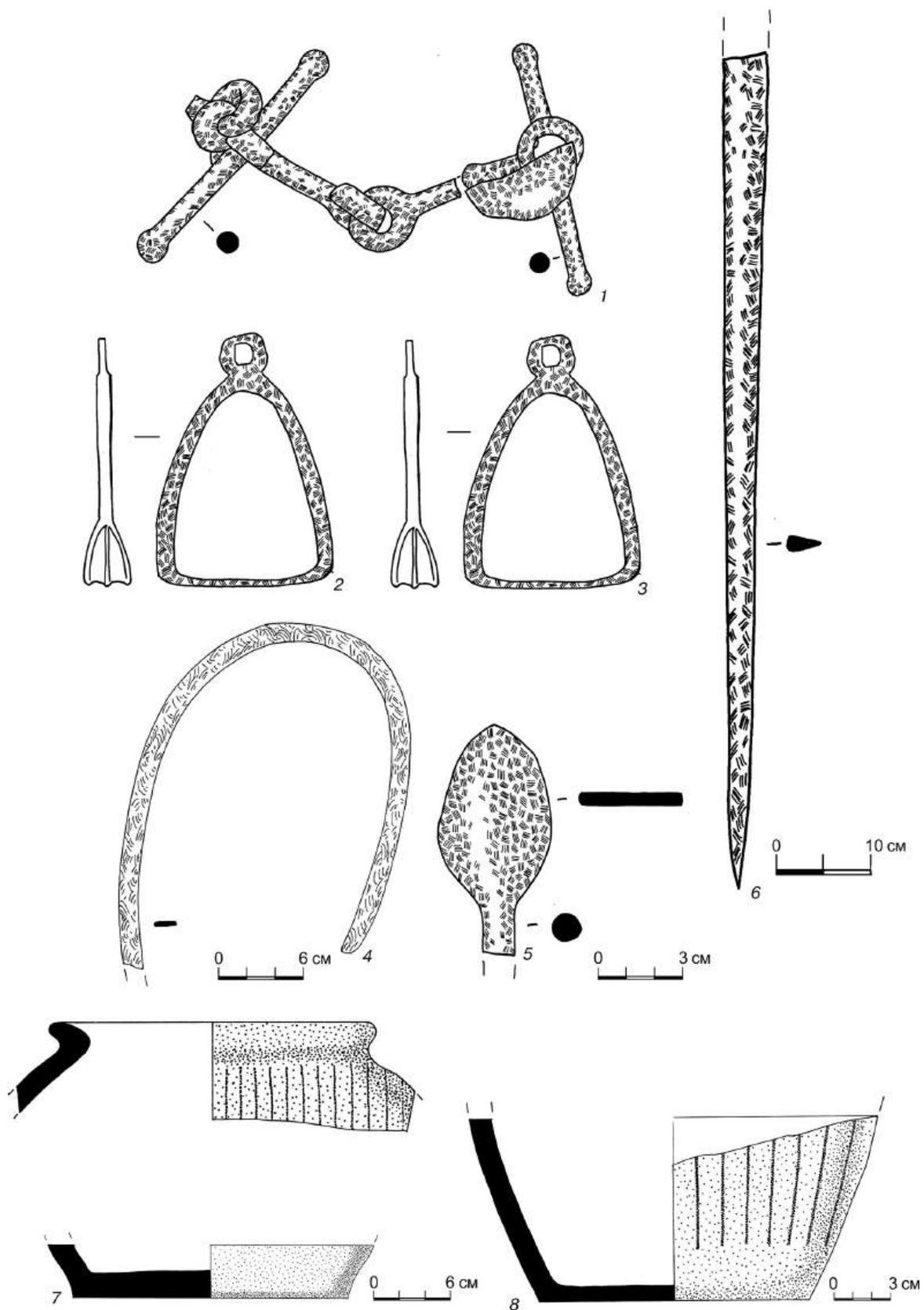

Рис. 16. Погребение 20. 1 – удила железные; 2, 3 – стремена железные; 4 – предмет железный; 5 – наконечник стрелы железный; 6 – сабля железная; 7 – фрагменты пифасообразного сосуда; 8 – придонная часть серолощеного кувшина

плотное, с примесью известняка. Размеры по графической реконструкции: высота 70 см, диаметр устья – 44 см, диаметр тулова – 64 см, диаметр дна – 22 см, высота шейки – 4 см.

2. Стержень железный витой, квадратный в сечении, один конец раскован V – образный, второй утрачен в древности (рис. 15: 2). Сохранившаяся длина – 40,1 см, сечение – 1 см.

3. Удила с псалиями железные, двусоставные (рис. 15: 1). Грызла округлые в сечении, внутренние окончания круглые, элементы крепления круглые, во внутренние элементы крепления вставлены стержневидные псалии, во внешние – продеты кольца. Псалии стержневидные, округлые в сечении, с коническими шпичками на концах. В средней части трапециевидные пластины-ограничители, с прорезью. Длина грызла – 9 см, сечение – 1 см, высота псалия – 16 см, сечение – 1 см, пластина-ограничитель – 2,5×1,5 см, диаметр кольца – 4 см, сечение – 0,5 см

4. Предмет железный подвешенный на железной цепи с кольцами (рис. 15: 4). Основу изделия составляет толстая ковкая пластина, в сечении прямоугольная, раздвоена в верхней и нижней частях. Верхние концы округло загнуты вниз и украшены скульптурными головками быков с витыми рогами. Нижние концы округло загнуты вверх и также украшены головками быков. В верхний, раздвоенный конец, вставлены три железных стержня, образующих в верхней части T-образную форму с петлями на боковых концах. В петли вставлены два отрезка железной цепи. Отрезки цепи, состоят из 11 и 8 звеньев. Звено из витого прута с окончаниями в виде округлых петель. Во второе звено от нижнего края, на каждом отрезке цепи продето железное массивное кольцо. Одно кольцо плоское, прямоугольное в сечении. Второе – витое. Высота – 30 см, ширина – 3 см, толщина – 0,7 см, длина звена цепи – 6–9 см, сечение – 0,7 см, диаметр плоского кольца – 9 см, диаметр витого кольца – 7 см.

5. Сабля железная (рис. 16: 6). Кривизна клинка точно не реконструируется. Клинок однолезвийный, треугольный в сечении, нижняя часть линзовидная в сечении, деформирован в древности. Перекрестие и ручка утрачены в древности. Сохранившаяся длина клинка – 86 см, ширина клинка – 2,5–4 см, толщина – 0,5 см.

6. Стремена железные арочные (2 шт.) (рис. 16: 2, 3). Дужка высокая, из круглого в сечении стержня, округло изогнута в верхней части с округлым выступом и отверстием для подвешивания. Подножка прямоугольная, торцевые и боковые края загнуты вверх, на основании, с внешней стороны, полукруглый продольный валик для жесткости. Высота дужки – 14 см, сечение – 1,5 см, выступ для подвешивания – 3×3,5 см, длина подножки – 12 см, ширина – 4,5 см.

7. Предмет железный, пластинчатый, изогнут в верхней части, прямоугольный в сечении, концы обломаны в древности (рис. 16: 4). Длина – 54 см, ширина – 1,3 см, толщина – 0,5 см

8. Фрагмент придонной части серолощенного кувшина (рис. 16: 8). Стенки тулова украшены вертикальными лощеными полосами. Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Тесто плотное, с небольшой примесью известняка. Черепок светло-коричневого цвета с серой прослойкой, внешняя поверхность покрыта серым лощением. Сохранившаяся высота – 9 см, диаметр дна – 14 см.

9. Фрагменты верхней части и дна сероглиняного пифоса (рис. 16: 7). Венчик широкий, массивный, скошен внутрь, выступает наружу, внешняя кромка округлена. Шейка короткая вертикальная. Плечики украшены вертикальными лощеными полосками. Дно массивное, плоское. Тесто плотное, без видимых примесей. Сохранившаяся высота верхней части – 13 см, ширина венчика – 3 см, высота шейки – 2 см, диаметр устья по внешнему краю – 27 см, высота придонной части – 5 см, диаметр дна – 23 см

10. Наконечник стрелы железный, черешковый (рис. 16: 5). Перо листовидное, широкое, переход к черешку округлен. Черешок округлый в сечении. Сохранившаяся длина пера – 5 см, ширина – 4 см, толщина – 0,5 см, сохранившаяся длина черешка – 2 см, сечение – 0,8 см.

Погребение 21 (объект № 7) (рис. 2: 3, 17: 1). Совершено по обряду трупосожжения. Было выявлено в 22,5 м к югу от R0, на глубине 0,39 м от R0, на границе квадратов 7 и 17, в слое серо-коричневого суглинка.

Погребальная урна была установлена устьем вверх, заполнена кремированными останками, перемешанными с золой и древесным углем, также при разборе содержимого урны был найден лепной горшок.

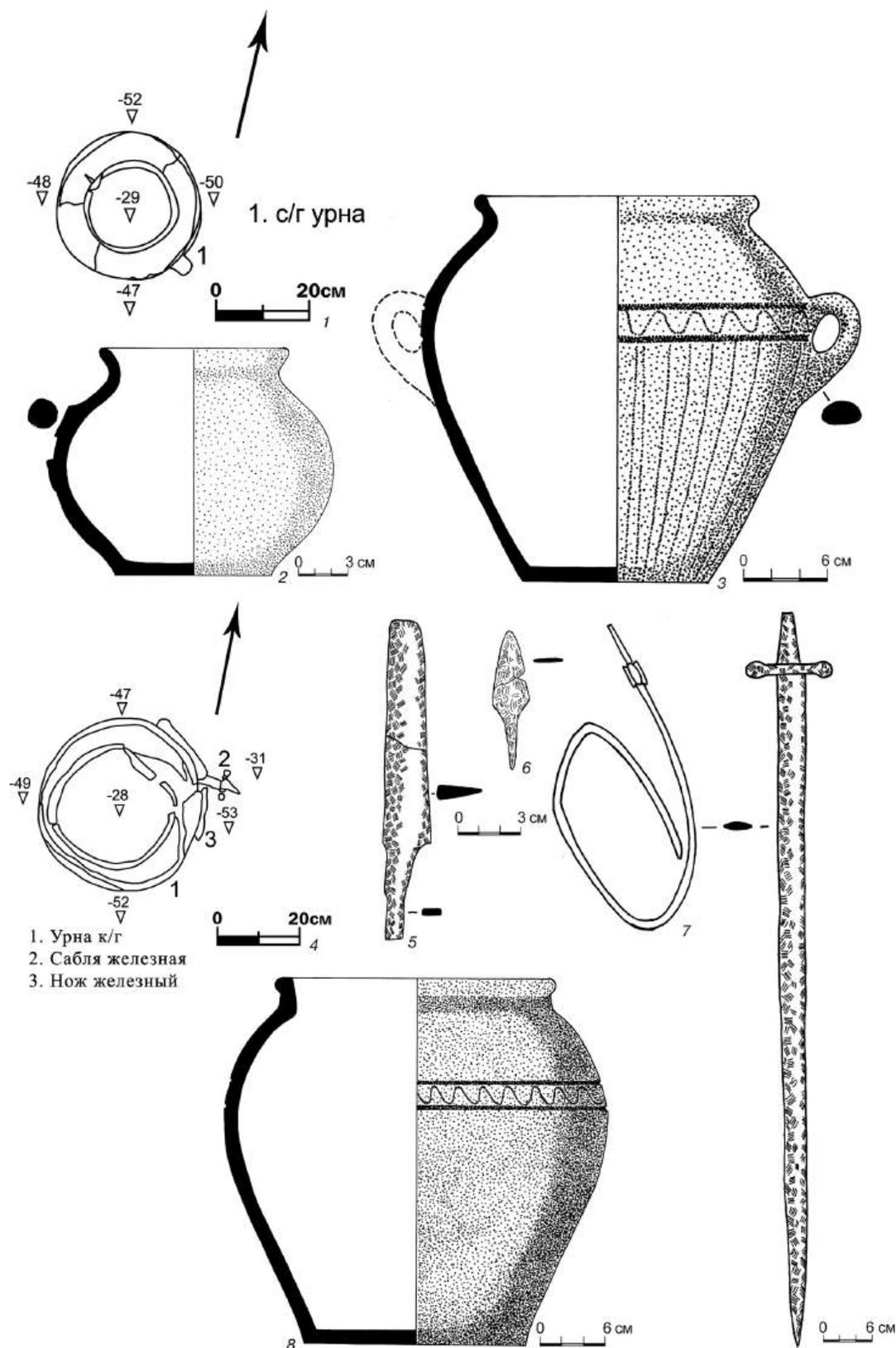

Рис. 17. Погребение 21. 1 – план погребения 17; 2 – горшок лепной; 3 – корчага сероглиняная кружальная. Погребение 22. 4 – план погребения 22. 5 – нож железный; 6 – наконечник стрелы железный; 7 – сабля железная; 8 – горшок кружальный красноглиняный

Описание погребального инвентаря:

1. Урна (корчага) сероглиняная кружальная с двумя ручками (рис. 17: 3). Тулово пифойдное, расширено в верхней части. Стенки украшены вертикальными лощеными полосами и двумя горизонтальными желобками, с заключенной между ними волнистой линией, в месте наибольшего диаметра тулова. Шейка невысокая, отогнута наружу, венчик округлен и выделен небольшой закраиной с внутренней стороны. Ручки петлевидные, овально-уплощенные в сечении, крепятся вертикально к месту наибольшего диаметра тулова. Дно плоское. Тесто плотное, с большой примесью крупнозернистого песка. Высота – 28 см, высота шейки – 3 см, диаметр устья – 21 см, диаметр тулова – 18 см, диаметр дна – 14 см

2. Горшок лепной (рис. 17: 2). Тулово округлое, приземистое, поперечно-сжатое, расширено в средней части. Шейка короткая, вертикальная, край устья отогнут наружу, венчик округлен и украшен косыми насечками. Ручка петлевидная, округлая в сечении. Крепилась вертикально в средней части тулова. Дно плоское. Обжиг неравномерный, нижняя часть светло-коричневого цвета, верхняя черного. Высота – 14 см, высота шейки – 2 см, диаметр устья – 11,5 см, диаметр тулова – 17 см, диаметр дна – 9,5 см, сечение ручки – 1,5×2 см.

Погребение 22 (объект № 8) (рис. 2: 3, 17: 4). Совершено по обряду кремации, было обнаружено в 35,5 м к югу от R0, на глубине 0,28 м от R0, в западном борту квадрата 8, в слое серо-коричневого суглинка.

Погребение представляет собой погребальную урну, установленную на дно, с запада, вплотную к ней находилась деформированная железная сабля и железный нож.

Погребальная урна была заполнена пережженными костями, перемешанными с золой и частицами древесного угля. Также в заполнении урны был найден железный наконечник стрелы.

Описание погребального инвентаря:

1. Урна (горшок) красноглиняная кружальная (рис. 17: 8). Тулово пифойдное, расширено в верхней части. Стенки украшены вертикальными лощеными полосами и двумя горизонтальными желобками, с заключенной между ними волнистой линией, в месте наибольшего диаметра тулова. Шейка невысокая, вертикальная, венчик округлен и выделен небольшой закраиной с внешней стороны. Дно плоское. Тесто плотное, с большой примесью крупнозернистого песка. Высота – 33 см, высота шейки – 3 см, диаметр устья – 26 см, диаметр тулова – 35 см, диаметр дна – 20 см.

2. Сабля железная (рис. 17: 7). Кривизна клинка точно не реконструируется. Клинок однолезвийный, треугольный в сечении, нижняя часть линзовидная в сечении, деформирован в древности. Перекрестие напускное, из двух слабоизогнутых пластин, с дисковидными окончаниями. Черенок рукояти плоский, прямоугольный в сечении. Длина клинка – 83 см, длина рукояти – 7 см, ширина клинка – 3 см, ширина перекрестия – 8,5 см.

3. Нож железный однолезвийный с прямой спинкой, клинок треугольный в сечении, черешок плоский, расположен на одной линии со спинкой (рис. 17: 5). Сохранившаяся длина – 14,5 см, длина рукояти – 4,5 см, ширина клинка – 2 см, толщина – 0,5 см.

4. Наконечник стрелы железный, плоский, двухлопастной, узкий, черешковый (рис. 17: 6). Перо ромбовидное, с плавным переходом к черешку. Черешок длинный, круглый в сечении. Длина – 6,5 см, длина головки – 4 см, ширина – 2 см, толщина – 0,3 см, длина черешка – 2 см, сечение – 0,5 см.

Погребение 23 (объект № 9) (рис. 2: 3, 18: 1). Совершено по обряду трупосожжения, было обнаружено в 25 м к югу от R0, на глубине 0,35 м от R0, на границе квадратов 5 и 6, в слое серо-коричневого суглинка.

В погребении была расчищена двуручная корчага (погребальная урна), установленная на дно, на ней лежал на боку, устьем ориентированный на ЮВ сероглиняный кувшин. С запада от урны были выявлены фрагменты сероглиняного сосуда. В верхней части заполнения погребальной урны были обнаружены фрагменты небольшого сероглиняного кувшина и фрагмент серьги желтого металла.

В остальном, погребальная урна была заполнена фрагментами пережженных костей, перемешанных с золой и древесным улем.

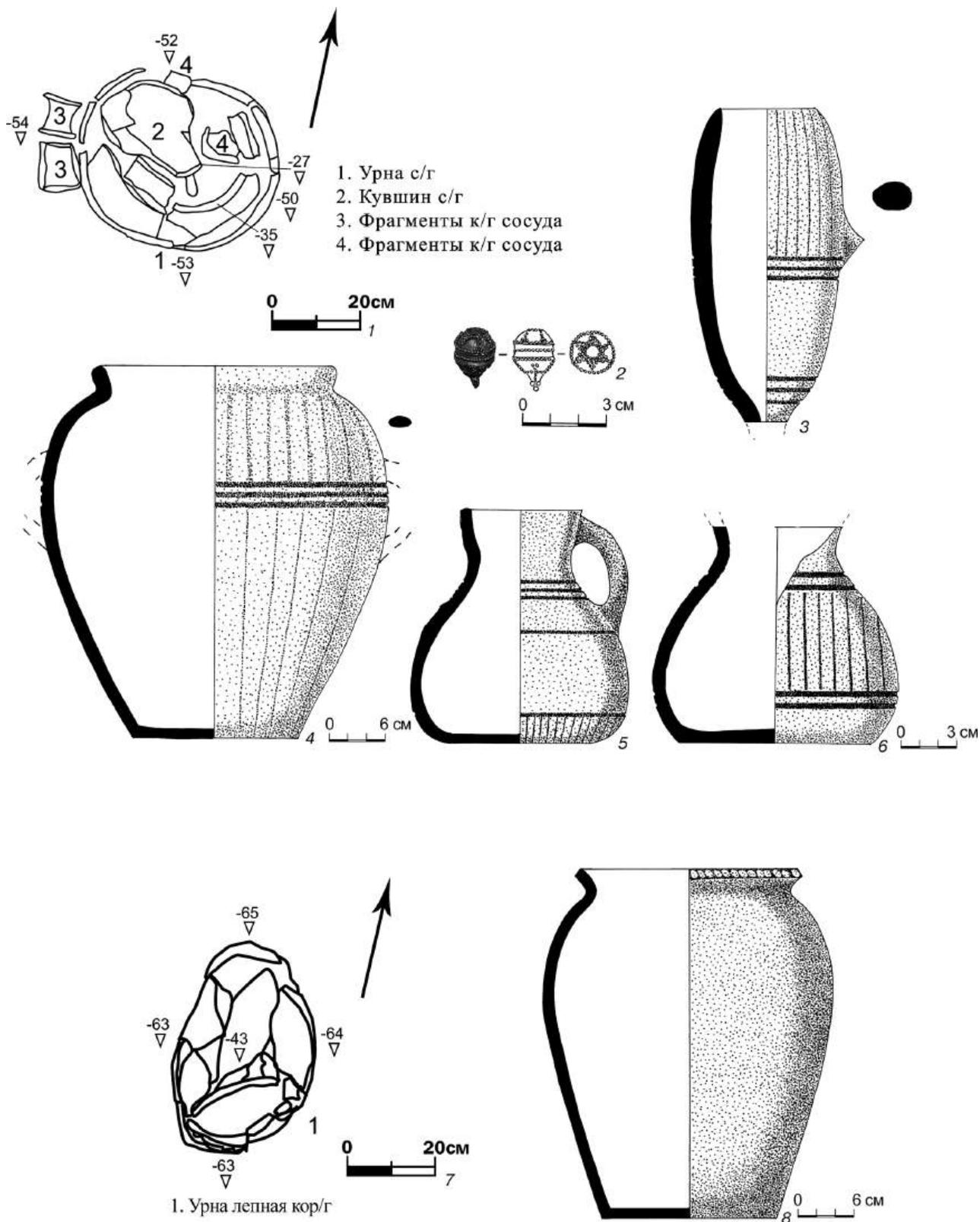

Рис. 18. Погребение 23. 1 – план погребения 23; 2 – привеска серьги желтого металла; 3 – сосуд красноглиняный кружальный; 4 – корчага сероглиняная кружальная; 5, 6 – кувшины сероглиняные кружальные. Погребение 24. 7 – план погребения 24. 8 – горшок лепной

Описание погребального инвентаря:

1. Урна (корчага) сероглиняная кружальная с двумя ручками (рис. 18: 4). Тулово пифойдное, расширено в верхней части. Стенки украшены вертикальными лощеными полосами и тремя горизонтальными желобками, в месте наибольшего диаметра тулова. Шейка невысокая, отогнута наружу, венчик округлен и выделен небольшой закраиной с внутренней стороны. Ручки петлевидные, овально-уплощенные в сечении, крепились вертикально к месту наибольшего диаметра тулова. Дно плоское. Тесто плотное, с большой примесью крупнозернистого песка. Высота – 40 см, высота шейки – 3 см диаметр устья – 26 см, диаметр тулова – 37 см, диаметр дна – 18 см.

2. Кувшин сероглиняный кружальный (рис. 18: 5). Тулово грушевидное, расширено в нижней части, стенки в придонной части украшены вертикальными лощеными полосами, ограниченными сверху горизонтальным желобком. Средняя часть тулова украшена лощеным сетчатым орнаментом, ограниченными сверху горизонтальным желобком. Горло невысокое, со сливом, край устья отогнут наружу, венчик округлен. Место перехода плечиков в горло украшено тремя желобками. Ручка невысокая, плавно изогнута в средней части, овально-уплощенная в сечении, нижним концом крепится к верхней части тулова, верхним к горлу под венчиком. Тесто плотное, без видимых примесей. Высота – 25 см, высота горла – 9 см, диаметр устья – 12 см, диаметр тулова – 23 см, диаметр дна – 15 см.

3. Сосуд красноглиняный кружальный, одноручный (рис. 18: 3). Тулово пулевидное, вытянутое, край устья наклонен внутрь, венчик округлен. Верхняя, средняя и нижние части тулова украшены концентрическими желобками и вертикальными лощеными полосами. В средней части тулова след от крепления округлой в сечении ручки, в нижней – след от узкой ножки. Тесто плотное без видимых примесей. Черепок в изломе с серой прослойкой. Сохранившаяся высота – 17 см, диаметр тулова – 8 см, диаметр устья – 6,5 см, сечение ручки – 1,5×2 см.

4. Кувшин сероглиняный кружальный (рис. 18: 6). Тулово приземистое, округлое, поперечно-сжатое, в придонной части украшено двумя горизонтальными каннелюрами, в верхней и средней – вертикальными лощеными полосами. В нижней части горла, в месте перехода к плечикам, так же два горизонтальных каннелюра. Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Сохранившаяся высота – 11,5 см, диаметр горла – 7 см, диаметр тулова – 13 см, диаметр дна – 10 см.

5. Фрагмент серьги (шаровидная привеска), украшена поясками зерни (рис. 18: 2). Высота – 2 см, диаметр – 1,5 см.

Погребение 24 (объект № 13) (рис. 2: 3, 18: 7). Совершено по обряду трупосожжения. Погребение обнаружено в 11,65 м к югу от R0, на глубине 0,43 м от R0, в СВ части квадрата 13, в слое серо-коричневого суглинка.

Погребальная урна (лепной горшок) лежала на боку, устьем сосуд ориентирован на ЮЮВ. Заполнение лепного горшка в придонной части состояло из пережженных фрагментов человеческих костей, мешаных с золой и древесным углем.

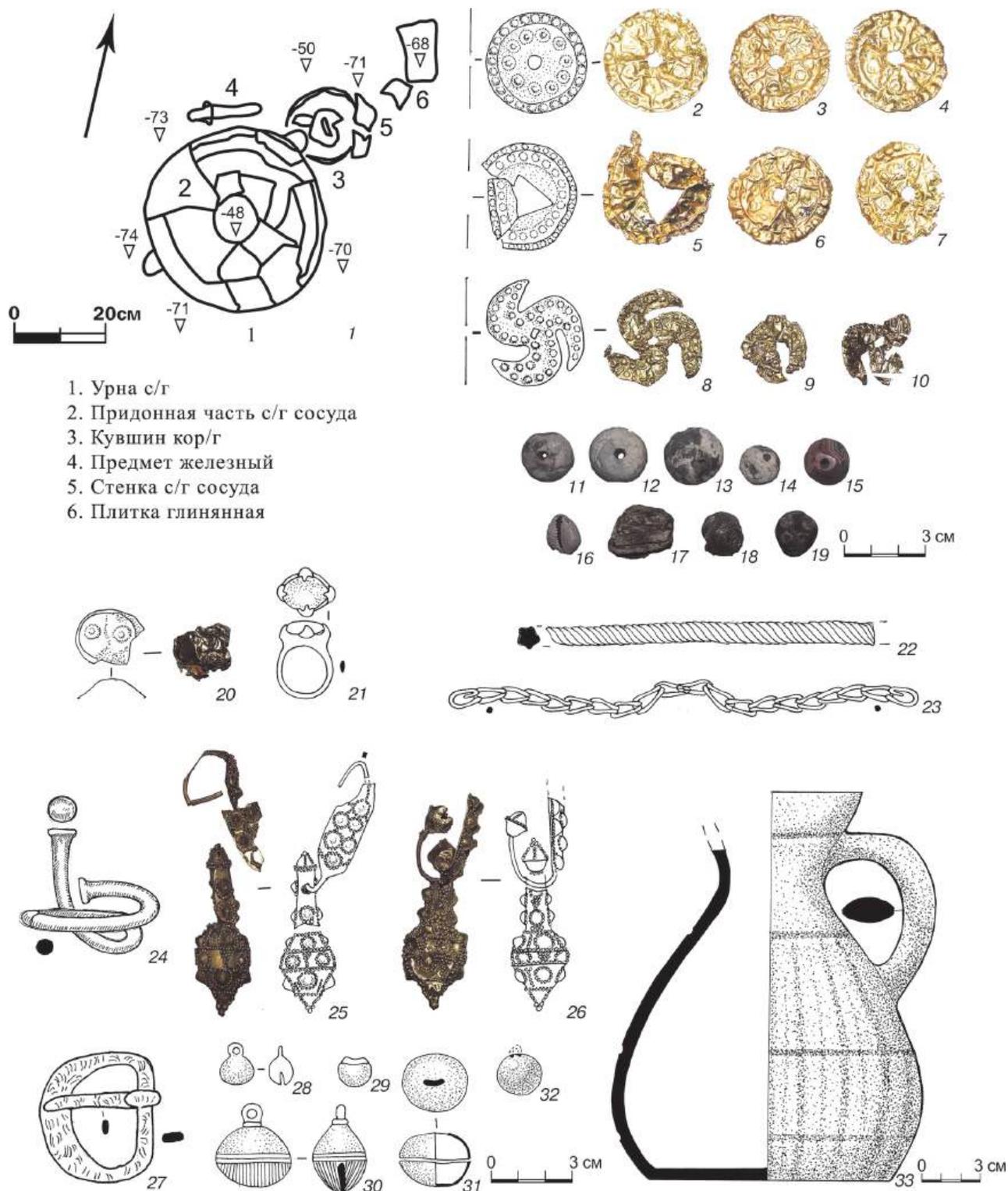
Описание погребального инвентаря:

Горшок лепной коричневоглиняный (рис. 18: 8). Тулово пифойдное, продольно-вытянутое, расширено в верхней части. Шейка короткая, отогнута наружу, венчик ложновитой. Дно плоское. Тесто с примесью дресвы и известняка. Обжиг неравномерный, поверхность коричневого цвета с темными пятнами, черепок в изломе с черной прослойкой. Высота – 37 см, высота шейки – 3 см, диаметр устья – 24 см, диаметр тулова – 31 см, диаметр дна – 18 см.

Погребение 25 (объект № 14) (рис. 2: 3, 19: 1). Совершено по обряду трупосожжения, было выявлено в 8,4 м к югу от R0, на глубине 0,35 м от R0, в ЮВ части квадрата 2, в слое серо-коричневого суглинка.

В погребении была расчищена погребальная урна, установленная на дно, устье урны было накрыто придонной частью сероглинянного горшка. С северо-западной стороны у погребальной урны находился кувшин, 0,05 м к западу от этого кувшина был обнаружен железный предмет. К СВ от кувшина были расчищены фрагменты сероглинянного сосуда.

При разборе погребения, под кувшином была найдена пряжка железная и железный стержень.

- 1. Урна с/г
- 2. Придонная часть с/г сосуда
- 3. Кувшин кор/г
- 4. Предмет железный
- 5. Стенка с/г сосуда
- 6. Плитка глиняная

Рис. 19. Погребение 25. 1 – план погребения 25; 2–10 – бляхи-накладки желтого металла; 11–19 – бусы; 20 – предмет железный с фольгой желтого металла; 21 – перстень бронзовый; 22 – стержень железный; 23 – цепочка бронзовая; 24 – браслет белого металла; 25, 26 – серьги желтого металла; 27 – пряжка железная; 28–31 – бубенчики и пуговицы бронзовые; 33 – кувшин коричневоглиняный кружальный

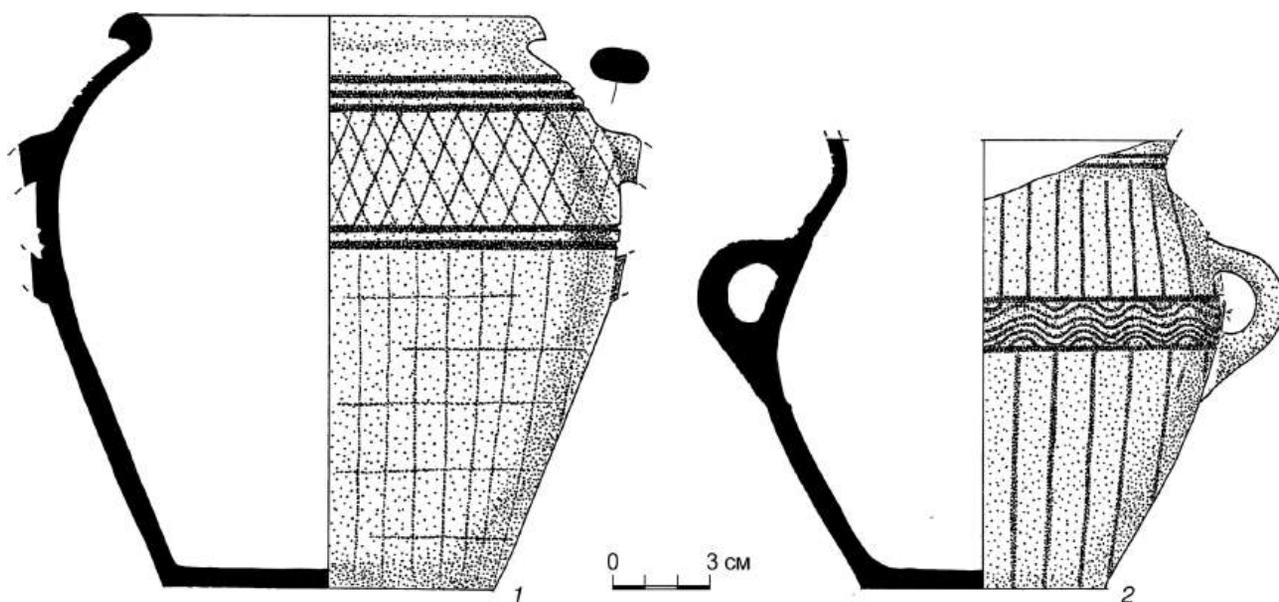

Рис. 20. Погребение 25. 1, 2 – корчаги сероглиняные

Погребальная урна была заполнена пережженными костями, перемешанными с древесным углем и золой, также в заполнении урны обнаружены: бляшки № 9 (рис. 19: 2–10) из желтого металла, бубенчики № 10, 15, 16 (рис. 19: 28–32), серьги из желтого металла № 11 (рис. 19: 25, 26), цепочка № 12 (рис. 19: 23) из белого металла, набор бус № 13 (рис. 19: 11–19), деформированный браслет из белого металла № 14 (рис. 19: 24), бронзовый перстень № 17 (рис. 19: 21).

Описание погребального инвентаря:

1. Урна (корчага) сероглиняная кружальная с двумя ручками (рис. 20: 1). Тулово пифойдное, расширено в верхней части. Плечики в верхней части украшены двумя горизонтальными желобками. Стенки украшены вертикальными лощеными полосами и двумя горизонтальными желобками, в месте наибольшего диаметра тулова. Шейка невысокая, отогнута наружу, венчик округлен и нависает наружу. Ручки петлевидные, овально-уплощенные в сечении, крепятся вертикально к месту наибольшего диаметра тулова. Дно плоское. Тесто плотное, с большой примесью крупнозернистого песка. Высота – 35 см, высота шейки – 2 см, диаметр устья – 27 см, диаметр тулова – 36 см, диаметр дна – 20 см.

2. Корчага сероглиняная с двумя ручками (рис. 20: 2). Тулово пифойдное, расширено в верхней части, стенки в средней части украшены волнисто-гребенчатым орнаментом, заключенным между горизонтальных желобков, верхняя и нижняя части тулова украшены вертикальными лощеными полосами. Ручка петлевидная, овально-уплощенная в сечении, крепилась вертикально в средней части тулова, внешняя поверхность украшена поперечными лощеными полосками. Дно плоское. Тесто плотное, без видимых примесей. Черепок в изломе с коричневой прослойкой. Сохранившаяся высота – 22 см, диаметр тулова – 18 см, диаметр дна – 14 см, высота ручки – 7 см, сечение – 1,5×3 см.

3. Кувшин коричневоглиняный кружальный (рис. 19: 33). Тулово округлое, приземистое, расширено в нижней части, украшено вертикальными лощеными полосками, средняя и нижняя части с горизонтальными желобками. Горло со сливом, средней высоты, цилиндрическое, край устья отогнут наружу, венчик округлен. Горло отделено от плечиков горизонтальным желобком. Ручка вертикальная, плавно изогнута в средней и нижней части, овальная в сечении, верхним концом крепится к средней части горла, нижним к плечу. Тесто плотное, без видимых примесей. Черепок в изломе с серой прослойкой. Высота – 19,5 см, высота горла – 6,5 см, диаметр устья – 9 см, диаметр тулова – 16 см, диаметр дна – 12 см.

4. Пряжка железная (рис. 19: 27), рамка округлой формы, плоская, язычок подвижный, плоский. Высота – 5,5 см, ширина – 4,5 см, толщина – 0,4 см, длина язычка – 4,5 см, сечение – 0,5 см.

5. Фрагменты железного стержня округлого сечения (рис. 19: 22). Сохранившаяся длина – 12 см, сечение – 0,9×1 см.

6. Набор бляшек из фольги желтого металла (10 шт.) (рис. 19: 2–10): 1) Бляшки штампованные (6 шт.), округлой формы, с круглым отверстием в центре, и мелкими отверстиями для нашивки по краям. Поверхность украшена штампованным орнаментом: по внешнему краю – рельефный бортик, внутренняя часть разделена на сегменты с окружностями в центре. Диаметр – 4 см, толщина – 0,05 см, диаметр отверстия в центре – 0,5–0,7 см; 2) Бляшки, штампованные в виде трехлучевой свастики (3 шт.), с округлым отверстием в центре, поверхность украшена выпуклыми полусферами. Размер 4×4 см, толщина – 0,05 см, диаметр отверстия в центре – 0,4–0,6 см; 3) Фрагмент бляшки штампованной (полусферической?). Размер 2×1,7 см, толщина – 0,05 см.

7. Набор бубенчиков бронзовых (6 шт.) (рис. 19: 28–32): 1) Бубенчики-пуговицы (3 шт.) полые, округло-сплюснутые, с прорезью в нижней части, и петель для подвешивания в верхней. Высота – 2 см, диаметр – 1,3 см; 2) Бубенчик массивный, полый, округло-сплюснутый, с прорезью в нижней части, и петель для подвешивания в верхней. Нижняя часть украшена вертикальными бороздами, средняя – горизонтальными. Высота – 4 см, диаметр – 3 см. 3) Бубенчики (2 шт.) полые, округло-вытянутые, верхние части с петельками утрачены в древности. Сохранившаяся высота – 1,5 см, диаметр – 1,4 см.

8. Серьга из желтого металла во фрагментах (рис. 19: 25). Дужка в верхней части провололочная, в нижней овально-вытянутая украшена зернью и полусферами, на нижнюю часть одет шарик, украшенный зернью. Подвеска в виде кувшинчика, украшена поясками зерни. Сохранившаяся высота дужки – 3,2 см, высота подвески – 5,5 см.

9. Фрагменты подобной серьги (рис. 19: 26). Сохранившаяся высота дужки – 4 см, высота подвески – 5,5 см.

10. Фрагменты цепочки из белого металла (рис. 19: 23). Звенья овальные, из сложенной пополам округлой в сечении проволоки. Длина около 14 см, длина звена 1 см, ширина – 0,6 см, сечение проволоки – 0,1 см.

11. Набор бус (9 шт.) (рис. 19: 11–19): 1) Бусы из светлого камня с темными прожилками, округлой формы (4 шт.). Диаметр – 1,5–2 см, высота – 1,2–1,8 см; 2) Бусина каменная усечено-коническая, камень коричневый с белыми и серыми прожилками. Диаметр – 1,4 см, высота – 0,8 см; 3) раковина каури, с отверстием для подвешивания. Высота – 1,6 см, толщина – 0,8 см; 4) Бусина стеклянная в форме эллипса, с рубчатой поверхностью. Размеры 2×2 см; 5) Бусина стеклянная округлой формы. Размеры 1,5×1,5 см; 6) Бусина округлая, из темного стекла, с белыми глазками с синей точкой в центре. Размеры 1,5×1,7 см.

12. Браслет из белого металла, корпус из толстого, круглого в сечении прута (рис. 19: 24). Концы расширены и оформлены в виде округлых шляпок. Деформирован и сломан на две части. Сечение – 0,6 см.

13. Перстень бронзовый (рис. 19: 21). Шинка овально-уплощенная в сечении. Щиток овальный с четырьмя лапками – зажимами. В центре полусферическая вставка из зеленого стекла. Размеры щитка – 2×1,5 см, диаметр шинки – 2 см.

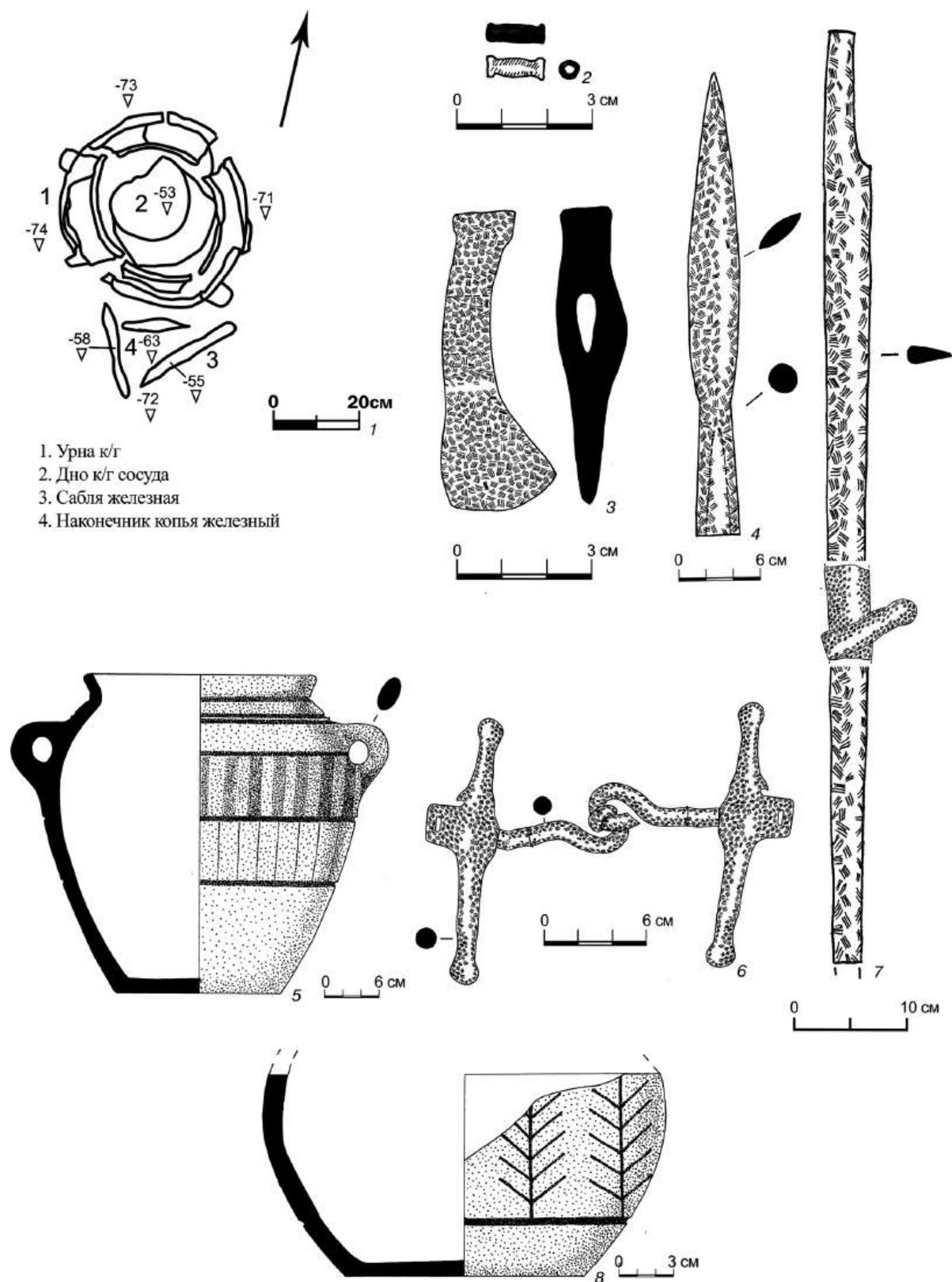
Погребение 26 (объект № 16) (рис. 2: 3, 21: 1). Совершено по обряду трупосожжения, было обнаружено в 4,3 м к югу от R0, на глубине 0,53 м от R0, в южной части квадрата 2, в слое серо-коричневого суглинка.

Погребальная урна была установлена на дно, сверху накрыта придонной частью другого сосуда. К югу от урны лежала железная сабля и железный наконечник копья. Под саблей и наконечником копья были найдены железный топорик № 6 (рис. 21: 3) и фрагменты железных удил с псалями № 7 (рис. 21: 6).

Погребальная урна была заполнена кремированными останками, мешанными с золой и фрагментами древесного угля, также при разборе заполнения урны была найдена бронзовая пронизь.

Описание погребального инвентаря:

1. Урна (корчага) красноглиняная кружальная с двумя ручками (рис. 21: 5). Тулово пи-фойдное, расширено в верхней части. Стенки украшены вертикальными лощеными полосами

1. Урна к/г
2. Дно к/г сосуда
3. Сабля железная
4. Наконечник копья железный

Рис. 21. Погребение 26. 1 – план погребения 26; 2 – пронизь бронзовая; 3 – топор железный; 4 – наконечник копья железный; 5 – корчага красноглиняная кружальная; 6 – удила железные; 7 – сабля железная; 8 – придонная часть сосуда коричневоглиняного

и горизонтальным желобком в средней части тулова. Плечики под шейкой украшены двумя широкими желобками. Шейка невысокая, отогнута наружу, венчик округлен. Ручки петлевидные, овально-уплощенные в сечении, крепятся вертикально к месту наибольшего диаметра тулова. Дно плоское. Тесто плотное, с большой примесью крупнозернистого песка. Высота – 35 см, высота шейки – 3 см, диаметр устья – 25 см, диаметр тулова – 35 см, диаметр дна – 18 см.

2. Придонная часть коричневоглиняного кувшина (рис. 21: 8). Стенки придонной части отделены от тулова горизонтальным каннелюром, выше которого расположен вертикальный зональный лощеный орнамент в виде перевернутых елок. Дно плоское, с внешней стороны не выделено. Тесто плотное, с примесью мелких вкраплений известняка. Сохранившаяся высота – 11 см, диаметр тулова – 22 см, диаметр дна – 13 см.

3. Сабля железная (рис. 21: 7). Кривизна клинка точно не реконструируется. Клинок однолезвийный, треугольный в сечении, нижняя часть линзовидная в сечении, сломана на 9 фрагментов. Перекрестие напускное, из двух слабоизогнутых пластин, концы округло расплющены, обломлено и спаяно с клинком в средней части. Черенок рукояти короткий плоский, прямоугольный в сечении, расположен на одной линии со спинкой клинка, переход срезан под тупым углом. Длина клинка – 77 см, длина рукояти – 15 см, ширина клинка – 3 см, ширина перекрестия – 10 см.

4. Наконечник копья железный втульчатый (рис. 21: 4). Перо узкое, линзовидное в сечении. Втулка коническая, расширена в нижней части. Сохранившаяся длина – 18,5 см, ширина пера – 3,5 см, толщина – 1 см, длина втулки – 12 см, диаметр – 3 см.

5. Пронизь бронзовая цилиндрической формы, края выделены закраинами, с продольным отверстием для подвешивания (рис. 21: 2). Высота – 1,5 см, диаметр – 0,4 см.

6. Топор железный (рис. 21: 3). Лезвие трапециевидное, расширено в нижней части, грани скруглены. Проушина вертикальная, овально-вытянутой формы. Обух вытянутый, квадратный в сечении с расширением в верхней части. Высота – 13 см, высота лезвия – 4,5 см, ширина – 4,5 см, проушина – 3,5×2 см, высота обуха – 3 см, сечение – 2×2 см, размеры обуха в верхней части – 2,5×2,5 см.

7. Удила с псалиями железные, составные (рис. 21: 6). Грызла округлые в сечении из трех фрагментов, внутренние окончания круглые, элементы крепления утрачены в древности. Псалии стержневидные, округлые в сечении, с коническими шишечками на концах. В средней части квадратные пластины-ограничители, с прорезью. Длина грызла – 10 см, сечение – 1 см, высота псалия – 13 см, сечение – 1 см, пластина-ограничитель – 2,5×25 см.

Погребение лошади (объект № 28) (рис. 2: 3, 22). Было обнаружено в 1 м к югу от R0, на глубине 0,92 м от R0, в северной части квадрата 1 на уровне материка.

Погребение совершено в яме прямоугольной формы с закругленными углами, стенки ямы слегка сужались к её дну, дно не ровное. По длинной оси яма ориентирована в широтном направлении. Могильная яма была заполнена гумусированным суглинком серого цвета. Размеры ямы: длина – 2,40 м, ширина – 1 м, глубина от прослеженного края – 22 см.

На дне ямы был расчищен костяк лошади средней сохранности. Судя по положению костей лошадь была положена на живот с разворотом на левый бок., головой ориентирована на восток. Череп покоился на левом боку, ноги подогнуты к туловищу.

Инвентарь в захоронении не обнаружен.

Погребальный обряд некрополя Варнавинское-2

Переходя к анализу погребального обряда изучаемого могильника, необходимо сделать ряд общих замечаний. Погребения, совершенные по обряду трупосожжения, являются достаточно сложным источником при выявлении социальных, этномаркирующих и иных признаков, которые могут быть отражены в погребальном обряде.

По своему характеру публикуемый средневековый могильник входит в число биритуальных некрополей Северо-Западного Кавказа с преобладанием погребений совершенных по обряду трупосожжения.

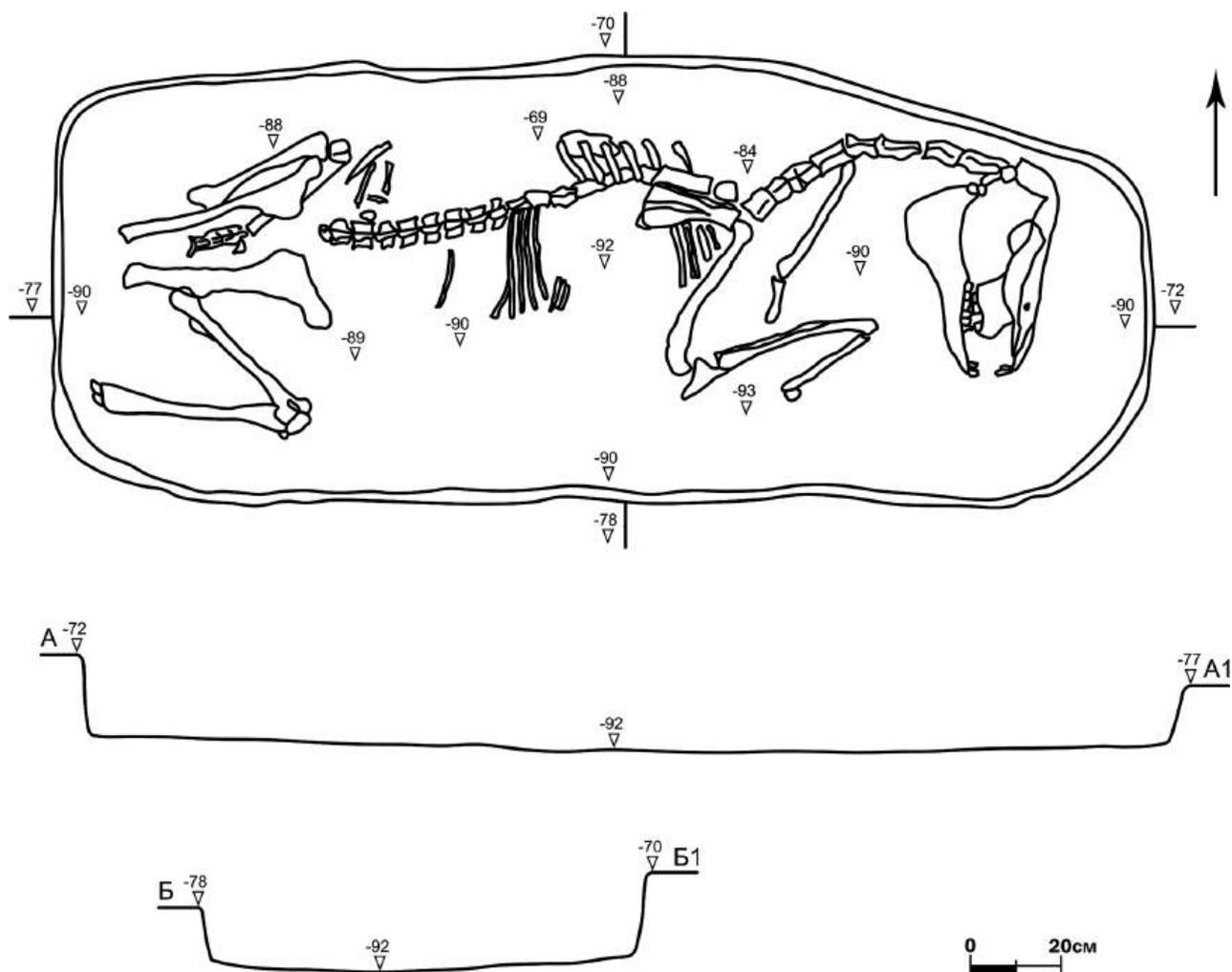

Рис. 22. Погребение лошади

Могильник располагался на пахотном поле между двумя естественными возвышенностями, на момент проведения раскопок, внешних признаков наличия могил на поверхности обнаружено не было. Однако, на всей исследованной площади отсутствуют случаи «перекрытия» одних погребений другими, это может указывать, что в момент функционирования некрополя, погребения маркировались надмогильными сооружениями. Судить о целостной картине планиграфии могильника мы не можем из-за его неполного исследования. Однако, на раскопанной площади погребения расположены не равномерно, что позволяет выделить несколько групп погребений (рис. 2: 3).

Первая группа располагается в южной части исследованной площади и объединяет кремационные погребения № 19, 20 и 23, к юго-западу от этой группы, в СЗ углу квадрата 8, выявлено отдельное урновое кремационное погребение № 22. Также к югу от первой группы, на границе квадратов 7 и 17 находилось еще одно урновое трупосожжение (погребение № 21), данные комплексы, по-видимому, располагались на периферии могильника, именно здесь могла проходить его южная граница с поселением, на это указывает отсутствие погребальных комплексов в южной части раскопа.

Вторая группа погребений расположена в центральной и северной части раскопа, она объединяет кремационные погребения №№ 1–8, 9–13, 24–26. На этом участке погребения расположены равномерно и практически равноудаленно друг от друга, группа вытянута в меридиональном направлении.

Таким образом, намечаются две линии погребений: первая линия расположена в восточной части группы и объединяет погребения №№ 11, 12, 8, 10, 9, 26, 24; вторая линия может быть локализована в СЗ части раскопа, в нее входят погребения 3, 4, 2, 1 и 5.

Третья группа погребений локализуется в центральной части раскопа и объединяет компактно расположенные захоронения, совершенные по обряду ингумации (погребения №№ 7, 14–18), также внутри данной группы находится одно погребение по обряду трупосожжения (№ 6) и совершенное в отдельной яме погребение лошади.

Исследованные погребения могильника грунтовые и совершены по двум обрядам: кремация и ингумация, с преобладанием погребений по обряду трупосожжения.

Для всех кремационных комплексов характерен единый обряд – трупосожжение на стороне, с последующим захоронением кремированных останков.

По способу захоронения кремированных останков, исследованные погребения разделяются на два типа:

- безурновые погребения;
- погребения в сосуде-урне.

К первому типу относятся два погребения (№ 5 и 10), оба комплекса располагались в центральной части раскопа. Могильная яма прослежена не была, зафиксировано только скопление кремированных останков, перемешанных с золой и древесным углем. Форма скопления останков, в данных погребениях, подпрямоугольная, ориентированная по длинной оси по линии ЮВ-СЗ (рис. 5, 10: 1).

Погребальный инвентарь, со следами пребывания в огне, располагался рядом с кремированными останками, по-видимому, в обоих случаях сопровождающий инвентарь был положен в одну яму с кремированными костями. В одном случае зафиксированы следы преднамеренной порчи сопровождающих погребение вещей. В обоих погребениях находились сосуды-приставки.

По сопровождающему погребальному инвентарю оба рассматриваемых погребения различны. В погребении 5 были обнаружены предметы туалета, украшения, детали одежды (без деталей конского снаряжения и вооружения), тогда как погребение 10 содержало только предметы вооружения (сабля, наконечник копья).

Урновые кремационные погребения составляют абсолютное большинство исследованных на могильнике, к ним относится 18 комплексов (погребения №№ 1–4, 6–9, 11–13, 19–26) (рис. 3, 4, 6–9, 10: 6, 11, 14–19). Погребения этого типа были встречены на всей площади раскопа, следует отметить довольно равномерное распределение урновых кремаций на исследованной площади. Погребальные урны находятся примерно на равном удалении друг от друга, не образуя четких скоплений.

Во всех погребениях находилось по одному сосуду-урне, в 16 случаях урна была установлена устьем вверх, в двух – покоилась на боку. В 9 погребениях устье урны было накрыто крышкой, в качестве которой, как правило, использовалась придонная часть другого сосуда. Во всех урновых кремациях пережженные кости находились вперемешку с золой и древесным углем внутри урны – т. е. не были отчищены от следов погребального костра. В качестве сосуда урны использовались сосуды разных типов: двуручные корчаги, лепные горшки с горизонтальным рифлением, а также пифосообразные сосуды.

В 5 погребениях рядом с погребальной урной был выявлен дополнительный сосуд-приставка. Другой сопровождающий инвентарь мог размещаться как внутри сосуда, так и рядом. В 8 случаях зафиксированы следы преднамеренной порчи погребального инвентаря. Следует отметить, что подобная манипуляция зафиксирована только на предметах вооружения и конского снаряжения.

Инвентарь, обнаруженный в урновых кремациях, относится к различным категориям вещей, по комплексам он распределяется следующим образом.

В 8 погребениях были обнаружены предметы вооружения и конского снаряжения. Комплекс вооружения формируется клинковым оружием (сабли), наконечниками стрел и копий, также в одном захоронении находился железный топор, следует отметить, что ни в одном из исследованных захоронений не были найдены предметы защитного вооружения.

Составляющие конского снаряжения представлены преимущественно только удилами и стременами.

В 7 захоронениях оружие и конское снаряжение отсутствовали, были обнаружены только предметы одежды, туалета, украшения. Два комплекса были полностью безынвентарны.

Погребения по обряду ингумации локализуются отдельной группой, в центральной части раскопанной площади могильника. Следует отметить, что все погребения по обряду трупоположения находились, примерно, на той же глубине что и кремации. Ни в одном случае могильная яма прослежена не была, однако можно предполагать, что все захоронения были совершены в простых грунтовых ямах без дополнительных конструкций. Для всех погребений характерна единая поза – вытянуто на спине, а также ориентировка головой на ЮВ (рис. 7, 12, 13).

Ингумации в своем большинстве, характеризует скудный набор погребального инвентаря или же его полное отсутствие. Сопровождающие вещи были выявлены только в 2 комплексах, в погребении 7 среди костей грудной клетки был обнаружен наконечник стрелы, который, вероятно не является предметом погребального инвентаря. К северу от скелета погребения 7 было расчищено компактное скопление погребального инвентаря, не исключено что выявленные в скоплении предметы могут быть связаны с погребением 7, однако из-за того, что не была прослежена могильная яма, говорить об этом с полной уверенностью мы не можем (рис. 7: 1). Обнаруженное скопление вещей может являться самостоятельным комплексом, подобные захоронения вещей без человеческих останков, известны в могильниках Дюрсо, Казазово, Молдавановский и могут быть интерпретированы как кенотафы (Успенский, 2015, с. 142–143).

Отдельным комплексом на исследованной площади могильника является захоронение лошади (рис. 22). По своему характеру данное захоронение, является ритуальным погребением лошади, поскольку связать его с каким-то погребением человека мы не можем. Наиболее близкорасположенным погребением к яме с лошастью является урновое кремационное погребение 6, в 1,5 м к северу.

Рассматриваемые материалы некрополя Варнавинское-2 находят аналогии среди других биритуальных и кремационных могильников на Северо-Западном Кавказе. Для публикуемого памятника свойственно большее количество погребений в урнах, тогда как в большей части синхронных и близких по времени памятниках этого региона характерно преобладание безурновых погребений (могильники Дюрсо, Молдавановский, Общественный II, Псекупский и др.). Подобные урновые погребения изредка фиксируются в могильниках Северо-Восточного Причерноморья, по одному комплексу обнаружены в Дюрсо и Борисово, также пять погребений в некрополе 8-я Щель (Успенский, 2015, с. 136–137).

До раскопок могильника Варнавинское-2, в степной части Западного Закубанья в междуречье р. Иль и Абин, задокументированных кремационных урновых погребений хазарского времени не известно. В могильниках этой территории (Молдавановский, Ахтырский Лиман, Бугайский бугор и др.) были выявлены только безурновые трупосожжения.

Наиболее близким, с рассматриваемым в нашей работе могильником, является некрополь Казазово II, а также недавно исследованный грунтовый могильник Афипс – 5 (Успенский, 2015, с. 137–138; Голубев, Долгополова, 2022). Могильник Казазово II располагается в восточной части Западного Закубанья, ныне находится в зоне затопления Краснодарского водохранилища. Урновые трупосожжения составляют 45% от всех исследованных захоронений на раскопанной площади, как и в Варнавинском, в Казазово преобладают погребения с урной, установленной устьем вверх, для обоих могильников характерно использование крышек у сосудов-урн. Отличительными особенностями урновых погребений Варнавинского-2 является отсутствие погребальных урн, установленных дном вверх, наличие сосудов-приставок, также погребения некрополя Казазово сопровождалась скудным инвентарем (1–2 предмета) или были полностью безынвентарны, тогда как в кремациях Варнавинского-2 был выявлен разнообразный инвентарь. Для могильника Афипс-5, расположенного в степной зоне Западного Закубанья (Северский район Краснодарского края), зафиксировано преобладание урновых трупосожжений, погребения сопровождалась разнообразным инвентарем (Голубев, Долгополова, 2022, с. 168–169).

Довольно высокий процент урновых погребений в других памятниках на территории Восточной Европы выявлен на Северском Донце, здесь в погребениях Сухой Гомольши они составляют 43,5%. Значительно меньший процент урновых погребений (20,3%) выявлен в некрополях Нижнего Дуная. Планиграфические наблюдения на территории могильников Хитово 1 и 2, Фратешти, Истрии и Тополе показывают, что погребения в урнах не образуют самостоятельных участков. Абсолютно нехарактерны урновые трупосожжения для именьковской культуры на Самарской луке, исключительно в урнах захоронены кремированные останки в могильниках цебельдинской культуры. (Аксенов, Михеев, 2006, с. 74; Матвеева, 2003, с. 29; Воронов, 2010, с. 99; Коматарова-Балинова, 2012, с. 145, рис. 5).

Преобладание сосудов урн, установленных на дно устьем вверх, фиксируется в материалах Сухогомольшанского могильника, однако в этом могильнике все 4,1% погребальных урн были накрыты крышками. Традиция накрывать устье урны крышкой была широко распространена в кремационных погребениях цебельдинской культуры (в качестве крышки использовалась краснолаковая тарелка или миска). В единичных случаях крышками были прикрыты трупосожжения из некоторых болгарских некрополей (Долгопол, Блесково, Бабово, Раздельна) (Аксенов, Михеев, 2006, с. 180; Воронов, 2010, с. 99).

Обнаруженные среди погребений могильника 2 безурновых погребения являются самым распространенным типом кремационных погребений в некрополях Северо-Западного Кавказа хазарского времени. Оба комплекса имеют широкие аналогии в могильниках типа Дюрсо-Молдавановский-Казазово. В частности, ориентировка скопления кремированных останков (по линии СЗ-ЮВ) сближает рассматриваемые нами погребения с комплексами из Дюрсо (Успенский, 2015, с. 146). Отметим, что подобная ориентировка отличает их от трупосожжений Сухой Гомольши, для которых более характерно широтное направление. Ориентировка северокавказских трупосожжений близка кремациям из болгарских некрополей (Бдницы, Кюлевче, Тополе и Балчике), где большая часть ям ориентирована в меридиональном направлении, с отклонениями (до 40%) к востоку и западу. В могильниках именьковской культуры ориентировка довольно неустойчивая, на каждом памятнике преобладают разные направления (Аксенов, Михеев, 2006, с. 179; Коматарова-Балинова, 2012, с. 145; Матвеева, 2003, с. 30; Дмитриев, 2003, с. 200, рис. 13). Однако необходимо учитывать тот факт, что наблюдения над ориентировкой кремационных безурновых комплексов носят весьма условный характер, поскольку в подавляющем большинстве комплексов могильная яма не была прослежена, а выводы о возможном направлении сделаны только на основе формы скопления кремированных костей.

В обоих погребениях инвентарь располагался вперемешку с кремированными останками, так и в виде отдельного скопления, подобные комплексы известны среди погребений могильников Дюрсо, Псекупский, Общественный II, Молдавановский, Казазово (Успенский, 2015, с. 139–140).

Интересной чертой погребального обряда, в публикуемых как безурновых сожжениях, так и кремациях в урнах, является наличие сосудов-приставок сопровождающих комплекс, такая традиция являлась довольно распространенной в синхронных памятниках данной территории. Значительно реже указанная особенность зафиксирована в Сухогомольшанском могильнике. Как отмечают В.С. Аксенов и В.К. Михеев, дополнительный сосуд является специфической чертой погребального обряда славянских культур Восточной Европы I тыс. н.э. особенно характерны такие сосуды для волынцевских погребений (Аксенов, Михеев, 2006, с. 181). Однако, нередко сосудами сопровождалось погребения именьковской культуры, несколько дополнительных сосудов находились вместе с урной по материалам некрополей Цебельды. Изредка сосуды-приставки встречаются в кремационных могильниках Болгарии и довольно часто – в биритуальных некрополях Подунавья (Аксенов, Михеев, 2006, с. 181; Матвеева, 2003, с. 31; Воронов, 2010, с. 99).

Выявленное единственное захоронение лошади, довольно сложно связать с каким-то захоронением, только гипотетически можно предполагать, что оно могло являться сопровождающим для кремационного погребения б. Отсутствие погребального инвентаря в данном захоронении затрудняет его культурно-хронологическую атрибуцию.

Следует отметить, для некрополей с кремациями на Северо-Западном Кавказе VII–IX вв., захоронения лошадей в целом не характерны, основной чертой, маркирующей всаднический статус погребённого, является наличие конского снаряжения в сопровождающем погребальном инвентаре. Сопровождаемые целым костяком лошади кремационные захоронения известны в некрополе 8-я щель под Новороссийском (2 комплекса). Помимо вышеописанных погребений, на раскопанной площади некрополя 8-я щель, выявлено еще 11 захоронений лошадей, без человеческих погребений. В двух случаях погребение было совершено в грунтовой яме овальной формы, в остальных комплексах яма не прослежена. Все без исключения костяки лежат на боку (шесть на левом, пять на правом), с подогнутыми к животу ногами (Успенский, 2016, с. 30–31, рис. 2, 17). В грунтовых некрополях X–XII вв. основной чертой, маркирующей всаднический статус, становится наличие в погребении целого костяка лошади в сопровождении конского снаряжения и иного погребального инвентаря, они известны среди комплексов некрополя Ленинохабль, Черноклен, Абрау-Дюрсо, Южноозереувский, Андреевская щель (Успенский, 2016, с. 34–35, рис. 5).

Погребальный инвентарь

В исследованных погребениях был обнаружен разнообразный инвентарь, основная его часть находилась в погребениях, совершенных по обряду трупосожжения. Погребальный инвентарь включает в себя предметы вооружения, конское снаряжение, предметы бытового назначения, детали костюма, украшения, а также керамику.

Предметы вооружения представлены оружием ближнего (сабли, топоры, наконечники копий) и дистанционного боя (наконечники стрел).

Сабли представлены как целыми экземплярами, так и фрагментированными клинками, все клинки несли на себе следы преднамеренной порчи. Из-за деформации сабель судить о степени кривизны клинков не представляется возможным. По остальным показателям клинки относятся к типу узколезвийных с обоюдоострым окончанием, сечение клинков клиновидное или пятигранное в основной части клинка и овальное у его окончания. Черенки рукоятей находились на одной линии с осью клинка сабли, они плоские, прямоугольного сечения и сужающиеся к верхнему краю. Длина сабель изменяется в пределах 70–88 см (рис. 7: 5, 8: 5, 9: 7, 10: 3, 11: 12, 16: 6, 17, 7, 21: 7).

Сабельные перекрестия были зафиксированы на 5 клинках, перекрестия напускные, по форме делятся на следующие типы:

Тип 1 – прямое перекрестие, без выделенных окончаний (рис. 10: 3).

Тип 1–2 – прямое перекрестие с шаровидными или дисковидными окончаниями (рис. 8: 5, 9: 7, 17: 7).

Тип 2 – изогнутое перекрестие с шаровидными окончаниями, опущенными вниз (рис. 7: 5).

Только с одной саблей было обнаружено навершие рукояти, представленное овальной, уплощенной с боков трубкой, расширяющейся в верхней части (рис. 8: 2).

По выявленным параметрам сабельные клинки находят аналогии на Северо-Западном Кавказе в погребениях по обряду трупосожжения могильника Дюрсо, 8-я Щель, Молдавановский и др., в древностях аланской культуры Северного Кавказа, на Северском Донце в комплексах Сухой Гомольши, катакомбных погребениях Дмитриевского могильника (Дмитриев, 2003. Табл. 90, 29–34; Пьянков, Тарабанов, 2008, с. 280, рис. 6. 1; Кононенко, 1995; Успенский, Албегова, 2021, рис. 40; Аксенов, Михеев. 2006, рис. 11, 1; Плетнева, 1989, рис. 34).

Наконечники копий были найдены в 5 погребениях. Все обнаруженные копы с овальным в сечении пером и округлой втулкой, расширяющейся к основанию.

Три копы с пером ланцетовидной формы (рис. 10: 2, 14: 3, 21: 4), сужающимся у шейки и плавно переходящим во втулку, данные изделия близки типу I по классификации А. Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1966, с. рис. 1). Наконечники подобной формы достаточно часто встречаются в могильниках с обрядом кремации на Северо-Западном Кавказе, они найдены в погребениях второй половины VIII–IX вв. некрополя Дюрсо. В Даргавском катакомбном

могильнике наконечник копья сходной формы был обнаружен в комплексе с вещами VII – начала VIII в. (Успенский, Албегова, 2021, с. 61, рис. 49, 5). По материалам древнерусских погребений копья этого типа датируются в пределах IX – начала XI в. (Кирпичников, 1966, рис. 1).

Второй тип наконечников копий (2 экземпляра) (рис. 9: 6, 11: 11,) представлен наконечниками с относительно широким пером удлинненно-треугольной формы, с ясно-выраженными плечиками, с расширяющийся к низу втулкой, данные копья близки типу III по классификации А. Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1966, рис. 1). Такой тип наконечников известен по материалам могильника Дюрсо (Дмитриев, 2003. Табл. 89, 43, 47).

В одном погребении был обнаружен однолезвийный узколезвийный проушной топор с высоким прямоугольным обушком, расширяющимся в верхней части (рис. 21: 3). Подобные топоры были обнаружены в погребениях Дюрсо, Молдовановский, в подъемном материале могильника Казазово, а также в кремациях типа Сухой Гомольша на Северском Донце (Дмитриев, 2003. Табл. 90, 8;). Довольно распространенной находкой являются такие топоры в аланских погребениях Северного Кавказа. В частности, по материалам Даргавского могильника, сходные топоры относятся к отделу II типу 2, (классификация П. С. Успенского и З.Х–М. Албеговой), в комплексах Даргавского некрополя рассматриваемый тип топоров характерен для погребений середины VIII – первой половины IX в. и второй половины IX – начала X в., кроме этого сходный топор обнаружен в катакомбе 8 могильника Балта, датирующийся серединой IX в, в катакомбе 23 Тарского могильника вместе с поясными накладками подражающим экземплярам круга Субботцев. (Успенский, Албегова, 2021, с. 61, рис. 49, 5; Гончаров, Кадиева, 2019, рис. 6, 22; Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XXIX, 1).

Следует отметить, как правило, на территории Северо-Западного Кавказа, большая часть погребальных комплексов с погребениями по обряду трупосожжения, где выявлены топоры подобной формы датируются в рамках середины VIII–IX вв. Наличие топора в погребальном инвентаре является устойчивым хронологическим маркером комплексов вышеназванного хронологического отрезка, поскольку, для погребального набора более позднего времени эта категория вооружения уже не характерна.

Наконечники стрел были обнаружены в 3 погребениях по обряду кремации и один в ингумационном захоронении, однако его местоположение в погребении не позволяет с уверенностью считать его предметом погребального инвентаря.

Все наконечники железные, однолопастные черешковые, они относятся к следующим типам:

– килевидные с пропорцией пера 1:3, без выделенного упора в месте перехода пера в черешок (6 экз.) (рис. 6: 8–10, 14: 5, 8), близки типу 38, по классификации А. Ф. Медведева (Медведев, 1966, с. 64);

– ромбовидный без упора, с расширением пера в нижней трети (2 экз.) (рис. 14, 9, 17: 6), соотносится с типом 46 по классификации А. Ф. Медведева (Медведев, 1966, с. 67–68);

– ромбический без упора, с расширением пера в центральной части (рис. 14: 10) (1 экз.), близок типу 47 в классификационной схеме А. Ф. Медведева (Медведев, 1966, с. 68);

– остролиственный наконечник, с расширением пера в нижней трети (рис. 14: 6), без выделенного упора, тип 61 по классификации А. Ф. Медведева (Медведев, 1966, с. 73).

Описываемые типы наконечников встречаются на широкой территории и использовались в течении длительного времени. На Северо-Западном Кавказе они выявлены в погребальных комплексах середины – второй половины IX в. могильника Дюрсо, в Молдавановском могильнике, в комплексах VIII–IX в., а также в более поздних комплексах могильника Черноклен (Дюрсо, каталог 2021, рис. 37, 3.3, 3.5, 49, 6.1, 6.7; Пьянков, Тарабанов, 2004, рис. 8, 26, 31, 32).

Предметы конского снаряжения были найдены только в 5 кремационных погребениях и одном вещевом комплексе без следов погребения человека. Они представлены удилами и стременами.

Все обнаруженные стремена арочные, с выделенной, но не массивной петлей для путлища и с прямой или слегка прогнутой подножкой (рис. 7: 2, 3, 16: 2, 3). Данные изделия близки типу IA-2 по классификации Е. А. Армарчук (Армарчук, 2006.С. 15, 14, рис. 2, 1, 2).

В классификационной схеме А. Н. Кирпичникова, подобные стремена отнесены к типу VI, Г. А. Федоров-Давыдов отнес их к типу БП (Кирпичников, 1973, с. 49; Федоров-Давыдов, 1966, с. 11, 12, рис. 1).

Данный тип стремян встречен в кремационных погребениях могильника Дюрсо, в слое распашки Южнозереевского могильника, в Псекупском некрополе и др. (Дюрсо, каталог, 2021, рис. 35, 10, 50, 9; Ловпаче, 1985. Табл. XXVIII, 4). Также на Северном Кавказе стремена этого типа найдены в аланских катакомбах Рим-горы X–XII вв. (Армарчук, 2006, с. 17).

Необходимо отметить, что аналогии подобным стременам известны на широкой территории, вплоть до Сибири, они найдены в Киеве и Чернигове в комплексах X в, в Венгрии IX–XI вв., в гнездовских курганах X в., в мордовских и прикамских памятниках. По материалам южноуральских курганов подобные стремена могут быть датированы временем X–XI вв. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 14, 15; Мажитов, 1981, с. 157–158).

Учитывая приведенные аналогии, время бытования стремян данного типа приходится на вторую половину IX–X в. Для комплексов XI в. на Северо-Западном Кавказе подобные изделия абсолютно не характерны.

Обнаруженные в погребениях могильника удила представлены изделиями двух типов.

Удила двусоставные кольчатые с восьмерковидными окончаниями грызел и прямыми стержневидными псалями, с шишечками на концах (рис. 7: 6, 16: 1, 21: 6). По классификации А. Н. Кирпичникова они отнесены к типу I, Г. А. Федоров-Давыдов отнес их к типу Б1 (Кирпичников, 1973, с. 14, рис. 4, I; Федоров-Давыдов, 1966, с. 18, рис. 2). Удила этого типа многочисленны в погребениях с трупосожжениями на Северо-Западном Кавказе в могильниках Дюрсо, Борисовский, 8-я щель, Общественный II, Молдавановский, Псекупский, Казазово (Пьянков, Тарабанов, 2004, рис. 2, 10; Дмитриев, 2003. Табл. 91, 30, 11).

Такие удила появляются в среднеевропейских аварских памятниках VII–VIII вв. и в дальнейшем были восприняты многими оседлыми и кочевыми народами Сибири, Восточной и Средней Европы (Кирпичников, 1973, с. 14, рис. 4, I). Они известны в кремационных захоронениях и поминальных комплексах Новопокровского, Сухогомольшанского, Красногорского могильников и в захоронениях у с. Кочеток, данные комплексы датируются второй половиной VIII-первой половиной IX в., также в Подонцовье подобные удила выявлены в комплексах середины – третьей четверти IX в. (Аксенов, 2005, с. 358, Аксенов, Михеев, 2006, рис. 64, 3). По материалам Дмитриевского могильника С. А. Плетневой было отмечено, что удила с гвоздевидными (стержневидными) псалями характерны для погребений поздней группы (Плетнева, 1989, с. 82). Также они встречены в слое Саркела второй половины IX–X в, в могильниках Южного Урала IX–X вв. (Армарчук, 2006, с. 44; Мажитов, 1981, рис. 26, 11).

Второй тип удил, обнаруженный в погребениях могильника, представлен двусоставными удилами без псалий (рис. 11: 13, 14: 11), они близки отделу Г по классификации Г. А. Федорова-Давыдова, А. Н. Кирпичников отнес их к типу IV, в схеме Е. А. Армарчук такие удила относятся к типу Б1-2б. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 18, 20; Кирпичников, 1973, с. 16–17, рис. 4; Армарчук, 2006, с. 45–47).

Удила этого типа были широко распространены на всей территории Восточной Европы в период IX–XV вв. Аналогии им известны в кочевнических погребениях Прикубанья и Подонья, в аланских могильниках Северного Кавказа, таких как Змейский, Кольцо-Гора и др. (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 87, 90, рис. 37; Армарчук, 2006, с. 47).

Следует отметить, что подобные удила не характерны для кремационных погребений типа Борисово-Дюрсо, датирующихся второй половиной VIII–IX вв. Наиболее «близким» в хронологическом отношении некрополем, с удилами данного типа является могильник 8-я щель у г. Новороссийска. Такие удила становятся господствующим типом в грунтовых трупосожжениях XI–XII вв. (могильники Циплиевский кут, Черноклен, Ленинохабль) и в подкурганых кремационных погребениях, датирующихся более поздним временем. По-видимому, взаимовстречаемость рассматриваемых удил с удилами со стержневидными псалями, маркирует время начало их распространения в регионе которое приходится на рубеж IX–X вв. – первую половину X в.

Предметы ременной гарнитуры, среди погребального инвентаря могильника, немногочисленны. К ним относятся две пряжки, один наконечник ремня и две поясных накладки.

Пряжки рамчатые бесщитковые, железные. У одной пряжки рамка округлого сечения с прямым язычком (рис. 6: 4), вторая пряжка была со скругленной передней и прямой задней частью рамки (рис. 19, 27). По форме рамки рассматриваемые пряжки близки типам АП и АПШ (для железных пряжек) и ДП, ДПШ (для пряжек из цветных металлов) по классификации Г. А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966, рис. 7). Аналогии пряжкам обоих типов широкие, подобные изделия были распространены на обширной территории. Однако следует отметить, бесщитковые рамчатые пряжки не были характерны для поясов из погребений VII – первой половины IX в. могильника Дюрсо, также простые рамчатые пряжки отсутствуют в поясных наборах ранней группы катакомб Дмитриевского могильника (Дмитриев, 2003. Табл. 88; Плетнева, 1989, рис. 85).

В рассматриваемом регионе подобные простые бесщитковые пряжки получают широкое распространение в древностях XI–XIII вв. и древностях более позднего времени (Армарчук, 2014, с. 37). Также рамчатые пряжки были зафиксированы в поясных наборах поздней группы катакомб Дмитриевского могильника. В памятниках Крыма бесщитковые пряжки происходят из комплексов уже конца IX–X вв., где такая датировка подтверждается стратиграфией склепа № 29 в Лучистом (Плетнева, 1989, рис. 86; Айбабин, 1993, с. 127).

Наконечник пояса U-образной формы, с отверстиями для крепления к ремню, поверхность наконечника не орнаментирована, близких аналогий нет (рис. 9: 2).

Поясные бляхи-накладки представлены изделиями двух типов: прямоугольная накладка с прямоугольной прорезью в центральной части, сетчатым орнаментом на фронтальной стороне сделанным параллельно одному из краев (рис. 6: 2); составная накладка основа сердцевидной формы, с небольшой петелькой в которую продето бронзовое кольцо, фронтальная сторона накладки гладкая, с тыльной стороны сделаны три заклепки для крепления к поясу (рис. 6: 3). Данные бляхи-накладки близки виду 1 тип 1 и виду 3 тип 1 по классификации С. А. Плетневой для поясов Дмитриевского могильника, оба типа накладок характерны для поясов поздней группы катакомб могильника, которая датируется второй половиной IX – первыми годами X в. (Плетнева, 1989, с. 172, рис. 36).

Детали поясов могильника Варнавинское-2, сочетающие в себе простые рамчатые пряжки и штампованные бляхи-накладки, на основании приведенных аналогий, могут быть датированы концом IX – первой половиной X в. Преимущественно, такие поясные наборы не характерны для большей части кремационных погребений VIII – первой половины IX в. из некрополей Дюрсо, Борисовский, Молдавановский. Погребения горизонта названных могильников маркируют щитковые пряжки с различной формой рамки и щитка иногда покрытые лотосовидным орнаментом, ременные разделители, литые бляхи-накладки различных форм. Не могут относиться рассмотренные предметы ко времени позднее конца X в., поскольку к этому периоду составные бляхи-накладки полностью выходят из обихода, что демонстрируют погребения могильников Абинский 4, Циплиевский, Черноклан и др. (Успенский, 2015, рис. 25).

Украшения, найденные в погребениях немногочисленны, к ним относятся серьги, перстни и браслеты.

Все обнаруженные серьги составные, изготовленные из желтого металла, дужка овальной формы, с одной ее стороны – пластина, украшенная поясками зерни на фронтальной поверхности (рис. 3: 5, 6, 11: 2, 3, 18: 2, 19: 25, 26). Привеска ажурная верхняя ее часть представляет собой невысокий цилиндр, с низу к нему крепится шаровидное основание. Верх цилиндрика может венчать небольшой шарик. Вся поверхность привески украшена узорами зерни.

Наиболее представительная коллекция близких по морфологии серег известна в кремационных погребениях могильника Дюрсо, одна сережка найдена в погребении 109 Борисовского некрополя, по одной серьге выявлено в погребениях 15 и 34 Молдавановского могильника (Дмитриев, 2003. Табл. 88, 2–8; Гавритухин, Пьянков, 2003. Табл. 78, 20; Тарабанов, 1990. Илл. 196, 14, илл. 434, 2). В Дюрсо сходные серьги встречены вместе с поясными наборами салтовского горизонта, а также в одном случае с пружинной фибулой с завитком на конце низкого

пластинчатого приемника. Такие застежки относятся к типу 7 по классификации А. В. Дмитриева (Дмитриев, 1982, с. 79, рис. 4, 1, 2, 4, 5–8). Аналогичные фибулы с завитком известны в могильнике Сухая Гомольша, где они встречены в погребениях, датирующихся второй половиной VIII – началом IX в. (Аксенов, Михеев, 2006, с. 164–165). Подобные по морфологии фибулы с завитком были обнаружены на территории Крыма в захоронениях VIII–IX вв., могильников Узень-Баш и Баклинский овраг, также как случайные находки в окрестностях села Самохвалова. В небольшом количестве такие застежки известны в Дмитриевском могильнике (Белый, 2011, с. 35, рис. 2; Плетнева, 1989, рис. 59). В погребении 32 могильника Дюрсо близка по форме серьга была найдена вместе с монетой: подражание солиду Льва III Исавра и Константина V Копронима (737–741 гг.) (Дюрсо, каталог, 2021, с. 82, рис. 53, 3, 4).

Серьги с привесками близких форм, украшенные зернью, известны в других могильниках Северного Кавказа, в частности в катакомбе 112 могильника Мокрая Балка, подобное изделие обнаружено в погребении VIII в. (Афанасьев, Рунич, 2001, рис. 123, 5;). В некрополях с трупосождениями Северо-Западного Кавказа серьги подобных формы характерны для погребений VIII–IX вв. В кремационных погребениях конца VII – первой половины VIII могильников Дюрсо и Борисово, маркирующихся пряжками типа Сиракузы и Бал-Гота таких серег не выявлено.

У рассматриваемого типа серег абсолютное сходство наблюдается с находками из Сухогомольшанских трупосождений на Северском Донце, датирующихся серединой VIII – началом IX в. (Аксенов, Михеев, 2006, с. 164, рис. 70, 1, 36)

Таким образом, приведенные аналогии могут указывать, что время распространения серег, с богато украшенными подвесками, близким из захоронений Варнавинского-2 приходится на период второй половины VIII–IX столетия.

Перстни были выявлены в двух погребениях, оба перстня литые со вставкой закрепленной крестообразно расположенными лапками (рис. 5: 2, 19: 21), близки типу 1 по классификации С. А. Плетневой для перстней Дмитриевского некрополя (Плетнева, 1989, с. 115, рис. 61, 1). Данный тип перстней довольно часто встречен в могильниках с кремационными погребениями хазарского времени на Северо-Западном Кавказе. Они найдены в погребениях Дюрсо, Казазово, Псекупского некрополей. Десять перстней этого типа обнаружены в погребении № 22 Молдавановского могильника вместе с арабским дирхемом, позволяющим датировать его в пределах первой половины IX в. В склеповых погребениях Крыма подобные изделия встречены в погребениях второй половины VIII – первой половины IX в., найдены они и в катакомбе № 24 первой половины – середины IX в., в катакомбе № 12 середины – второй половины IX в. Верхнесалтовского могильника. В катакомбе Д могильника Чми перстни такой конструкции обнаружены вместе с имитацией аббасидской золотой монеты второй половины VIII или начала IX в. Данный тип перстней был одной из частых находок среди погребений Даргавского могильника. Перстни с четырьмя крестообразно расположенными лапками, видимо были на пике распространения на широкой территории минимум до середины X в. (Дмитриев, 2003. Табл. 88, 16; Айбабин, 1993, рис. 2, 21, 22; Хоружая, 2009, рис. 6, 38–41; 12, 19–22; Хайнрих, 1995, с. 193. Табл. XIX, 5, 6; Успенский, Албегова, 2021, с. 103–104, рис. 85, 19. 86, 4, 11, 15).

Среди украшений следует выделить набор нашивных бляшек желтого металла из погребения 25, он включает 6 округлых блях и 3 бляхи-триквестра (рис. 19: 2–10). По всей видимости, данные изделия являлись нашивками головного убора. Аналогии рассматриваемым предметам в некрополях с погребениями по обряду кремации неизвестны. Серия подобных находок происходит из катакомбного могильника Мартан-Чу в Чечне, здесь золотые пластины головного убора различных форм (бляхи с пятилепестковыми звездами, пятилепестковые розетки, «ромбы», триквестры) обнаружены в погребениях (катакомбах) 10, 13, 15, 16. (Виноградов, Мамаев, 1984, с. 72, 75, 76, рис. 8, 33–36; 12, 7–11; 13, 15–17). Погребение 10 относится ко времени не позднее рубежа IX–X вв., погребения 13, 15, 16 датируются X–XI в. (Виноградов, Мамаев, 1984, с. 84–85). Таким образом, обнаруженные золотые бляшки головного убора в погребении 25 могильника Варнавинское-2 могут являться достаточно надежным хронологическим маркером для данного комплекса кроме этого, в погребении 25 описываемые изделия

обнаружены вместе с желудевидным бубенчиком с валиком по середине (подобно погребениям 13, 15, 16 Марган-Чу), это позволяет датировать погребение 25 X в.

Бытовые предметы представлены преимущественно простыми черешковыми железными ножами (рис. 3: 2, 3, 5: 3, 46: 5, 7, 8: 3, 9: 4, 5, 10: 4, 14: 2, 17: 5), а предметы туалета включают в себя металлические пинцеты, копоушки, ногтечистки, цепочки (рис. 5: 9, 10, 14, 16, 13, 12, 18, 19: 23). Все эти предметы имеют широкие аналогии в синхронных и близких по времени средневековых памятниках Северного Кавказа, а также юга Восточной Европы.

Отдельно следует выделить находку очажного приспособления в погребении 20, состоящего из железной пластины с крючьями, оформленными в виде голов быка, данная пластина крепилась в верхней части к цепи посредством двух колец (рис. 15: 4). По всей видимости, функциональное назначение данного предмета – очажная цепь с художественно оформленным крюком. Аналогичное изделие было обнаружено вместе с другими предметами очажного набора (черпак, котел, очажная цепь) в погребении 4 (раскоп IV 1982 г.) Псекупского могильника (Ловпаче, 1985. Табл. XXVI, 21). находки очажных цепей, крюков для мяса и другим составляющим очажной утвари довольно широко представлены в погребальных комплексах могильников Дюрсо, Молдовановский, 8я Щель и др. (Дмитриев, 2003. Табл. 92, 10–12, 13; Пьянков, Тарабанов, 2004, рис. 6, 9; Кононенко, 1995, рис. 90, 100).

Довольно разнообразен зафиксированный в погребениях могильника Варнавинское-2 керамический комплекс. Выявленные сосуды в могильнике использовались в качестве погребальных урн (это как правило крупные тарные сосуды), так и в качестве сосудов-приставок.

Среди всего разнообразия керамических форм могильника выделяются следующие группы керамической посуды.

Корчаги – крупные двуручные сосуды с коническим или шарообразным туловом, невысоким горлом, выделенным, отогнутым наружу и утолщенным венчиком. Как правило, в месте наибольшего расширения тулова крепятся две петлеобразные ручки. Сосуды орнаментированы вертикальными пролощенными линиями, горизонтальными волнообразными линиями, узором в виде меандров, сетчатым горизонтальным или вертикальным лощением (рис. 3: 7, 11: 9, 14: 16, 15: 3, 17: 3, 18: 4, 20: 1, 2, 21: 5).

Пифосообразные с высоким коническим туловом, покатыми плечиками, место перехода плечиков в тулово в верхней трети сосуда, горло невысокое, практически не выделенное, край венчика утолщен и закруглен (рис. 8: 8, 11: 14). Поверхность пифосов орнаментирована горизонтальным рифлением, край венчика может быть украшен пальцевыми вдавлениями, косыми насечками.

Горшки с шарообразным туловом и крутыми плечиками, с невысоким горлом, с выделенным, отогнутым наружу венчиком (3: 9, 4: 3, 6: 13, 9: 18: 8, 8, 9;). Для сосудов этой категории характерна орнаментация горизонтальным рифлением на плечиках и тулове, иногда дополняемая волнообразными линиями, вертикальным лощением. Венчик может быть дополнительно украшен косыми насечками.

Кувшины с приземистым туловом, достаточно крутыми и высокими плечиками, наибольший диаметр тулова располагается в нижней трети сосуда (рис. 6: 14, 18: 5, 6, 19: 33). У ряда кувшинов горло высокое, раструбообразное, венчик не выделен, ручка петлевидная, крепится на горле под венчиком и на плечиках, у других сосудов горло не высокое, расширяющиеся к венчику. Для сосудов характерна орнаментация вертикальными линиями, на плечиках, горле сочетающиеся с горизонтальными поясками.

Единичной находкой представлен кувшин с приземистым шарообразным туловом с покатыми плечиками и раструбообразным голом, ручка петлевидная и крепится на плечиках (рис. 14: 14).

Кружки с приземистым туловом, крутыми высокими плечиками и раструбообразным горлом, без выделенного венчика, ручка петлевидная, крепится на плечиках (рис. 5: 23, 6: 11). Наибольший диаметр сосуда располагается в его нижней трети у дна.

Часть находок керамики представлена только фрагментами сосудов (придонные части, фрагменты горла и плечиков).

Описываемый набор керамических сосудов могильника Варнавинское-2 имеет достаточно широкие аналогии в синхронных и близких по времени памятниках Западного Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья. Следует обратить внимание на высокий процент погребений, где для вместилища кремированных останков использовались двуручные корчаги, подобные сосуды (как и сами урновые трупосожжения) в целом не характерны для погребений VIII–IX вв. (памятники типа Борисово-Дюрсо). Сосуды подобных форм получают широкое распространение в грунтовых некрополях X–XII вв. Ленинохабль, Черноклен, Циплиевский кут и др. (Носкова, 1986. Табл. 57, 8; 58, 6; Пьянков, 2001, рис. 7, 7, 17; Пьянков, 1988, рис. 396, 437, 612, 617).

Горшки сходных форм использовались в качестве погребальных урн в могильнике Казаво, также подобные сосуды обнаружены в комплексах могильников Афипс – 5, Псекупский, помимо этого они встречаются в памятниках салтово-маяцкого круга, например в тризнах Дмитриевского археологического комплекса (Успенский, 2015, рис. 23, 1, 2; Голубев, Долгополова, 2022, рис. 3, 5, 4, 4, 7, 5; Ловпаче, 1985. Табл. XIII; Плетнева, 1989, рис. 76, 1, 77, 5, 21, 22).

Кружки и кувшины с приземистым туловом известны как могильниках Западного Закубанья, так и в материалах памятников побережья.

Хронология исследованного участка могильника

Анализ погребального обряда и сопровождающего инвентаря позволят датировать выявленные захоронения могильника Варнавинское-2 второй половиной IX–X в. Для погребений могильника характерно преобладание трупосожжений с последующим помещением праха умершего в керамическую урну, эта черта распространяется именно в период X–XIII вв., в отличие от памятников второй половины VII–IX вв.

К периоду второй половины IX–X вв. относятся предметы конского снаряжения: в захоронениях могильника зафиксированы удила со стержневидными псалиями и двусоставные удила без псалиев, а также тип арочных стремян характерных именно для конца IX–X вв., в комплексах более позднего времени такие стремяна не встречаются. Среди предметов вооружения следует обратить внимание на набор наконечников стрел, в котором отсутствуют специфические типы характерные для периода VIII – первой половины IX (черешковые трехлопастные наконечники и прорезные срезни), а также не выявлены наконечники маркирующие комплексы XI–XII вв.

Детали поясов могильника Варнавинское-2 сочетающие в себе простые рамчатые пряжки и штампованные бляхи-накладки датированы концом IX–X в.

Погребальный инвентарь ингумационных погребений невыразительный, однако, он не противоречит общей датировке, предложенной для исследованного участка могильника, на основе анализа вещевого комплекса трупосожжений. Предлагаемая датировка захоронений могильника не является окончательной для всего памятника, так он раскопан частично, нельзя исключать его более широкое время функционирования.

Таким образом, публикуемые захоронения биритуального могильника Варнавинское-2 занимают «промежуточное» положение между комплексами типа Борисово-Дюрсо-Молдавновский (VII–IX вв.) и погребениями из могильников Черноклен, Циплиевский кут, Абинский-4 и др. (XI–XII вв.). В научной литературе упоминалось о малочисленности комплексов X в. на Северо-Западном Кавказе, а погребения этого времени были известны только восточной части ареала трупосожжений VIII–IX в. все это могло свидетельствовать о резком сокращении ареала могильников с трупосожжениями (Пьянков, 2001, с. 205). Благодаря исследованиям двух последних десятилетий этот тезис может быть в определенной степени опровергнут, комплексы X в. обнаружены как на территории Западного Закубанья, так и Северо-Восточного Причерноморья. Помимо Варнавинского-2 синхронные погребения выявлены в могильниках Афипс – 5, 8-я Щель, Южная Озереевка, Псекупский.

Грунтовый могильник Варнавинское-2 входит в круг биритуальных некрополей Северо-Западного Кавказа, с преобладанием погребений совершенных по обряду кремации. По ос-

новным чертам погребального обряда могильника прослеживается его связь с комплексами предшествующего «хазарского» периода (например могильники Молдовановский, Общественный II и др.). Территория, на которой располагается могильник Варнавинское-2, приблизительно соотносится с областью Папагия, упоминаемой в трактате X в. императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». (Багрянородный, 1991, с. 175–177; Пьянков, 2001, с. 201, рис. 4; Каминский, 1993, с. 70–79). Однако, на сегодняшний день, сведений для точной локализации Папагии, только на основе сведений, отраженных в вышеупомянутом трактате – недостаточно, что выразилось в существовании ряда вариантов локализации Касаксии, Зихии и Папагии в трудах исследователей (Дружинина, 2017, с. 42, рис. 1).

Открытым остается вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего биритуальные могильники на Северо-Западном Кавказе, современные данные позволяют высказываться об этнической неоднородности этого населения. Одна из ключевых ролей в решении этого важного вопроса принадлежит данным археологии, поэтому сейчас приобретает первостепенное значение пополнение корпуса источников, а именно полноценное введение в научный оборот материалов из могильников и поселений VII–XIII вв.

Литература

- Айбабин А. И., 1993.** Могильники VIII – начала X в. в Крыму // МАИЭТ. Вып. 3. Симферополь. С. 121–133.
- Аксенов В. С., 2005.** Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 4. Донецк. С. 357–368.
- Аксенов В. С., Михеев В. К., 2006.** Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.» // Хазарский альманах. Том 5. Киев-Харьков. – 312 с.
- Алексеева Е. П., 1964.** Материальная культура черкесов в средние века (По данным археологии) // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Вып. IV. Ставрополь. С. 146–252.
- Алексеева Е. П., 1959.** Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. // Труды Карачаево-черкесского научно-исследовательского института. Вып. III. Черкесск.
- Армарчук Е. А., 2006.** Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН – 227 с.
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 2001.** Мокрая балка. М.: Научный мир. – 251 с.
- Белый А. В., 2011.** Две железные фибулы хазарского времени из Юго-Западного Крыма // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. III. Севастополь-Тюмень. С. 35–43.
- Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., 1984.** Аланский могильник у с. Мартан-Чу в Чечне (Материалы 1970–1976 гг.) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе. С. 62–86.
- Воронов Ю. Н., 2010.** Научные труды. Том III. Сухум. – 466 с.
- Гавритухин И. О., Пьянков, А. В., 2003.** Древности и памятники VIII–IX вв. // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М.: Наука. С. 195–199.
- Глухов А. А.** Отчет о проведении охранных археологических научно-исследовательских работ (раскопок) на объекте археологического наследия «Грунтовый могильник «Староредутский» в Славянском районе Краснодарского края в 2021 г. СПб. 2022. Архив ИА РАН б/н.
- Голубев Л. Э., Долгополова М. С., 2022.** Раскопки биритуального грунтового могильника «Афипс-5» в Северском районе Краснодарского края в 2020 году // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 163–185.
- Гончаров С. А., Кадиева А. А., 2019.** Катакомбные погребения могильника Балта на Верхнем Тереке по материалам раскопок В. И. Долбежева в 1897 году // Кавказология. История, этнология и археология Кавказа. № 1. Электронное издание. С. 12–42.

- Дмитриев А. В., 1982.** Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // ДЭВПН. М.: Наука. С. 69–106.
- Дмитриев А. В., 2003.** Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М.: Наука. С. 200–206.
- Дружинина И. А., 2018.** Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» в свете письменных и археологических источников // Нижневолжский археологический вестник. Т. 17, № 1. С. 76–89.
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н., Нарожный Е. И., 2011.** Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир-М.: Центр археологических исследований Армавирской ГПА – 266 с.
- Каминский В. Н., 1993.** Одно из сочинений Константина Багрянородного и этническая карта Северо-Западного Кавказа // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар, С. 70–79.
- Кантемиров Э. С., Дзатгиаты Р. Г., 1995.** Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н. э. // Аланы: история и культура. Alanica – III. Владикавказ. С. 259–314.
- Кирпичников А. Н., 1966.** Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.–Л.: Наука. – 181 с.
- Кирпичников А. Н., 1973.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л. – 140 с.
- Коматарова-Балинова Е., 2012.** Сравнительная характеристика элементов погребального обряда биритуальных могильников нижнедунайского населения и салтово-маяцкой культуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Том. 9. Донецк: ДонНУ. С. 135–164.
- Кононенко А. П.** Отчет о доисследовании могильника в зоне строительства жилых домов в пос. Цемдолина (8-я Щель) г. Новороссийск в 1994 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 18812.
- Константин Багрянородный.** Об управлении империей. М.: Наука, 1991. – 496 с.
- Ловпаче Н. Г., 1985.** Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 16–64.
- Мажитов Н. А., 1981.** Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука. – 164 с.
- Матвеева Г. И. 2003.** Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара. – 158 с.
- Медведев А. Ф., 1966.** Ручное метательное оружие лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М. – 184 с.
- Могильник Дюрсо., 2021.** Каталог. Часть I. М.: ИА РАН. – 448 с.
- Носкова Л. М., 1986.** Отчет о работе Ново-Вочепшийского отряда Кавказской экспедиции ГМИНВ в 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10904.
- ОАК за 1878 и 1879 годы.** СПб. 1881 г.
- Плетнева С. А., 1989.** На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М. – 285 с.
- Пьянков А. В.** Отчет о раскопках девяти курганов у г. Абинска Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11616–11616 а, б, в.
- Пьянков А. В.** Отчет о раскопках курганов в урочище Циплиевский кут в Абинском районе Краснодарского края в 1988 г. – Краснодар // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13448, 13450–13452.
- Пьянков А. В., 1993.** Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар: Скифская галерея. С. 123–138.
- Пьянков А. В., 2001.** Касоги–касахи–кешаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК. Вып. 1. Краснодар. С. 198–213.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А., 2004.** Воинский комплекс 25 из Молдавановского могильника: (Раскопки 1989 г.) // МИАСК. Вып. 3. Армавир. С. 275–292.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А., 2008.** Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: опыт сопоставления // Древности юга России. М.: Таус. С. 275–295.
- Рукавишникова И. В., Меньшиков М. Ю., Воробьев И. И., 2017.** Исследования погребальных памятников в Краснодарском крае // АО. М.: ИА РАН. С. 240–243.
- Сорокина И. А., 2001.** Курганные могильники Закубанья. Краснодар. – 282 с.

- Сысоев В. М., 1904.** Археологические экскурсии по Закубанью // МАК. Вып. 9. М., С. 89–162.
- Тарабанов В. А.** Отчет о раскопках грунтового могильника в селе Молдаванское Крымского района Краснодарского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14147.
- Успенский П. С., 2015.** Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.06. – М. – 458 с.
- Успенский П. С., 2016.** Погребения всадников на территории Северо-Западного Кавказа (по материалам кремационных некрополей VIII–XIII вв.) // РА. № 4. М. С. 30–47.
- Успенский П. С., Албегова (Царикаева) З. Х.–М., 2021.** Древности Центрального Кавказа VII–XIII вв. (по материалам Даргавского могильника). – М.: Институт археологии РАН. – 272 с.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 276 с.
- Хайнрих А., 1995.** Раннесредневековые катакомбные могильники у селения Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Владикавказ. С. 184–258.
- Хоружая М. В., 2009.** Катакомбные захоронения главного Верхнее-Салтовского могильника (раскопки 1984 г.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Том. 7. Донецк. С. 259–294.

АЛАНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VII В.
БЛИЗ ХУТ. КОРЖЕВСКИЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

© В. Н. Чхаидзе

Институт археологии Российской академии наук, г. Москва,
Российская федерация

Аннотация. В публикации представлено раннесредневековое мужское погребение из курганного могильника Коржевский, исследованное в 1978 г. в Славянском районе Краснодарского края. На основании рассмотрения отдельных элементов погребального обряда, а также инвентаря (прежде всего, керамических сосудов и геральдических пряжек), находящих аналогии среди других известных комплексов, погребение может быть датировано в пределах второй половины VII в. и соотнесено с аланским населением этого региона.

Ключевые слова: Восточное Приазовье, раннее средневековье, аланы, погребальный обряд, погребальный инвентарь.

ALAN BURIAL OF THE SECOND HALF OF THE 7TH CENTURY
NEAR KHUTOR KORZHEVSKY KRASNODAR REGION

© V.N. Chkhaidze

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation

Abstract. The publication presents an early medieval male burial from the Korzhevsky burial mound, investigated in 1978 in the Slavyansky district of the Krasnodar Krai. Based on the consideration of individual elements of the funeral rite, as well as inventory (primarily ceramic vessels and heraldic buckles), which find analogies among other well-known complexes, the burial can be dated within the second half of the 7th century and correlated with the Alan population of this region.

Keywords: Eastern Azov Region, Early Middle Ages, Alans, funeral rite, funeral inventory.

Известные в Восточном Приазовье и Восточном Закубанье раннесредневековые погребения (большой частью кочевнические), суммарно датируемые V – началом VIII вв., были открыты в ходе археологических работ, связанных со строительством оросительных систем (рисовые чеки) на территории Краснодарского края. Всего, за период 1978–2021 гг. здесь выявлено 32 погребальных комплекса (рис. 1), большая часть которых уже введена в научный оборот (см.: Атавин, 2008. С. 28–42. Рис. 1–27; Чхаидзе, 2010. С. 51–54. Рис. 1–2; 2011. С. 115–124. Рис. 1–9; 2020. С. 267–269. Рис. 1; Лимберис, Марченко, 2011. С. 417–439. Рис. 1–13; Скрабовенко, Лифанов, 2012. С. 22–33. Рис. 1–12; Кондрашев, Пьянков, Хачатурова, 2017. С. 65–68. Рис. 1–5; Sokolov, Gulyás, 2023. Fig. 1–13). Исследователи неоднократно обращались к этим комплексам, большинство из которых, содержащие богатый инвентарь (в том числе поясные геральдические наборы), на основании рассмотрения отдельных элементов погребального обряда и инвентаря, были соотнесены с тюрками-протоболгарами, входившими в состав Великой Болгарии хана Кубрата, располагавшейся именно в Восточном Приазовье (см.: Семенов, 1982. С. 89–90; 1988. С. 102–103. Рис. 4а).

Еще одно пока не публиковавшееся раннесредневековое погребение было исследовано в 1978 г. в зоне строительства Петровско-Анастасиевской оросительной системы у хутора Коржевский Славянского района (рис. 1, 28). Работы на могильнике производились Северо-Кавказской археолого-этнографической экспедицией Северо-Осетинского государственного университета.

Погребение Коржевский – 5/2 (Сафронов, 1978. Л. 32–33. Рис. 33, 2, 34, 2–7) было обнаружено на месте разрушенного при строительстве рисового чека кургана (в материке). Помимо него, в кургане также находились два погребения – эпохи бронзы (3) и сарматского времени (1).

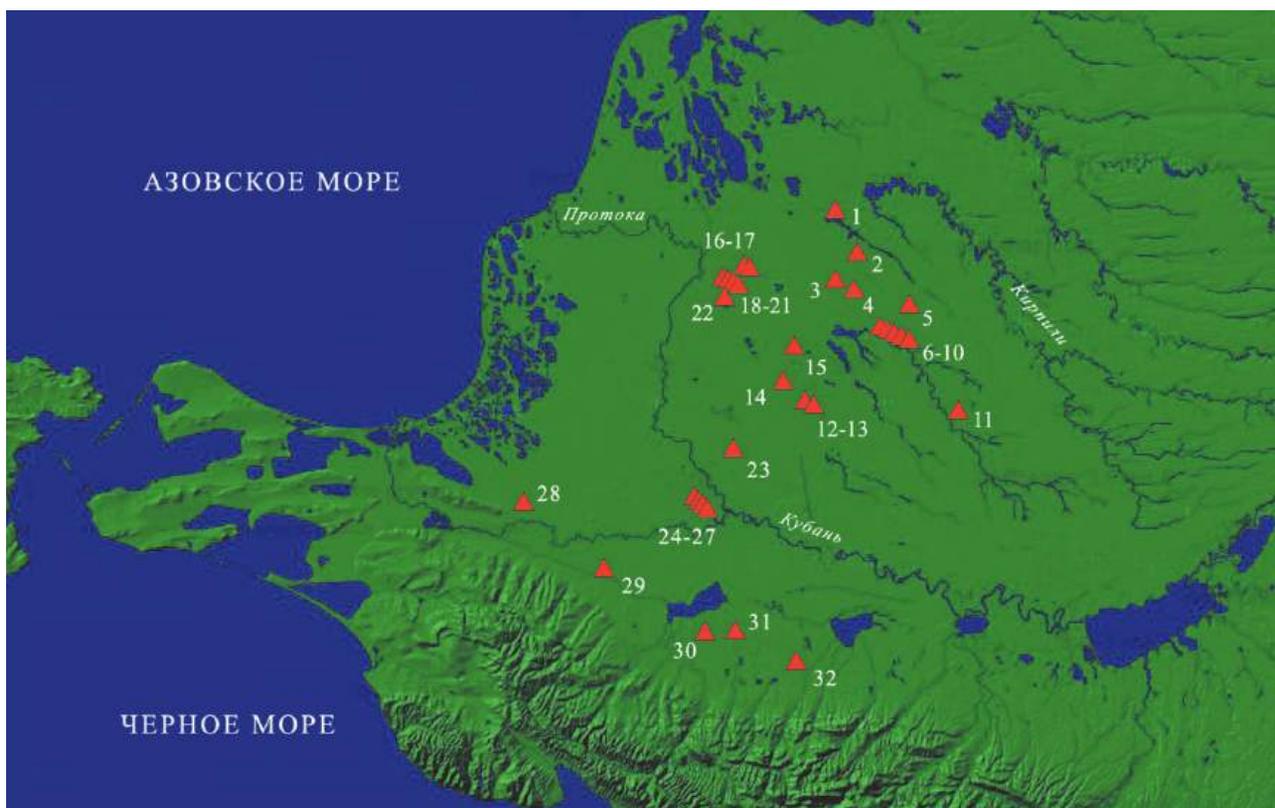

Рис. 1. Погребения V – начала VIII вв. В Восточном Приазовье: 1 – Царский; 2 – Греки I – 1/6; 3 – Малаи I – 13/6; 4 – Восточно-Малайский II – 1/12; 5 – Забытый – 6/6; 6–10 – Калининская – 4/10, 6/3, 18/3, 30/3, 35/3; 11 – Бойкопонура I – 3/1; 12–13 – Старонижестеблиевский I – 1/1, 8/1; 14 – Чапаевский – 29/2; 15 – Крупской – 4/5; 16–17 – Лебеди I – 4/16, 5/19; 18–21 – Лебеди IV – 2/1, 2/2, 5, 6; 22 – Лебеди VIII – 2/6; 23 – Полтавский; 24–27 – Сербин 1–5, 12, 13, 14; 28 – Коржевский – 5/2. В Восточном Закубанье: 29 – Ударный I – 6; 30 – Абинский 3 – 2/14; 31 – Бугундырь V – 1/5; 32 – Холмский 1 – 3/2

Можно полагать, что конструкция могилы являлась катакомбной. Заполнение по цвету не отличалось от материка. Отсутствовали следы подстилки, указывающие на границы ямы. Однако кости скелета и сопутствующий инвентарь (сосуды), находились на возвышении (10 см выше дна могилы) (рис. 2).

Скелет мужчины был открыт на глубине 2,10 от Ro. Он был уложен вытянуто на спине, с небольшим поворотом туловища влево, головой на запад. Череп вполоборота обращен налево. Руки вытянуты вдоль тела, кисти отсутствовали (расташены грызунами?). По положению лучевых костей – левая рука была обращена ладонью вниз, правая – вверх. Ноги вытянуты, параллельны друг другу. Инвентарь представлен двумя керамическими сосудами, костяными обкладками от лука, бронзовыми пряжками (поясными и обувными), железными ножом и кресалом, а также кремнем (в тексте отчета детальное описание с указанием размеров представлено только для керамики).

В изголовье погребенного находились кувшинчик (на него опирался череп) и кружка (у костей правого плеча).

Кувшинчик (рис. 2, 1) чернолощеный, изготовленный на гончарном круге. С округлым туловом и высоким горлом, с пластинчатой ручкой, эллипсовидной в сечении. Нижним концом ручка крепилась к плечикам сосуда, верхним, очевидно, к венчику. По линии наибольшего диаметра тулова нанесен орнамент в форме трех конических (сосковидных) налепов. Плечики сосуда

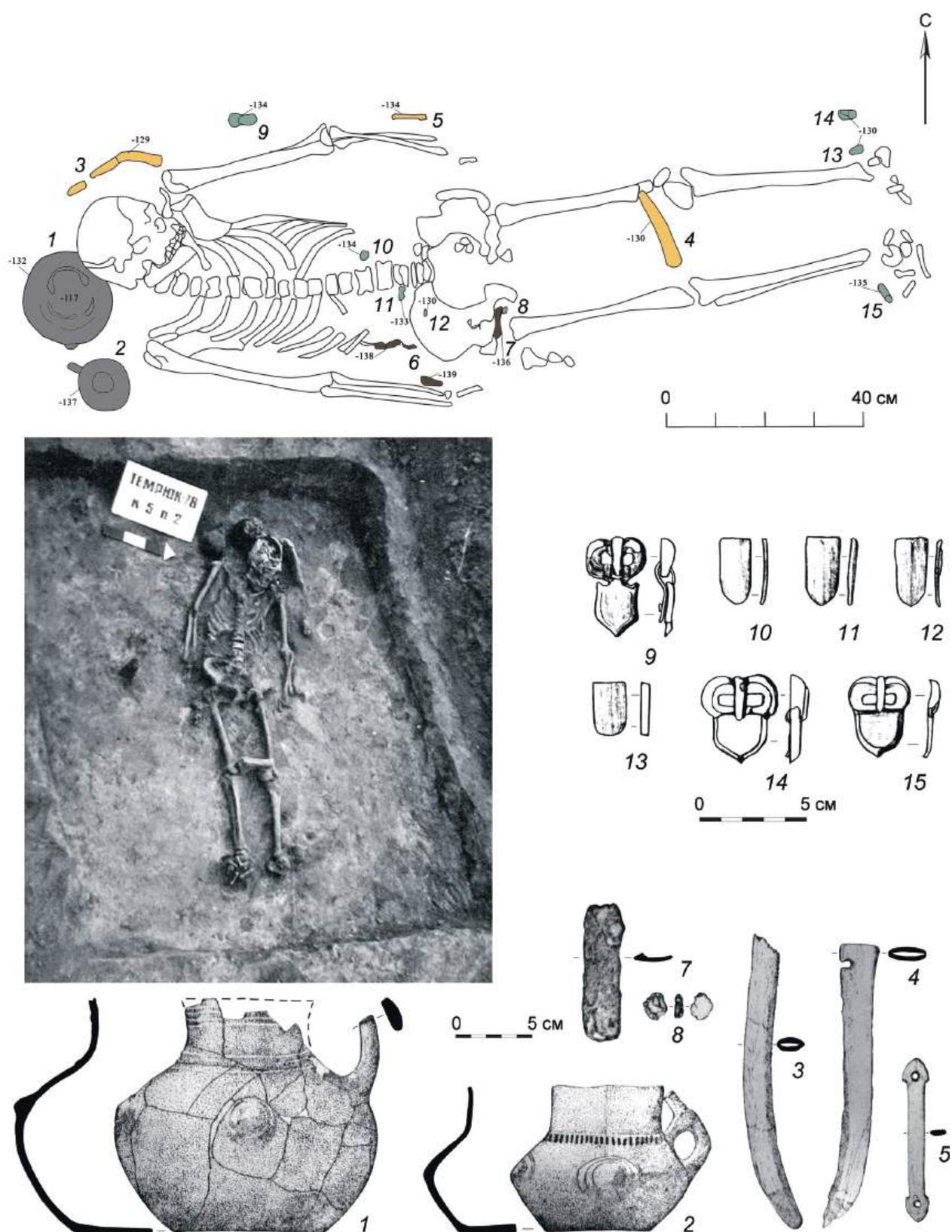

Рис. 2. Коржевский – 5/2. План. Фото. Инвентарь: 1 – кувшинчик; 2 – кружка; 3, 4 – накладки на лук костяные; 5 – накладке костяная (на налуч?); 6 – нож железный; 7 – кресало железное; 8 – кремьень; 9 – пряжка бронзовая; 10–12 – бляшки бронзовые; 13 – бляшка бронзовая; 14, 15 – пряжки бронзовые

отделяются от горла двумя вдавленными линиями и орнаментом из небольших слабых вдавлений по лощению. На горле сосуда присутствует орнамент из четырех вдавленных полос. Высота кувшинчика – 16 см, высота тулова – 12 см, наибольший диаметр тулова – 17,5 см, высота горла – 4 см, диаметр горла – 9 см, диаметр устья горла – 9,2 см, диаметр дна – 9,8 см, толщина стенок – 0,5 см. Сосуд бурого цвета, черепок в изломе черный. Тесто плотное, без примесей.

Кружка (рис. 2, 2) чернолощенная, изготовлена на гончарном круге. Это биконический сосуд с высоким вертикальным горлом и зооморфной ручкой (стилизованное изображение кабана?). Ручка нижним концом крепится к тулову по линии наибольшего диаметра, верхним – к горлу сосуда. По линии наибольшего диаметра по тулову идет орнамент в форме трех конических (сосковидных) налепов, окруженных тремя дугами. На плечиках присутствует орнамент, нанесенный зубчатым штампом. Высота кружки – 9,5 см, высота тулова – 6 см, наибольший диаметр тулова – 11 см, высота тулова до наибольшего диаметра – 4 см, высота горла – 43,5 см, диаметр горла – 8 см, диаметр устья горла – 7,8 см, диаметр дна – 6,5 см, толщина дна – 0,5 см, толщина стенок – 0,6–0,3 см. Сосуд черного цвета, черепок в изломе черный. Тесто плотное, бурое, с примесью ракушки.

Слева от черепа погребенного находилась костяная накладка лука (фрагментированная, состоящая из трех частей) (рис. 2, 3), еще одна накладка располагалась между колен (рис. 2, 4).

Снаружи, у левых лучевой и локтевой костей лежала прямоугольная костяная накладка с двумя отверстиями (рис. 2, 5).

С внутренней стороны правой лучевой кости и между правыми ребрами и тазовыми костями, был найден фрагментированный (разломан на четыре части) железный нож (рис. 2, 6), прямой с черенком и остатками деревянной рукоятки (рисунок в отчете отсутствует).

На стыке правой бедренной кости и костей таза найдены железное кресало (рис. 2, 7) и кремь (рис. 2, 8).

Снаружи, у левой плечевой кости находилась бронзовая пряжка с подвижными щитком и язычком (рис. 2, 9).

В районе пояса, в области таза и на поясничных позвонках найдены три бронзовые поясные бляшки (рис. 2, 10–12).

В район пальцев ног обнаружены: бронзовая бляшка (рис. 2, 13) (вторая не найдена?) и две пряжки от обуви с подвижными язычками (рис. 12, 14–15).

Аналогии керамическим сосудам из погребения хорошо известны на территории Северного Кавказа – прежде всего, из аланских катакомбных погребений VI–VII вв. (Минаева, 1956. С. 241–244. Рис. 5, 1–2; Афанасьев, Рунич, 1970. С. 226. Рис. 2, 3–4, 6, 8; Гавритухин, Малашев, 1998. С. 33–38. Рис. 9–11). В частности, близкие по форме сосуды (кувшинчик и кружка, а зачастую по несколько кувшинов и кружек в различных вариациях: 1:1, 1:2, 1:3, 2:1, 2:2) были обнаружены в целом ряде могил катакомбного могильника Мокрая Балка, суммарно датированные V – рубежом VII–VIII вв. (катакомбы 37, 42, 46, 52, 61, 116, 1-А, 4-А) (Афанасьев, 1979. Рис. 1, 1.37; Афанасьев, Рунич, 2001. С. 78, 112, 113, 115–117, 162, 217, 218. Рис. 55, 3–4, 59, 3–4; 63, 2–3, 5–7, 70, 6–8, 77, 9–11, 15, 131, 2–3, 142, 12–14, 146, 1, 3–4), также по кувшину и кружке обнаружено в могилах у городища Гиляч (Карачаево-Черкесия) – могила 3 (Минаева, 1951, с. 279, рис. 6, 2–3) и могила 1 (Минаева, 1982. С. 226, 228. Рис. 4, 13–14),

Тип кувшинчика (рис. 2, 1) – без слива с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику. Мокрая Балка: группа II, тип 1, подтип 9, дата – вторая половина VI – первая четверть VII вв. (Афанасьев, 1980а. С. 64. Рис. 2, 13–15. Табл. 3). Мощевая Балка: тип Кк. 1, 1А, дата – VI в. (Малашев, 2001. С. 18. Рис. 56, 68). Клинь-Яр III – дата вторая половина VI – не ранее VIII вв. (Малашев, 2000. С. 19–20. Рис. 10).

Тип кружки (рис. 2, 2) – “низкой” с ручкой, крепящейся верхним прилепом к горлу. Байтал-Чапкан, дата – VI в. (Кузнецов, 1962. С. 15. Рис. 3А, 2). Кумыш-Баши (Минаева, 1971. С. 135. Рис. 38). Мокрая Балка: группа III, тип 2, подтип 3, дата – вторая половина VI – рубеж VII–VIII вв. (Афанасьев, 1980а. С. 69. Рис. 5, 10. Табл. 5). Мощевая Балка: тип Кр. 7, где датируются первой половиной VII в. (Малашев, 2001. С. 13. Рис. 53, 67). Клинь-Яр III – дата вторая половина VI – до VIII вв. (Малашев, 2000. С. 15–18. Рис. 11).

Псевдопряжка (рис. 2, 9), с подвижным угловатым щитком со скошенными гранями. Дата таких пряжек устанавливается в пределах третьей трети VI – третьей трети VII вв. (сводку см.: Гавритухин, 2001. С. 35, 45, 55. Рис. 3, 1, 6, 1, 2–3, 7, 1, 5–7, 9, 2).

Две геральдические В-образные пряжки (рис. 2, 14–15), с щитовидным щитком со скошенными гранями и железным выгнутом язычком (различных размеров) (сводку см.: Гавритухин, 1999. С. 163–176. Рис. 1).

Пряжки обувные (см.: Комар, Кубышев, Орлов, 2006. С. 279–280, 318. Рис. 16, 33; Комар, 2006а. С. 381–382. Рис. 5; 2010. С. 101, 103. Рис. 5, 10). Относятся к отделу V типу 6, подтипу 1 и широко датируются VI–VII вв. (Ковалевская, 1979. С. 40–41. Табл. 5, №№ 57–69. Табл. XIX, 3). К группе 1, отделу II типу 12 и датируются второй половиной VI – первой четвертью VII вв. (Афанасьев, 1979. Рис. 1, II.1; 1980б. С. 143, 150, 151. Рис. 1, 31; Афанасьев, Рунич, 2001. С. 217–218. Рис. 143, 13) – такая пряжка встречена в катакомбном могильнике Мокрая Балка (катакомба 2-А). Также относятся к типу I варианту 3 датированные VII в. (Айбабин, 1990. С. 39. Рис. 38, 14, 17; Веймарн, Айбабин, 1993. С. 95, 111, 170–171. Рис. 68, 7, 80, 16) – соответственно обнаружены в Крыму, в Скалистинском могильнике (склепы 413 и 449) и Суук-Су (могилы 1 и 90).

Эти же пряжки отнесены к группе 1, отделу 1, типу 2, подтипу 1 (Атавин, 2008. С. 30, 35. Табл. 13, 1–4) – встречены в Восточном Приазовье в кочевническом погребении Калининская – 30/3 (вторая половина VII в.) (рис. 1, 9); в Запорожской обл. – в кочевническом погребении Виноградное – 5/3 (первая половина VII в.) (Орлов, Рассемакин, 1996. С. 103. Рис. 3, 1–2); в Херсонской обл. – в кочевническом погребении Сивашский – 2/2 (вторая – третья четверть VII в.) (Комар, Кубышев, Орлов, 2006. С. 317. Рис. 32, 10); в Николаевской обл. – в кочевнических погребениях Дымовка – XIV/1 (VII в.) (Айбабин, 1985. С. 197–198. Рис. 8, 10) и Дмитровка – 1/12 (третья четверть VII в.) (Комар, 2006а. С. 378–379. Рис. 3, 1, 4, 5; 2013. Табл. 16, 23). Следует указать на пряжку кустарного производства, которая известна в кочевническом погребении начала VIII в. Октябрьский – VI/1 (Донецкая Народная респ.) (Комар, 2006б. С. 401. Рис. 1, 5).

Пряжки из причерноморских могильников: Борисовского VI–VII вв. (погребение 181) (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 195. Табл. 78, 89) и на р. Дюрсо конца VI – конца VII вв. (погребение 415) (Дмитриев, 1982. С. 101. Рис. 12, 20; 2003. С. 201. Табл. 83, 9).

Такие же пряжки известны в катакомбах Д и XI могильника Чми (Северная Осетия), где они датируются VII в. (Амброз, 1971а. Рис. 6, 39; 1971б. Табл. IV, 2; Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 82, 61, 110). Аналогичная пряжка происходит из Кугульского западного склепа 3 (близ Кисловодска) второй половины VI–VII вв. (Рунич, 1979. С. 240. Рис. 5, 14; Амброз, 1989. С. 61. Рис. 23, 48), отсюда же происходит и бляшка (Амброз, 1989. С. 161. Рис. 23, 15), аналогичная нашим (рис. 2, 10–13).

Можно констатировать, что В-образные пряжки византийской традиции появляются около второй половины VI в., их производство затухает к середине VII в., а во второй половине этого столетия, вплоть до начала VIII в. они представлены локальными дериватами (см.: Гавритухин, 1999. С. 196–197).

Присутствующие в погребении простые полукруглые поясные (рис. 2, 10–12) и обувная (рис. 2, 13) бляшки (наконечники ремней), имеют широкую датировку VI–VIII вв. Подобным образом широко датируются и кресало с кремнем (рис. 2, 7, 8).

Раннесредневековые сложносоставные луки по форме костяных накладок (концевых и срединных) разделяются на две технологические линии развития: гунно-болгарской (тюрко-хазарской) и хазаро-салтовской, сохраняющих основные черты луков сарматского времени (Савин, Семенов, 1989. С. 104–107; 1995. С. 75–77; 1998. С. 290–295. Рис.; ср.: Каминский, 1983. С. 48–51. Рис. 1, 1–12). Судя по форме присутствующих в погребении концевых накладок, лук относится к изделиям круга тюрко-хазарской технологии и может датироваться до второй половины VII – началом VIII вв. (см.: Круглов, 2005. С. 73–79; 2007. С. 91–100; Каминский, 2023. С. 36–38. Рис. 31–32, 42, 44). Такие же луки встречены в кочевнических погребениях Восточного Приазовья: Восточно-Малайский II – 1/12 (рис. 1, 4) (Лимберис, Марченко, 2011.

С. 424, 432. Рис. 6–7), Калининская – 30/3 (рис. 1, 9) (Атавин, 2008. С. 29–30. Табл. 15, 1–3), Лебеди IV – 5/1 (рис. 1, 20) (Скрабовенко, Лифанов, 2012. С. 28. Рис. 8).

Прямоугольная костяная накладка с двумя отверстиями (рис. 2, 5) могла являться частью налучья (для подвешивания его на португее?) (ср.: Крыганов, 1995. С. 45) или же, частью колчана (?).

Таким образом, по датирующим предметам погребального инвентаря (кувшинчик, кружка, геральдические пряжки) рассмотренное погребение может быть датировано в пределах второй половины VII в., вероятно, сужение до второй трети этого столетия. Судя по присутствующей в погребении керамике – сосудам, ранее не встреченным в Восточном Приазовье, но хорошо известным среди аланских раннесредневековых памятников, погребенного возможно связать с представителем этой этнической общности. Таким образом, рассмотренный комплекс дополняет наши представления о населении восточного Приазовья в раннесредневековое время.

Литература и архивные материалы

- Айбабин А. И., 1985.** Погребение хазарского воина // СА. № 3. – С. 191–205.
- Айбабин А. И., 1990.** Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. – Симферополь: «Таврия». – С. 3–86, 175–241.
- Амброз А. К., 1971а.** Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. № 2. – С. 96–123.
- Амброз А. К., 1971б.** Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы. II // СА. № 3. – С. 106–134.
- Амброз А. К., 1989.** Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. – М.: Наука. – 134 с.
- Атавин А. Г., 2008.** Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Древности юга России. Памяти А. Г. Атавина. – М.: Таус. – С. 28–70.
- Афанасьев Г. Е., 1979.** Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. Вып. 158. Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. – С. 43–51.
- Афанасьев Г. Е., 1980а.** Керамика Мокрой Балки // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука. – С. 57–78.
- Афанасьев Г. Е., 1980б.** Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и средние века. – М.: Наука. – С. 141–152. [
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 1970.** Могильник № 1 у Лермонтовской скалы близ г. Кисловодска // СА. № 4. – С. 222–227.
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 2001.** Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. – М.: Научный мир. – 251 с.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И., 1993.** Скалистинский могильник. – Киев: Наукова думка. – 204 с.
- Гавритухин И. О., 1999.** В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье [Archaeologia Permica. Вып. I]. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. – С. 160–209.
- Гавритухин И. О., 2001.** Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Материалы III Международной археологической конференции. – Самара: Самарский обл. ист.-кр. музей. – С. 31–86.
- Гавритухин И. О., Малашев В. Ю., 1998.** Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции. – Самара: Самарский обл. ист.-кр. музей. – С. 28–86.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996.** Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. [Раннеславянский мир. Вып. 3]. – М.: ИА РАН. – 296 с.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В., 2003.** Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. [Археология]. – М.: Наука. – С. 186–200, 239–245.

- Дмитриев А. В., 1982.** Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник. – М.: Наука. – С. 69–107.
- Дмитриев А. В., 2003.** Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. [Археология]. – М.: Наука. – С. 200–207, 246–259.
- Каминский В. Н., 1983.** Лук и стрелы на раннесредневековом Северо-Западном Кавказе // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории. – С. 48–54.
- Каминский В. Н., 2023.** Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I–XIII вв. – М.: Квадрига. – 608 с.
- Ковалевская В. Б., 1979.** Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки [САИ. Вып. E1-2]. – М.: Наука. – 112 с.
- Комар А. В., 2006а.** Погребение номада сер. VII в. у села Дмитровка в Южном Побужье // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 5. Хазарское время. – Донецк: ДНУ. – С. 375–386.
- Комар А. В., 2006б.** Погребение начала VIII в. у села Октябрьское в Северо-Восточном Приазовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 5. Хазарское время. – Донецк: ДНУ. – С. 399–402.
- Комар А. В., 2010.** Детали обуви восточноевропейских кочевников VI–VII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. – СПб.: Нестор-История – С. 94–115.
- Комар А. В., 2013.** Кочевники восточноевропейских степей второй половины VI – первой половины VIII в. // Атлас Западного Тюркского каганата. – Астана: Service Press. – С. 671–737.
- Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С., 2006.** Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 5. Хазарское время. – Донецк: ДНУ. – С. 245–374.
- Кондрашев А. В., Пьянков А. В., Хачатурова Е. А., 2017.** Одиночные раннесредневековые погребения в курганах Западного Закубанья // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 9. – Ставрополь: Печатный двор. – С. 64–73.
- Круглов Е. В., 2005.** Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 4. Хазарское время. – Донецк: ДонНУ. – С. 73–142.
- Круглов Е. В., 2007.** Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени // Проблеми на прабългарската история и култура. 4–1. – София: Регионален исторически музей Варна. – 91–123.
- Крыганов А. В., 1995.** Ношение налучей раннесредневековыми кочевниками Евразии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Тезисы докладов Международной археологической конференции. – Самара: Самарский обл. ист.-кр. музей. – С. 44–45.
- Кузнецов В. Д., 1962.** Аланские племена Северного Кавказа [МИА. № 106]. – М.: Изд-во АН СССР. – 164 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2011.** Погребения эпохи великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья // Петербургский апокриф. Послание от Марка. – СПб.; Кишинев: Высшая школа антропологии. – С. 417–441.
- Малашев В. Ю., 2000.** Раннесредневековая керамика могильника Клинь-Яр III. Вопросы хронологии [Труды Клинь-Ярской экспедиции. II]. – М.: Полимедиа. – 52 с.
- Малашев В. Ю., 2001.** Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. – М.: ИА РАН. – 150 с.
- Минаева Т. М., 1951.** Археологические памятники на р. Гиляч в Верховьях Кубани // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа [МИА. № 23]. – М.; Л.: Изд-во-АН СССР. – С. 273–301.
- Минаева Т. М., 1956.** Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. Том XXVI. – С. 236–261.

- Минаева Т. М., 1971.** К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во. – 248 с.
- Минаева Т. М., 1982.** Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник. – М.: Наука. – С. 222–234.
- Орлов Р. С., Рассамкин Ю. Я., 1996.** Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. – Киев: Наукова думка. – С. 102–116.
- Рунич А. П., 1979.** Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. № 4. – С. 232–247.
- Савин А. М., Семенов А. И., 1989.** К типологии раннесредневековых луков Прикубанья // Первая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Краснодар: КубГУ. – С. 104–107.
- Савин А. М., Семенов А. И., 1995.** К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Тезисы докладов Международной археологической конференции. – Самара: Самарский обл. ист.-кр. музей. – С. 74–77.
- Савин А. М., Семенов А. И., 1998.** О центральноазиатских истоках лука хазарского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции. – СПб.: ГЭ. – С. 290–295.
- Сафронов Н. А., 1978.** Исследование курганов в Славянском и Темрюкском районах Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 7500.
- Семенов А. И., 1982.** Раннесредневековая серебряная пряжка из Чебургольского могильника на Кубани // СГЭ. Вып. XLVII. – Л.: ГЭ. – С. 89–90.
- Семенов А. И., 1988.** К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. № 29. – Л. 6 ГЭ. – С. 97–111.
- Скрабовенко В. А., Лифанов Н. А., 2012.** Погребально–поминальные комплексы раннесредневековых кочевников из Восточного Приазовья (по материалам раскопок могильников Лебеди IV и Лебеди VIII в 1980 г.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. IV. – Севастополь; Тюмень: Электронный ресурс. – С. 22–46.
- Чхаидзе В. Н., 2010.** Раннесредневековые кочевнические погребения из курганного могильника Лебеди I в Восточном Приазовье // Археологический журнал. № III–IV. – Армавир: ЦАИ АГПУ. – С. 51–54.
- Чхаидзе В. Н., 2011.** Раннесредневековые кочевнические погребения из Восточного Приазовья // МИАСК. Вып. 12. – Армавир: ЦАИ АГПУ. – С. 115–140.
- Чхаидзе В. Н., 2020.** Кочевническое погребение первой половины VII в. из степного Закубанья // История вещей – история и вещи. К 60-летию юбилею И. О. Гавритухина [Раннеславянский мир. Вып. 20]. – М.: ИА РАН. – С. 318–323.
- Sokolov P., Gulyás B., 2023.** Graves of the early medieval nomads from the eastern Azov region // *Archaeologiai Értesítő* (Online Publication: <https://akjournals.com/view/journals/0208/aop/article-10.1556-0208.2023.00044/article-10.1556-0208.2023.00044.xml?rskey=xXKWba&result=3>).

Раздел. 3: Конфессиональные воззрения населения Северного Кавказа

Section 3: Confessional views of the population North Caucasus

ИЗОБРАЖЕНИЯ ФЛАГОВ НА РЕЛЬЕФАХ КЯФАРСКОЙ ГРОБНИЦЫ

© А. А. Туаллагов

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр Российской академии наук», г. Владикавказ, Россия

Аннотация. Статья посвящена краткому анализу изображений знамен на северной стене Кяфарской гробницы. Впервые в одном из этнографических исследований было выдвинуто положение о возможном изображении аланских боевого и траурного знамен при допуске сравнения с осетинскими траурными знаменами. Данное положение получило свое развитие в трудах других специалистов. Были предложены для сопоставления и конкретные археологические образцы таких аланских знамен. Однако в контексте археолого-этнографических сопоставлений они вызывают к себе критическое отношение. Остается в силе замечание, что форма знамен, представленная в изображениях Кяфарской гробницы, в раннем средневековье были широко распространены от Сибири до Дуная и Кавказа. Вместе с тем, некоторые конструктивные составляющие осетинских траурных знамен могли быть связаны с такими образцами. В статье предлагаются и дополнительные наблюдения для возможного понимания семантики отдельных изображений.

Ключевые слова: Кяфарская гробница, флаги, археологические находки, аланы, погребально-поминальный обряд, семантика изображений.

IMAGES OF FLAGS ON THE RELIEFS OF THE KYAFAR TOMB

© А. А. Tuallagov

V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of
the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences (IHSS VSC RAS),
Vladikavkaz, Russia

Abstract. The article is devoted to a brief analysis of the images of banners on the northern wall of the Kyafar tomb. For the first time in one of the ethnographic studies, a provision was put forward on the possible depiction of the Alan battle and mourning banners with the admission of comparison with Ossetian mourning banners. This position has been developed in the works of other specialists. Specific archaeological samples of such Alan banners were also proposed for comparison. However, in the context of archaeological and ethnographic comparisons, they arouse critical attitude. The remark remains valid that the shape of the banners represented in the images of the Kyafar tomb in the early Middle Ages were widespread from Siberia to the Danube and the Caucasus. At the same time, some constructive components of Ossetian mourning banners could be associated with such samples. The article also offers additional observations for a possible understanding of the semantics of individual images.

Keywords: Kyafar tomb, flags, archaeological finds, Alans, funeral and memorial rite, semantics of images.

Давно привлекают к себе внимание исследователей изображения знамен в различных сценах, представленных на северной стене Кяфарской гробницы (Охонько, 2021, илл. 16). Их форма может быть определена как знамя с двумя косицами (с треугольным вырезом) и основанием (рис. 1, 1, 2). Отмечалось, что такая форма могла быть широко распространена на Северном Кавказе в раннем средневековье. В данной связи указывалось на одно из позднесредневековых изображений (рис. 1, 3) на скалах у с. Капчагай (Дагестан) (Марковин, 1958, с. 152, рис. 6, а), которое, в свою очередь, сопоставлялось с изображением (рис. 1, 4) на западных отрогах Нарра-Тюбинского хребта того же региона. В нем представлены фигуры оленей, несущие черты скифского влияния и имеющие аналогии в VI–V вв. до н. э. (Марковин, 1958, 152, рис. 6, а, 158–159, рис. 10). Также указывалось на известность таких знамен в этнографии народов Дагестана (Кузнецов, 1961, с. 110; Кузнецов, 1984, с. 230–231, 248, прим. 54; Кузнецов, 1992, с. 258).

Отметим, что отрицание сопоставления с изображением у с. Капчагай за счет различных пропорций (Охонько, 2021, с. 116) представляется излишне категоричным. Капчагайское изображение явно непропорционально само по себе, что видно при его сравнении с изображением всадника и коня. Сложно принять и сопоставление с поздними дагестанскими образцами за счет указания (Кузнецов, 1961, с. 110, сн. 11) на знамя Хаджи-Мурата (рис. 1, б) (Ясулов, 1927, с. 41) или со знаменем с рельефа раннесредневековой церкви у с. Ольгинское в Абхазии (рис. 1, 7).

Более отдаленные аналогии видят в изображениях знамен, приведенных на карте Вахушти Багратиони, что трактуется как свидетельство об их более древних корнях и о популярности на Кавказе (Охонько, 2021, с. 116–117, 118, илл. 19, а). Интересно, что среди таких знамен с карты Вахушти Багратиони 1735 г. приводится (Охонько, 2021, с. 119, илл. 19, в) и знак «Лекиса Дагистаниса» («Лекиса Дагьистаниса»), который, по заключению специалистов (Тахнаева, 2016, с. 186–196), был выдуман самим Вахушти Багратиони (как и «Овсэтиса» – А. Т.). Данное положение указывает на то, что флаги подобной формы, действительно, были широко распространены у различных народов кавказского региона, позволив Вахушти Багратиони создать и такую фальшивку.

Собственно, кавказские материалы – знамена с треугольным вырезом (с двумя косицами) и без основания – имеют многочисленные параллели в самых различных регионах мира, что свидетельствует об общем типологическом сходстве знамен, не имеющим никакой генетической связи. То же касается сопоставления кяфарских знамен с образцами из кургана № 6 хуннского могильника Ноин-Ула (Монголия) начала I в. н. э. и с реконструированными образцами из тайника насыпи аланского кургана «Дачи» (Нижний Дон) рубежа I–II вв. (Яценко, 2001, с. 367). В целом, данные образцы (рис. 1, 8, 9) представляют собой те же знамена с двумя косицами и без основания.

Что касается формы знамени с двумя косицами и основанием, то упомянутое изображение на западных отрогах Нарра-Тюбинского хребта может подразумевать большую древность подобных образцов. В раннем средневековье такие изображения также вполне узнаваемы и неоднократно приводились в публикациях исследователей, в том числе, в контексте кяфарских изображений (Кузнецов, 2019, с. 49; Охонько, 2022, с. 47). Они, например, представлены на сулекской писанице (Енисей), в росписи Пяджикента (Таджикистан), в петроглифах Ой-Джайляу (Казахстан), на костяных пластинах из погребения № 2, кургана № 1 Шиловского могильника (Волга) (рис. 1, 5), на сосуде из клада у с. Надь-Сент-Миклош (Румыния) и т. д. В целом, ученые изначально объективно отмечали (Кузнецов, 1977, с. 102), что знамена, подобные изображенным на Кяфарской гробнице, в раннем средневековье были широко распространены от Сибири до Дуная и Кавказа.

Кяфарские образцы определяли, как боевые знамена (Уарзиати, 1987, с. 114–115), одновременно предположительно сопоставляя их с осетинскими траурными знаменами со скошенным или ступенчатым основанием (Уарзиати, 1987, с. 128). Одни исследователи изначально не могли объяснить значения опущенного знамени (Кузнецов, 1977, с. 102), а другие впоследствии усматривали в его положении траурный мотив (Охонько, 1994, с. 21). Недавно было высказано замечание, что опущенное знамя символизирует смирение и покорность (Кузнецов,

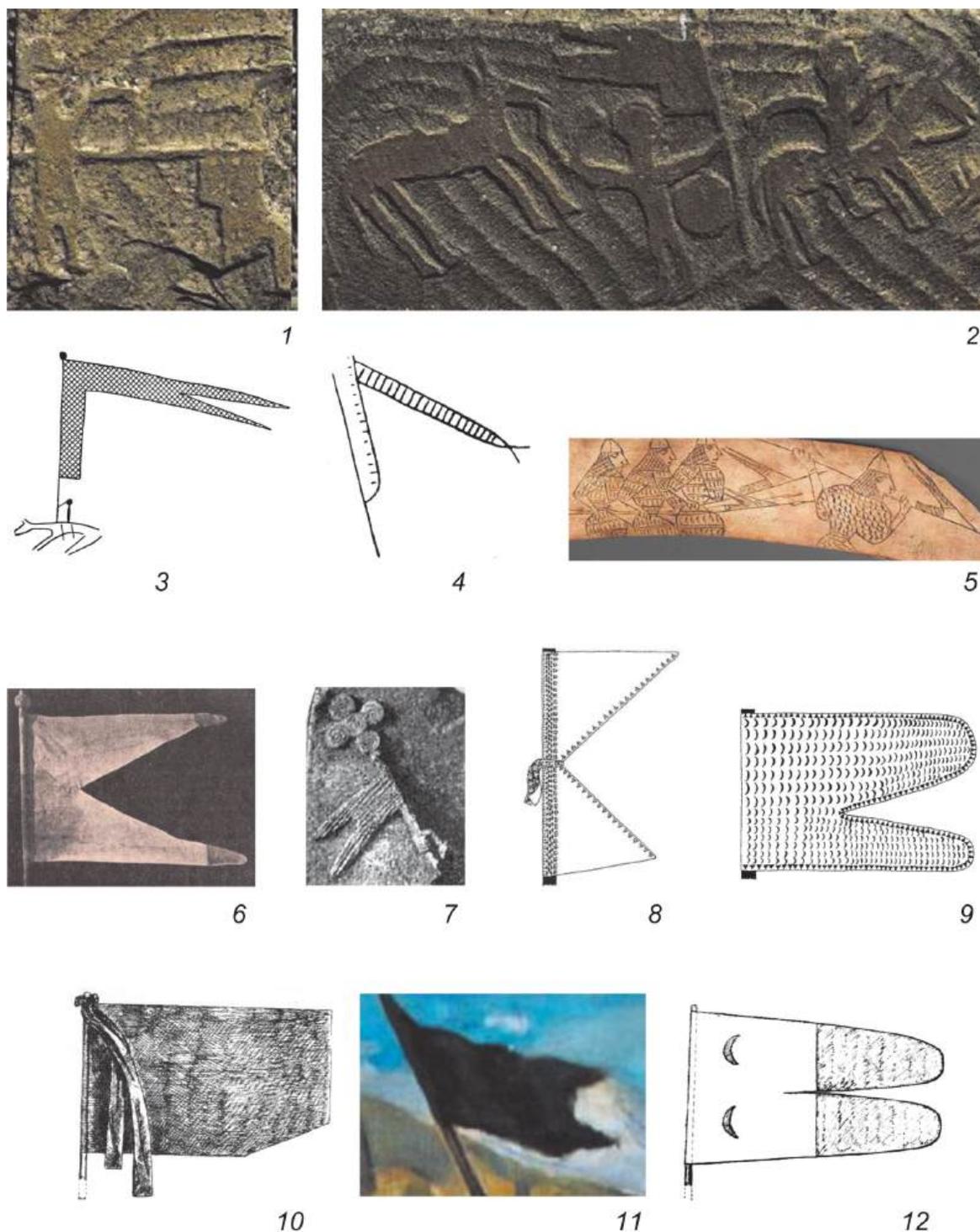

Рис. 1. 1 – Кяфарский рельеф (Охонько, 2021); 2 – Кяфарский рельеф (Охонько, 2021); 3 – изображение у с. Капчагай (Марковин, 1958); 4 – изображение на западных отрогах Нарра-Тюбинского хребта (Марковин, 1958); 5 – костяная пластина из погребения № 2, кургана № 1 Шиловского могильника; 6 – знамя Хаджи-Мурата (Ясулов, 1927); 7 – рельеф раннесредневековой церкви у с. Ольгинское (Охонько, 2021); 8 – реконструкция знамени (верхнее) кургана «Дачи» (Яценко, 2001); 9 – реконструкция знамени (нижнее) кургана «Дачи» (Яценко, 2001); 10 – траурный осетинский флаг (Уарзиати, 1987); 11 – траурный флаг с картины М. С. Туганова; 12 – свадебный осетинский флаг (Уарзиати, 1987)

2019, с. 48), что сложно воспринимается в виду абстрактности полагаемого мотива, в отличие от его приложения тем же автором к символу опущенной секиры.

Сопоставление с осетинскими этнографическими материалами получило свое развитие в отношении отмеченных находок из Ноин-Улы и «Дач». Причем, при сопоставлении с осетинскими траурными знаменами одного из образцов из «Дач» указывалось на такие признаки, как округленные концы выступов, полумесяцы в поле, лента у древка (Яценко, 1993, с. 66). Следует заметить, что округленные концы выступов и полумесяцы в поле отмечаются для знамени, являвшемся у осетин свадебным (рис. 1, 12) (Уарзиати, 1987, с. 121, рис. 2). В то же время на картине 1946 г., изображающей скачки в честь умершего, такого известного знатока осетинской этнографии как М. С. Туганов, представлено черное траурное знамя с двумя острыми косицами (рис. 1, 11).

Тем не менее, знамя из «Дач» (верхнее) с двумя острыми концами косиц (рис. 1, 8) продолжало сопоставляться с осетинским свадебным знаменем, которое имеет округленные концы косиц, а другое (нижнее) с округленными концами косиц (рис. 1, 9) – с осетинскими траурными знаменами, не имеющими косиц вообще. Причем, для обоих знамен одним из прототипов называются знамена хунну из Ноин-Ула (Яценко, 2022, с. 213). Заметим также, в частности, что лента у древка представлена на указываемом траурном осетинском флаге (Уарзиати, 1987, с. 127, рис. 4). Однако привязывание ленты имеет иной характер, чем на реконструкции образца из «Дач». Форма скошенного или ступенчатого основания осетинских траурных знамен не привлекалась к рассмотрению, видимо, исходя из его отсутствия в реконструкции образцов из «Дач». Но затем осетинские траурные знамена были сопоставлены с изображением припущенного знамени на Кяфарской гробнице и реконструируемым остроконечным (верхним) знаменем из «Дач» (Яценко, 2001, с. 367). Сопоставление кяфарских изображений с образцами из «Дач» вне осетинских материалов отмечается и другими авторами (Охонько, 2022, с. 46–47).

Другие исследователи также определяли опущенное кяфарское знамя в руках пешего персонажа (рис. 1, 1) как траурное (Охонько, 2021, с. 40, 130–131; 2022, с. 44, 46, 50–51). В другой раз знамя в руке спешившегося всадника (рис. 1, 2) называют личной инсигнией правителя (Охонько, 2021, с. 111). Подразумевается изображение одного и того же знамени правителя, но представленного в разных по содержанию сценах – траурной и победной (Охонько, 2021, с. 115–117, 129), чему приводятся соответствующие исторические параллели (Охонько, 2022, с. 45). Надо полагать, что данная интерпретация уже принята и другими исследователями (Бабенко, Колесникова, 2022, с. 353). Видимо, она лежит и в основе кратких замечаний об изображенных флагах при попытке интерпретации сюжетов на стенах гробницы за счет материалов балкаро-карачаевского нартовского эпоса (Эдиев, 2023, с. 14, 15). Наконец, исходя из версии о принадлежности гробницы аланскому правителю Дорголею, предполагается изображение царской инсигнии XI в. лабарума – государственного знамени Алании и одной из инсигний царской власти, личным знаменем Дорголея (Кузнецов, 2019, с. 49–50), что нашло положительное восприятие (Охонько, 2022, с. 9).

В целом, трактовки кажутся вполне приемлемыми, особенно для опущенного знамени, как используемого в траурной композиции, несмотря на отсутствие фрагмента перед изображением. В данном случае оставляем в стороне трактовку о государственной, царской инсигнии в виду отсутствия тому каких-либо фактических подтверждений. Общая грубая схематичность изображений знамен не позволяет строго судить об их конкретных деталях и формах, из чего исходят при приведенной интерпретации (Охонько, 2021, с. 117). Можно допустить, что у опущенного знамени основание полотнища несколько скошено, что ближе к траурным осетинским образцам, тогда как знамя в руках спешившегося всадника, вроде, не имеет никакого скоса. Но строго настаивать на таком различии невозможно.

Но, в общем, представляется сложным принять прямое сопоставление изображений знамен, представленных на Кяфарской гробнице, с образцами из кургана «Дачи», которые не имеют укороченного основания. Нет возможности согласиться с трактовкой кяфарских знамен как передающих изображение головы животного с раскрытой пастью и шеей, что служит предложением для сопоставления с драконообразными знаменами (Кузнецов, 2019, с. 49). Кстати, такая

трактовка сопоставима с давней трактовкой таких знамен как изображений волчьей головы с позиции тюркской истории (Маргулан, 1997, с. 11). Известные изображения и элементы драконообразных знамен имели конструкцию штандарта в форме головы, исполненного из твердого материала, и туловища из ткани, способного развиваться на ветру. Известны и образцы только с тканевым элементом. Кяфарские изображения не имеют к ним отношения, и нет видимых оснований искать для них драконообразные прототипы.

Кроме того, видимо, следует привлечь дополнительное внимание к некоторым деталям изображений. Прежде всего, речь идет об изображении спешившегося всадника (рис. 1, 2). Все антропоморфные фигуры на стенах гробницы даны во фронтальном развороте, лицом к зрителю, что подтверждается изображением на передней стене мавзолея. Тогда получается, что спешившийся всадник держит знамя в левой руке, а конская уздечка наброшена ему на правую руку, указывая на то, что он спешил с правой стороны коня. Такое положение напоминает прежнее правило для вестника о скончавшемся человеке у осетин, когда тот менял обычное положение всадника на прямо противоположное, почему его сразу узнавали. Он держал ногайку в левой руке, а спешивался и садился на лошадь с правой стороны (Чибириков, 2008, с. 250), т. е. и повод держал в правой руке.

Заметим, что правильная прижизненная посадка представлена на аланских амулетах, на что при этом обращается внимание, – на шее коня левая рука (Охонько, 2021, с. 115–117). Такая же посадка представлена и у всадника за спиной спешившегося всадника на гробнице (рис. 1, 2), явно участвующего в ином сюжете. Но опять же окончательно настаивать на такой интерпретации для кяфарского изображения, которому приписывают прямо противоположное значение – духовная победа правителя Алании над дьявольскими силами (Охонько, 2022, с. 45, 46, 108), сложно.

Строго говоря, не наблюдается оснований для утверждения, что при изображении кяфарских знамен оригинальная форма их полотнища была достигнута за счет преднамеренного его изменения – обрезаны острые углы косиц, нижняя косица меньших размеров, чем верхняя, добавлено основание (Охонько, 2021, с. 117). Во-первых, знамя не может служить объектом манипуляций, некоего «творческого вдохновения» художника. Во-вторых, образец из кургана «Дачи» показывает наличие знамен с укороченными окончаниями косиц и разными размерами косиц (рис. 1, 9). Более интересно могло бы быть сопоставление с европейским средневековым ритуалом повышения статуса рыцаря в баннереты – рыцаря, получавшего за личные боевые заслуги или долгое участие в войнах право вести свой отряд в бой под собственным знаменем, когда король обрезал косицы его флага (Охонько, 2022, с. 47). Но такое сопоставление не только отрицает рассмотрение кяфарских знамен как царской инсигнии. Косицы обрезались полностью, что превращало знамя в прямоугольное полотнище (Арсеньева, 1911, с. 15).

В целом, следует согласиться с замечанием, что у нас нет надежных оснований принимать гипотезу о принадлежности Кяфарской гробницы именно Дорголею (Малахов, 2023, с. 504), что, видимо, осознается и самим ее автором (Кузнецов, 2019, с. 34, сн. 4). Данное замечание следует учитывать в отношении предложения усматривать в изображении знамени личную инсигнию Дорголея. Само замечание следует, как представляется, распространить на общую трактовку гробницы как царского погребения, служащую предлогом к объявлению изображенных знамен государственным знаменем Алании и одной из инсигний царской власти.

Осторожно приведем еще одно наблюдение в отношении параллели между кяфарским опущенным знаменем в руках пешего персонажа и одним из упоминавшихся выше вариантов осетинских траурных знамен (Уарзиати, 1987, с. 127, рис. 4). Такое знамя имело криво обрезанный нижний край прямоугольного полотнища, а на древко повязывалась лента, два конца которой свешивались вниз (рис. 1, 10). Но при движении или ветре концы должны были получать горизонтальное положение, развиваясь над полотнищем, что по схеме напоминает знамена с двумя косицами и основанием.

Заметим, что данное траурное знамя было черного цвета, по осетинской традиции, изготовляясь в честь умершего молодого человека (Уарзиати, 1987, с. 126). По другим данным, такое знамя делали для умершего молодого человека, привезенного откуда-то (Дарчиева, 2013,

с. 136–138, 143), т.е. умершего вне родины. На упоминавшейся картине М.С. Туганова черное знамя имеет две острые косицы (рис. 1, II). Другие исследователи отмечали постановки на могилах флагов красного, белого и черного цветов, не исключая их связь с поминальными знаменами (Дарчиева, 2013, с. 134–135). К сожалению, кяфарские изображения лишают нас возможности определиться с цветовым решением для знамен.

Литература

- Арсеньева Ю.В., 1911.** О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах Древней России. – СПб.: Сенатская типография. – 41 с.
- Бабенко В.А., Колесникова М.Е., 2022.** Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века: символы и смыслы изображений (Рец. на кн.: Охонько Н.А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации: монография. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. 224 с.) // Гуманитарные и юридические исследования. – Т. 9 (2). – С. 351–354.
- Дарчиева М.В., 2013.** Вербальный код осетинского обрядового текста (на материале некоторых традиционных обрядов). – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ. – 319 с.
- Кузнецов В.А., 1961.** Средневековые дольменообразные склепы Верховий Кубани // КСИА. – Вып. 85. – С. 106–117.
- Кузнецов В.А., 1977.** В верховьях Большого Зеленчука. – М.: Искусство. – 167 с.
- Кузнецов В.А., 1984.** Очерки истории алан. – Орджоникидзе: Ир. – 303 с.
- Кузнецов В.А., 1992.** Очерки истории алан. – Владикавказ: Ир. – 392 с.
- Кузнецов В.А., 2019.** Кавказская Алания. Запад–Восток. Историко-археологические очерки. – Пятигорск: СНЕГ. – 208 с.
- Малахов С.Н., 2023.** Кяфарский мавзолей и христианство. Рецензия на книгу: Охонько Н.А. Новые смыслы Кяфарского мавзолея. – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. – 138 с.; ил. // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей. Научный альманах, посвященный памяти известного специалиста по археологии Северного Кавказа, кандидата исторических наук Александра Пинкусовича Мошинского / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. – Ставрополь–М.: Печатный Двор – Вып. 16. – С. 501–505.
- Маргулан А.Х., 1997.** Петроглифы с тотемом волка. Тотем племени шапырашты // Маргулан А.Х. Мир казаха. – Алматы: Институт развития Казахстана, Международный фонд им. академика Алькея Маргулана. – С. 5–14.
- Марковин В.И., 1958.** Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана // СА – № 1. – С. 147–162.
- Охонько Н.А., 1994.** Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища // Аланская гробница XI в. – Ставрополь: Студия «АРС-дизайн». – С. 3–34.
- Охонько Н.А., 2021.** Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации. – Ставрополь: Дизайн-студия Б. – 246 с.
- Охонько Н.А., 2022.** Новые смыслы Кяфарского мавзолея. – Ставрополь: Дизайн-студия Б. – 138 с.
- Тахнаева П.И., 2016.** Из истории дагестанской вексиллологии: к вопросу о знамени Аварского ханства // Гербоведение / Глав. ред. О.М. Наумов. – М.: Старая Басманная. – Т. V. – С. 186–196.
- Уарзиати В.С., 1987.** Флаг в семейной обрядности осетин // Проблемы исторической этнографии осетин / Отв. ред. В.Х. Тменов. – Орджоникидзе: СОНИИ. – С. 114–133.
- Чибириков Л.А., 2008.** Традиционная духовная культура осетин. – Владикавказ: Ир. – 599 с.
- Эдиев Д.М., 2023.** Графика Кяфарского мавзолея как отражение восхождения во власть князя Ёрюзмека карачаево-балкарского нартского эпоса – аланского царя Оросмика // Тюркологические исследования / Глав. ред. Р.Р. Фахрутдинов. – Казань: АНО «Институт культурного наследия» – Т. 6 – № 2. – С. 7–28.

- Ясулов Г., 1927.** Хаджи-Мурат // Дагестанский Сборник/Ред. коллегия А.А. Тахо-Годи, Б.Г. Маллачиханов, Д.М. Павлов. – Махачкала: Буйнакская Типо-литография Даггосиздата им. Е.Г. Гоголева – Т. III. – С. 7–49.
- Яценко С.А., 1993.** Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н. э. // Петербургский археологический вестник / Глав. ред. М.Б. Щукин – СПб.: Фарн – № 3. – С. 60–72.
- Яценко С.А., 2001.** Комплекс с аланскими знаменами из могильника Дачи у Азова (рубеж I–II вв. н. э.) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. / Пред. А.А. Горбенко. – Азов: Азовский краеведческий музей. – Вып. 17. – С. 363–373.
- Яценко С.А., 2022.** О сарматской орнаментике // Из истории культуры народов Северного Кавказа / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко – Ставрополь. – М.: Печатный Двор. – Вып. 15. – С. 211–226.

МАТЕМАТИКА КЯФАРСКОГО МАВЗОЛЕЯ

© Д. М. Эдиев

«Северо-Кавказская государственная академия», г. Черкесск,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются математические аспекты богатого символизма аланского царского мавзолея, располагавшегося в верховьях р. Кяфар в Карачаево-Черкесии (в настоящее время – экспонат Ставропольского краевого музея).

Исследование выявляет античные элементы, прослеживаемые как в общих размерах, так и в деталях пропорций мавзолея и его изображений. Размеры выдержаны в римских футах, как и у известного Архызского Круга, а пропорции систематически основаны на золотом сечении, «живом квадрате» и корнях из двух и пяти, характерных для древнегреческих культовых сооружений. Эти характеристики гармонично дополняют ранее обнаруженные параллели между иконографией памятника и кавказским нартским эпосом в его карачаево-балкарской версии. Предполагается, что проникновение античных элементов связано с влиянием византийских неоплатоников, после их разгрома Комнинами в 1080-х, на политико-религиозный разворот в кавказской Алании. Нам удалось восстановить вероятную идеальную геометрическую форму трапециевидного «вавиллона», служившего эталоном для античных размеров и пропорций и изображенного на фасаде памятника. Этот уникальный инструмент был, вероятно, новшеством поздней Алании, восходящим к традициям древних тюркютов, хазаро-булгар и идеям неоплатоников. Опираясь на реконструкцию исторического контекста, мы датировем мавзолей первой четвертью XII в.

Ключевые слова: Аланы, хазары, булгары, архитектурная математика, античные мотивы, византийские неоплатоники, дольменообразные погребения.

MATHEMATICS OF THE KYAFAR MAUSOLEUM

© D. M. Ediev

“North-Caucasian State Academy”, Cherkessk,
Russian Federation

Abstract. The article deals with the mathematical aspects of the rich symbolism of the royal Alan mausoleum once located in the upper reaches of the Kyafar River in Karachay-Cherkessia (currently on display in the Stavropol Regional Museum).

The study reveals ancient Greco-Roman elements traceable both in the overall dimensions and in the details of the mausoleum and its iconography. The dimensions are kept in Roman feet, similar to the Arkhyz Circle, and the proportions are systematically based on the golden ratio, the “live square”, and the square roots of two and five, characteristic of ancient Greek cult buildings. These characteristics harmoniously complement the parallels previously found between the monument’s iconography and the Caucasian Nart epic in its Karachay-Balkar version. The infiltration of ancient Greco-Roman elements is believed to be connected with the influence of the Byzantine Neoplatonists, after their defeat by the Comneni in the 1080s, on the political-religious changes in Caucasian Alania. We were able to reconstruct the probable ideal geometric form of the trapezoidal “Babylon”, which served as a standard for the ancient dimensions and proportions depicted on the facade of the monument. This unique tool was probably a late Alan innovation, rooted in the traditions of the ancient Tyurkyut, the Khazar-Bulgars, and the ideas of the Neoplatonists. Based on the reconstruction of the historical context, we date the mausoleum to the first quarter of the 12th century.

Keywords: Alans, Khazars, Bulgars, architectural mathematics, ancient Greco-Roman motifs, Byzantine Neoplatonists, dolmen-like tombs.

Кяфарский Мавзолей – археологический памятник поздне-аланского периода в верховьях реки Кяфар, в современной Карачаево-Черкесии. По всей вероятности, это место захоронения одного из аланских царей. Городище, где находился памятник, – один из претендентов на место столицы Алании *Магас* (*Музашиан* Китайской летописи (Latham-Sprinkle, 2022)), которая на карте аль-Идриси может быть обозначена как *Малаша* (Idrīsī, 1152. Эдиев, 2023с) как раз в районе населенного пункта.

Покрытый оригинальными рельефами, не имеющими аналогов, этот уникальный объект давно вызывает интерес исследователей. Е. Д. Фелицын, обнаруживший и сфотографировавший объект в конце 19 века, предположил, что сцена на фасаде имеет поминальный характер, а фигура справа – женщина (Фелицын, 1904). Его выводы повторил А. М. Тальгрэн (Tallgren, 1934). Позднее В. А. Кузнецов научно изучил Мавзолей, продемонстрировал его связь с кавказской традицией дольменов и очертил географически и хронологически традицию дольменнообразных погребений аланской верхушки, датировал иконографию Мавзолея XI–XII веками, раскрыл аналогии с южно-кавказскими, дунайско-булгарской и салтово-маяцкой культурами и высказал предположение о синкретичности христианских и языческих элементов в иконографии (Кузнецов, 1959, 1961, 2008, 2019). Л. Н. Глушков, спасая памятник от разрушения местными жителями, продолжил изучение памятника в 1950–1960-е годы, выявив сарматские мотивы, связь с искусством древнего Алтая, и косвенно ассоциировал Мавзолей с “карачаевскими племёнами” (Глушков, 1969). Л. Н. Глушков писал, что у него готова к публикации статья с расшифровкой семантики изображений на стенах Мавзолея, но его статья так и не увидела свет. Н. А. Охонько предпринял попытку расшифровки всей иконографии Мавзолея (Охонько, 1983), опубликовал ее в отменном качестве (Охонько, 1994, 2020, 2021, 2022), что послужило основой для работ других исследователей. З. В. Доде предприняла интересную работу по костюму персонажей иконографии (Доде, 1994). Цифровая модель памятника доступна на сайте Виртуального лапидария Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (Ставропольский государственный музей-заповедник, 2023).

Новое видение как иконографии Мавзолея, так и его исторического контекста вырисовывается на основе её удивление точных и исчерпывающе детальных соответствий с кавказским нартским эпосом в его карачаево-балкарском варианте (Ортабаева, Хаджиева, Холаев, 1994). Эти соответствия были опубликованы ранее (Эдиев, 2023а, 2023б), но оказалось, что связь иконографии и эпоса глубже и распространяется на многочисленные античные мотивы в обоих памятниках.

Наши наблюдения на этот счет составляют предмет статьи, принятой в печать (Ediev, 2024), и мы не будем повторять их здесь детально. В общих чертах, вырисовывается следующая картина. Мавзолей принадлежал аланскому царю, известному как *Росмик* византийцам (Комнина, 1965) или *Оросмик* по его печати (Seibt, Zarnitz, 1997. С. 133–135), а его оригинальное имя – *Ёрюзмек*, под которым он фигурирует в эпосе. На аутентичность эпического варианта имени ко времени Мавзолея и позже указывает не только эпос, но и однокоренное *Ёрюзмурайт* (Шаманов, Лайпанов, 2012. С. 72) и имя бурджитского мамлюкского князя *Ёрзмк/Ёрюзмек Аннашиф* (فشان لا كجزراً) (Salim, ND. С. 39, 134) времени султана *Къансау Аль-Гури* XVI в. н. э., в окружении других кавказско-тюркских имен. Тема до-османских, т. е. периода Султаната, черкесов-мамлюков выходит за рамки нашей работы, но важна и ждет своего внимательного исследователя. Ёрюзмек пришел к власти в ходе борьбы с прежним аланским царем, скорее всего, Дорголелем, и его сыном ¹.

По всей вероятности, убийство Дорголея произошло в 1084/85 гг.: герой эпоса рождается (по нашим оценкам, ок. кон. 1060-х) из «звезды с большим длинным хвостом», которую можно

¹ В. А. Кузнецов предположил, что Мавзолей мог принадлежать Дорголею, и эта спекулятивная точка зрения получила широкое распространение. Однако, наш анализ подсказывает, что это не так, и Мавзолей принадлежал сопернику и преемнику Дорголея – Росмику.

связать с ярким явлением кометы Галлея в 1066 году, которая ассоциировалась современниками с падением царей, и борется со старым князем в возрасте 18 лет. Политическую и духовную поддержку Ёрюзмеку оказала его жена (Сатанай в эпосе, но ее настоящее имя нам неизвестно), которая сама или через ее окружение была связана со школой византийских неоплатоников (чем объясняется обилие античных параллелей в Мавзолее и эпосе, а также связь иконографии и карачаево-балкарского эпического Тенгрианства с идеологией неоплатоников). Школа византийского неоплатоника *Иоанна Итала*, «главного философа» Империи, была разгромлена зятем Дорголелю Исааком Комниным и его братом, императором Алексием I в начале 1080-х. Церковный суд над Италом состоялся в 1083 году, но к этому времени его наиболее верные ученики уже покинули Константинополь. В частности, *Иоанн Петрицы*, грузинского происхождения, бежал через дунайскую Булгарию в Грузию – как раз во время описываемых нами событий в Алании. По всей видимости, Сатанай и/или кто-то еще из учеников Итала аланского/ясского происхождения (*Ясит?*), бежали в Аланию, где приняли участие в перевороте (несколько позднее, в самой Византии, другой ученик Итала, *Иоанн Соломон*, возглавит неудачную попытку переворота с попыткой убийства Алексия I Комнина). Византийцы и грузины (оба состоявшие в родстве с Дорголелем) в союзе с кыпчаками попытались, но безуспешно, атаковать алан с целью сбросить новую династию ок. 1107 (в ходе этих событий, Давид Строитель оставляет свою жену и женится на кыпчакской принцессе, приводит кыпчаков в Грузию). Обозначенные события составляют предмет иконографии Мавзолея и аллегорий эпоса.

Дело, однако, не ограничилось политическим переворотом. Одновременно, в Алании произошел возврат к традиционным верованиям (уже второй такой возврат, или пятая религиозная реформа в X–XI вв.), а именно, судя по эпосу, – к Тенгрианству. Оно, однако, было «очищено» от идолопоклонства и грубого язычества (в эпосе, по большому счету, не фигурируют ни тюркские, ни кавказские божества, за исключением Тейри). В этом можно видеть влияние как монотеистического опыта и окружения алан, так и – на мой взгляд, в первую очередь, – неоплатоников, бежавших после разгрома византийского «ренессанса» Комнинами. Именно с этим нужно связывать появление в Нижнем Архызе солярного кругового святилища, которое могло играть роль обсерватории (Эльканов, 1988), диаметром 300 римских футов (Кузнецов, 1993. С. 106–112). Этот размер не случаен, он связан с наиболее важными языческими святилищами древнего Рима – Мавзолеем Августа и Пантеоном. Как будет видно далее, связан он и с Кяфарским Мавзолеем.

Влияние византийских неоплатоников на иконографию Мавзолея и сюжеты эпоса проявляется в многочисленных античных параллелях и специфическом символизме. Так, солярный символизм аланских языческих сооружений и иконографии Мавзолея, как и нартского эпоса (это заметно во всех версиях нартского эпоса; в карачаево-балкарском варианте: «*Тейри Солнца – глава, лидер [всех] Тейри*» (Ортабаева и др., 1994. С. 68, 302)), вполне ожидаем и вне влияния неоплатоников. Однако, некоторые аспекты имеют прямые параллели именно у неоплатоников: «*Тейри Солнца ... [все время] кипит... Основное имя Тейри Солнца было Къайнар [“Кипящий” – Д. Э.] Тейри*» – в эпосе (Ортабаева и др., 1994. С. 68, 302), и «*Зевс есть кипение и переливание жизни*» – у неоплатоников (Петрицы, 1984. С. 85). Еще ярче влияние неоплатоников проявилось в обилии как античных сюжетов, так и античных математических пропорций и размеров в параметрах и изображениях Мавзолея (куда можно добавить и трехсотфутовый размер Архызского Круга). Именно на этом аспекте мы и остановимся в настоящей работе.

1. Античные размеры Мавзолея

Периметр Мавзолея составляет сорок римских футов, что роднит его с трехсотфутовым Архызским Кругом. Символизм именно такого размера нам не ясен, но число сорок было сакральным во многих древних культурах. Оно часто фигурирует в эпосе и как общетюркское *къыркъ* (*къыркъ суула*, «сорок рек»; мероприятие *Къыркъла*, ‘Сорок’; *къыркъ бугъа*, «бык [предназначенный для убоя на мероприятии] ‘Сорок’»; *къыркъ къазан*, «котел ‘Сорок’»), и как двадцатеричный кавказско-тюркский счет *эки джыйырма*, «две двадцатки». Двадцатерич-

ный счет практиковался горскими народами Кавказа разных языковых семей, и, более того, именно Кавказ вырисовывается как центр этого архаического счета (Эдиев, 2022). В работе С. Урусбиева XIX в. по нартским сказаниям карачаево-балкарцев (Урусбиев, 1881. С. VI–VIII), в эпизоде про спор нартского певца с эфенди, фигурирует образ проса как некая фундаментальная, но уже непонятная для нас, аллегория. В этом контексте интересна народная загадка: «*Бир терекде – кьыркь бутакъ, Кьыркь бутакъда – кьыркь уя, Кьыркь уяда – кьыркь джюджек.*» / «*На одном дереве – сорок ветвей, на сорока ветвях – сорок гнезд, в сорока гнездах – сорок птенцов.*» (ответ – просяной стебелёк). Одним из устаревших значений тюркского *кьыркь* было, конечно, «много, бесконечно».

Название двух осенних месяцев традиционного календаря карачаево-балкарцев (одни из немногих, не имеющие христианской этимологии) содержат корень *кьыркь*: *кьыркь-ар ай* и *кьыркь-ауз ай* (Хатуев, Шаманов, 2009. Шаманов, 1971).

Тюркское *кьыркь*, «сорок», было частью древней системы образования топонимов у предков карачаево-балкарцев (древняя столица *Кьыркь Маджар*), у алан (*Кьыркь Иер* в Крыму, но и руины Нижнего-Архыза были известны как *Кьыркь Юна* в XVIII в.), а также у болгар и огузов (Эдиев, 2024). По всей видимости, в размерах Мавзолея имел место синкретизм древнетюркского, древне-кавказского и неоплатонического символизма. Последнее подчеркивается еще и тем, число сорок фигурирует в иконографии Мавзолея, причем в типично древнеримской технике (см. ниже).

Другой «античный» размер Мавзолея – длина его иконографии. Изображения Мавзолея, которые можно интерпретировать как последовательное повествование, связанное с эпическими сюжетами, организованы таким образом, что они образуют неразрывный «круг». На боковых стенах (состоящих из трех плит) они идут зигзагом, т. е. неразрывно переходя от плиты к плите и на следующую сторону, а на задней стене (состоящей из двух плит) они помещены только на верхнюю плиту, что указывает на намеренное проектирование цельного «круга», сложенного вокруг Мавзолея. Длина этого «круга» составляет около 75 римских футов, т. е. четверть Архызского Круга. Если исключить, как и в боковых композициях, одну из торцевых сторон плит, составляющих «связку» конструкции Мавзолея, без нанесенных на нее изображений, то длина «круга» составляет ровно 75 футов. Для сравнения, диаметр Пантеона составлял 150 футов, т. е. половину диаметра Мавзолея Августа, с которым он составлял единый ансамбль. Аналогия пары Кяфарский Мавзолей – Архызский Круг с античным комплексом наблюдается еще и в том, что обе пары выстроены по оси север-юг (для Кяфари и Нижнего Архыза отклонение составляет всего 2 минуты по долготе, что пренебрежимо для условий горной местности и средневековых технологий). Во всяком случае, мы имеем второй «круглый» размер в римских футах (третий, если добавить диаметр Архызского Круга).

Еще один античный размер, причем, по всей видимости, представляющий тот самый измерительный инструмент, который использовался при проектировании античных размеров и пропорций – основание «вавиллона», нанесенного на передник царицы (правая фигура) на фасаде Мавзолея. Оно составляет в длину *один римский фут*. Этот инструмент чрезвычайно важен сам по себе, и ниже мы рассмотрим его отдельно.

2. Античные пропорции Мавзолея

Мавзолей и его иконография богаты на «античные» пропорции. Для античных зодчих и, по всей видимости, византийских неоплатоников некоторые пропорции имели особый символизм. Наиболее известная и получившая известность в ренессанс «античная» пропорция – т. н. *золотое сечение* (отношение $\frac{\sqrt{5}+1}{2} \approx 1,62$ к 1), определявшее, например пропорции фасада Парфенона. Другие античные архитектурные пропорции, геометрически связанные с золотым сечением, определяются корнями квадратными из двух (1,41), трех (1,73), пяти (2,24) и «живой квадрат» (1,12), равный половине корня из пяти (Брунов, 1935). Все эти пропорции, кроме корня из трех, представлены в Мавзолею с высокой для петроглифов точностью (отклонение, как правило, во втором знаке после запятой).

Так, ширина фасада Мавзолея к максимальной высоте составляет 1,60:1, что близко к золотому сечению. Эта же пропорция описывает соотношение размеров центральных крестов и входного проема фасада (1,62:1 в среднем; кресты различаются, и индивидуальные пропорции равны 1,52:1, 1,61:1 и 1,74:1), диаметра круга, образованного крестами, к диаметру паза вокруг проема (1,57:1), и внешнего круга крестов (по их краям) к высоте фасада (1,64:1). Отношение диаметра круга вокруг входного отверстия к диаметру входного отверстия (1,36:1) примерно равно корню из двух. Пропорции фронтона Мавзолея (9,5:1) более пологие, но все же близки к пропорциям древнегреческих построек (8:1 для Парфенона) и далеки от более крутых пропорций римских, византийских и средневековых построек (4,6:1 для Пантеона). Пропорции боковых стен (2,17:1) немного меньше корня из пяти к единице, а пропорции плана Мавзолея (1,15:1) немного больше живого квадрата. Интересно, что небольшие (ок. трех процентов) отклонения пропорций боков и плана Мавзолея от античных пропорций могли быть сделаны намеренно, поскольку геометрически идеальные корень из пяти для боков и живой квадрат для плана привели бы к пропорции 2:1 для фасада без фронтона. В античности, такие «мёртвые» целочисленные пропорции не допускались для сакральных сооружений (Брунов, 1935). В результате указанных деформаций пропорций сторон и плана Мавзолея, если только они были сделаны намеренно, его фасад без фронтона получил пропорции 1,85:1, вместо целочисленных 2:1.

Античные пропорции легко заметить и в графике Мавзолея. Помимо пропорций, характеризующих центральные кресты на фасаде, высота фигуры царя (центральная фигура фасада) к высоте царицы (фигура справа ²) – 1,43:1 – образует квадратный корень из 2, а высота последней – к высоте сына (фигура слева, 1,11:1) – «живой квадрат». Высота Ёрюзмека к длине секиры примерно составляет золотое сечение (1,55:1). Рост фигуры царя к длине туловища (1,40:1) – корень из двух. Высота царицы к длине туловища (1,56:1) – золотое сечение. В *вавилоне* с фартука царицы размеры трех вложенных друг в друга четырехугольников также образуют особые пропорции, но они будут представлены ниже, при реконструкции этого уникального инструмента. *Крест-кросслет* (Kağacıoğlu, 2019) на верхней плите северной стены содержит три основные античные пропорции: «живой квадрат» (отношение ширины к общей высоте – 1,18:1), золотое сечение (ширина к расстоянию между малыми крестами – 1,62:1) и квадратный корень из пяти (большой крест к малому – 2,21:1). Растение-факел в начале нижней плиты: «пламя» делит высоту в пропорции золотого сечения (1,61:1), а высота к ширине – квадратный корень из пяти (2,20:1). Для второго *креста-кросслета* (нижняя плита) – живой квадрат (как высота к ширине, так и ширина к высоте от ножки креста – 1,12:1), корень квадратный из двух (ширина к расстоянию между маленькими крестиками – 1,44:1), удвоенное золотое сечение (скульптор использовал здесь «вытянутые» формы, и золотое сечение характеризует соотношение малого креста и половины большого креста, 1,65:1). Четырехконечный *крест-кросслет* внутри круга «мяча-пушки/бурдюка» на западной стене: золотое сечение характеризует соотношение круга «мяча» и круга креста (1,63:1), а отношение размера креста к размеру малых крестов – 3,47 (похоже на удвоенное золотое сечение, большая ошибка объяснима малыми размерами петроглифа). Рост царя к росту царицы (1,37:1) – корень из двух, а рост царицы к росту сына (фигура справа,

² Н. А. Охонько, в отличие от Е. Д. Фелицына и А. М. Гальгрена, выдвинул гипотезу о том, что эта фигура – священник, благословляющий царя. Однако и результаты сопоставления сюжетов иконографии с нартекским эпосом, и детали фигуры указывают, что был прав Е. Д. Фелицын, и мы имеем дело с фигурой женщины и притом царицы. Наиболее ярким из указаний на это является не замеченное в литературе основание для внушительного навершия на шапочке персонажа (легко заметное в виде сверху на трехмерной модели). Такое навершие могло быть ранним аналогом широко известного имперского женского головного убора монголов – *бокка* (слово сохранилось в карачаево-балкарском языке в смысле «шапочка»). Как указывает С. Старк (Stark, 2009), уйгурские *Катуны* (жены правителей, слово сохранилось в карачаево-балкарском языке в смысле «жена», *къатын*) VIII века носили аналогичный головной убор, «шапку с золотыми украшениями в виде рога, направленного вперед». Центральный элемент «трехрогого» головного убора *катунов* древних тюрок (Кубарев, 2012, 2017), отмеченного и в хазарских артефактах (Даркевич, 1974), имел ту же форму. Евразийская степь богата на такие формы головного убора верхушки общества с древнейших времен, а из локальных аналогов можно отметить старо-карачаевские *окъа бёрк* (Биджиев, 1979. С. 95–96, 142) и ингушские *курхарс*.

1,19:1) – живой квадрат. Последний *крест-кросслет* (южная стена): «живой квадрат» (ширина к высоте – 1,15:1), корень квадратный из двух (ширина к высоте от ножки креста – 1,37:1), золотое сечение (ширина к расстоянию между маленькими крестиками – 1,60:1), удвоенный корень из 2 (ширина большого креста к малому – 2,85:1).

В целом, несмотря на некоторые вариации, ограничивающиеся, как правило, вторым знаком после запятой, античные пропорции на памятнике систематически присутствуют. Если взять по всем приведенным выше размерам, то среднее отклонение от соответствующей античной пропорции составляет всего около двух процентов. Интересно, что из пяти основных античных пропорций, одна пропорция, $\sqrt{3}:1$, похоже, отсутствует в Мавзолею.

Многие другие размеры Мавзолея также выдержаны в античных пропорциях, но к римскому футу – напрямую или через вавилон, о котором речь пойдет ниже. Из 75 размеров, которые я исследовал, охватывающих гробницу, ее части и ключевые элементы иконографии, пять кратны римскому футу, сорок пять кратны элементам вавилона, в то время как шестнадцать могут быть выражены в ключевых античных пропорциях к футу. Остальные девять размеров малы, подвержены большей относительной погрешности при высечении в камне и, за единственным исключением (расстояние между меньшими крестами на *кресте-кросслете* на западной стене составляет четверть фута), составляют половину некоторого базового размера.

Стоит особо отметить, что фигура царицы систематически связана с золотым сечением. Ее рост на фасаде – два золотых сечения к римскому футу, на западной стене и средней плите южной стены – одно золотое сечение, а в двух вспомогательных сценах верхних боковых плит (высота которых меньше золотого сечения) – три четверти золотого сечения. Уникальность ее фигуры (очевидная и в эпосе, где она представлена в образе Сатанай, жены князя Ёрюзмека) заключается еще и в том, что она – носитель нескольких ярчайших сакральных символов и, как отмечено выше, именно к ее росту соотносятся размеры двух других основных персонажей, в то время, как между собой они не образуют примечательного соотношения. Из очевидно сакральных символов в ее фигуре на фасаде (помимо древнетюркской *бокка*, также вероятно носившей сакральный символизм) можно отметить солярный крест, вавилон (о нем подробнее ниже) и «пальцевые нотации», к которым мы и перейдем.

3. Античные пальцевые нотации

Хотя «двуперстовый» жест царицы на фасаде, очевидно, несет в себе важный символизм, его трудно интерпретировать. Ранее, предполагая византийскую символику в более широкой картине древнегреческих параллелей, я предположил, что жест Сатанай может быть связан с ее двойственной природой в эпосе – она дочь Солнца и Луны, но и нарт, «мать нартов» (Эдиев, 2023а). Однако разбор тщательно проработанной симметрии сюжетов фасада и верхнего блока противоположной (западной) стены делает такую трактовку проблематичной, как и трактовку Н. А. Охонько в смысле благословления священником.

О том, что художник действительно заложил такую симметрию, свидетельствует ряд сходств, сходных приемов и заметных визуальных инверсий. В обоих случаях фигуры выстроены в жестком иерархическом порядке, до сих пор бытующем у народов Кавказа: главный персонаж в центре, следующий по рангу (жена) слева, третий по рангу – справа и т. д. Композиция вокруг центральной фигуры подчеркнута всеми остальными, обращенными к ней. Изображения Ёрюзмека на обеих панелях схожи. Симметрия между тремя фигурами фасада и тремя центральными фигурами противоположного блока очевидна и в их размерах: их пропорции близки в обоих блоках (и следуют античным пропорциям, обсуждаемым ниже, а именно квадратному корню из 2 и «живому квадрату»). Другие симметричные элементы и техники можно увидеть в расположении и ориентации топора, символике мудрости и магической природы Сатанай, кругах и крестах.

Теперь, чтобы интерпретировать «двуперстовый» жест, рассмотрим символику рук людей на двух блоках. Спереди правые руки царицы и сына держат сосуды с (поминальным) напитком, который в случае царицы символически преподносится мужу. На задней стене правая рука царицы

указывает на небо. В обоих случаях Ёрюзбек держит топор в правой руке, хотя в двух сценах его внимание и топор направлены в противоположные стороны. Таким образом, символика жестов правой руки представляется определенно положительной. Символика жестов левой руки выглядит противоположной. Именно левая рука пастуха с пустой ладонью знаменует лишения и голод, вызванные проклятием старого князя Фука на западной стене. В рамках симметрии блоков это – «инверсия» правой руки сына, держащей наполненный сосуд на фасаде (символизирующий, в рамках этой симметрии, процветание, оставленное царем). Левая рука царицы на западной стене держит сосуд с напитком, но отравленным, спасая ее мужа от убийства – еще одна «инверсия», контрастирующая с ее правой рукой, предлагающей мужу прощальный напиток на фасаде.

На этом богатом фоне символизма рук, ярко выраженный «жест» *левой* руки Сатанай на фасаде, если это жест, мог бы нести сильное послание негативного оттенка. Возможно, нам не следует читать это как духовный символ двойственности, не говоря уже о благословении. Однако, иной подход к разгадке смысла знака ладони вытекает из *пальцевых нотаций* – древнеримской традиции изображения чисел пальцами рук (левая рука изображала единицы и десятки, а правая – сотни и тысячи)

(Turner, 1951). Хотя традиция *пальцевых нотаций* вышла из широкого обихода ко времени Мавзолея, ее использование в иконографии сохранялись как минимум до сер. XII в. (Minaud, 2006. С. 29–30), что позволяет предположить, что она могла проникнуть и в Аланию. Мино (Minaud, 2006) интерпретирует знаки на трех саркофагах (два из них – II и III вв. н. э.), подобные Кяфарскому, как число 52, символизирующее годовой, т. е. солнечный, цикл, 52 недели в году (по правилам пальцевых нотаций, загнутый большой палец означает пятьдесят, а полусогнутые мизинец и безымянный палец – два, в сумме получается 52). Использование скульптором числовой символика подтверждается явным изображением нижних фаланг на рисунке. Таким образом, он подчеркивает, что мизинец и безымянный палец согнуты посередине, что и соответствует числу 52 (если бы эти пальцы были согнуты полностью, то получилось бы число 58). Прямая аналогия этому символизму – статуя Януса, стоявшая на Римском Форуме и методом *пальцевых нотаций* показывавшая число 365 (дней в году) (Minaud, 2006; Turner, 1951). Еще одна деталь, которая подчеркивает, что мы видим числовой знак, а не риторический или благословляющий жест, заключается в том, что ладонь руки повернута внутрь. В отличие от примеров, приведенных у Мино, где, в силу занятости левой руки, число 52 показано, вопреки норме, пальцами правой руки, Кяфарский солярный знак точно следует традиции и использует левую руку³.

Таким образом, в изображении левой руки можно видеть не смысловой жест, а закодированное число 52, солярный знак, что подчеркивает связь Мавзолея и, в первую очередь, Сатанай, с солярным культом и античной культурой. Он, как и вавилон на переднике, ярко подчеркивает *ученость* царицы, см. аналогичный случай у Мино (Minaud, 2006. С. 25).

Вероятно, знак ‘52’ левой руки Сатанай на фасаде – не единственный из «цифровых» в иконографии Мавзолея. Как правило, древний художник скрывает пальцы или всю ладонь персонажей, видимо, чтобы не вызвать случайных неверных цифровых жестов. На этом фоне, а также на фоне развитого числового символизма, заметно, что в некоторых случаях пальцы рук подчеркнута прорисованы. Помимо жеста Сатанай, можно отметить вытянутые пальцы ладоней Ёрюзбека на фасаде и на западной стене. Вытянутые пальцы правой руки героя, которая должна держать секиру, выглядят особенно необычно. Если обратиться к античной традиции пальцевых нотаций, то ладони Ёрюзбека обозначают число «40» (если читать знаки обеих рук как одно число, то это будет число «440»), – сакральное число, которое уже возникало в габаритах памятника, но конкретный смысл которого нам не ясен.

³ Автор иконографии Мавзолея не прибегает к художественному приему античных скульпторов, которые помещали в левую руку персонажа какой-нибудь предмет (свиток) и тем самым избегали необходимости обозначать сакральное число левой рукой, как того требовали правила пальцевых нотаций. Это может свидетельствовать о том, что сюжет кубка с поминальным напитком в *правой* руке был очень важным, вероятно глубоко укоренившимся в локальных традициях. Кубок в правой руке был нормой докипчакских тюркских поминальных изваяний как в Азии, так и на Кавказе (у кимако-кипчаков – в обеих руках) (Кубарев, 2017).

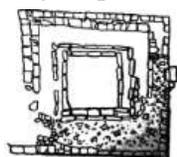
4. Кяфарский трапециевидный вавилон

Как в контексте религиозного аспекта событий поздней Алании, отраженных в иконографии, так и для атрибуции культуры памятника и прояснения средневековой технологии архитектурных пропорций, важен вавилон на переднике царицы с фасада.

Этот символ тесно связан с солярными культурами и магическими практиками древних тюрок понто-каспийских степей и Северного Кавказа (как минимум с булгарами и хазарами). Сложно определенно судить об истоках символизма вложенных прямоугольников, но можно отметить, что все мемориалы ранних тюркютов имели сходную структуру. Например, центральным объектом мемориала Кюль Тегина был квадратный купол 5×5,85 м. посередине Мавзолея 13×13 м., внутри прямоугольного сооружения 63×31 м. В.Е. Флерова указывает на сходные китайские представления о гармонии столицы-дворца-храма (Флерова, 2001. С. 142–143). Чуваши, культура которых связана с булгарами, верили, что средний мир, в котором проживают люди, имеет форму квадрата, а их народ живет в его центре, недалеко от священного древа жизни, которое поддерживает небосвод (Гришаева, Ершов, 2017. С. 138).

Получивший известность как «вавилон», символ из трех вложенных прямоугольников обнаружен на кирпичках хазарской крепости Саркел (IX в. н. э.), на хазарских и тмутараканских объектах на Таманском полуострове (IX–X вв. н. э.), на гробнице дунайского булгара Мостича (X в. н. э.), на древнерусских постройках (XI–XII вв. н. э.) (Рыбаков, 1957), мы обнаружили их и на двух петроглифах болгарского монастырского комплекса Мурфатлар (X в. н. э.) (Ovcharov, 2014. С. 4, 27) (вставка справа), среди петроглифов в Дагестане (Голан, 1993. С. 131. Марковин. 1988). Изображение с фасада Мавзолея не единственный вавилон на Кяфарском городище, – найдены и другие вавилоны (Аржанцева, 2001), в т.ч. у «трона-черепahi» (вставка слева). Учитывая приведенные выше примеры, в т.ч. и новые вавилоны комплекса Мурфатлар, можно согласиться с Г.М. Давлетшиным (Давлетшин, 1990. С. 125–126), что география раннего использования вавилона связывает его с болгаро-хазарским миром, но повторимся, что традиция восходит еще к тюркютам.

В связи с сакральным значением символа (Голан, 1993. С. 131. Нахапетян, 1994. Флерова, 2001. С. 136–146), важно, что его форма использовалась как образец для болгарских и хазарских святилищ и планов городов, в том числе святилища на Хумаринском городище (крупнейшей хазарской крепости VIII–X вв.) (Биджиев, 1983. С. 45–48. Нахапетян, 1994. Флерова, 2001. С. 144–145), двух святилищ на алано-булгарском Маяцком городище хазарского периода, IX–X вв. (Винников, 2017. С. 72–81) и святилища дунайских булгар (Биджиев, 1983. С. 48. Михайлов, 1955); в целом, такие святилища были широко распространены у средневековых тюрок⁴ (Винников, 2017. С. 81) и связаны с поминальным огненным культом⁵. Важным символизмом и связью Мавзолея

⁴ Х.Х. Биджиев (Биджиев, 1983. С. 48) упоминает потенциально родственное огненное культовое святилище кавказских гуннов. Прямоугольные ограждения были давней тюркской сакральной традицией, в т.ч. у тюркютов, из которой в контексте позднего аланского общества отметим, помимо святилищ-вавилонов: специфические хазарские квадратные ровики вокруг курганов, квадратные каменные ограды восточных тюрок вокруг захоронений с каменными памятниками внутри них (но и у аланов: именно в такую композицию входила известная зеленчукская плита с надписью; прямоугольное святилище включало в себя захоронение и, вероятно, памятник, в Гиляче, важном аланском городище в Верхней Кубани (Минаева, 1982)) и поздняя, но подкрепляющая подмеченные нами параллели, карачаевская традиция точно таких же прямоугольных могильных оград (с памятником внутри), а также прямоугольных каменных выкладок вокруг доисламских могил.

⁵ Центральный квадрат древнетюркских поминальных святилищ предназначался для огненного культа (сжигались вещи, которые, по поверью, попадали к поминаемому). В этой связи интересны сразу несколько аспектов древней и современной кавказско-тюркской культур. У карачаево-балкарцев, в мусульманском контексте, поминальная раздача еды (по смыслу близкая к обрядам древних тюрок) называется *ийис этдиррге*, букв. «делать запах, аромат». *Даркунанд* – языческое святилище *Чона* кавказских гуннов для жертвоприношения лошадей (Ш.В. Смбалян (Смбалян, 1984. С. XLI) отвергает сомнения Ч. Довсета (Dowsett, 1961. С. 165–166) и настаивает

со святилищами Хазарии может быть то, что его план близок к внутренним квадратам Хумаринского и Маяцкого святилищ, а сам Мавзолей, стоящий на двух вложенных друг в друга основаниях, можно рассматривать как стилизованный вавилон.

Наиболее интересно для нашей заметки то, что вавилон на Мавзолее великолепно подтверждает теорию Б. А. Рыбакова (Рыбаков, 1957) о том, что в середине века вавилоны использовались как архитектурный инструмент для проектирования размеров и пропорций зданий. В то время, как размер русских вавилонов, по Рыбакову, был связан с русскими мерами длины (сажень и пядь), размер основания вавилона на Мавзолее равен *римскому футу*, который, как мы видели, характеризовал размеры как Мавзолея, так и Архызского Круга.

По всей видимости, Кяфарский вавилон был блестящим средневековым изобретением. Предтечу геометрического использования вавилона можно видеть в святилищах западных тюрок, в которых сторона внешнего четырехугольника становится диагональю среднего. Это свойство характерно как для вавилонов, описанных Б. А. Рыбаковым, так и для Кяфарского вавилона, но оно не выдерживается в планах святилищ древних восточных тюркютов, т. е., по всей видимости, было инновацией западных тюрок. Но геометрия Кяфарского вавилона сложнее, являясь синтезом древнетюркских традиций и символизма византийских неоплатоников.

С целью понять, мог ли наш вавилон быть использован как эталон для построения Мавзолея и его иконографии в нужных размерах и пропорциях, нами была предпринята попытка реконструировать математически его идеальную форму. Эта реконструкция привела к поразительному результату: Кяфарский трапециевидный вавилон можно построить, используя всего три «магических» числа (2, 7 и 12 или 2, 8 и 13). Будучи построен, он определяет все важные античные пропорции, а также число π и множество других соотношений и дробей. Математические детали реконструкции навряд ли будут интересны большинству читателей, поэтому приведем основные результаты.

Кяфарский вавилон отличается от классических хазаро-булгарских вавилонов двумя базовыми особенностями. Во-первых, он соразмерный, менее вытянутый, что приближает его к форме хазаро-булгарских святилищ. Во-вторых, Кяфарский вавилон имеет трапециевидную форму, что компенсирует потерю геометрической гибкости из-за «квадратной», а не вытянутой прямоугольной формы. В ходе реконструкции, мы исходили из предположения, что все три четырехугольника вавилона были подобны квадрату в том, что их высоты совпадают со средней шириной, а внутренний четырехугольник, соответственно, – квадрат.

Как подсказывают выкладки Б. А. Рыбакова (Рыбаков, 1957), у средневековых вавилонов меньший размер внешнего четырехугольника был равен по длине диагонали промежуточного четырехугольника. Как мы отметили выше, эта черта также применима к Маяцкому и Хумаринскому святилищам, но не к памятникам восточных тюркютов. Кяфарский вавилон также, по-видимому, удовлетворяет этому соотношению: высота внешней трапеции близка по длине к диагонали промежуточной трапеции. Мы придерживались этой зависимости при реконструкции идеальной геометрической формы фигуры.

Другим руководящим принципом реконструкции было требование, что фигура, оставаясь близкой к той, что изображена на фасаде Мавзолея, должна содержать, среди пропорций между ее различными измерениями, все античные пропорции, которые мы нашли на изображениях Мавзолея: «живой» квадрат, квадратные корни из двух и пяти, золотое сечение, пред-

на этом названии святилища); культ *Чопты* сохранялся у карачаево-балкарцев вплоть до исламского времени. Ср. крач.-балк. *дуркью* – [прямоугольный] загон для скота. Этот термин фигурирует в традиционной детской поговорке: ‘*Дуркью, дуркью, дуркью* [т. е. три ограждения, одно внутри другого – Д. Е.]. *Внутри дуркью – бык...*». Бык в центре лабиринта отсылает нас к Минойскому лабиринту (о символизме лабиринта в связи с вавилоном см. заключение). Мотив священного (и притом солярного) животного за вложенными ограждениями присутствует в Нартском эпосе (белый *конь* семи братьев *Индиевых*, охраняемый за многочисленными оградами (Ортабаева, Хаджиева, Холаев, 1994. Гл. VII)). Лошадь была солярным животным во многих древних культурах, отголоски чего можно видеть в балкарской поговорке «*Атны башы кюн. Голова лошади – солнце*» и традиционном запрете бить лошадь по голове. В центре Кяфарского вавилона так же находится солярный знак (крест).

почтительно еще и удвоенные квадратный корень из двух и золотое сечение, которые мы также нашли на изображениях. Квадратный корень из трех, хотя пока и не найден нами в иконографии, также был важной античной пропорцией, поэтому было бы полезно получить и его. Стоит отметить, что, имея вавилон в качестве эталона, можно легко спроецировать необходимые архитектурные пропорции на любой объект, используя средневековые инструменты, такие как *пропорциональный делитель*.

Ширина нижнего основания вавилона подсказана изображением с фасада Мавзолея и составляет единицу измерения (один римский фут). Верхнее и нижнее основания внешней трапеции связаны между собой как корень из двух и золотое сечение и могут быть весьма точно получены, если положить, что верхнее основание на одну восьмую короче нижнего.

Высота второй трапеции меньше высоты первой во столько же раз, во сколько верхнее основание первой трапеции короче ее диагонали, а высота внутреннего квадрата меньше еще в два раза. Для второй трапеции следует также положить, что длина нижнего основания на одну двенадцатую шире длины верхнего (или, равносильно, длина верхнего основания на одну тринадцатую короче длины нижнего).

Указанные соотношения позволяют построить вавилон достаточно легко, а в его пропорциях легко и притом в системе, не лишенной эстетики, прослеживаются все необходимые пропорции:

- Корень из двух может быть получен как отношение высоты любой трапеции к ее диагонали, а также как отношение длины верхнего основания внешней трапеции к высоте второй.
- Золотое сечение определяется отношением нижнего основания внешней трапеции к высоте второй.
- Удвоенные квадратный корень из двух и золотое сечение, соответственно, задаются отношениями длин верхнего и нижнего оснований внешней трапеции к стороне внутреннего квадрата.
- Корень из пяти задается отношением диагонали внешней трапеции к верхней стороне второй трапеции.
- Живой квадрат можно получить или делением половины диагонали внешней трапеции к верхнему основанию второй, или примерно, как отношение средней длины верхних оснований двух внешних трапеций к средней ширине их нижних оснований.

Способа для корня из трех, столь же простого и точного, как для других пропорций, найти не получается, что само по себе показательно, учитывая, что именно эта античная пропорция не найдена нами и в параметрах Мавзолея. Но вполне приемлемо (в теории – с ошибкой меньше процента) эта величина задается как отношение длины верхнего основания второй трапеции к отклонению этой длины от высоты внешней трапеции.

С реконструированной нами формы вавилона так же можно «считать» множество рациональных дробей и даже число *π* (последнее примерно равно отношению суммы нижней и боковой сторон внешней трапеции к аналогичному размеру внутреннего квадрата). Впрочем, следов использования «квадратуры круга» в Мавзолее мы не видели, а если длина «сложенного круга» иконографии Мавзолея была намеренно положена четверти диаметра Архызского круга, то такая «путаница» между диаметром и длиной окружности может означать или незнание геометрии круга, или ее неактуальность для аланских зодчих.

Вложенные четырехугольники реконструированного вавилона весьма точно соотносятся как 1:2:3. Что само по себе служит подтверждением правильности реконструкции, поскольку эти числа были чрезвычайно символичны для поздних византийских неоплатоников, с влиянием отвлечения которых мы связываем образы Мавзолея, нартский эпос, и саму религиозно-политическую трансформацию в поздней Алании. Так, в изложении грузинского неоплатоника Петрици (ученика Итала и современника Мавзолея), *один* обозначает Божественное начало всего (символизируемое у неоплатоников солнцем, но также квадратом (Proclus, Taylor, 1792. С. 178), что хорошо объясняет солярный крест в центре квадрата); *два* – это «путь» [к другим числам]; а *три* символизирует порождение всего остального (Петрици, 1984. С. 94–95, 220–221).

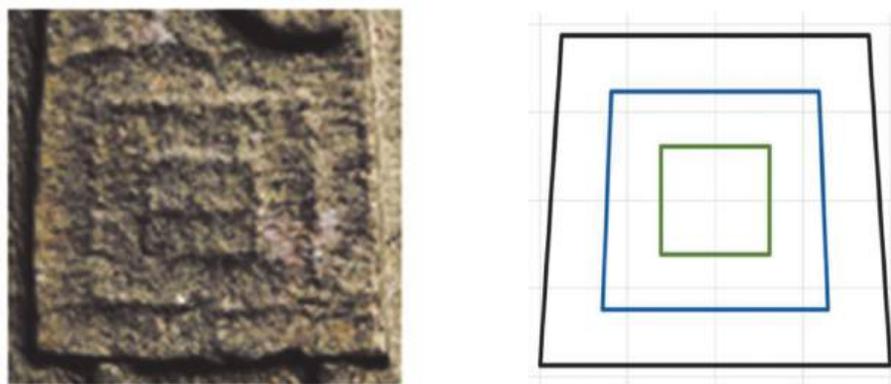

Рис. 1. Изображение вавилона с фасада кяфарского Мавзолея (слева) и реконструкция его идеальной геометрической формы (справа)

Оригинальный вавилон с фасада и реконструкция его идеальной формы представлены на рисунке 1. Любопытно, что реконструированный вавилон, как и всякая трапеция с разными основаниями, выглядит вытянутой, хотя он идеально «квадратен» в смысле равенства высоты и средней ширины. Иконографический вавилон, наоборот, выглядит «квадратным», хотя измерение показывает, что он немного сплюснут. Могло ли такое искажение быть внесено с целью исправления визуального обмана или с целью скрыть истинные параметры магического инструмента от непосвященных? Или дело в избегании «мертвых» целочисленных пропорций, в соответствии с античной традицией (Брунов, 1935)?

Во всяком случае, можно с большой уверенностью отметить, что именно инновационный трапециевидный вавилон, помимо его сакрального символизма, был тем эталоном, который аланские зодчие использовали при проектировании Мавзолея, его иконографии, но и быть может других объектов, таких, как Архызский Круг. Его можно также рассматривать как символ мистических способностей, учености и мудрости царицы, что идеально и почти эксклюзивно применимо к Сатанай из эпоса.

5. Другие математические аспекты дизайна Мавзолея и его графики

Математические образы Мавзолея не ограничиваются изложенным выше. Неоплатонический символизм чисел 1, 2, 3, заметный в структуре вавилона, проявляется и в других элементах иконографии. Он ярко представлен в дизайне *крестов-кросслетов* и центральной композиции фасада. Кресты-кросслеты могли символизировать божественное вмешательство и появление нового качества в жизни героя. Это согласуется с их связью с ключевыми «перерождениями» героя: рождением, решением восстать против старого князя, убийством князя и обретением власти (Эдиев, 2023). Таким образом, *кресты-кросслеты* можно рассматривать как знаки движения от Источника к важным событиям в жизни героя. В то же время композиция вокруг центрального отверстия фасада символизирует обратное движение – возвращение к Источнику, олицетворяемому самим входным отверстием. Если эта интерпретация верна, то Мавзолей создан в поразительной гармонии: он представляет собой срединную часть стилизованного вавилона, символизируя божественное начало. Возвращение героя к этому началу подчеркивается центральным отверстием, через которое покойного должны были внести в гробницу.

Также стоит отметить тщательно продуманную симметрию блоков. Помимо упомянутых аналогий между фасадной и задней стенами, симметричны и композиции верхних блоков боковых стен. Визуальные симметрии, вероятно, были связаны с символизмом четного и нечетного. В неоплатонической традиции четное символизировало Источник всего и жизнь, а нечетное – смерть и переходные состояния. Именно этим И. Петрицы объяснял, что младенец, рож-

дающийся через семь (нечетное) месяцев может выжить, но не выживет, если родится через четные восемь месяцев беременности (Петрици, 1984. С. 221).

В этом контексте показательно, что фасад Мавзолея, обращенный на восток, ассоциируемый с началом и жизнью в древних культах, насыщен символизмом нечетного, а сторона, обращенная на запад (сторона смерти) насыщена символизмом четного. Действительно, на фасаде: одна плита, одна семья из трех персон, одна собака (и у нее нечетное количество конечностей, чем можно объяснить пикантную деталь рисунка), на лапах пса – по три пальца, три креста (с тремя окончаниями), одно действие, три сосуда, один напиток, одно оружие (секира – из трех частей), один магический инструмент (вавилон), семь солярных знаков, у Сатанай – три солярных знака, вавилон из трех четырехугольников. На западной стороне: две плиты, симметричная (т. е. «четная») композиция, две компании (Фука и Ёрюзмека), четыре действия, восемь персон (в т. ч. два князя, два сына, две персоны нартов), два небесных предмета (котел и бурдюк/мяч-пушка), две птицы, две собаки (с четным числом конечностей), на лапах псов, кроме задних двух лап «слабого» пса – по четыре пальца, крест с четырьмя кросслетами, два оружия (секира и отравленное питье), два вида еды (на столике и напиток), четыре столовых прибора, шесть камней (один, очевидно, уже в котле), шесть звеньев цепи (одно откололось, но реконструируется), два солярных знака, две попытки навредить нартам, два убийства в ответ.

6. Обсуждение и заключение

В каких-то элементах приведенных выше наблюдений мы могли ошибиться, принять случайное за замысел аланских зодчих, но общая тенденция достаточно надежна. Мавзолей был спроектирован – с помощью уникального трапециевидного вавилоня – при систематическом использовании античных размеров и числового символизма неоплатоников. Наиболее вероятно, что к аланам соответствующие символизм и знания попали через византийских неоплатоников в ходе очерченного во введении политико-духовного разворота в конце XI–XII вв., в правление Ёрюзмека-Росмика. Многочисленные античные сюжеты иконографии и эпоса, выходящие за рамки нашей работы, также согласуются с такой картиной. Конкретно на неоплатоников, помимо религиозно-политического контекста Византии 1080-х, указывают неоплатонические элементы в космогоническом сюжете эпоса и числовой символизм иконографии.

Аланские артефакты не подвергались систематическому исследованию на предмет наличия античных размеров, но мы не выявили подобных пропорций ни в размерах каменной черепицы на Кяфарском городище, ни в основных размерах главного аланского собора в Нижнем Архызе, ни в сторожевых башнях. Аланским объектом с явным античным размером является Архызский Круг, вероятно символически связанный с Кяфарью.

Интересная закономерность выявляется так же и в пропорциях других дольменообразных гробниц Кяфарского городища. Из многочисленных подобных «дольменов», найденных как на территории поселения, так и по всему Верхне-Кубанскому бассейну, мы рассмотрели пропорции только семи гробниц, описанных В. И. Марковиным (Марковин, 1983). Эти семь «дольменов» не демонстрируют столь последовательного присутствия древнегреческих пропорций, как Мавзолей. Тем не менее, они демонстрируют следы этих пропорций, и позволяют предположить, что дольмены могли быть реконструированы, чтобы соответствовать желаемым пропорциям.

В качестве примера рассмотрим дольмен 1 (по нумерации Марковина). Хотя план его камеры имеет «нестандартное» соотношение (1,28:1), пропорции «впускной камеры» близки к золотому сечению (1,63:1). Аналогичное наблюдение справедливо и для «впускной» гробницы в дольмене 5, пропорции которой близки к золотому сечению (1,59:1). Дольмены 2, 4, 6 и 7 имеют фасады с соотношениями, близкими к золотому сечению или квадратному корню из двух (1,69, 1,42, 1,54 и 1,62 к 1 соответственно). Но примечательно, что эти пропорции, по-видимому, были достигнуты за счет добавления каменных балок к первоначальным монолитам фасада.

Похоже, что гробницы, соответствующие более старой традиции, были реконструированы, чтобы соответствовать «новым нормам» более поздней традиции, которая включала античные пропорции. Напротив, «настоящие» дольмены Западного Кавказа, подробно описанные

В. И. Марковиным (Марковин, 1978) (мы извлекли 113 пропорций), не обнаруживают какой-либо особой связи с античными пропорциями. Это обстоятельство подкрепляет наше предположение, античные сюжеты и размеры эпоса и Мавзолея связаны с влиянием византийского неоплатонизма в кавказской Алании в довольно узком историческом периоде конца XI – начала XII вв.

Пальцевые нотации у царицы и царя, показывающие, соответственно, сакральные числа 52 и 40, могли быть частью символической композиции, а, быть может, даже отражать некие особенности религиозной структуры аланского общества. Они как будто коррелируют с интересной особенностью Кяфарского вавилона, подчеркивающей тюрко-античный синкретизм памятника. А. Голан (Голан, 1993. С. 126, 128, 131), отмечая связь вавилона с символизмом лабиринта, указывает на древнегреческую этимологическую связь последнего с двойным топором *лабрум*. Если это так, то использование образов вавилона для царской жены и секиры для ее мужа потенциально символично. В подтверждение этой возможности следует отметить, что размеры Вавилона и секиры идентичны, за вычетом рукояти. Прямоугольная форма секиры (в отличие от округлых реальных аланских боевых топоров (Кузнецов, 1993. С. 87, 109, 114), имевших аналоги у дунайских болгар и аваров (Кузнецов, 1961. С. 111–112)) – еще одна визуальная связь между двумя символами.

Получается, что царь и царица наделены авторами иконографии внутренне связанным набором символических атрибутов: сакральное число 40 и боевой топор *лабрум* у царя (в эпосе – *сырпын*, что, учитывая описание оружия в эпосе, можно связать с тюрк. *сыр-*, «скользить, стремительно съезжать вниз» (Левитская и др., 2003. С. 439), латинским *sarpare*, «срезать, стричь» и, быть может, с поэтическим обыгрыванием латинского *serpens*, «змея» для усиления связи с символикой лабиринта у царицы), и магические солярное число 52 и *вавилон* у царицы (последний связан как с тюркской традицией святилищ, так и с античным образом лабиринта). Тюркское *кьыркь*, наряду с обозначением числа 40, означает еще и «срезать, стричь», будучи аналогом латинского *sarpare*, что усиливает уверенность в том, что мы имеем дело с некой системой магических образов и чисел и тюрко-античного синкретизма, обыгранных авторами мавзолея и эпоса.

Взаимосвязь чисел 40 и 52, но уже не вполне понятную, можно проследить в культуре карачаево-балкарцев вплоть до наших дней. В нач. XV в., описывая карачаевцев (горных «черных таркасов»), де Галонифонтибус (Kern, 1938. С. 110) отмечал: «Они постятся 50 дней для Четырнадцатницы, в Адвент и в шестой день (пятницу), о остальном не заботятся» [*Ieiunant L dies pro Quadragesima, et Adventum et sextam feriam, de ceteris non currant*]. В современной, уже исламской, культуре, эта связь видна в том, что главные поминки у карачаево-балкарцев, *кемик дууа*, совершаются на «сороковой» (*эки джыйырманчы*, «дву-двадцатый») день, для которого, однако, отсчитывают 52 дня. По всей видимости, мы имеем дело с некой архаикой, утерявшей исходный смысл и восходящей к поздне-аланскому, а быть может и хазарскому, периоду. Всего лишь как версию, отмечу, что, если начинать пост в «пепельную среду», как у католиков, но поститься и в воскресенье, и добавить одну неделю до Великой Пятницы включительно (т. е. пост должен начинаться на неделю раньше, чем обычно принято), то получается ровно 52 дня поста в течение восьми недель. С другой стороны, если исключить – в те же восемь недель – пост по воскресеньям, как обычно у христиан, но и по субботам, и начинать в понедельник, то получается сорок дней поста. Отсутствие поста в субботу могло быть хазаро-иудейским наследием (в карачаево-балкарском, название субботы, *шабат кюн*, сохранило оригинальное/хазарское?/звучание). Другими словами, вполне возможен расклад, когда 40 дней поста у одной части общества, избегающей поста по субботам и воскресеньям, проходят одновременно с 52 днями поста у другой части общества и завершаются в один день – в последнюю пятницу. Это всего лишь версия, но вполне правдоподобная для позднего аланского общества сложной религиозной структуры, сохранявшего следы как хазарского, так и византийского влияния, наложенных на Тенгрианство, да еще и переформатированные под воздействием неоплатоников.

В заключение можно отметить, что в тщательно продуманном символизме иконографии и даже габаритов Мавзолея, с широким привлечением античных и неоплатонических числовых и геометрических идей, можно с уверенностью видеть влияние византийских неоплатоников на аланское общество рубежа XI–XII вв. Это хорошо иллюстрирует параллели иконо-

графии с карачаево-балкарской версией нартского эпоса, в котором античные мотивы столь же многочисленны и точны, как и в иконографии и дизайне Мавзолея. Кяфарский трапезиевидный вавилон – уникальная инновация на стыке древнетюркских традиций и идей неоплатоников, дальнейшее изучение происхождения которого могло бы пролить свет на связи позднеаланской культуры с византийским «ренессансом», разгромленным Комнинами в конце XI в.

Литература

- Dowsett C. J. F., 1961.** The History of Caucasian Albanians: By Movses Dasxuranci by Movses Dasxuranci. London: Oxford University Press.
- Ediev D. M., 2024.** Tengrianism in Union with Neoplatonism: The Iconography of the Alan Kyafar Mausoleum and the Karachay-Balkar Nart Epic // Archivum Eurasiae Medii Aevi, 27. – Accepted for Publication.
- Idrīsī, M., 1152.** Nuzhat Al-Mušṭāq Fī Iḥtirāq Al-Āfāq. Arabe 2221. 1–653. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6000547t/f12.item>.
- Karagiorgou O., 2019.** ‘The Emperor’s new clothes’: Looking anew at the iconography of the Tondi / The Tondi in Venice and Dumbarton Oaks. Art and Imperial Ideology between Byzantium and Venice. Roma-Venezia: Viella s. r. l. – Centro Tedesco di Studi Veneziani. P. 93–150
- Kern A., 1938.** “Libellus de notitia Orbis” Ioannes’ Iii. (De Galonifontibus?) O. P. Erzbischofs von Sulthanyeh // Archivum Fratrum Praedicatorum, Vol. VIII. Graz.
- Latham-Sprinkle, J., 2022.** The Alan capital *Magas: a preliminary identification of its location // Bulletin of the School of Oriental and African Studies 85 (1). P. 1–20.
- Minaud G., 2006.** Des doigts pour le dire. Le comput digital et ses symboles dans l’iconographie Romaine. Talking fingers. Finger-reckoning and symbols in Roman iconography // Histoire & Mesure XXI (1). P. 3–34.
- Ovcharov N., 2014.** Murfatlar Script. London.
- Proclus, Taylor Th., 1792.** The philosophical and mathematical commentaries of Proclus on the first book of Euclid’s Elements; to which are added, a history of the restoration of Platonic theology, by the latter Platonists: and a translation from the Greek of Proclus’s Theological E. London.
- Salim M. R., ND.** Ashraf Qansuh Al-Ghourī. https://Archive.Org/Details/20210915_20210915_0717.
- Seibt W., Zarnitz M. L., 1997.** Das Byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Stark S., 2009.** Some remarks on the headgear of the royal Türks // Journal of Inner Asian Art and Archaeology (4). P. 119–133.
- Tallgren A. M., 1934.** Sur les monuments megalithiques du Caucase Occidental // Eurasia Spetentrionalis Antiqua 9. P. 1–45.
- Turner J. H., 1951.** Roman elementary mathematics: the operations // The Classical Journal 47 (2). P. 63–74.
- Аржанцева И. А., 2001.** Аланское городище Кяфар IX–XII вв. н. э. в Карачае / Карачаевцы и Балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. С. 241–269.
- Биджиев Х. Х., 1979.** Погребальные памятники Карачая XIV–XVIII вв. / Вопросы Средневековой Истории Народов Карачаево-Черкесии. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и культуры. С. 63–145.
- Биджиев Х. Х., 1983.** Хумаринское городище. Черкесск: КЧО Ставропольского книжного изд-ва.
- Брунов Н., 1935.** Пропорции античной и средневековой архитектуры. М.: Издательство все-союзной академии архитектуры.
- Винников А. З., 2017.** Хазарская крепость на Тихой Сосне. 2-е изд. Воронеж: Научная книга.
- Глушков Л. Н., 1969.** Отчет о работе археологической экспедиции Ставропольского краевого музея по разведке путей и выполнению самого вывоза из Кривобалковского могильника

- наземного монументального склепа-мавзолея аланского военачальника... Архив ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 3988. Ставрополь.
- Голан А., 1993.** Миф и Символ. М.: Руслит.
- Гришаева С. А., Ершов Н. С., 2017.** Политические мифы и стереотипы в этноментальности чувашского народа // Вестник Университета (10). С. 135–142.
- Давлетшин Г. М., 1990.** Волжская Булгария: духовная культура. (Домонгольский период X – нач. XIII вв.). Казань: Татарское книжное издательство.
- Даркевич В. П., 1974.** Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос // Краткие сообщения института археологии. Вып. 140. Восточная Европа в I–II тысячелетиях н. э. М.: Изд-во АН СССР. С. 27–28
- Доде З. В., 1994.** Костюмы персонажей Кяфарской гробницы / Аланская гробница XI века. Сборник. Ставрополь: АРС-дизайн. С. 60.
- Комнина А., 1965.** Алексиада. М.: Наука, “Восточная литература”.
- Кузнецов В. А., 2012.** К вопросу о женских древнетюркских изваяниях на Алтае / Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб: ИИМК РАН, Периферия. С. 339–346.
- Кубарев Г. В., 2017.** Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрков) // Археология, этнография и антропология Евразии 45 (1). С. 93–103.
- Кузнецов В. А., 1959.** Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае / Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 76. М.: АН СССР.
- Кузнецов В. А., 1961.** Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья / Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 85. М.: Изд-во АН СССР.
- Кузнецов В. А., 1993.** Нижний Архыз в X–XII Веках. Ставрополь: Кавказская библиотека.
- Кузнецов В. А., 2008.** В Верховьях Большого Зеленчука. Пятигорск: СНЕГ.
- Кузнецов В. А., 2019.** Кавказская Алания. Запад-Восток. Историко-археологические очерки. Пятигорск: СНЕГ.
- Левитская Л. С., Благова Г. Ф., Дыбо А. В., Насилов Д. М., Поцелуевский Е. А., 2003.** Этимологический словарь тюркских языков. Т. 7. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН.
- Марковин В. И., 1978.** Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука.
- Марковин В. И., 1983.** Дольменные постройки в бассейне р. Кяфар // Советская археология (3):90–109.
- Марковин В. И., 1988.** К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа / Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа». Орджоникидзе. С. 102–123.
- Минаева М. Т., 1982.** Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. / Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.: Наука. С. 222–234.
- Михайлов С., 1955.** Дворцовата църква в Плиске // Известия на Археологическия Институт. XX. С. 242–258.
- Нахапетян В. Е., 1994.** Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии // Российская археология (4). С. 107–118.
- Ортабаева Р. А.-К., Хаджиева Т. М., Холаев А. З., 1994.** Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / Сост.: Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев; Вступ. Ст., Комментар. и Глоссарий Т. М. Хаджиевой; Отв. Ред. А. И. Алиева. М.: Восточная литература.
- Охонько Н. А., 1983.** Изображения На Стенах Гробницы с Реки Кривой (Прикубанье) // Советская археология (2). С. 78–91.
- Охонько Н. А., 1994.** Семантика изображений аланской гробницы XI в. кяфарского городища / Аланская гробница XI века. Ставрополь: АРС-дизайн. С. 60.
- Охонько Н. А., 2020.** Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации. Ставрополь: Дизайн-студия Б.

- Охонько Н. А., 2021.** Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации. 2-е изд. Ставрополь: Дизайн-студия Б.
- Охонько Н. А., 2022.** Новые смыслы кяфарского мавзолея. Ставрополь: Дизайн-студия Б.
- Петрици И., 1984.** Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадоха. М.: Мысль.
- Рыбаков Б. А., 1957.** Архитектурная математика древнерусских зодчих // Советская археология (1). С. 82–104.
- Смбатян Ш. В., 1984.** Мовсес Каганкатваци. История страны Алуанк (в 3-х Книгах) / Перевод с Древнеармянского Ш. В. Смбатяна. Ереван: Институт древних рукописей им. Маштоца – Матенадаран.
- Ставропольский государственный музей-заповедник, 2023.** Виртуальный лапидарий Ставропольского музея-заповедника / Рук. Брилева О. А. – электронный ресурс – <http://3d.stavmuseum.ru/3D/xz0383.html>.
- Урусбиев С., 1881.** Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского Округа Терской Области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 1. Отдел II. С. I–42.
- Фелицын Е. Д., 1904.** Остальные памятники, осмотренные Е. Фелицыным // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского Археологического Общества 9. С. 84–50.
- Флерова В. Е., 2001.** Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Москва – Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим.
- Хатуев Р. Т., Шаманов И. М., 2009.** Календарь / Карачай с древнейших времен до 1917 года. Историко-Этнографические Очерки. Черкесск: ИКО “Аланский эрмитаж”. С. 269
- Шаманов И. М., 1971.** Народный календарь карачаевцев // Этнографическое обозрение (5). С. 108–17.
- Шаманов И. М., Лайпанов Р. С., 2012.** Карачаевская антропонимика. Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство.
- Эдиев Д. М., 2023а.** Графика Кяфарского мавзолея как отражение восхождения во власть князя Ёрюзмека карачаево-балкарского нартского эпоса – аланского царя Оросмика // Тюркологические исследования 6 (2). С. 7–28.
- Эдиев Д. М., 2023б.** Графика Кяфарского мавзолея как отражение восхождения во власть князя Ёрюзмека карачаево-балкарского нартского эпоса – аланского царя Оросмика – электронный ресурс – <http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar/523853/>.
- Эдиев Д. М., 2023с.** О привязке некоторых поселений северо-западного Кавказа и Предкавказья на карте Идриси / X Неделя археологии. Ставрополь: Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе. С. 81–88.
- Эдиев Д. М., 2024.** Перечитывая Ю. Клапрота: карачаево-балкарский Кырк Маджар, аланский Кырк Иир и болгарский Кирк Килиса / Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы XI Международного Форума Историков-Кавказоведов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН. С. 506–511.
- Эдиев Д. М., 2022.** Возрастная аккумуляция как источник данных о традиционных системах счисления народов Кавказа / Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы IX Международного Форума Историков-Кавказоведов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН. С. 120–126.
- Эльканов У. Ю., 1988.** Раскопки древнего ‘круга’ на Нижне-Архызском городище // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа.

Раздел 4: Из истории появления и развития городов на Северном Кавказе

Section 4: From the history of the emergence and development of cities in the North Caucasus

УКРЕПЛЕННЫЕ ГОРОДИЩА НА РЕКЕ БОЛЬШОЙ ЗЕЛЕНЧУК В ОКРЕСТНОСТЯХ СТАНИЦЫ ИСПРАВНОЙ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АРХЕЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ)

© Л. Э. Голубев

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т. М. Керашева, г. Майкоп, Российская Федерация

Аннотация. В сообщении представлены два объекта историко-культурного наследия, предположительно раннесредневековые укрепленные городища, обустроенные на мысах, «нависающих» над надпойменными террасами реки Большой Зеленчук. Городища укреплены рвами и валами, и представляют большой интерес для истории народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: Карачаево-Черкесия, Большой Зеленчук, городище, ров, вал.

FORTIFIED SETTLEMENTS ON THE BOLSHOY ZELENCHUK RIVER IN THE VICINITY OF THE STANIZA OF ISPRAVNAYA OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC (MATERIALS FOR THE ARCHAEOLOGICAL MAP)

© L. E. Golubev

I.M. T.M. Kerashev Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies,
Maykop, Russian Federation

Abstract. The report presents two objects of historical and cultural heritage, presumably early medieval fortified settlements, built on capes “hanging” over the floodplain terraces of the Bolshoy Zelenchuk River. The settlements are fortified with ditches and ramparts, and are of great interest to the history of the peoples of the North Caucasus.

Keywords: Karachay-Cherkessia, Bolshoy Zelenchuk, settlement, moat, shaft.

В конце 2022 г. в рамках экспертной работы помощи правоохранительным органам в расследовании разрушений памятников археологии на территории Зеленчукского района Карачаево-Черкесской Республики, специалистами Краснодарского отделения ВООПИиК были выявлены памятники археологии, среди которых выделяются два укрепленных городища, расположенные напротив друг друга, по обеим сторонам реки Большой Зеленчук, южнее станицы Исправной. Проведенный анализ известных памятников, расположенных поблизости от указанной станицы, показал, что эти памятники были неизвестны, по крайней мере в доступной нам литературе о них ничего не сказано. В книге известного историка и археолога Е.П. Алексеевой «Археологические памятники Карачаево-Черкесии», вблизи станицы Исправной упоминается укрепленное городище «Курлюк», выявленное Г.Х.-У. Текеевым и Х.Х. Биджиевым в 1973 г. Памятник по описаниям расположен на правом берегу Большого Зеленчука, южнее станицы Исправной, между балками. Городище имеет подтреугольную форму, площадь его более 10 га. На объекте найдены обломки черноглиняной керамики, городище относится к V—VII вв. (Алексеева, 1992, с. 46; Текеев, Биджиев, 1974, с. 127-128). Однако, в источниках точные координаты городища «Курлюк» отсутствуют. Вполне возможно, что памятник, выявленный нами на правом берегу Большого Зеленчука и есть «Курлюк», он

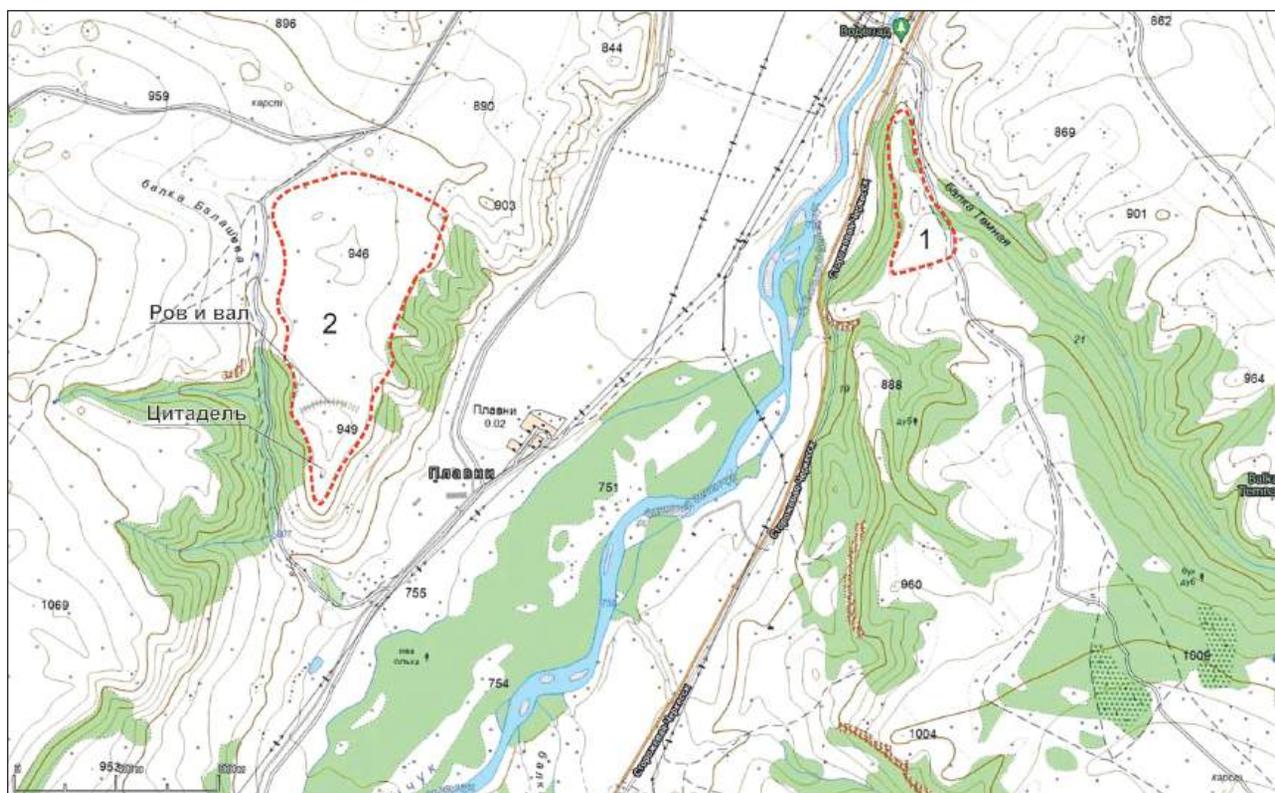

Рис. 1. 1 – городище между балками Темная и Кабачек на правом берегу Большого Зеленчука; 2 – городище между поймой и балкой Балашеева на левом берегу реки Большой Зеленчук

также имеет под треугольную форму, однако не обладает такими большими размерами. Не исключено, что при дополнительном исследовании площадь этого памятника увеличится. Укрепление расположено на мысу между балками Темная и Кабачек. Городище вытянуто с юга от рва с валом на север, где оканчивается крутыми склонами с оголением скал, с востока и запада такие же обрывистые склоны (Илл. 1,1). С южной стороны к городищу примыкает курганный могильник, подвергнутый разграблению «черными копателями» при помощи экскаватора. Возможно, городище имело прилегающий посад за пределами фортификационного сооружения, подобный материал представлял собой лепную черноглиняную керамику. Датировка и границы памятника требует уточнения, а разрушенные бандитами курганы доисследования.

Второй памятник располагался на левом берегу реки Большой Зеленчук, на мысу коренной террасы юго-западнее станицы Исправной (Илл. 1,2). Терраса представляла собой относительно ровную подтреугольную площадку на мысу, вытянутую с юга на север, длиной 1,25 км и шириной в самом протяжённом месте на севере месте 0,7 км. Со всех сторон, кроме северной, имеет крутые склоны со скальными выходами. Восточный склон «уходит» в надпойменную террасу Большого Зеленчука, которая имеет болотистую поверхность. Западный склон мыса уходит в балку Балашеева. Край мыса отделен рвом с валом во внутрь, дугой на 0,25 км. На самом краю форт имеет ров, отделяющий цитадель от внутреннего двора. На этой площади был поднят невыразительный подъемный материал лепной черноглиняной керамики. В центре террасы мародёрами была произведена экскаваторная вскрыша грунта до обнажения скалы.

Данные памятники археологии представляют большой научный интерес, должны быть поставлены на государственный учет, и подвергнуты дополнительному исследованию по установке границ и уточнения датировки, так как подъемный материал, представляющий лепную

керамику, не может быть надежным датирующим материалом. Сами памятники, расположенные в живописных местах Карачаево-Черкесии, могут стать наряду с храмовыми комплексами, расположенными на территории республики объектами туристического показа.

Литература

Алексеева Е. П., 1992. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.

Текеев Г. Х.-У., Биджиев Х. Х., 1974. Экспедиция Карачаево-Черкесского областного краеведческого музея // АО за 1973. М.

СЛЕДЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ В ПАМЯТНИКАХ ФОРТИФИКАЦИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА VIII-X ВВ.¹

© У.Ю. Кочкаров¹, Т.А. Музафаров²

¹ Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация;

² Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва,
Российская Федерация

Аннотация. Вопросу о хазаро-византийском взаимодействии в литературе, как исторической в целом, так и археологической в частности, уже было уделено исследователями много внимания. Так, например, Г.Е. Афанасьев, в своих работах неоднократно обращался к этой теме именно в вопросе фортификации. Однако, в его работах, как и в работах большинства других исследователей, затронуты лишь отдельные аспекты в изучении конкретных памятников, таких как Саркел и Маяцкое городище. Работ, непосредственно посвящённых влиянию Византии на Хазарскую фортификацию в общем найти проблематично. Рассматриваемый в данной статье материал, должен служить заполнению этой проблемы.

Ключевые слова: Византийская империя, Хазарский каганат, фортификация, VIII-X в., Салтово-Маяцкая культура.

TRACES OF BYZANTINE INFLUENCE IN THE MONUMENTS FORTIFICATIONS OF THE KHAZAR KHAGANATE OF THE 8TH–10TH CENTURIES

© U. Yu. Kochkarov¹, T.A. Musafarov²

¹ Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation;

² State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. The issue of Khazar-Byzantine interaction in literature, both historical in general and archaeological in particular, has already been given a lot of attention by researchers. So, for example, G.E. Afanasyev, in his works, repeatedly addressed this topic specifically in the issue of fortification. However, in his works, as in the works of most other researchers, only certain aspects were touched upon in the study of specific monuments, such as Sarkel and the Mayatskoye fortified settlement. In general, it is difficult to find works directly devoted to the influence of Byzantium on Khazar fortification. The material discussed in this article should serve to fill this problem.

Keywords: Byzantine Empire, Khazar Khaganate, Fortification, VIII-X centuries, Saltovo-Mayatskaya culture.

Городища или же укрепленные поселения Салтово-Маяцкой археологической культуры, отождествляемой в историографии с Хазарским Каганатом, массово возникают в Подонье и на Северном Кавказе в VIII–IX веках (Михеев, 1985. С. 5), примерно к тому же времени относятся и первые упоминания Хазар в письменных источниках (в первую очередь сочинениях арабских и персидских путешественников) (Калинина, Флёров, Петрухин, 2014. С. 8–10). Всего на территории Хазарского каганата на сегодняшний момент обнаружено более трёх десятков таких поселений (Михеев, 1985, там же).

В рамках данной статьи была сделана выборка из шести наиболее подробно исследованных памятников данного типа, расположенных в бассейне Дона и на Северном Кавказе. Также

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИОКТР № 122011200267-0.

в качестве примера памятника, расположенного в ближней орбите византийского влияния, было взято городище Плиска.

Все выбранные памятники были разделены на два типа по форме и устройству линии укреплений. В Тип А (Геометрический) вошли городища, стремящиеся в своём плане к правильным геометрическим формам (Саркел, Плиска, Маяцкое, Семикаракорское) (рис. 1). В Тип Б (Мысовой) вошли городища, чья линия укреплений подстраивается под рельеф, на котором они расположены (Правобережное Цимлянское, Хумаринское, Татарское) (рис. 2). Также в рамках данных типов были выделены два подтипа, к первому относятся памятники, чьи стены сложены из двух панцирных слоёв с забутовкой между ними, ко второму же те, чьи стены сложены монолитно.

Тип А

Подтип 1.

Маяцкое городище.

Располагается на высоком речном мысу в примерно двух километрах от места впадения реки Тихая Сосна в Дон и представляет собой квадратную каменную крепость на меловой скале, ограниченной с северо-западной стороны обрывом реки, с южной же и восточной сторон ровом шириной 7,5 метров в верхней части и 5,6 метров в нижней части, а также глубиной от 4,26 до 5,68 метров. Длина стен достаточно невелика, около 75 метров (рис. 3).

Общая толщина городища составляет в среднем 4,5 м, стены сложены из двух каменных панцирей с забутовкой между ними. Панцири сложены из каменных блоков длиной до 70 см толщиной 25–30 см и шириной 40 см, размерность одинакова как для внешнего, так и для внутреннего панциря (рис. 4). Блоки сложены насухо, без использования известкового раствора или иного скрепляющего вещества. Блоки, судя по найденным следам древесного тлена, укладывались на деревянные доски, чем, вероятно компенсировалось отсутствие фундамента. Также при раскопках стены помимо досок. Блоки уложены в перевязку, связывая каждый последующий ряд с предыдущим. Пространство между панцирями, как уже мной упоминалось, находилась забутовка из меловой крошки и битого камня расположенная на глиняной подсыпке толщиной 10–15 см. Также, для равномерного распределения забутовки внутри стены, использовались деревянные столбы, вкопанные между панцирных блоков. Следует также заметить, что внешняя стена, судя по находкам зубцов и их фрагментов, имела парапет с зубцами двух видов: округлыми и заострёнными (рис. 5).

Весь южный угол крепости занимает «цитадель», отделённая от остальной крепости внутренней стеной 20×22 метра. Приблизительная толщина стен цитадели 1,9 м.

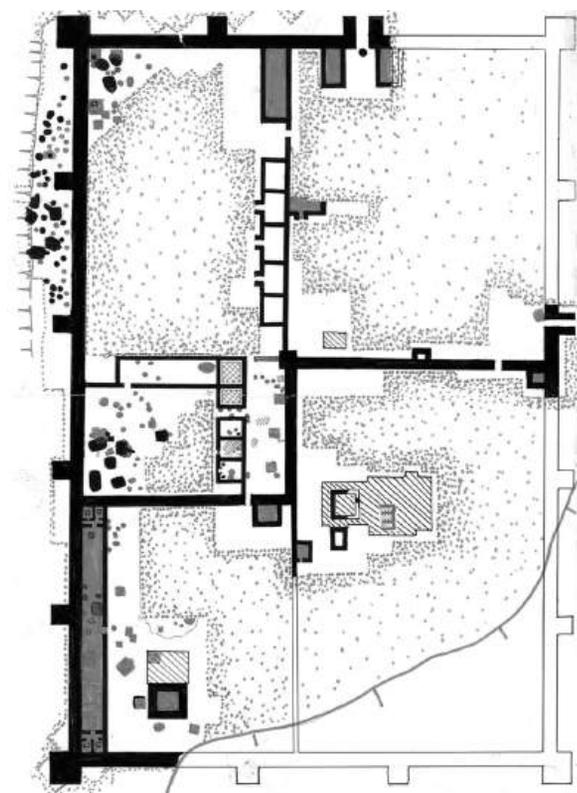
В материалах более ранних раскопок, а именно раскопок Макаренко 1906 года стена представляла собой просто два панциря стоящих вплотную друг к другу.

Вход в цитадель прослеживается в середине северо-восточной стены без башен или иных дополнительных укреплений. В юго-западной внешней стене также прослеживается воротный проём, единственный во всей внешней стене крепости шириной 2,84 м без башен или каких-либо дополнительных укреплений.

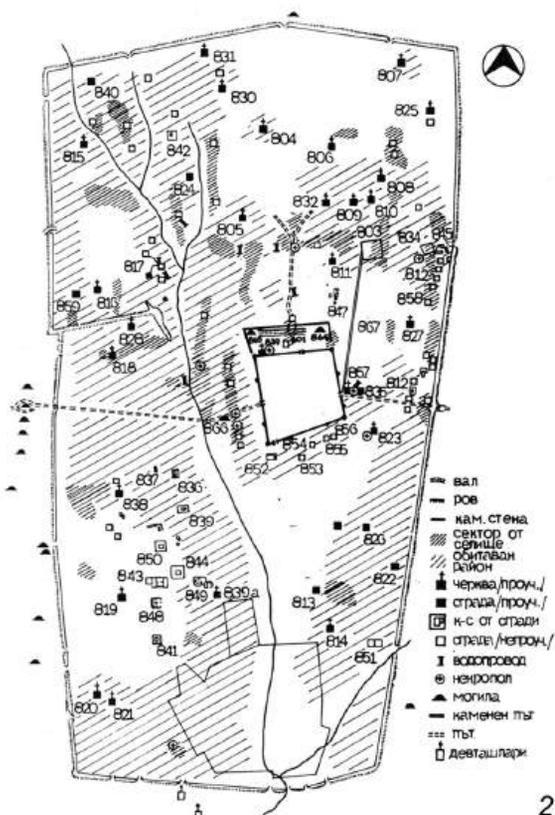
Семикаракорское городище.

Расположено в нижнем течении Дона, недалеко от впадающей в него реки Салак, левого притока реки Сал, на окраине города Семикаракорск, что в Ростовской области.

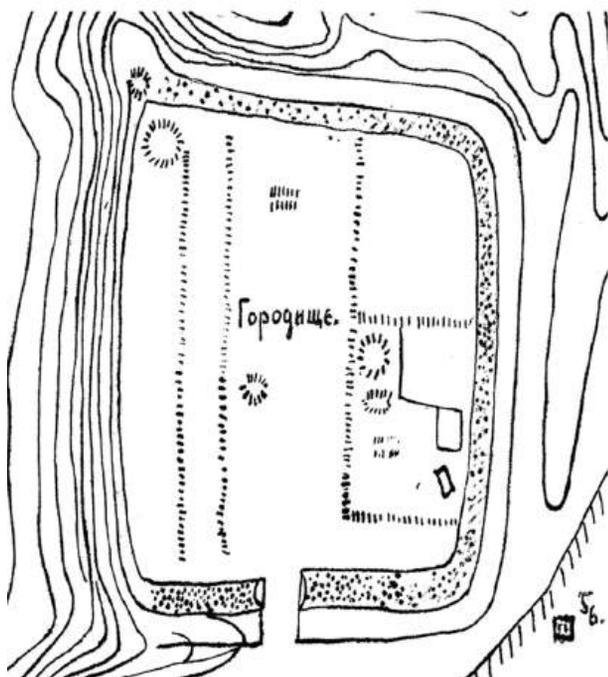
Городище, построено на плоском всхолмье на крутом берегу реки Салак и занимает площадь порядка 50 км² при сторонах приблизительно 250 и 200 м соответственно. Своей формой крепость стремится к правильному квадрату, однако даже невооружённым глазом заметно, что замысел строителей не совсем удался. Трудно сказать имело ли городище внешние угловые башни, однако явно выделяется два кольцеобразных сооружения у северной стены крепости, северо-западное из которых имеет форму скорее подковообразную и соединяется с основной крепостью двумя валами (Флёров, 2015. С. 321). Впрочем, трудно судить

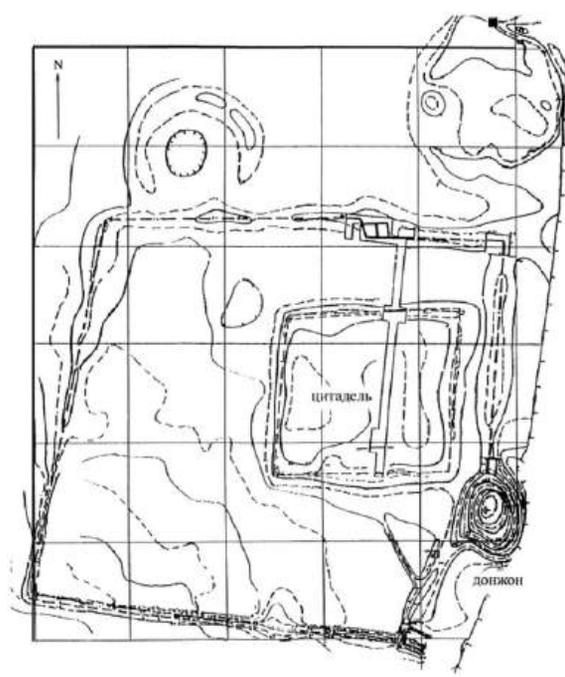
1

2

3

4

Рис. 1. Городища типа А (геометрического):
1 – Саркел; 2 – Плиска; 3 – Маяцкое; 4 – Семикаракорское

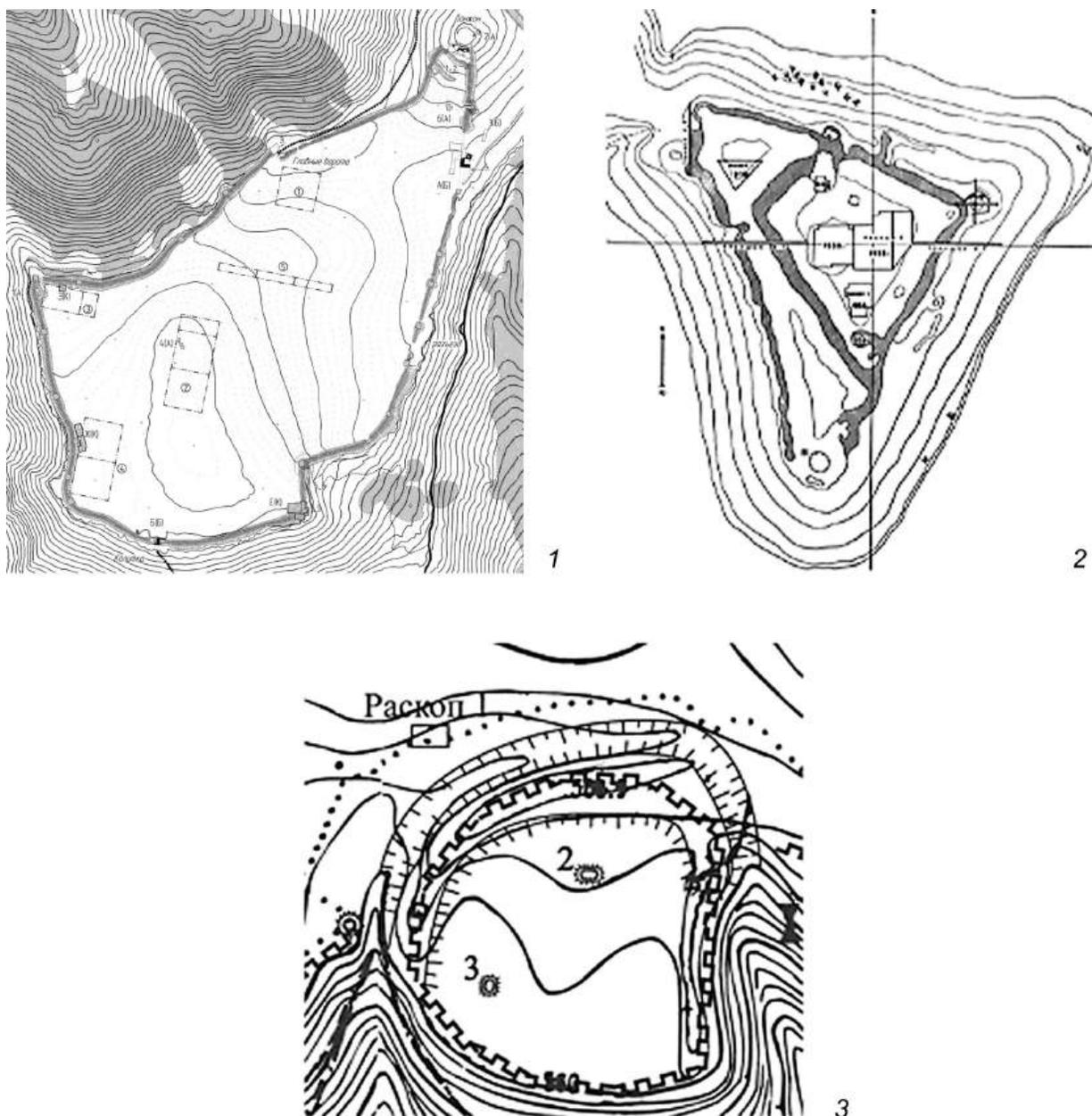

Рис. 2. Городища типа Б (мысового): 1 – Хумаринское; 2 – Правобережное Цимлянское; 3 – Татарское (цитадель)

о предназначении этих сооружений, поскольку их аналогов среди других Хазарских крепостей не известно. Также при более поздних раскопках к северу от примерного центра стены цитадели, о которой подробнее ниже, была обнаружена башня весьма оригинальной для Хазарии планировки, а также имеющая столь же неординарный способ соединения со стеной (Флёров, Указ. Соч.). Башня в плане представляет собой параллелограмм (что объясняется, вероятнее всего, неопытностью строителей), южная стена башни является, по сути, продолжением участка северной стены. Внутри башня разделена на два примерно равных помещения внутренней стеной. Важно, что кладка башни отличается от остальной обследованной части крепости (о которой ниже), вместо кладки тычком-ложком в перевязку между рядами, кирпичи уложены торец к торцу без перевязки швов.

Рис. 3. Маяцкое городище (современная аэрофотосъёмка)

Рис. 4. Кладка внешнего панциря крепостной стены Маяцкого городища (по С.А. Плетнёвой)

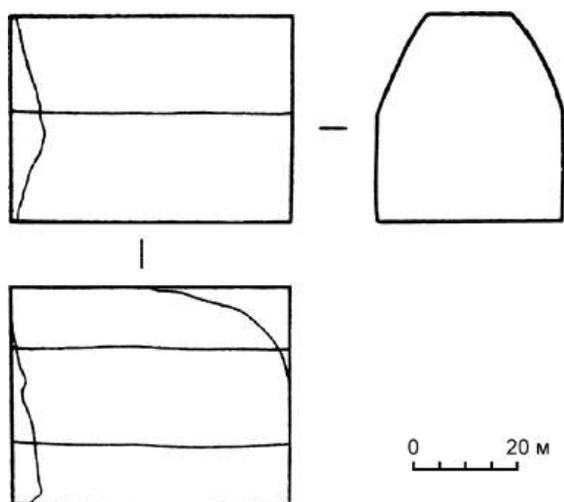

Рис. 5. Рисунок зубца крепостной стены Маяцкого городища (по С.А. Плетнёвой)

Внутри крепости располагается цитадель, также стремящаяся к форме правильного квадрата площадью 81 км² со сторонами примерно 90 на 90 м. Также неизвестно о наличии башен у цитадели.

Стены городища, как внешние, так и стены цитадели, сохранившиеся до настоящего времени в виде «валов», сложены из полноформатных (25×25×4/5 см), а также полуформатных (25×12×5 см) кирпичей (последние применялись вследствие того, что рабочие не выдержали постоянную толщину продольных и вертикальных швов). Кладка стен выполнена продольными рядами с редкой перевязкой швов при помощи, в том числе, полуформатных кирпичей. Возведённый таким образом массив стены облицовывался с двух сторон обожжённым кирпичом. Кирпичи как внутренние, так и составлявшие панцирные слои, связывались между собой низкокачественным глиняным раствором. Ширина внешней стены составляет приблизительно 2,3–2,4 м, с учётом панцирей, ширина же стены цитадели приблизительно 1,5 метра. Стены были уложены прямо на дневную поверхность без какого-либо фундамента либо иного замещающего его сооружения.

Городище Плиска.

Городище расположено на равнине приблизительно в полутора километрах к северу от современного города Плиска. Городище имеет две линии укреплений, внешнюю оборонительную стену и цитадель, расположенную в центре поселения. Оба укрепления имеют форму стремящуюся к правильному прямоугольнику, однако не слишком точно, примерно в той же степени, что описанного мной ранее стены Семикаракорского городища. Городище имеет весьма богатый культурный слой мощностью до двух метров.

Советский отряд, занимавшийся раскопками на городище, работал на территории цитадели, потому её стены будут описаны мной более подробно. Крепостная стена цитадели выстроена на фундаменте, заложенном на глубине примерно 1,7 м и представляющем собой две параллельные полосы, заполненные гумусированным грунтом с примесью щебня (рис. 6), в некоторых местах в фундаменте прослеживаются следы деревянных опор, как столбов, так и лежащих горизонтально палок и жердей (рис. 4). Фундамент опирается на меловую скалу и имеет слоистую структуру, чередуя слои каменного крошева и земли. Сама стена имеет в ширину около 6 метров, и состоит из двух панцирей рваного камня с забутовкой между ними. Позднее на основании материалов раскопок, был сделан вывод о том, что обнаруженные фундаменты и остатки стены отождествляются с городом, разрушенном в 811 году Никифором I (802–811 гг.).

Цитадель имеет по 14 расположенных по периметру выступающих за линию стен прямоугольных башен, из них 4 угловых и 4 воротных.

Подтип 2.

Городище Саркел.

Располагалось на территории ныне находящейся под Цимлянским водохранилищем, в семи километрах к северу от города Цимлянск и примерно трёх километрах к востоку от станицы Хорошевская. Городище было расположено на речном мысу, на восточном берегу Дона.

Крепость представляет собой правильный прямоугольник, ориентированный с Северо-запада на Юго-восток со сторонами 185 и 140 метров, с шестнадцатью, выступающими по периметру прямоугольными башнями.

Стены крепости выверены строго по прямой и имеют одинаковую ширину в 3,75 метра. Кладка в основании стены выполнена продольными рядами вдоль стены, М.И. Артамонов в своём отчёте от 1949 года упоминает, что это было сделано для предотвращения искривления при кладке поперечными рядами. В целом стены представляют собой единый монолит из сырцового кирпича, без использования характерной для византийцев панцирной кладки. Основным материалом служат сырцовые кирпичи со стороной 24–25 см и толщиной 6–7 см скреплённые известковым раствором.

Башни расположены вдоль стены через примерно равные интервалы 31,75–32 м, располагаются перпендикулярно стене, и имеет сторону в 4,75 м. В одной из своих работ, уже

Рис. 6. Городище Плиска фундамент стен.
1 – вид с востока; 2 – вид с запада (по С.А. Плетнёвой)

упоминавшийся мной ранее Г.Е. Афанасьев в одной из своих работ упоминал, что как материалы, так и сами части крепости вполне точно укладываются в рамки византийской метрологии (Афанасьев, 2011. С. 113).

Внутри крепости можно попасть либо через «главные» ворота, расположенные в северо-западной стене, в 54 м от северо-западной башни. Ворота защищены башней, выступающей из стены на 4,6 м. Воротный проём, имеет ширину в 4,5 м и был вымощен каменными плитами, выложенными на заливку из известкового раствора. Также, возможно, плиты были присыпаны землёй, на что указывает стратиграфия. С внутренней стороны к воротам примыкают два прямоугольных помещения с кирпичными стенами.

Частью исследователей после анализа техники и строительных материалов городища Саркел была выдвинута теория о не византийском происхождении крепости (Раппопорт, 1959. С. 39). Основными аргументами сторонников данной теории были: отсутствие у Саркела заглублённого фундамента, использование сырцового кирпича при наличии выходов достаточно качественного для возведения крепости камня, а также недостаточная толщина раствора, в сравнении с византийскими памятниками, а также недостатки планировки городища. Эта теория была кратко рассмотрена и проанализирована Г.Е. Афанасьевым в его статье «Кто же в действительности построил Левобережное цимлянское городище?» (Афанасьев, 2011. С. 108–119). Кроме того, достаточно весомый аргумент в пользу византийского происхождения памятника был предоставлен в его же работе «О строительном материале и метрологии Хазаро-аланских городищ бассейна Дона» (Афанасьев, 2012. С. 29–49).

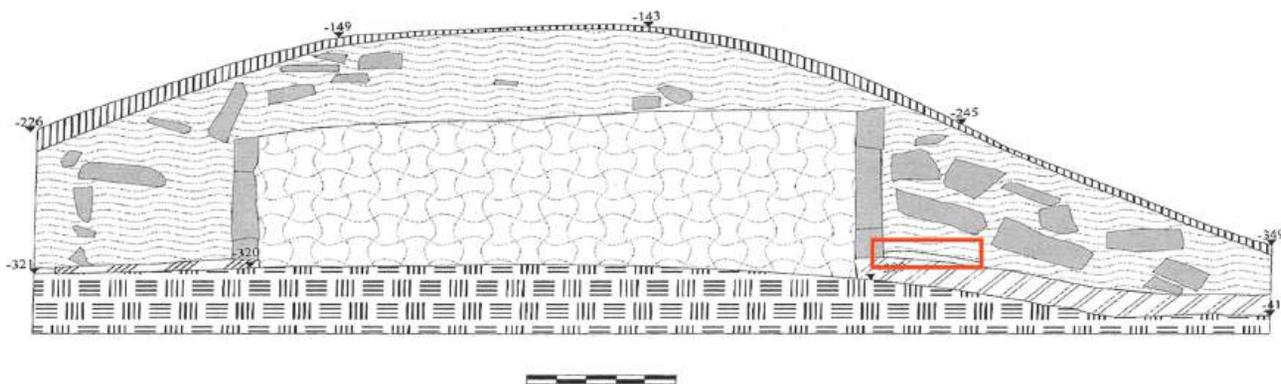

Рис. 7. План одной из башен Хумаринского городища (по У.Ю. Кочкарову)
(красным выделены следы известкового раствора)

Тип Б

Подтип 1.

Хумаринское городище.

Городище расположено не далеко от правого берега реки Кубань в 40 км к югу от Черкесска и 10 км к северу от Карачаевска на плато горы Калеж рядом с аулом Хумара. Плато общей площадью в 19,85 га ограничено двумя балками балкой Инал с севера и балкой Шугара с юга и юго-востока.

Крепость окружена стеной, чья протяжённость изначально определялась в приблизительно в 1900 метров, позднее данные уточнили, определив, что стена имеет более 2000 метров в длину. Ещё в первых отчётах упоминалось, что стена сложена из двух каменных панцирей с забутовкой, что неоднократно подтверждалось в последующих отчётах.

Стена сложена из хорошо отесанных каменных блоков со средним размером $30 \times 28 \times 2,5$ см. Блоки панцирей сложены тычком-ложком на известковом растворе, также на некоторых участках стены внутренний панцирь сложен из дикого камня на глиняном растворе, либо без раствора вовсе. Между панцирями находится забутовка, сделанная из щебня и битого камня, на некоторых участках их заменяют блоки, сложенные вдоль стены без раствора. Высота стены меняется в зависимости от рельефа, но в среднем составляет до 3 метров, толщина, же от 5 до 4,8 м.

Стены сложены без раствора на дневной поверхности, в некоторых местах нивелированной, местами стена имеет глинистую подсыпку (рис. 7, 8).

Городище имеет 23 выступающих башни, считая «донжон» (Жуковский, Кочкаров, 2020. С. 30). Изначально Е. П. Алексеева определила, что башни имеют круглую форму, однако более поздние исследования показали, что башни городища прямоугольные.

Воротные укрепления впервые были исследованы в ходе раскопок 1964 года проведённых, как уже упоминалось, Е. П. Алексеевой. Тогда она указала, что проходы на городище, вероятнее всего защищались мощными воротными башнями, а также обе горловины были перекрыты дополнительной внешней стеной длиной около 47 м и высотой до 2-х метров. Более подробные исследования «восточных ворот» подтвердили это предположение, также между внутренними укреплениями и внешней стеной обнаружено здание определённое Х. Х. Биджиевым как храм, однако никаких подтверждений этой теории кроме непосредственно планировки самого здания нет. В том же году в южной части городища в ходе раскопок была обнаружена башня, отличающаяся в планировке от остальных, башен городища. Прямоугольная в плане башня выстроена на гексообразном основании и имеет стороны 10,7 и 9 м соответственно и ориентирована по линии север-юг (если смотреть по «длинным» стенам). Помимо своеобразной планировки отличием башни является наличие в ней «осадной калитки» небольшого прохода, ведущего внутрь крепости.

Рис. 8. Фрагмент панцирной кладки стены Хумаринского городища (по У.Ю. Кочкарову) (красным выделена подсыпка)

На холме в северной части городища расположена «цитадель» крепости, также впервые обнаруженная ещё в ходе раскопок Е. А. Алексеевой. Более подробно «цитадель» также обозначаемая как «донжон» была исследована в 1977 г. в ходе раскопок Х. Х. Биджиева.

Стены цитадели, как и внешние стены, были выстроены без фундамента на нивелированную поверхность из хорошо-отёсанных известняковых блоков. Как и основная внешняя стена, стена цитадели выполнена в два панцирных слоя с забутовкой между ними. Внешний панцирь скреплён известковым раствором, внутренний же сложен насухо. Следует отметить, что Хумаринское городище, является первым известным памятником Западного Кавказа, в котором известковый раствор применялся при строительстве оборонительных сооружений.

Необычно высокое качество строительных материалов использованных при постройке укреплений городища, а также качество самих построек и фортификационных сооружений, исследованных на настоящий момент, позволяет сделать предположение о непосредственном участии византийских, либо болгарских инженеров в постройке городища, равно как и в случае Саркела. Косвенно это предположение подтверждают найденные на городище триболы, а также найденные в Мощевой балке фрагменты византийской ленты, судя по надписи принадлежавшей некоему протопасфарию Ваннию (Иерусалимская, 2012. С. 134–136). Этот человек, находившийся в том же чине, что строивший Саркел Петра (Иерусалимская, 2012. С. 136) и происходивший, судя по имени из Болгарии (Виноградов, 2014. С. 134–135), мог исполнять ту же миссию. Однако, есть мнение, что это мог быть и представитель местных элит, получивший эту ленту в дар от императора вместе с титулом протопасфария (Сорочан, 2015. С. 102–103).

Правобережное цимлянское городище.

Городище расположено на высоком треугольном мысу, на правом берегу Цимлянского водохранилища примерно в километре к северо-востоку от посёлка Саркел. Ограниченном с юго-восточной стороны Цимлянским водохранилищем и также двумя оврагами с северо-восточной

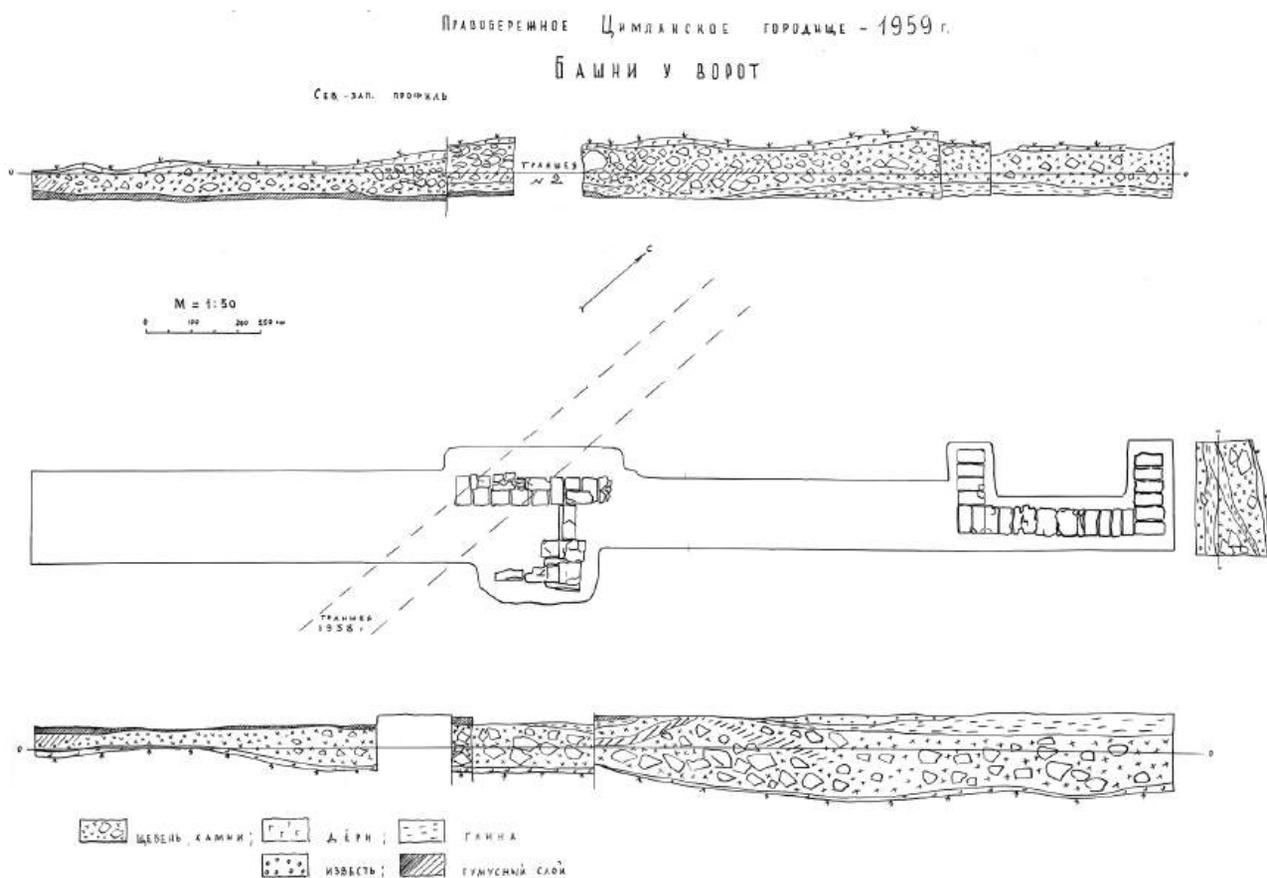

Рис. 9. Общий план раскопок привратных укреплений Правобережного Цимлянского городища с разрезами (по С. А. Плетнёвой)

и юго-западной сторон, таким образом, городище соединяется с большой землёй только небольшим перешейком поперёк которого (в период существования городища) был вырыт ров, превращавший мыс, на котором стоит городище практически в остров (Плетнёва, 1967. С. 35).

Городище окружено по периметру стеной из известняковых блоков, средним размером $60 \times 30 \times 30$ см. Как выяснилось в ходе более поздних раскопок, стены были сложены на основании из известняковых плит (рис. 11, 12), плиты разноразмерные без дополнительной обработки по периметру или плоскости размером от 60×65 см до 110×75 см. Стыки и швы между плитами заполнялись мелкими обломками песчаника и каменным крошевом, таким образом, была получена почти ровная поверхность с перепадом высот не превышающим 5 сантиметров. На основании найденных остатков стены, пусть и весьма малочисленных, можно сделать вывод, что стена имела ширину около 4,2 м. Для дополнительной устойчивости стены применялись несколько следующих приёмов:

- Подсыпкой под плиты основания.
- Заполнение швов между плитами.
- Выравнивание поверхности плит известняковым крошевом.
- Отступ стены от края плит на 10–40 см.

Стены, насколько можно судить по их немногочисленным остаткам, были сложены единым монолитом из обработанных песчаниковых блоков на известковом растворе «тычком-ложком». Также упоминается, что в некоторых местах стены были покрыты известковой же штукатуркой (Флёров, 2010. С. 47).

По периметру городища были расположены восемь выступающих из стены прямоугольных в плане башен.

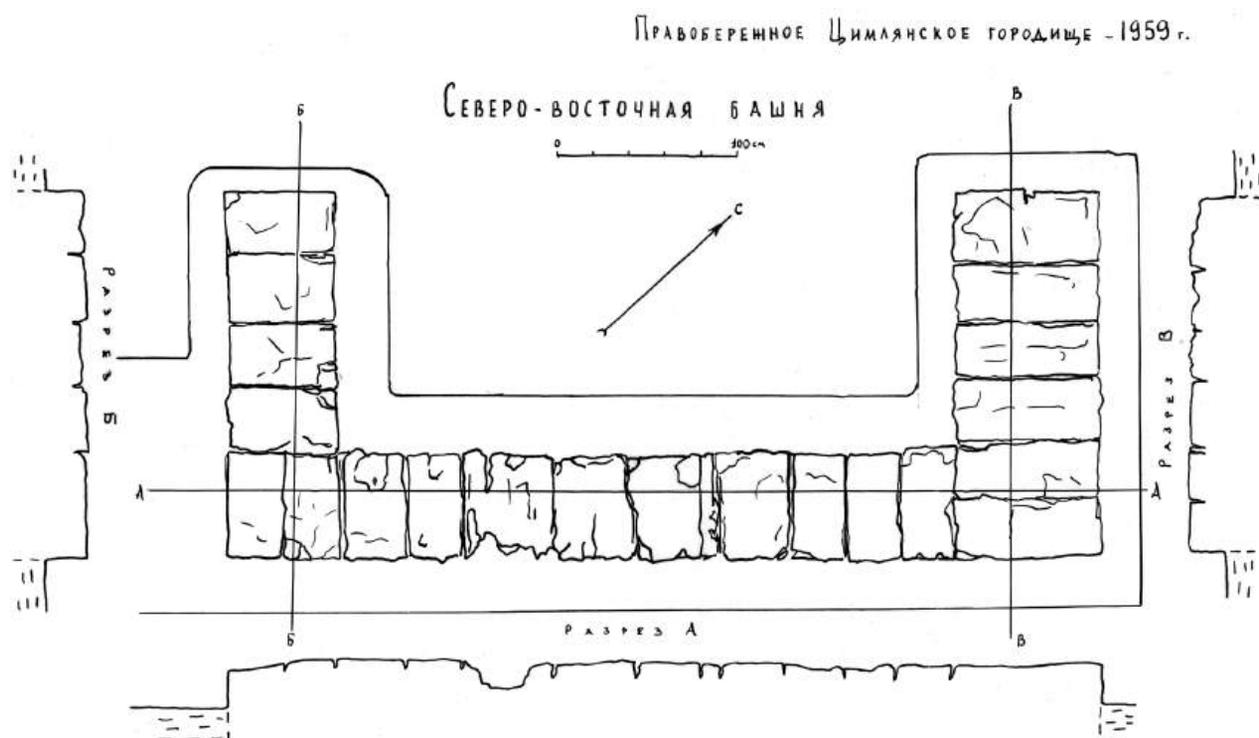

Рис. 10. План Северо-Восточной привратной башни Правобережного Цимлянского городища (по С. А. Плетнёвой)

Также башнями были укреплены и главные ворота крепости, о чём упоминала ещё С. А. Плетнёва в своём отчёте. В ходе раскопок исследовательницей были вскрыты остатки двух каменных прямоугольных башен, выступающих из общей линии стены (рис. 9, 10). Стены сложены тычком-ложком на известковом растворе. Судя по слою глиняной подсыпки между остатками башен, воротный проезд составлял от 1,5 до 2 метров.

Подтип 2.

Татарское городище.

Городище расположено на достаточно высоком холме и включает в себя сложную сеть валов и иных фортификационных сооружений. Особенно среди них выделяется «цитадель» городища, представленная крупным каменным укреплением подквадратной формы со скруглёнными углами (Каминский В. Н., Малашев В. Ю, 2012. С. 41). Общая площадь «цитадели» составляет около 280 м².

Валы окружающие памятник, как следует из их разрезов сделанных А. А. Кудрявцевым в 1998 году, изначально являлись стенами, сложенными, как и в Правобережном цимлянском городище на основании из песчаниковых плит (рис. 13, 14). Что до упомянутой мной выше «цитадели», она окружена стеной, сложенной в два панциря с забутовкой. Панцири сложены из тёсаных каменных блоков на известковом растворе, забутовка же выполнена из мелового щебня.

На основании приведённой выше типологии и описания выбранных памятников, можно выделить следующие признаки византийского влияния:

1. Планировка, стремящаяся к очертаниям правильного прямоугольника.
2. Устройство стены из двух панцирных кладок с забутовкой между ними.
3. Использование известкового раствора и обмазки при сооружении стен.
4. Прямоугольные в плане башни, выступающие за линию стен.
5. Использование при строительстве византийской системы мер (а именно мер длины, что можно проследить по размерности используемых стройматериалов и расстоянии между элементами крепости).

Рис. 11. Плиты в основании крепостной стены Правобережного Цимлянского городища (по В. С. Флёрову)

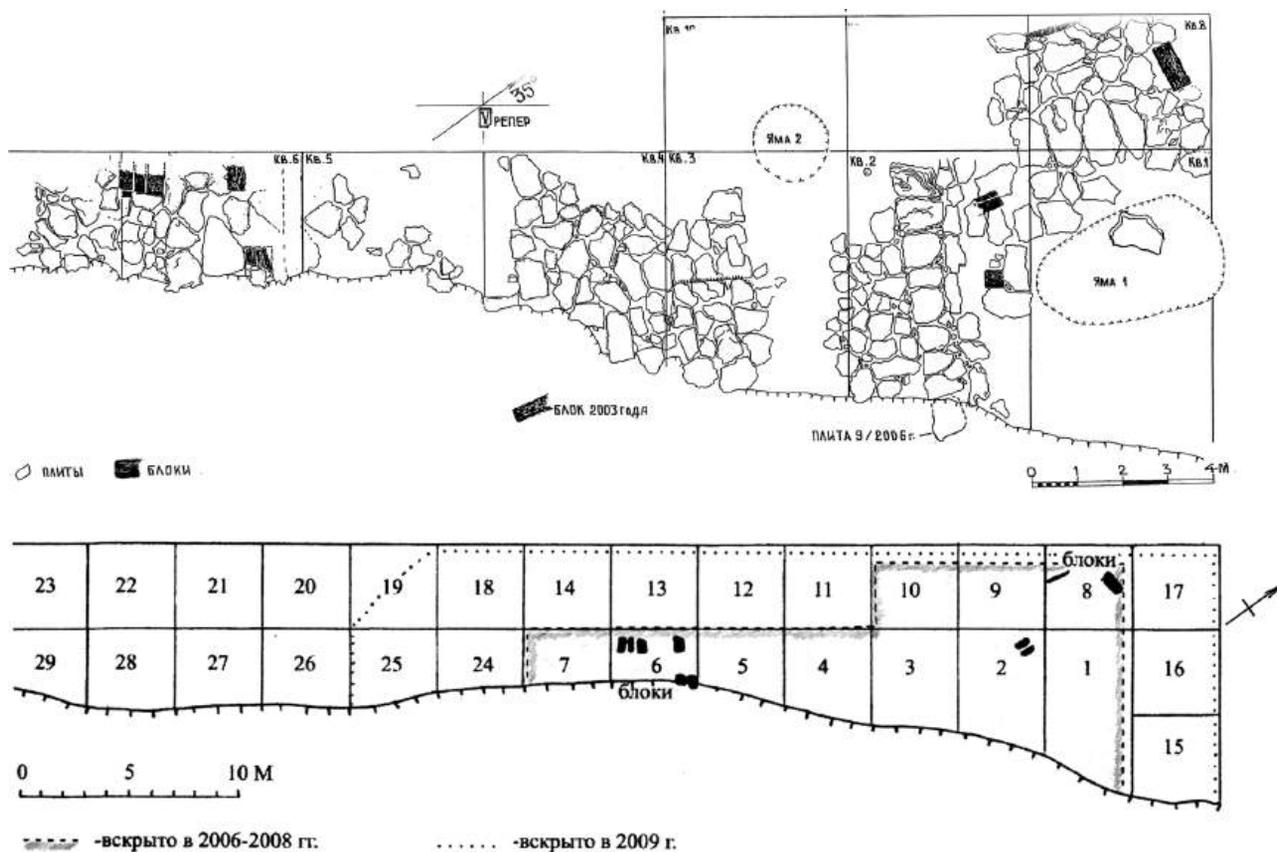

Рис. 12. Плиты в основании крепостной стены Правобережного Цимлянского городища (план) (по В. С. Флёрову)

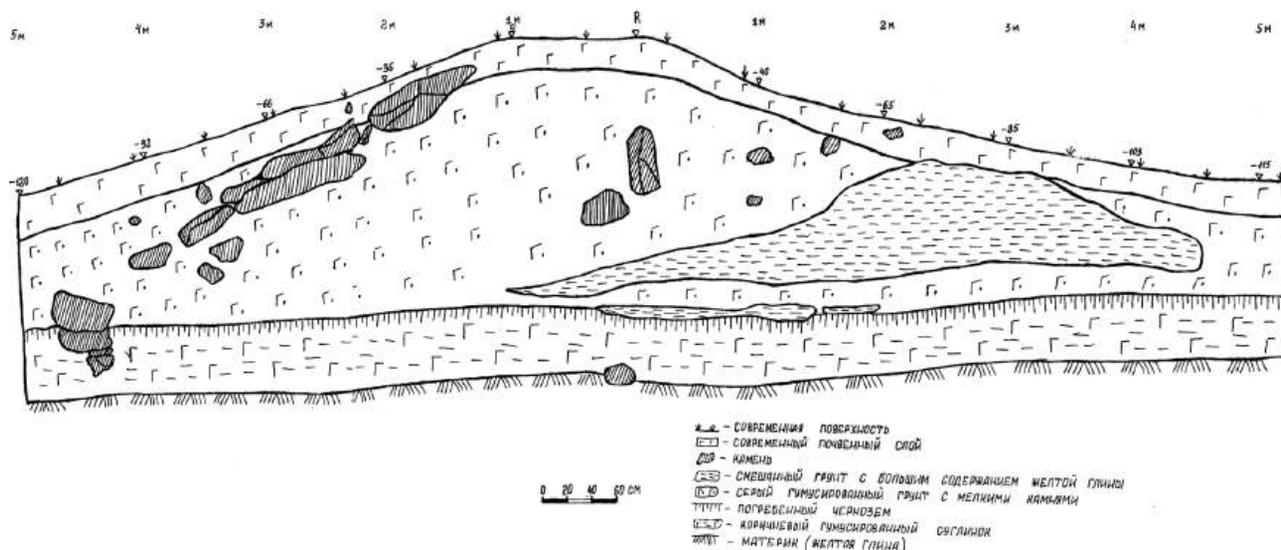

Рис. 13. Разрез вала Татарского городища (по А. А. Кудрявцеву)

Многие из этих признаков упоминались мной выше отмечалась в работах других исследователей и нарративных источниках. Так, например, о прямоугольнике, как о самой совершенной форме оборонительного сооружения упоминал еще анонимный автор трактата «De castrametone» (Об устройстве лагеря), о котором я уже упоминал в предыдущей главе. О постройке византийцами техники постройки стен из двух панцирей с забутовкой свидетельствуют помимо прочего и исследователи, проводившие раскопки, проводимые в Херсонесе Таврическом, например И. А. Антонова (Антонова, 1971. С. 103–107). Об использовании византийцами известкового раствора и обмазки стен (весьма трудоёмких в производстве) (Липатов, 2006. С. 10–12) упоминал в своём трактате «О постройках» ещё Прокопий Кесарийский (Прокопий Кесарийский, 1966. С. 757). Говоря о византийских мерах длины, то об этом также упоминали другие исследователи, в первую очередь Г. Е. Афанасьев (Афанасьев, 2012. С. 30–32), о котором я подробнее упоминал выше. Так во многих его работах упоминается, что

Рис. 14. Разрез вала Татарского городища (фото) (по А. А. Кудрявцеву)

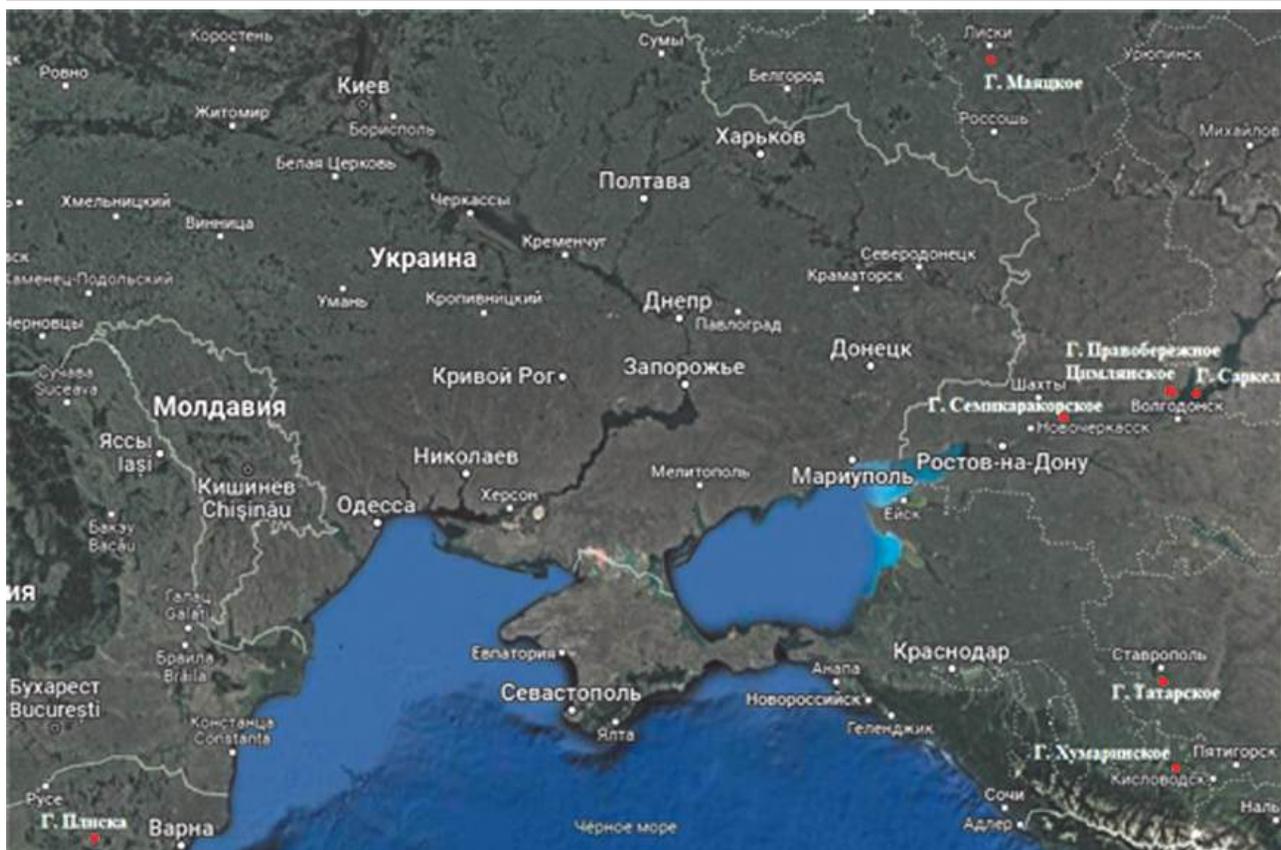

Рис. 15. Общая карта расположения исследуемых памятников

блоки, из которых сложены внешние панцири стен ряда городищ, основываются на византийской «стопе» (πυλῶν στήλη) (Афанасьев, 2012. С. 35). Кроме того, следует упомянуть и такой, связанный с предыдущим пунктом, признак как выступающие за линию стен башни. Таковые есть не у всех городищ, однако, те из них, что всё же прослеживаются, зачастую укладываются в византийские стандарты, каковые можно выделить по уже неоднократно упомянутому мной анонимному трактату «De Castrametione».

На основании вышеизложенного, мы можем сказать, что каждое из выбранных городищ имеет часть упомянутых признаков.

Так, в Саркеле отчётливо выделяются все вышеперечисленные признаки кроме пятого, в Маяцком городище выделяются все вышеперечисленные признаки, кроме четвёртого, а также, в качестве дополнительного признака, можно упомянуть использование деревянных элементов для укрепления конструкции стены, что также прослеживается, например, в Плиске. В случае Семикаракорского городища также можно говорить о присутствии, как минимум, первых трёх выделенных выше признаков. Переходя к городищам Типа Б, в Хумаринском городище явно выделяются все упомянутые признаки, кроме первого, то же можно сказать о Правобережном цимлянском городище. Говоря о Татарском городище, стоит отметить, что ввиду немногочисленности имеющегося материала, можно говорить о присутствии лишь второго признака из числа выделенных, однако, сходство конструкции стен с Правобережным цимлянским городищем (например, использование основы из известняковых плит под стеной) даёт основание предполагать и наличие некоторых иных.

Исходя из этого, следует сделать вывод о том, что Хазарская фортификация формировалась под весьма серьёзным влиянием Византийской империи, а местами (как в случае с Саркелом и, возможно, Хумарой) при прямом её участии. Более того, на основании этого можно сделать вывод о том, что фортификация Хазарского каганата, может считаться своеобразной «младшей ветвью» византийской традиции.

Впрочем, нельзя забывать, что данный вывод является лишь теорией с весьма шаткой доказательной базой, поскольку учитывает лишь небольшую выборку из наиболее исследованных памятников хазарской фортификации. В качестве контраргумента можно привести, например, тот факт, что помимо Византии, Хазарский каганат поддерживал достаточно тесные отношения с арабскими государствами Закавказья (Артамонов, 1962. С. 249–251), что позволяет говорить о других направлениях внешнего влияния. Также, не стоит отрицать и тот факт, что часть строительных приёмов, выделенных как византийские заимствования могли развиваться в Каганате самостоятельно.

Полагаем, что дальнейшие исследования данного вопроса, охватывающие, как большее количество памятников, так и иные аспекты данной проблемы, позволят уточнить, а в дальнейшем либо утвердить, либо опровергнуть выдвинутый в этой работе тезис.

Литература

- Антонова И.А., 1971.** Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // Античная древность и средние века. Свердловск. Вып. 7. С. 103–107.
- Артамонов М.И., 1940.** Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии // СА. № 6. С. 130–167.
- Артамонов М.И., 1949.** Краткий предварительный отчёт по Саркелу // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 301.
- Артамонов М.И., 1950.** Отчёт об исследованиях Волго-донской экспедиции в 1950 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 464.
- Артамонов М.И., 1962.** История Хазар / под. ред. Л.Н. Гумилёва. Л.: Изд-во государственного Эрмитажа. 501 с.
- Афанасьев Г.Е., 2010.** О византийских линейных мерах в Маяцкой крепости // Верхнедонской археологический сборник. 2010. Вып. 5. Липецк. С. 123–148.
- Афанасьев Г.Е., 2011.** Кто же всё-таки строил Левобережное цимлянское городище? // РА. № 3. С. 108–119.
- Афанасьев Г.Е., 2012.** О строительном материале и метрологии Хазаро-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. Казань: Фэм. № 2 (2). С. 29–49.
- Афанасьев Г.Е., 2013.** К вопросу об истоках кирпичного фортификационного зодчества хазарского времени на Дону // КСИА. 2013. Вып. 230. М. С. 210–219.
- Афанасьев Г.Е., Винников А.З., Флёров В.С., Плетнёва С.А.** Отчёт о работе Советско-венгерской экспедиции // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5313.
- Афанасьев Г.Е., Винников А.З., Флёров В.С., Плетнёва С.А.** Отчёт о работе Советско-венгерской экспедиции // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6959.
- Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю., 2012.** Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М.: ТАУС. 102 с.
- Михеев В.К., 1985.** Подонье в составе Хазарского Каганата. Харьков: «Вища школа». 1985. 148 с.
- Биджиев Х.Х., 1993.** Тюрки Северного Кавказа (Отв. ред. дин Е.П. Алексеева). Черкесск. 275 с.
- Биджиев Х.Х., Гадло А.В., 1974.** Отчёт об археологических работах объединённой экспедиции КЧ НИИ и МГИ в 1974 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5566.
- Биджиев Х.Х., Гадло А.В., 1975.** Отчёт об археологических работах объединённой экспедиции КЧ НИИ и ЛГУ в 1975 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6066.
- Биджиев Х.Х., 1977.** Отчёт Археологической экспедиции КЧ НИИ о раскопках 1977 г. на Хумаринском городище Карачаево-черкесского АО // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6525.
- Биджиев Х.Х., 1983.** Отчёт о раскопках Археологической экспедиции КЧ НИИ в 1983 в Карачаево-Черкесской автономной области и в Ставропольском крае // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9866.
- Виноградов А.Ю., 2014.** Греческие тексты из Мощевой балки и поэтическая структура византийских аккламаций // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. XVIII, 2014. СПб: Наука. С. 134–135.
- Жуковский М.О., Кочкаров У.Ю., 2020.** Хумаринское городище – новый взгляд на старую крепость // Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований. М.: ИА РАН. 208 с.

- Калинина Т. М., Флёров В. С., Петрухин В. Я., 2014.** Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, вопрос веры. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 208 с.
- Константин Багрянородный.** Об управлении империей. М.: Наука. 1991. 496 с.
- Кочкаров У. Ю.** Отчёт о работе Карачаевской экспедиции ИА РАН в Карачаевском районе КЧР в 2011 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 34750.
- Кочкаров У. Ю.** Отчёт о работе Карачаевской экспедиции ИА РАН в Карачаевском районе Карачаево-Черкесского района в 2009 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 37300.
- Кочкаров У. Ю.** Отчёт о работах Карачаевской археологической экспедиции ИА РАН в Карачаевском районе КЧР в 2015 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 47775.
- Кудрявцев А. А.** Отчёт о работах на Татарском городище в 1998 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 21581.
- Липатов А. А., 2006.** Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: Строительные растворы, стены, фундаменты. СПб. 23 с.
- Иерусалимская А. А., 2012.** Мошевая балка. Необычный археологический памятник на северокавказском шёлковом пути. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа. 384 с.
- О боевом сопровождении.** Об устройстве лагеря // изд. подготовил В. В. Кучма; (отв. ред. Г. Г. Литаврин). СПб.: Алатейя. 2017.
- Плетнёва С. А.** Отчёт о работе на Правобережном Цимлянском городище летом 1959 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1907.
- Плетнёва С. А.** Отчёт о работе советского отряда в Плиске за 1977–1978 гг. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7288.
- Плетнёва С. А.** Отчёт о работе советского отряда в Плиске за 1979 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7379.
- Плетнёва С. А., 1967.** От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука. 202 с.
- Плетнёва С. А., 1996.** Саркел и “Шелковый путь”. Воронеж. 168 с.
- Прокопий Кесарийский.** Война с Готами. О постройках. М.: Наука. 1966. 917 с.
- Раппопорт П. А., 1959.** Крепостные сооружения Саркела // Тр. Волго-Донской археолог. экспедиции. Т. II. М.-Л.
- Сорочан С. Б., 2015.** К вопросу о ленте протосафария из Мошевой Балки // Древности 2014–2015. Историко-археологический ежегодник. – Харьков: ООО «НТМТ». С. 102–103.
- Флёров В. С., 2013.** Византийское в ниже-донских крепостях Хазарского каганата // ‘Ρωμαϊσ: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2. Харьков: Майдан. С. 474–475.
- Флёров В. С., 2010.** Города и замки. Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры. 260 с.
- Флёров В. С., 2015.** Семикаракорская крепость к происхождению фортификации Хазарского каганата // Труды государственного Эрмитажа. Т. 75. Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье на основании материалов научных конференций 2010 и 2011 г. СПб: Изд-во государственного Эрмитажа. С. 318–337.
- Флёров В. С.** Отчёт о работе археологической экспедиции Таганрогского музея в 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4597.
- Флёров В. С.** Отчёт о раскопках Семикаракорского городища и разведках в северо-восточном Приазовье в 1972 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4965.
- Флёров В. С.** Отчёт о раскопках Семикаракорского городища в 1973 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5041.
- Флёров В. С.** Поездка 2005 г. на Нижний Дон по памятникам Хазарского каганата // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 26391.
- Флёров В. С.** Правобережное цимлянское городище, раскопки 2009 г. Т. 1 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 37156.
- Флёров В. С.** Правобережное цимлянское городище раскопки 2007 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 48060.

Раздел 5: Охранно-спасательные археологические исследования в регионе

Section 5. Conservation and rescue archaeological research in the region

ИССЛЕДОВАНИЯ СКЛЕПА В ОГРАДЕ УТРАЧЕННОГО НИКОЛАЕВСКОГО СОБОРА Г. ЧЕРКЕССКА

© У.Ю. Кочкаров¹, А.А. Нечипорук²

¹ Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация;

² ООО «Дельта-Л», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена описанию и характеристике кирпичного склепа, обнаруженного в 2022 году в ходе археологических исследований в г. Черкесске. Выявленный комплекс входил в состав прицерковного некрополя в ограде ныне утраченного Николаевского собора. В склепе располагался деревянный гроб, содержащий в себе останки пожилой женщины, похороненной по православному обряду. Датирован комплекс по совокупности данных концом XIX – началом XX века. Его исследование позволило получить интересные результаты, касающиеся развития христианского православного погребального обряда на Северном Кавказе в новейшей истории, а также для изучения строительных приемов в сооружении кирпичных внутримогильных сооружений.

Ключевые слова: Северный Кавказ, г. Черкесск, Николаевский собор, прицерковный некрополь, склеп, гроб, погребение.

INVESTIGATION OF THE CRYPT IN THE FENCE OF THE LOST ST. NICHOLAS CATHEDRAL OF CHERKESSK

© U.Yu. Kochkarov¹, A.A. Nechiporuk²

¹ Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

² Delta-L, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the description and characteristics of a brick crypt discovered in 2022 during archaeological research in Cherkessk. The identified complex was part of the church necropolis in the fence of the now lost St. Nicholas Cathedral. In the crypt there was a wooden coffin containing the remains of an elderly woman buried according to the Orthodox rite. The complex is dated according to the totality of data from the end of the XIX – beginning of the XX century. His research allowed us to obtain interesting results concerning the development of the Christian Orthodox funeral rite in the North Caucasus in recent history, as well as to study construction techniques in the construction of brick inter-grave structures.

Keywords: North Caucasus, Cherkessk, Nicholas cathedral, church necropolis, crypt, coffin, burial.

В 2022 году совместной экспедицией ИА РАН и ООО «КавказГеоРесурс» под руководством У.Ю. Кочкарова проводились археологические исследования в зоне планируемого производства работ по благоустройству центрального сквера в центре г. Черкесска Карачаево-Черкесской Республики [1, с. 28]. Сквер расположен с южной стороны площади Ленина и представляет собой квадратную и ровную площадку, ориентированную по сторонам света (рис. 1).

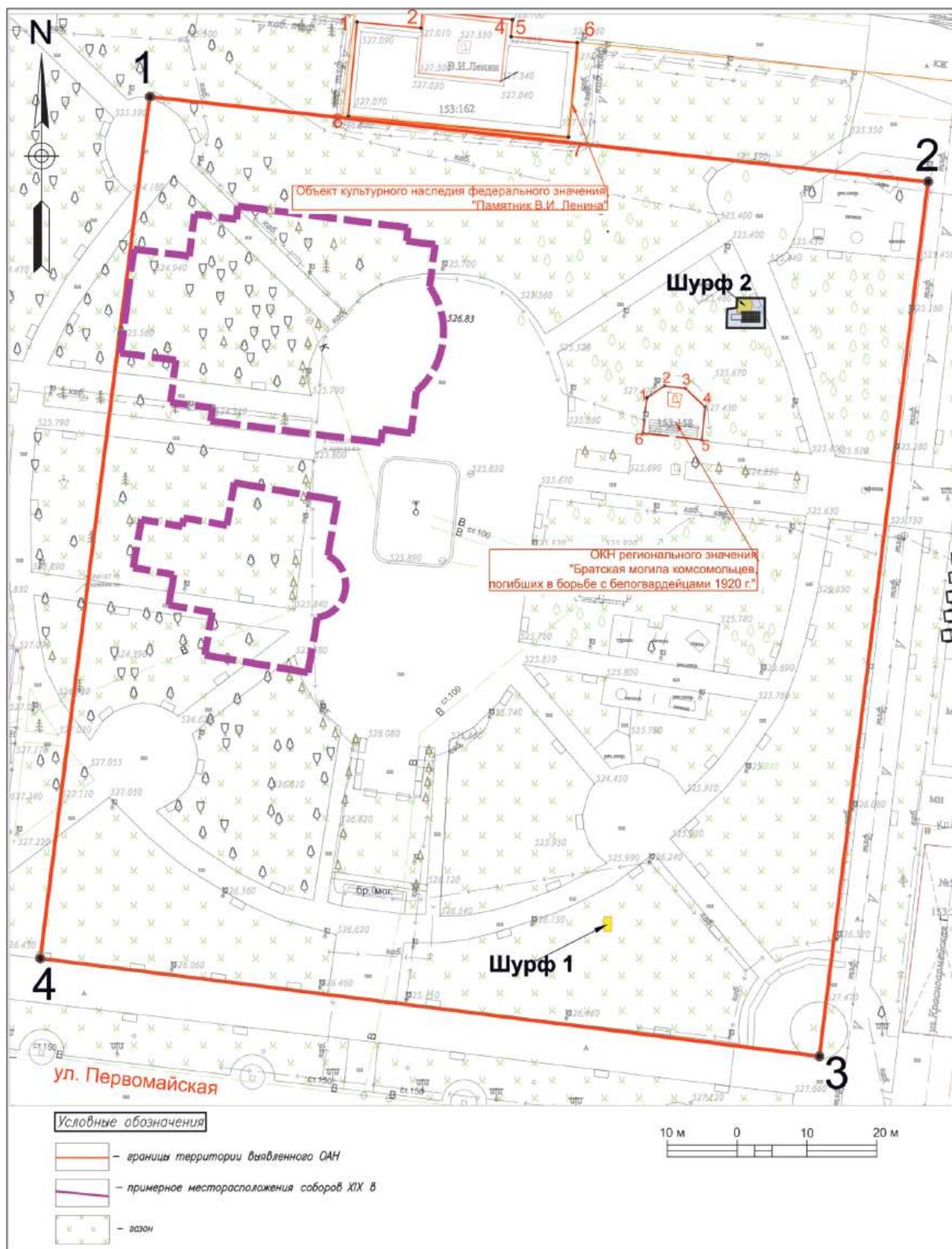

Рис. 1. Грунтовый могильник «Погост Николаевского собора XIX в г. Черкесск»

1

2

Рис. 2. Николаевский собор и церковь в г. Черкесске:
1 – фото нач. XX века; 2 – фото 1920–1930 гг.

На его территории было заложено 2 шурфа. Шурф № 2 имел размеры 2×2 м и располагался в северо-восточной части сквера, на газоне. На глубине 0,4 м, от уровня современной поверхности, в его южной части была зафиксирована часть свода кирпичного сооружения, северо-восточный угол которого был разрушен в ходе хозяйственной деятельности по обустройству сквера. В образовавшемся проломе была видна часть гроба, что позволило определить данное сооружение как склеп. Для его исследования к югу, западу и востоку от шурфа были сделаны прирезки.

Выявленный погребальный комплекс можно определить как подземный индивидуальный склеп закрытого типа. Конструктивно он представлял собой яму, врезанную в материковый суглинок, внутри которой располагалось кирпичное сооружение (рис. 3). Склеп ориентирован длинной осью по линии запад-восток. За исключением разрушенной современным перекопом части свода он сохранился практически полностью (рис. 4).

Яма в плане подпрямоугольной формы со слегка скругленными углами, размеры 2,70×1,65 м, стенки отвесные, дно плоское. Глубина от Ро -2,43 м. С западной торцевой стенки расположен подпрямоугольный в плане вход размерами 1,43×0,80 м, впущенный в материковый и предматериковый суглинок. Прослежено две пологие земляные ступени, имеющие уклон к востоку. Заполнение – пестрый неоднородный суглинок с включением гальки.

Погребальная конструкция прямоугольной в плане формы размерами по внешнему краю кладки 2,46×1,45 м. Высота от дна ямы до вершины свода – 1,07 м. Размеры внутреннего пространства – 2,09×0,95×0,50–0,90 м. Конструкция сложена непосредственно на грунте постелистой кладкой из красного обожженного кирпича, уложенного в один ряд и скрепленного цементно-песчаным раствором серо-бежевого цвета. Растворный шов на внутренней поверхности стенок имеет следы подрезки. Размеры кирпичей в среднем 0,25×0,10×0,06 м, на некоторых читается клеймо «МН». Стенки выполнены ложковой кладкой с неправильным чередованием ложков и тычков. Ширина продольных стенок на разных участках варьируется: от половины до кирпича. При этом с внутренней стороны поверхность ровная, а с внешней образованы своего рода «ниши» (рис. 3, 2). Восточная торцевая стенка перевязана с продольными и на их высоту так же имеет не равномерную ширину: в углах в кирпич, в центральной части в пол кирпича. Выше, на уровне свода, ширина торцевой стенки исключительно в пол кирпича. Западная торцевая стенка сложена после установки в склеп гроба, поэтому не имеет перевязки с основной конструкцией (рис. 5, 1–2). Ширина стенки в пол кирпича. Склеп перекрыт полуциркульным сводом толщиной в полкирпича, опирающимся пятовой частью на верхний ряд кирпичей продольных стенок. Высота свода – 0,53 м. Замковые кирпичи не имеют подтески на клин, разводка регулировалась за счет толщины растворного шва. Внешняя сторона свода частично обмазана излишками раствора, образовавшегося при кладке кирпича. Возведение свода осуществлялось с помощью опалубки. Дно между стенками выложено кирпичами, расположенными плашмя в один слой, без раствора, непосредственно на грунте. Они образуют семь продольных рядов из целых, один ряд вдоль южной стенки из четвертинок и один поперечный ряд из целых кирпичей у торцевой западной стенки (рис. 5, 3–4). Пространство между внешним северо-восточным углом конструкции и стенкой ямы для удержания рыхлого грунта отделено тремя поставленными на ребро кирпичами (рис. 5, 1).

На дне склепа располагался деревянный, трапециевидный в плане, составной *гроб* (Тип 2 Вид 2 по Е.Е. Васильевой) [2, с. 23], изготовленный из хвойных пород дерева (рис. 6, 1–2). В связи с тем, что он потерял первоначальную форму, его габариты даны приблизительно: длина около двух метров, ширина в изголовье – около 0,65 м, ширина в изножье – около 0,30 м. На крышке гроба, в его широкой части, находились фрагменты венка, представляющего собой железный проволочный скругленный каркас, к которому изначально крепились сосновые ветки, бумажные (?) и живые цветы, а также бумажные ленты (сохранились сосновые иголки, фрагменты засохших цветов, обрывки лент) (рис. 7, 1). С западной стороны от остатков венка располагалась «кисть» в форме маковки, плотно обтянутая нитями бледно-бирюзового цвета с бахромой в нижней части. Вероятно, она связана с декором крышки гроба. При разборке гроба было найдено еще 2 такие же «кисти», бахрома которых была утрачена.

Рис. 3. Склеп в ограде Николаевского собора:
1 – вид с северо-запада; 2 – вид с юго-востока

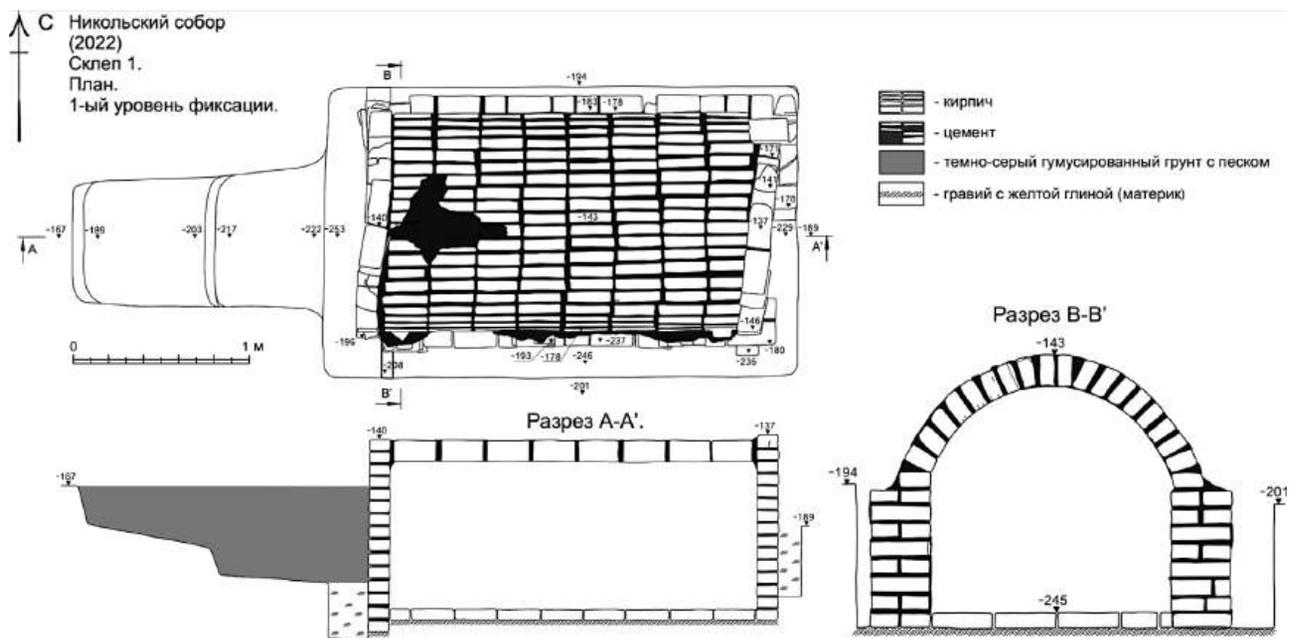

Рис. 4. Склеп в ограде Николаевского собора, план и разрезы

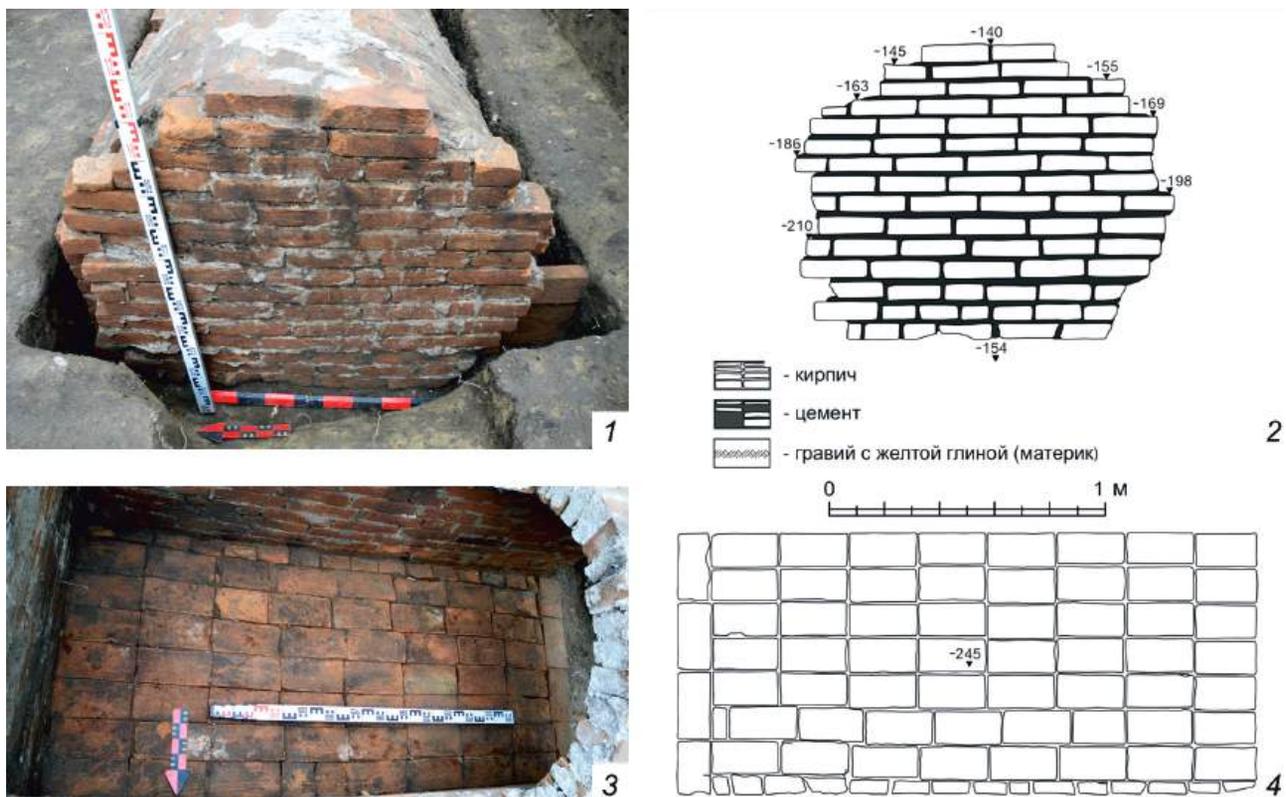
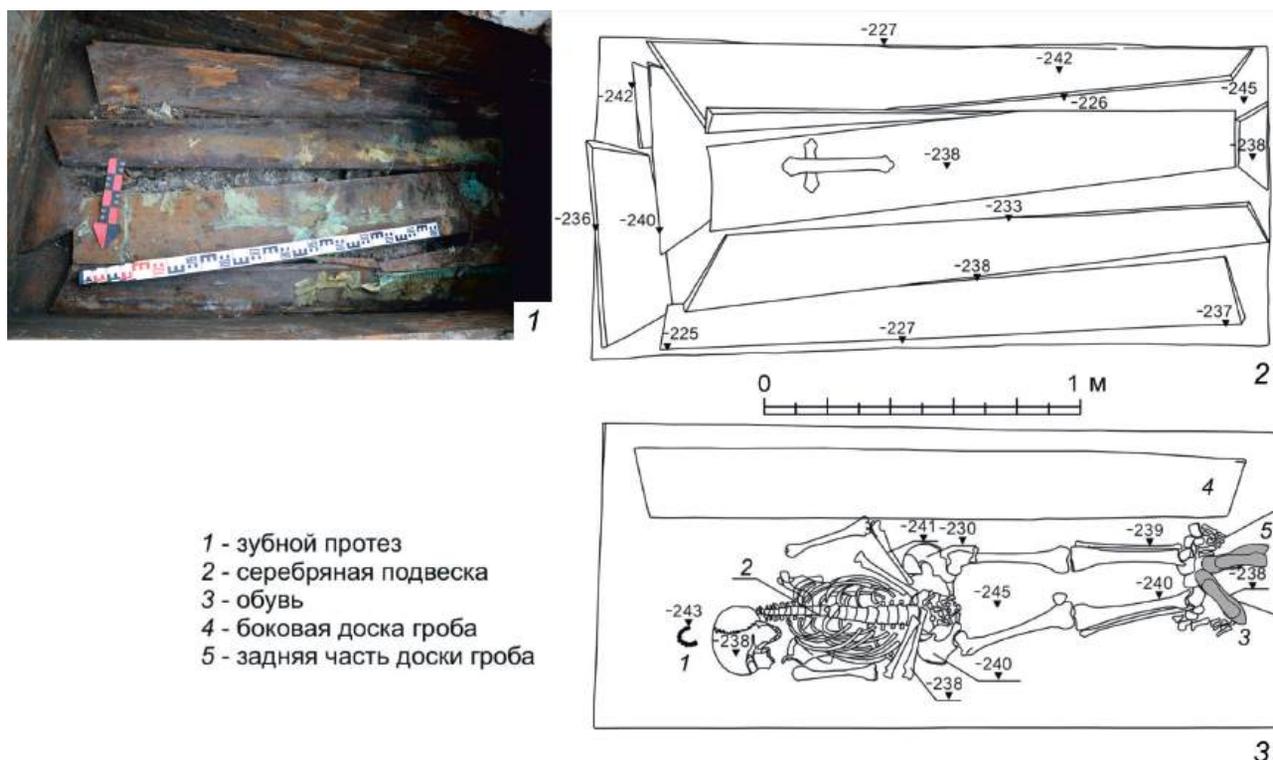

Рис. 5. Склеп в ограде Николаевского собора:
1, 2 – западная стенка; 3, 4 – дно

- 1 - зубной протез
- 2 - серебряная подвеска
- 3 - обувь
- 4 - боковая доска гроба
- 5 - задняя часть доски гроба

Рис. 6. Склеп в ограде Николаевского собора:
1, 2 – гроб; 3 – погребение

Крышка гроба трапециевидная в сечении, выполнена из 3 продольных и 2 поперечных торцевых досок, скрепленных меж собой тонкими гвоздями без шляпок. На ее внешней поверхности сохранились фрагменты выцветшей тканевой обивки с зеленоватым оттенком (рис. 7). Края досок крышки, в местах их стыков, оббиты тесьмой бледно-бирюзового цвета и бахромой из свернутых петель нитей того же цвета. Такой же тесьмой в центральной части верхней доски выложен шестиконечный крест. В его перекрестии, поверх ленты, при помощи железных скоб прикреплен четырехконечный «трилистниковый» крест с распятием размерами 35×18 см (рис. 7, 1; 8, 1). Он состоит из двух отдельных отрезков прессованного картона, тонированных краской зеленоватого цвета, где короткая горизонтальная часть наложена поверх вертикальной. Оба фрагмента с внешней стороны имеют тиснение в виде растительного орнамента, окруженного по периметру широким рантом. Лопасты креста оформлены трехлепестковыми округлыми завершениями. Поверх креста железными скобками прикреплена фигура распятого Иисуса бежево-розового цвета размерами 13,7×9,3 см, также выполненная из прессованного картона. Детали фигуры переданы тиснением. Над ней при помощи железной скобки прикреплен кусочек картона, стилизованный под «таблицу», один край которой направлен вниз, а другой вверх. В нижней части креста при помощи железной скобки прикреплен кусочек картона, изображающий череп Адама со скрещенными под ним костями. В верхней части крышки, над крестом, железными гвоздиками прикреплено рельефное изображение ангельского лика с расставленными в сторону крыльями и нимбом размером 8×5,2 см, изготовленное из прессованного картона и окрашенное бледно-бирюзовой краской (рис. 8, 2). На скатах крышки, в центральной части продольных и торцевых досок, мелкими железными гвоздиками прикреплено по одному ангелу с поднятыми вверх крыльями размерами 12,8×8,2 см, также окрашенных бледно-бирюзовой краской (рис. 8, 9). Они крупнее того, который размещен над крестом, но более плоские, без нимба и имеют четко проработанные детали. Кроме того, в верхней части продольных досок прикреплено еще по одному ангелу, меньше предыдущих и выполненных в других пропорциях (рис. 8, 3). Их размеры 9×4,5 см. На крышке, возле креста, прикреплены две восьми-

Рис. 7. Склеп в ограде Николаевского собора. Гроб: 1–4 – конструктивные элементы

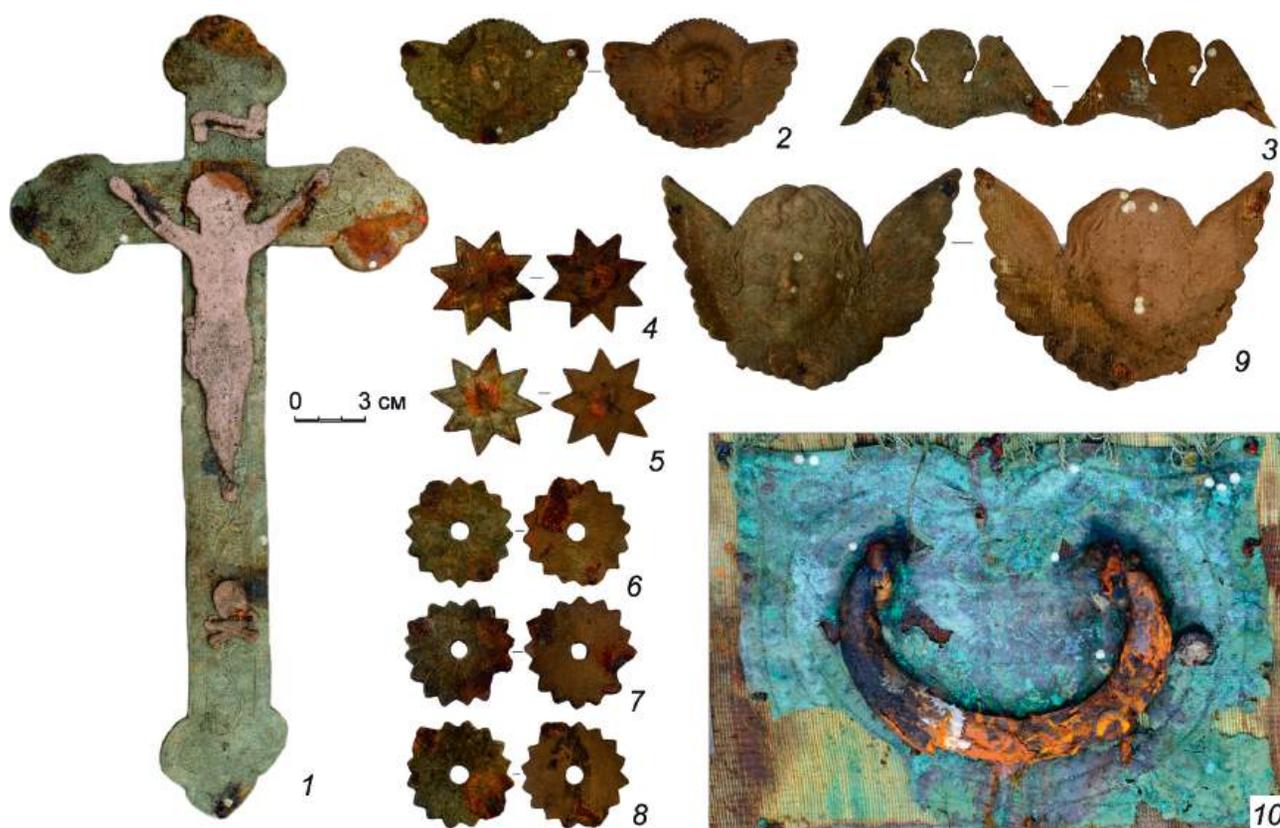

Рис. 8. Склеп в ограде Николаевского собора. Гроб: 1–10 – элементы декора и фурнитуры

Рис. 9. Склеп в ограде Николаевского собора. Погребение:
1 – костяк; 2 – стопы с остатками обуви; 3 – череп; 4 – изголовье

конечные звезды размерами 4,7×4,7 см из прессованного картона с тиснением (рис. 8, 4–5). По периметру каждый луч обрамлен пояском из выпуклых мелких шариков. Здесь же располагались еще три детали в виде вихревой розетки диаметром 4,5 см с крупным круглым отверстием в центре (рис. 8, 6–8). Все они окрашены бледно-бирюзовой краской.

Способ крепления крышки на гробе достоверно установить не удалось, но учитывая то, что торцы ее досок и самого гроба плоские, без пазов, то совершенно очевидно, что она накладывалась сверху и фиксировалась при помощи гвоздей.

Гроб трапециевидный в сечении, каркас изготовлен из двух продольных и двух торцевых досок, скрепленных меж собой тонкими гвоздями без шляпок. Дно сильно истлело и, ориентировочно состояло из одной или двух досок. На внешней поверхности сохранились фрагменты выцветшей тканевой обивки зеленоватого оттенка, а также фрагменты тесьмы и бахромы, окаймлявшей гроб по периметру. На широкой торцевой доске, с внешней стороны, в центральной ее части, 6 железными гвоздиками прикреплено рельефное изображение ангельского лика с крыльями, изготовленное из прессованного картона и окрашенное в бледно-бирюзовый цвет (рис. 7, 3). На продольных стенках с каждой стороны располагалось по три полуовальных в сечении подковообразных ручки на шарнирном креплении (рис. 7, 4; 8, 10). Ручки изготовлены из тонкой свернутой железной пластины, внутри которой находилось белесая пастообразная масса. Место крепления каждой ручки имеет подложку в виде тонкой ажурной подпрямоугольной в плане пластины медного сплава, прикрепленной по краям мелкими железными гвоздиками.

В гробу находился скелет женщины 65–85 лет. Погребенная была уложена вытянуто на спине, головой на запад (рис. 6, 3; 9, 1). Череп лежал на правой височной кости, лицевой частью на юг. Зубы верхней и нижней челюсти отсутствовали (рис. 9, 3). Руки согнуты в локтевых суставах, кисти скрещены на костях таза. Кости ног вытянуты прямо. Одежда со-

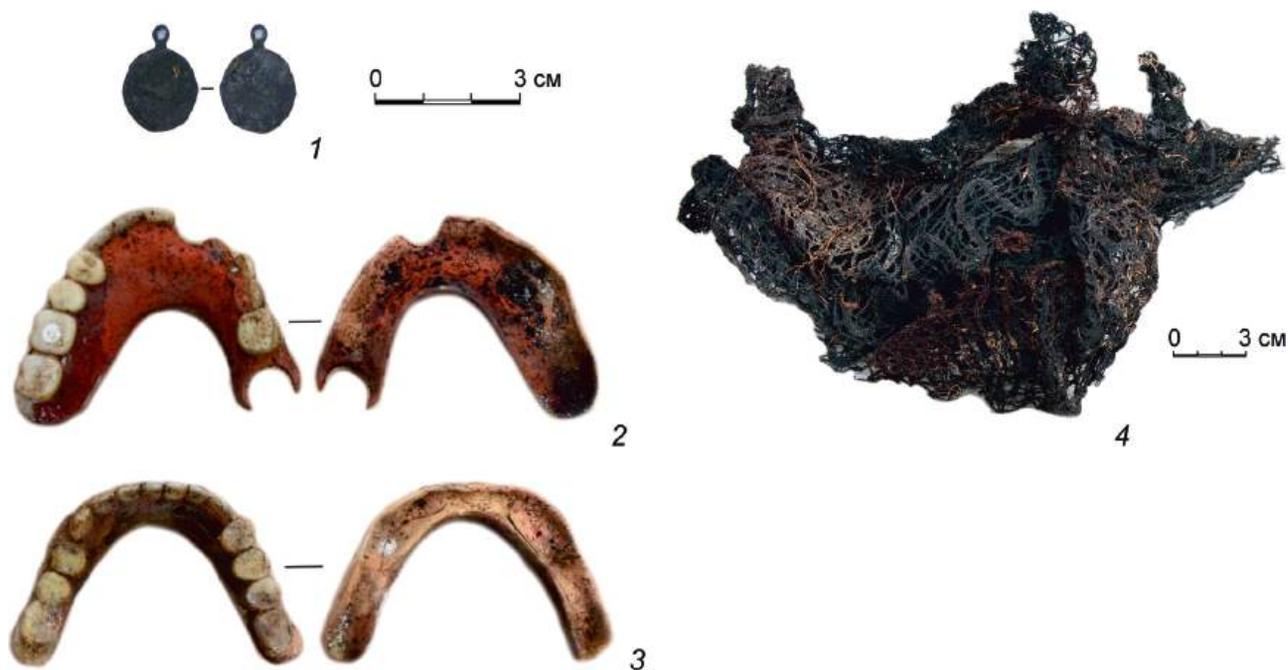

Рис. 10. Склеп в ограде Николаевского собора. Погребение:
1 – медальон; 2, 3 – зубной протез; 4 – фрагмент шали

хранилась фрагментарно, в виде, небольших, сильно истлевших, кусков ткани темного цвета. С нею непосредственно связаны располагавшиеся в районе грудной клетки плоские круглые пуговицы двух видов: белые матовые и более крупные темного цвета, изготовленных из пластмассы (галалит?). Возле ступней остатки кожаной составной обуви – погребальных тапочек (рис. 9, 2). От них сохранились следующие детали: цельные подошвы без каблука, стельки, задники, а также небольшие фрагменты носка. На груди покойной находился миниатюрный округлый серебряный (?) медальон-образок с припаянным сверху петельчатым ушком, размеры 2,2×,6 см (рис. 10, 1). Под плечами, шеей и черепом находились остатки подпрямоугольной в плане подушки, которая была набита органикой (трава?) (рис. 9, 4). У черепа, с северной стороны, лежал вязаная кружевная шаль (?) темного цвета, которая, вероятно, покрывала голову покойной (рис. 9, 4; 10, 4). За черепом погребенной, у торцевой стенки гроба, лежал съемный зубной протез, состоящий из верхней и нижней части, никак не скреплявшихся между собой (рис. 9, 4; 10, 2–3). Размеры верхней – 5,6×4,6 см, нижней – 6,1×3,8 см. Основа протеза выполнена из каучука. Верхняя часть имеет два выреза под зубы, которые на момент погребения уже отсутствовали.

Вполне очевидно, что погребенная в склепе пожилая женщина обладала высоким социальным статусом и материальным достатком. Однако христианская православная традиция вкупе с местом погребения – на освященной церковной земле, определили отсутствие излишней роскоши в убранстве гроба и самого склепа. Нарочитая сдержанность четко передана и в погребальной одежде. Судя по наличию пуговиц, можно предположить, что на умершей было надета традиционная женская рубашка, а поверх нее платье или костюм, состоящий из юбки и кофты (т. н. «парочка»).

Реконструкция последовательности сооружения склепа. Изначально была вырыта могильная яма с ведущими в нее с запада ступенями. Затем на дне ямы, непосредственно на грунте, из кирпича были выложены продольные и восточная торцевая стенка. При этом торцевая стенка была выведена лишь на высоту продольных. После этого было выложено дно, а потом свод, и только затем верхняя часть восточной стенки. Через некоторое время, в процессе похорон, в склеп, через имеющийся проем, был установлен гроб. Затем этот проем был заложен

кирпичом, в результате чего образовалась западная торцевая стенка склепа. На завершающей стадии могильная яма была засыпана грунтом и над ней, спустя какое-то время, по устоявшейся традиции, установлено надмогильное сооружение. В данном случае, скорее всего, каменное.

Кирпичные склепы с полуциркульным сводом являются типовыми для прицерковных некрополей и были широко распространены на всей территории Российской империи [3, с. 14]. На кладбищах вне городов и селений они сооружались по желанию родственников, а для захоронения в черте населенных пунктов они были необходимы, что регламентировалось нормативными актами [4, с. 566; 5, с. 210].

Датирован исследованный комплекс по совокупности данных может быть концом XIX – началом XX века. Он относится к небольшому прицерковному некрополю, располагавшемуся в ограде Николаевского собора станицы Баталпашинской (ныне г. Черкесск) (рис. 1, 2). Деревянная Николаевская церковь была построена и освящена в 1843 году [1, с. 24]. Ее стены возвели на каменном фундаменте из тесаных дубовых бревен. В 1876 году церковь стала соборной. Ввиду ее малых размеров в 1891 году рядом с ней был заложен новый каменный Николаевский собор. Спустя некоторое время после ее освящения, состоявшегося 13 сентября 1901 года, старый храм был разобран и перенесен в южную часть города, где он стоит и по сей день. Собор же просуществовал до 1934 года, когда по приказу вышестоящего партийного руководства он был взорван. Вероятно, к этому времени был разрушен и некрополь. За время функционирования обоих храмов в церковной ограде было погребено не менее 26 человек [6, л. 218–221]. Это в основном служители церкви, военные и члены их семей. Для персонификации погребенной и соотнесения ее с той или иной исторической фигурой, указанной в имеющемся документе, перечисляющем лиц, похороненных при церкви [6, л. 218–221], необходимо проведение дальнейших архивных работ.

Сведениями о планировке некрополя мы не располагаем. Судя по расположению склепа относительно собора, он находился в северо-восточной части церковного подворья. Сохранность обнаруженного комплекса в совокупности с отсутствием капитальной застройки территории сквера, может указывать на удовлетворительное состояние остальных захоронений. В связи с этим, по результатам проведенных работ памятник был поставлен на охрану как выявленный объект археологического наследия «Грунтовый могильник «Погост Николаевского собора XIX в г. Черкесск». Однако склепы здесь вскрывались и ранее. Так, в 1980 году при строительстве цветомузыкальной установки для фонтана были обнаружены два из них. Один склеп был частично разрушен в ходе строительства, второй же остался целым и представлял «полукруглую форму», выложенную из красного кирпича [7, с. 60]. Под полукруглой формой, скорее всего, имелся ввиду полуциркульный свод. Рядом с одним из склепов был найден «наперсный крест желтого цвета» [7, с. 60]. Исследование комплексов проведено не было.

Археологическое исследование православных захоронений XVIII – нач. XX века на Северном Кавказе явление достаточно редкое и не входит в традиционно сложившиеся научные направления, ориентированные на изучение классических древностей. Случаи же исследования склепов вообще единичны и обусловлены проведением тех или иных строительных работ. В качестве примера можно привести работы на территории бывших Варваринского и Успенского кладбищ, Казанского собора и Иоанно-Предтеченского собора Иоанно-Мариинского женского монастыря г. Ставрополя [8, с. 283]. Каждый такой случай имеет большое значение для всестороннего изучения региональной специфики православного погребального обряда, локальных особенностей в развитии похоронного дела и производства ритуальных принадлежностей, а также изучении строительных приемов в сооружении кирпичных внутримогильных сооружений и создания их типологии.

Литература

Беляев Л. А., 2011. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии: методическое пособие. М.: ИА РАН. 53 с.

- Васильева Е. Е., 2015.** Деревянные гробы, обнаруженные в ходе исследования некрополя Московской духовной академии в 2014 году (г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра) // Вторая ежегодная конференция «Археология и общество». Археология исторических монастырских некрополей: методика, открытия, проблемы восстановления. М.: ИА РАН. С. 21–25.
ГАСК. Ф. 135. Оп. 68. Д. 308.
- Дударев С. Л., Пелих А. Л., Савенко С. Н., Цецхладзе Г. Р., 2020.** Археологические источники о происхождении и этнополитической истории населения Северного Кавказа. Армавир: Дизайн-студия Б. 394 с.
- Калашников С. В., 1896.** Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания. Издание 2-е. Харьков: типография Адольфа Дарре. 368 с.
- Кочкаров У. Ю., 2024.** Отчет об археологических разведках в Карачаево-Черкесской Республике в 2022 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 80001-80002.
- Печенкин А. В., 2022.** Некрополь станицы Баталпашинской как источник по истории казачьих родов Верхней Кубани // Приложение 5. Раздел об обеспечении сохранности объектов культурного наследия в зоне планируемого производства работ по проекту: «Благоустройство центрального сквера в г. Черкесск Карачаево-Черкесской Республики». Усть-Джегута. 126 с.
- Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 10. СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 995 с.

Раздел 6: Научная жизнь

Section 6: Scientific life

ДЖОН ЛАТАМ-СПРИНКЛ – АЛАНОВЕД ИЗ БЕЛЬГИИ

© Е. И. Нарожный

Джон Латам-Спринкл является одним из наиболее активных западноевропейских алановедов современности. Он родился 01/11/1986 в Уэст-Бромидже (West Bromwich), в Великобритании.

Окончил в

2008: Бакалавр истории (первый): Королевский колледж Лондона.

2012: Магистр средневековой истории (с отличием): Университет Лидса.

2014: Магистр исторических методов исследования (с отличием): Школа восточных и африканских исследований, Лондон.

2019: Доктор философии по истории: Школа восточных и африканских исследований, Лондон.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ (ИЗБРАННЫЕ)

2024–: Постдокторант по социальной и экономической истории капитализма: Брюссельский свободный университет, Бельгия.

2021–2024: Младший постдокторант FWO: Гентский университет, Бельгия.

2019–2021: Постдокторант VOF: Гентский университет.

2019: Внештатный профессор истории: Колледж Уилбура Райта, Чикаго.

2018–2019: Внештатный профессор истории: Университет Святого Ксавьера, Чикаго.

2016–2017: Старший преподаватель: Школа восточных и африканских исследований, Лондонский университет.

Пять лет назад Джон Латам – Спринкл переехал в Бельгию, где работает по настоящее время постдокторантом по социальной и экономической истории капитализма в Брюссельском свободном университете.

Основные взгляды Дж. Латам-Спринкла, порой кардинально отличающиеся от нынешних точек зрения советских и российских исследователей, наиболее полно представлены в его работах.

Список научных трудов Джона Латам-Спринкла

А) Академические книги

- 1) *The North Caucasian Kingdom of Alania, 850–1240* (Cambridge: Cambridge University Press, 2024)

Б) Статьи в рецензированных научных журналах и сборных статей

- 2) ‘Soviets and Sun-Gods: Historicising a North Caucasian Nart Saga’, *Iran and the Caucasus* 20/2 (2016), с. 159–178
- 3) ‘One Alania or Two? The Question of a ‘Dual State’ in the Seventh to Thirteenth Century North Caucasus’, *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 24 (2018), с. 185–208.
- 4) ‘The Mongol Conquest of Caucasia’, in Timothy May & Michael Hope (eds.), *The Mongol World*, (London: Routledge, 2022), с. 213–226.
- 5) ‘The Alan Capital *Magas: A Preliminary Identification of Its Location’, *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 85/1 (2022), 1–20
- 6) ‘Treason and Sovereignty in the Medieval Caucasus’, *Chronos* 3 (2023), с. 50–63.
- 7) «Ильичевское городище – аланская столица Магас? Новые подходы к старому вопросу», *МИАСК* 21 (2023), с. 257–273.
- 8) ‘The Late Mamlūk Transition of the 1380s: The View from the North Caucasus’, *al-Masāq* 35/2 (2023), с. 143–163.
- 9) ‘Bargaining with Byzantium: The North Caucasian Kingdom of Alania and the Empire’, in Jonathan Shepard, Peter Frankopan, Averil Cameron (eds.), *Byzantine Spheres: The Byzantine Commonwealth Re-Evaluated* (Oxford: Oxford University Press, 2024).
- 10) ‘Child Labour, Enslavement, and Moral Confusion in Early Medieval Georgia’, in Christian Laes (ed.), *Children at Work in a Period of Transition, 400-1000 AD*, (Berlin: de Gruyter, 2024).

В) Рецензии на книги

- 11) Рецензия на Barry Cunliffe, ‘By Steppe, Desert and Ocean: The Birth of Eurasia’, *Cerae* 3 (2016).
- 12) Рецензия на Ovidiu Cristea, Liviu Pilat (eds.), ‘From Pax Mongolica to Pax Ottomanica: War, Religion and Trade in the Northwestern Black Sea Region’, *Speculum* 97/2 (2022), с. 486-487.
- 13) Рецензия на Lorenzo Publicci, ‘Mongol Caucasia. Invasions, Conquest and Government of a Frontier Region in Thirteenth-Century Eurasia (1204-1295)’, *Journal of Asian Studies* 81/4 (2022), с. 761-763.
- 14) Рецензия на Kathryn Franklin, ‘Everyday Cosmopolitanisms: Living the Silk Road in Medieval Armenia’, *Journal of Near Eastern Studies* 82/2 (2023), с. 372-375.

Г) Разные академические труды

- 15) ‘Migrants and their Vulnerability to Human Trafficking, Modern Slavery and Forced Labour’ (with Fiona David, Katherine Bryant and Jacqueline Joudo Larsen), Walk Free Foundation (2019).
- 16) ‘A New Proposal Regarding the Location of the Alan Capital *Magas’, *Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения*, под редакцией М.С. Гаджиева (Махачкала: ДФИЦ РАН, 2020), с.452-454.

Список сокращений

АНО «Институт культурного наследия»	– Автономная некоммерческая организация
АО	– Археологические открытия
Архив ИА РАН. Ф-1	– Архив Института археологии Российской академии наук, Фонд № 1
ВДИ	– Вестник древней истории
ГМИНВ	– Государственный музей искусства народов Востока
ГБУ	– Государственное бюджетное учреждение
ДНУ	– Днепропетровский национальный университет
ДонНУ	– Донецкий национальный университет
ДЭВПН	– Древности эпохи великого переселения народов. Советско-венгерский сборник
ИИМК РАН	– Институт истории и материальной культуры Российской Академии наук
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
Известия ЧИНИИ	– Известия Чечено-Ингушского Научно-Исследовательского Института
КубГУ	– Кубанский государственный университет
КСИА	– Краткие сообщения института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения института истории материальной культуры
КЧГУ	– Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева
МАИЭТ	– Материалы по археологии и этнографии Таврии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МАК	– Материалы по археологии Кавказа
МИАК	– Материалы и исследования по археологии Кубани
МИАСК	– Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
НАО	– Непубличное акционерное общество (г. Краснодар)
НИПМ	– Научно-исследовательской проектной мастерской
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СОНИИ	– Северо-Осетинский научно-исследовательский институт

Список сокращений

СОИГСИ	– Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
УИИЯЛ Уро РАН	– Удмуртский институт истории, языка и литературы, Уральское отделение РАН
ФГБУН	– Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ЦАИ АГПУ	– Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета
ЧИАССР	– Чечено-Игушская автономная советская социалистическая республика
ЮНЦ РАН	– Южный Научный Центр РАН

Сведения об авторах

Авилова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела бронзового века ИА РАН, г. Москва, Российская Федерация

Бурков Сергей Борисович – научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, Российская Федерация

Голубев Лазарь Эрвандович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, сектор археология ГБУРА «АРИГИ» им. Т.М. Керашева (г. Майкоп). Член президиума Краснодарского краевого отделения ВООПИиК (г. Краснодар)

Дмитриев Александр Васильевич – независимый исследователь, г. Новороссийск, Российская Федерация

Дружинина Инга Александровна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Диссертационного совета ИА РАН, г. Москва, Российская Федерация

Кононов Валерий Юрьевич – старший научный сотрудник, ООО «Крымский региональный центр археологических исследований», г. Симферополь, Российская Федерация

Кочкаров Умар Юсуфович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий Научно-отраслевым архивом ИА РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мокрушин Владимир Павлович – ведущий специалист НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар, Российская Федерация

Музафаров Тимофей Александрович – Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Российская Федерация

Нарожный Евгений Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, главный научный сотрудник Центра археологических и этнографических исследований Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, Заслуженный работник культуры Кубани, г. Карачаевск, Российская Федерация

Нечипорук Александр Александрович – старший археолог, ООО «Дельта-Л», г. Ростов-на-Дону; Российская Федерация

Сурков Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ООО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Туаллагов Алан Ахсарович – доктор исторических наук, профессор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук», г. Владикавказ, Российская Федерация. г. Владикавказ, Российская Федерация

Успенский Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН. Г. Москва, Российская Федерация

Чхаидзе Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий Центром византийско-кавказских исследований Института востоковедения РАН; научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Эдиев Далхат Мурадинович – доктор физико-математических наук, проректор по научной работе, информатизации и международному сотрудничеству, Северо-Кавказская государственная академия, г. Черкесск, Российская Федерация

Содержание

Раздел 1: Древности Северного Кавказа (от энеолита до раннего железного века)

Section 1. Ancient settlements and burial mounds of the North Caucasus (from the Eneolithic to the Early Iron Ages)

<i>Авилова Л. И.</i> К истолкованию растительных мотивов в археологических комплексах бронзового века	5
<i>Бурков С. Б.</i> К вопросу о культурно-хронологической позиции двух погребений из Лугового поселения в Ингушетии	18
<i>Дмитриев А. В.</i> Гробницы и дольмены могильника Клады у ст. Новосвободной	32
<i>Дмитриев А. В.</i> Реставрация и реконструкция дольменных памятников (археологические, юридические и технологические проблемы)	50
<i>Мокрушин В. П., Нарожный Е. И.</i> Керамика Скифского времени Центрального Предкавказья	68

Раздел 2: Актуальные проблемы современной археологии средневекового населения региона Section 2: Actual problems of modern archeology of the medieval population of the region

<i>Дружинина И. А., Сурков А. В.</i> Воинское погребение с саадачным поясом из могильника Липки I	81
<i>Успенский П. С., Кононов В. Ю.</i> Грунтовый могильник Варнавинское-2 в Западном Закубанье	93
<i>Чхаидзе В. Н.</i> Аланское погребение второй половины VII в. близ хут. Коржевский Краснодарского края	146

Раздел. 3: Конфессиональные воззрения населения Северного Кавказа Section 3: Confessional views of the population North Caucasus

<i>Туаллагов А. А.</i> Изображения флагов на рельефах Кяфарской гробницы	154
<i>Эдиев Д. М.</i> Математика Кяфарского Мавзолея	161

Раздел 4: Из истории появления и развития городов
на Северном Кавказе
Section 4: From the history of the emergence and development
of cities in the North Caucasus

Голубев Л. Э.

Укрепленные городища на реке Большой Зеленчук в окрестностях станицы Исправной
Карачаево-Черкесской республики (материалы для археологической карты) 177

Кочкаров У. Ю., Музафаров Т. А.

Следы византийского влияния на памятниках фортификации Хазарского каганата
VIII–X вв. 180

Раздел 5: Охранно-спасательные археологические
исследования в регионе
Section 5. Conservation and rescue archaeological research in the region

Кочкаров У. Ю., Нечипорук А. А.

Исследования склепа в ограде утраченного Николаевского собора г. Черкесска 196

Раздел 6: Научная жизнь
Section 6: Scientific life

Нарожный Е. И.

Дон Латам-Спринкл – алановед из Бельгии 208

Список сокращений 210

Сведения об авторах 212

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КAVKAZA**

2024. № 22

Научный журнал

Редактор	Е. И. Нарожный
Корректоры	Ф. М. Хубиева, Л. Ю. Козлова
Компьютерная верстка	В. Б. Степанов

На обложке участок стены Хумаринского городища
с тамгами на центральной плите. Фото У.Ю. Кочкаров

Подписано в печать 28.11.2024 г.
Дата выхода в свет текущего номера: 30.11.2024 г.
Формат 60×84/8.
Объем 27,0 физ. п. л.; 25,1 усл. п. л.; 25,2 уч. изд. л.
Тираж 300 экз.

Свободная цена

**Издательство Карачаево-Черкесского государственного университета
имени У.Д. Алиева: 369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29**

**Отпечатано в типографии Карачаево-Черкесского
государственного университета имени У.Д. Алиева:
369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 46**